Награждается

[redacted]

за активное участие

в выставке "Творчество юных -80".

Организатор внекл. раб. [подпись]

Владимир Домашевич

Порохом пахла земля

повесть

Авторизованный перевод с белорусского
М. ГОРБАЧЕВА

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1979

С(Бел)2
Д66

Владимир Максимович Домашевич родился в Западной Белоруссии в 1928 году. Начал печататься в 1958 году. Многие его ранние произведения посвящены теме борьбы за воссоединение Западной Белоруссии с Советской Белоруссией. Ряд из них переведен на русский язык и вошел в сборник «Пробуждение», изданный в «Советском писателе» в 1973 году.

Повесть «Порохом пахла земля» — первое крупное произведение В. Домашевича, в котором писатель создал яркий образ героя Великой Отечественной войны Глеба Климёнка. С первых дней Великой Отечественной войны и до полной капитуляции фашистской Германии он мужественно сражается с гитлеровцами, проделав нелегкий путь от солдата до полковника.

Повесть «Порохом пахла земля» глубоко патриотична, пронизана любовью к Советской отчизне и ненавистью к фашизму. Писателю удалось масштабно и всесторонне раскрыть величие характера советского человека, отстоявшего в жестоких сражениях свободу и независимость своей Родины.

Художник *Н. В. ФАДЕЕВА*

Д $\frac{70303-329}{083(02)-79}$ 227–79. 4702120200

Памяти братьев моих —
Михася Домашевича,
Василя Ждановича,
Николая Гордейчика
и дядей —
Павла Пальчика,
Рыгора Пильневича,
Алексея Пильневича,
Ильи Близнюка,
павших на войне
с фашизмом.

Треть столетия отделяет нас от событий Великой Отечественной войны, войны небывалой по своим масштабам и жертвам. Все меньше и меньше остается свидетелей и участников этой великой битвы, тех людей, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть борьбы с немецким фашизмом и принесли освобождение народам Европы. Самому молодому участнику ее уже более пятидесяти лет.

Сохранить для будущих поколений свидетельство героизма и нелегкий опыт борьбы с врагами — наша насущная задача. Но не каждый участник войны — литератор, таких немного, не каждый может изложить на бумаге все то, что он пережил.

Мне посчастливилось встретить человека, который прошел трудный, но славный путь — от бойца-артиллериста в начале тридцатых годов до полковника, командира артиллерийской бригады в конце войны. Его рассказы, а также рассказы других участников войны и легли в основу повести-хроники «Порохом пахла земля».

АВТОР

Часть первая

ПРОЩАЙ, ОТЦОВСКИЙ ПОРОГ!

1

Глеб Климёнок и не подозревал, куда забросит его судьба, когда ему прислали повестку из военкомата, где черным по белому было написано, что его призывают служить в Красную Армию.

Нелегко было оторваться от дома! Если бы еще ничего не связывало, ничто не висело на шее. А то полгода, как он женился, и они с женой уже ждали ребенка...

Поезд вез новобранцев на восток, сворачивал на север. Мелькали телеграфные столбы, будки разъездов, белые здания станций, издалека приближались приземистые, крытые соломой хаты деревень, порой возле дороги показывалась телега с бородатым дядькой — до-

верху нагруженная только что выбранной из земли картошкой. Была осень — в садах доспевали яблоки, в поле копали картофель и сеяли рожь. Люди хлопотали в поле, каждый на своей полоске, на мгновение разгибали плечи и провожали глазами товарняк, а дети, как всегда, долго и неустанно махали им руками...

Потом пошли леса и леса, болота и перелески, там где-то граница Белоруссии и России, а куда дальше ведут эти рельсы — известно только одному машинисту.

Глеб Климёнок сидел у открытых дверей вагона и курил. Мысли его рвались, дробились, как этот паровозный дым, как дым от его папиросы,— не могли задержаться на чем-то одном. То возвращали его домой, в свой родной Кричев, где остались его родители, жена, сестры и братья — большая, шумная семья, то устремлялись куда-то далеко вперед, в то неведомое, куда вез их неутомимый старый работяга паровоз.

Они ехали, молодые, рослые, худощавые, рабочие и крестьянские парни, одетые кто во что — кто был в промазученном ватнике, как Глеб Климёнок, кто в сшитой из домотканого сукна поддевке, кто в отцовской поношенной шинели. Сидели больше группками, тихо разговаривали между собой, а то и молчали. Многие из них впервые уехали из дома в дальний путь. Это пугало и в то же время звало в неведомое. Новое всегда тревожит человека...

Правда, Глеб Климёнок уже сам немало поездил на паровозе, измерил дорогу от Кричева до Орши, потом в Могилеве строил мост через Днепр. Но все равно крепка была нить, которая, как пуповина, соединяла его с родными местами. И вот теперь эта нить все растягивается, все удлиняется, становится тоньше... А что, если она оборвется совсем? Нет! Через два года он вернется в свой Кричев, снова станет возле дизеля на цементном заводе, снова будет там своим, как был до сих пор...

Неровный и неспокойный ход его мыслей прервала песня. Звонкий, немного еще ломкий тенор завел:

Уехал казак на чужбину далекую
На добром своем на коне вороном.
Край, свою родину, навеки покинул,
Уж он не вернется в отеческий дом.

Несколько голосов подхватили песню, сначала нестройно, потом подладились к запевале, и мелодия потекла ровно, песня набрала силу, ее уже не мог заглушить перестук колес и шум ветра. Песня хватала за сердце, тревожила, навевала что-то родное, как бы пророчила, предсказывала судьбу: «Уж он не вернется в отеческий дом...» Кто-то, может, и не вернется, только не он...

Пели, курили до поздней ночи, потом кто где сидел — там и улегся спать.

Утром Климёнок проснулся от возни в вагоне, оттого, что утих непрерывный ритмичный перестук колес: поезд стоял. В дверь была видна какая-то станция, похоже город.

Глеб Климёнок потянулся, протер темными от мазута кулаками глаза, спросил у ребят, шевелившихся рядом:

— Где это мы, братки?

— Приехали к теще на блины,— громко ответил ему один новобранец.— Вытряхивайся, а то все расхватают, нам не останется.

Веселость его была напускной, деланной. Парень, может, веселил не так других, как себя, но Климёнку это зубоскальство показалось сейчас излишним. Тоска по дому засела в нем глубоко, было не до шуток.

С узлами, с обшарпанными чемоданами, с самодельными сундучками, с мешками соскакивали парни на почерневшие пути, тревожно озирались, чтоб не попасть под колеса, и по шпалам, переступая через блестящие сверху рельсы, ровно, не обгоняя один другого, двинулись к вокзалу.

Глеб Климёнок окинул взглядом приземистое длинное здание вокзала и увидел наверху, под самой крышей, два слова: «Великие Луки».

— Великие Луки-муки,— сказал белобрысый рябой парень с огромным фанерным сундуком, покрашенным под цвет пасхального яйца — светло-коричневый, как от луковичной шелухи.

— Не пугай себя, брат,— сказал ему на это Климёнок, идя рядом и перебрасывая с руки в руку небольшой, но тяжелый мешок.

— А я и не боюсь! — весело крикнул рябой.— Хуже, чем было, не будет.

Почему и отчего — Климёнок не стал расспрашивать,

не до этого было. Кажется, парень тоже из Кричева, а может, из соседней деревни, слишком уж он прост был — как березовый веник, от него за версту отдавало парным коровьим молоком.

Новобранцы кое-как построились на перроне, начальство долго подсчитывало, проверяло по спискам — кого-то еще не хватало, кого-то искали, называли фамилии. Хлопцы тихо разговаривали между собой, кашляли, посмеивались, потихоньку курили в рукав.

Ночью, очевидно, подморозило, воздух был холодный, ядреный, Климёнок все время передергивал плечами и переступал с ноги на ногу. Его пробирала дрожь — может, от холода, а может, от нетерпеливого ожидания: хотелось, чтоб скорее кончилась эта неопределенность, неизвестность, когда ты сам не знаешь, кто ты и куда тебе прикажут идти.

В конце концов их большая колонна тронулась с места. Нестройный топот сотен ног будил еще сонные улицы.

Климёнок с любопытством оглядывал незнакомый город, невысокие, в два этажа, деревянные дома вдоль мощеной улицы, редкие деревья с наполовину опавшей листвой, которая шуршала под ногами редких прохожих.

Взошли на мост через реку, что рассекала город на две части, под ногами загудел деревянный настил.

— Река Лавать,— сказал кто-то из знатоков географии.

— Не Лавать, а Ловать,— поправил его другой.

Город только просыпался, кое-где в окнах показывались лица любопытных, открывались ставни, раздвигались занавески, на улице чаще встречались люди — то с ведрами в руках, то с корзинами, то с портфелями.

Великие Луки показались Климёнку неприветливыми, чужими, холодными. Серое осеннее утро было под стать его душевному состоянию, которое овладело им в последние дни.

Немного согревшись от ходьбы, он уже смелее смотрел на старые, обшарпанные, наверно еще царские, казармы, куда привели новобранцев.

«С этого все и начинается,— думал Климёнок.— Сейчас нас поведут в баню. Нет, сначала обстригут наши густые шевелюры, и будем мы светить голыми макуш-

ками... Потом хорошо попаримся в бане, выйдем, и дадут нам вместо наших одежонок защитную форму, которую придется носить самое малое два года, а то и больше — смотря в какой род войск попадешь... Хоть бы в пехоту — там все-таки два...»

Так он думал, а краем уха слышал все, что происходит вокруг: как их снова вызывают по фамилиям, формируют в группы, подбирают по росту. «Нет! Все это еще изменится не раз»,— говорит себе Климёнок, хотя еще ничего не знал о здешних порядках. Стоит он тут — крестьянский сын, рабочий парень — и не знает, как пойдет его жизнь дальше, куда его направят и что будет потом.

Климёнок немного не угадал: им пришлось отбывать карантин. Что это такое, он когда-то слышал. Что ж, надо набраться терпения! Карантин так карантин...

Временно их поселили в полковом клубе. Спали на полу, на соломе. Скучать и даже думать о доме было некогда. В армии такие порядки, что без дела не засидишься: командир всегда придумает занятие, хотя порой и не очень интересное. Вставали очень рано, а так хотелось еще поспать хоть часок. Глаза совсем слипаются, но резким, строгим — мертвого поднимет! — голосом старшина командует: «Подъем!»

После хорошей пробежки и зарядки сон сразу как рукой снимало. Думалось о завтраке, но до него еще было далеко. Находились разные занятия: учили ходить в строю, приветствовать командира, водили в парк осматривать пушки, наблюдать как старшие бойцы обучают коней — вольтижировка, джигитовка и так далее. Это Климёнку очень нравилось, ему самому хотелось сесть на коня. Были и занятия в классах, в казарме: политучеба, потом уставы, а в армии их много...

Ночью, лежа на соломе в клубе, Климёнок шептался с соседом, земляком Павлюкевичем. Оба любили помечтать вслух. Павлюкевича привлекала романтика неизведанного.

— Кем ты хочешь быть? — спрашивал он Климёнка, ворочаясь и шурша соломой.

Климёнок отвечал не сразу. Не хотелось говорить о заветном, раскрывать то, что не каждому и не всегда скажешь.

— Хочу быть отцом...

Павлюкевич сердито сопел носом.

— Сказал. Отцом будешь, если еще не успел, не волнуйся. Кем ты тут хочешь быть?

— Чудак ты, браток... Бойцом Красной Армии...

Павлюкевич выходил из себя — он даже привстал, положил голову на локоть.

— Бойцом! Старшина тебя сделает бойцом, хочешь ты этого или нет... Но что-то надо же делать и самому, чего-то хотеть, что-то любить... Неужели тебя ни к чему не тянет?

Но Климёнок не хотел раскрывать ему свою заветную мечту, так как она была не связана с армией. Мечта его осталась дома: он хотел стать хорошим машинистом, водить по рельсам поезда. И потому не ответил на вопрос, перевел разговор на Павлюкевича.

— Ты все меня спрашиваешь... А сам ты? Кем думаешь быть?

— Сам?..— Павлюкевич сразу осекся, заскреб пальцами в густых волосах.— Меня, признаться, влечет другое, да что поделаешь... образование у нас малое, вот беда... Что эти пять или семь классов? Ерунда! А так... Хотел бы стать летчиком... Самолет! О, это вещь! В небе, как птица, с ветром наперегонки, черт возьми! Свобода, воля, простор! До солнца — рукой подать!.. Эх... Или — еще... Даже боюсь тебе сказать. Хочу быть разведчиком... Это мне тоже спать не дает... Не знаю только, добьюсь ли своего. Но попытаться мне никто не запретит...

— Тяжелая это штука! — вздохнул Климёнок.

— В том-то и вся соль, что тяжелая... Рискованная... Потому и тянет. Как в омут... Каждый день ты над бездной, на острие ножа, смотришь смерти в глаза, играешь с нею в жмурки — кто кого обманет, кто кого обведет вокруг пальца. Жуть!.. Вот это интересно... А сидеть, корпеть, мохом обрастать, детьми, достатком — глупость, этого терпеть не могу!

— Нет, я никогда не согласился бы стать разведчиком,— заметил спокойно Климёнок.— Я люблю действовать прямо, открыто, чтоб все — как по рельсам... И никого не бойся!

— Эх ты! Поездил полгода на паровозе, так и видишь теперь во сне эту допотопную черепаху! — В голосе Павлюкевича — разочарование.— А я думал, что мы пойдем вместе. Все же было бы веселее: земляки, товари-

щи.— Он повернулся к Климёнку спиной, полежал тихо, не шевелясь, потом зевнул и сказал, будто отрезал: — Хватит, будем спать.

И больше не проронил ни слова.

«Настойчивый парень,— подумал про земляка Климёнок.— Может, и добьется своего. Характер у него твердый».

Климёнку не спалось. В мыслях он снова был дома. Там осталась жена... Он вспоминает все мелочи их совместной жизни, тихую радость первой любви, когда ничего на свете больше нет, только она одна, когда ты на работе, а душа твоя там, с нею рядом, и ты ждешь, когда кончится этот день, чтобы скорее вернуться к ней, быть только с ней, видеть только ее... И другое тревожило его: он оставил ее в большой чужой семье, одну, без копейки денег за душой, без своего собственного угла. Теперь она ждет ребенка... Трудно ей будет одной, ой как трудно! Не то что ему тут... Что ему! Лишь бы день до вечера! Вот кончится этот надоедливый карантин, а там привыкнут, дни пойдут быстрее, не заметишь, как пролетит служба.

С такими беспокойными мыслями он и заснул.

2

Карантин длился две недели. И вот пришел ему конец! Их повели в баню, остригли «под нулевку». На пол из-под ловких рук парикмахеров падали русые, белые, точно лен, светлые, как овсяная солома, черные, как вороново крыло, серые, как сухая земля, волосы.

Хлопцы скалили зубы, гладили свои непривычно колючие головы и, танцуя дикий танец, шли в баню, где старшина выдавал каждому мыло. Блеск мокрых тел, гулкий говор и смех, клубы пара, плеск воды, звяканье жестяных шаек — все вначале оглушило Климёнка. Он пытался найти укромное место, но напрасно: всюду были скользкие, как рыба, намыленные, мокрые, крикливые гологоловые парни. Климёнок пробрался к крану, налил полный тазик воды, вылил на себя, потом набрал еще и, немного походив по скользкому цементному полу, нашел на полке место. Он не любил тесноты, суеты и спешки, но утешал себя тем, что через все это надо пройти, что он ко всему должен привыкнуть.

Зато с облегчением вздохнул, когда, выйдя из бани — чистый, распаренный, красный как рак,— получил от старшины новое белье, обмундирование и сапоги. Одежда пахла нафталином, машинным маслом и еще чем-то незнакомым, что потом долго не выветривалось. Сапоги пахли кирзой, их пришлось менять два раза, пока нашел подходящие по размеру.

Тут же, в раздевалке, старшина учил правильно заворачивать портянки, чтоб не натирать ног. Делал он это ловко, как циркач: показывал сначала весь процесс, потом — по частям.

— Глядите и учитесь, эта наука простая, но без нее не одолеете и сложной,— говорил он молодым бойцам, которые окружили его с сапогами в руках,— без малого не будет и большого... Расстилаешь портянку — так, ставишь ногу на край, чтоб все поле портянки было сбоку. Уголком ее заворачиваешь пальцы ноги и закладываешь под стопу. Потом оборачиваешь ногу, закручиваешь возле щиколотки — и пожалуйста, нога как игрушка...

Климёнок слушал этот простой инструктаж и посмеивался: их тут считают малыми детьми. Учат, как заворачивать портянки. Но когда посмотрел, как это делают ребята, никогда не носившие сапог, то убедился, что такой примитивный, казалось бы, инструктаж был вовсе не лишний. Его сапоги непривычно поскрипывали, будто хромовые. Он пробился к зеркалу, чтобы посмотреть на себя со стороны. Парни, которые недавно все были разными, теперь стали как близнецы — все похожи друг на друга. Он тоже едва нашел себя в зеркале. Круглая стриженая голова, на которой едва держится пилотка, большие серые глаза, нос, который должен бы быть курносым, но потом природа будто передумала — вытянула его и немного загнула вниз, ровный небольшой рот с полной нижней губой, упрямый подбородок... Он поправил пилотку, усмехнулся какой-то незнакомой улыбкой — совсем не тот стал Глеб Климёнок. Даже жена не узнала бы... И родная мать тоже...

Потом прикрепляли к петлицам артиллерийские эмблемы — два скрещённых пушечных ствола, учились пришивать подворотнички: многие ребята дома не держали в руках иголки.

Казарма была далеко, на окраине города, и, когда они

пришли туда, Климёнок почувствовал, что ноги у него горят... Мозоли потом не сходили целую неделю, однако ноги быстро привыкли к новой обуви, вернее, привыкли к ходьбе. Раньше Климёнок ходил мало, до места работы было близко...

Запомнился надолго и еще один день. Они принимали воинскую присягу. Готовились к ней долго, как к большому празднику. Было воскресенье, светило солнце, отражаясь в золоте начищенных труб духового оркестра. Части выстроились на большом плацу перед казармами, командир полка выступил с речью, рассказал молодым бойцам, что такое военная присяга и для чего ее принимают. Потом повзводно подходили к столу, накрытому красным сукном. Каждый боец, держа возле ноги винтовку, брал в правую руку текст присяги и вслух читал, а потом ставил свою подпись внизу...

Со стороны все это казалось простым: прошел строевым шагом, взял присягу, прочитал ее, расписался... А когда дошла очередь до Климёнка, он заволновался. Будто не своими ногами протопал к столу, неловко повернулся, дрожащей рукой взял текст присяги и стал читать... «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красной Армии, торжественно клянусь...»

Под конец голос его приобрел естественную силу, окреп, и он произносил слова, написанные кем-то, уже как свои собственные, давал клятву: если нарушит присягу, пусть его постигнет самая суровая кара и презрение народа. Почувствовал, что с этой минуты взвалил себе на плечи огромную ответственность, о которой ни на минуту нельзя забывать. Климёнку казалось, что сегодня он перешел какой-то огромный перевал, за которым начнется что-то новое и интересное, чего до сих пор он еще не испытывал.

Действительно, что-то как бы менялось — и в лучшую сторону. Через несколько месяцев службы его взяли в курсантскую батарею, которая готовила самых способных, старательных бойцов для поступления в училище.

Теперь карантин, те две недели, когда они спокойно все только разглядывали, начинал казаться праздником. День был заполнен с утра до позднего вечера. Раньше

Климёнок слышал споры, что в артиллерии лучше, легче, чем в пехоте или в кавалерии. Теперь стал понимать, что так говорил тот, кто не знал службы артиллериста. Артиллерист — это вроде бы как пехотинец и кавалерист в одном лице. Может, только и разницы, что меньше ходит, чем пехотинец, меньше занимается шагистикой. Но человек с детства приучен ходить, и отними у него эту радость — ему станет тяжело. А артиллерист должен ездить. У него конь. Но у него и винтовка, такая же, как у пехотинца. Ее надо почистить, разобрать, собрать — знать как свои пять пальцев. У него сабля — как у кавалериста, и тоже не только ради формы. Ему надо еще знать коня, чтоб не только ездить на нем, но и ухаживать: накормить, почистить, научить его, чтоб он умел делать все, что должен делать кавалерийский и артиллерийский конь — тоже в одном «лице». А как боится конь пушечного выстрела! Сначала даже приседает на задние ноги, стрижет ушами, косит налитыми кровью глазами, храпит и кидается, готовый, кажется, порвать поводья, уздечку — чтоб удрать от адского грома, который извергает эта не страшная на вид зеленая двуколка. А потом конь привыкает. Как привыкает и человек...

Звучит резкая, как удар кнута, команда: «Подъем!» Вскакиваешь с постели как шальной. Некогда даже протереть глаза. Одеваешься, не попадая в рукава и в штанины, порой портянки запихиваешь в карманы или закручиваешь вокруг голени — переобуешься потом. После зарядки застилаешь нары, да так, чтоб не стыдно было глянуть в глаза старшине или комбату. Ни одной складочки, ни одной морщинки не должно быть на постели, подушка должна лежать там, где ей положено,— ни вправо, ни влево. Как боец в строю.

Через пять минут уже все готово. Теперь — зарядка, легкая разминка, туалет. Потом — конюшня. Конь встречает тебя тихим ржанием, тянется теплой мордой, ждет кусок сахару или сухарь. Как любит это разумное животное человеческое внимание и заботу!

Ты надеваешь халат, засучиваешь рукава и начинаешь второй тур зарядки. Полтора часа — до седьмого пота — чистишь коня, упряжь, шлею, уздечку, седло, винтовку,— чистишь упорно, честно, до блеска, чтоб любо было глянуть не только самому, но каждому, кто посмотрит на твою работу. И очень хорошо, если ты в этой

работе находишь удовольствие и смысл. Если же нет — ты пропал, тебе будет трудно...

Умывшись, идешь в столовую завтракать. Сидишь над тарелкой, отдыхаешь, руки еще немного дрожат, когда несешь вилку ко рту. Хочется сидеть и не вставать, но неумолимый старшина, твой бог, вершитель твоей судьбы, взглянув на часы, подает команду: «Закончить завтрак!» И ты встаешь, идешь на занятия. Что сегодня? Политучеба? Уставы? Строевая, баллистика или связь? Конное дело, рубка лозы, джигитовка? Выезд на полигон? Старшина знает все. Он знает, командует, показывает. И ты не будешь скучать, тосковать по дому. Тебе некогда даже подумать об этом. Время пролетит незаметно, и ты почувствуешь это только потому, что отяжелели твои ноги, что непослушными стали руки, а голова притупилась, не успевает работать так, как работала вначале. Да еще потому, что подтянуло живот, что у тебя сосет под ложечкой, а во рту накапливается слюна. Кажется, что вдруг запахло хлебом...

Утомленный, окоченевший от холода или разомлевший от жары, ты снова заходишь в шумную, наполненную звоном посуды и запахом борща столовую, как в уголок земного рая, как в то место, которое хоть немного напоминает тебе дом, где ты за миской горячих щей можешь думать о чем угодно: если не болит мозоль, то о том, что было вчера в кино или в городе, а то о доме и жене, о последнем ее письме, где она пишет, что у тебя, у нее, у нас — родился на свет сын, что она хочет назвать его Иваном, в честь деда, что он хороший и тихий мальчик и очень похож на своего отца... К горлу подступает комок, ты украдкой глянешь на друзей: может, они не заметили, что на тебя нахлынули какие-то там сантименты, ты расклеился и забыл, что ты — артиллерист, боец, готовый каждую минуту выполнить приказ старшины, приказ самой Родины. Нет, это очень много значит: держать себя в руках, не дать никакой слабости овладеть тобою, не поддаться даже минутной слабости, а думать как-то шире, смотреть на себя и на мир как бы с высоты прошлого, а еще лучше — с высоты будущего. Цель надо ставить себе большую, только не кричать никому об этом, а делать все, чтоб приближать ее, чтоб она росла и яснела в твоих глазах...

И снова голос старшины возвращает тебя к действительности, призывает жить сегодняшним днем, а тебе этого мало, ты хочешь жить как бы в трех измерениях, в трех плоскостях: вчера — сегодня — завтра. Потому что одно без другого — как день без солнца, как лес без птичьих песен, как река без воды.

Строевая песня по дороге из столовой немного приближает тебя к заботам сегодняшнего дня, настраивает на бодрый лад.

Но вот мертвый час... Сначала Климёнок никак не мог привыкнуть к нему, лежал с раскрытыми глазами, думал, ворочался с боку на бок. И уже перед тем как прозвучит команда «подъем», у него начинали слипаться глаза, казалось, еще немного — и он бы заснул. А потом привык: едва сбрасывал с себя обмундирование, ставил сапоги на пол, вешал на голенища портянки, чтоб просыхали, ложился на двухъярусные нары, успокаивался и начинал дремать. Мир незаметно суживался, звуки затихали, пропадали. Что-то нежное, мягкое охватывало его, становилось легко, усталость отлетала — он уже спал.

Просыпался от возгласа дневального, быстро одевался, поправлял постель.

Снова шел в конюшню, пропахшую конским потом и навозом. Тут ему нравилось, он любил коней. Это жило в нем еще с детства, когда у его отца был черный, как жук, конек, блестящий, ухоженный и шустрый. И запах конского пота, который с непривычки мог показаться противным, приятно щекотал ноздри...

Кто, как не конь, вывел человека в люди? Чего бы стоил сам человек без такого сильного помощника?

Климёнок намного охотнее ходил дневалить на конюшню, чем на кухню. Работа на кухне — он так считал — была женской, а тут испокон века хозяйничали только мужчины.

Летом водили коней на реку. Конь очень любит купанье — он, кажется, тает от удовольствия, когда боец поливает его водой, намыливает мылом, трет щеткой, оглаживает и охаживает, как мать ребенка. Конь только косил глазом на своего хозяина, стриг ушами, иногда поворачивал умную голову и, забавляясь, дотрагивался теплыми мягкими губами до его голого тела, как бы благодарил человека за его доброту и ласку. Но лучше

всего платил он за эту доброту на занятиях, где успех в деле зависел от коня не меньше, чем от человека.

Был один неприятный момент в их службе — выводка коней. Это было что-то вроде экзамена для каждого бойца. Собиралась комиссия. Боец выводил на поводу коня, командиры окружали коня, заглядывали ему в зубы, осматривали копыта, искали перхоть в гриве и в хвосте, проводили белым платком по паху, под брюхом, похлопывали, выстукивали... И сердце бойца било тревогу: а что, если найдут перхоть или грязь? Двойка само собой, а позор бойцу — хуже двойки. Позор в сто раз тяжелей. Потому он, Климёнок, все делал старательно, чтоб уж не переделывать. Лучше работать до седьмого пота, до ломоты в плечах, но чтоб было хорошо. И не от желания выслужиться, опередить всех, нет! Просто от родителей перешло ему в наследство золотое правило: если что делаешь, то делай уж так, чтобы потом не было тебе стыдно за свою работу.

3

После года службы совсем неожиданно для себя Глеб Климёнок очутился в Москве. Набирали курсантов в артиллерийскую школу, судьба не обошла и его. Как пересаженное дерево отболеет, прежде чем приживется на новом месте, так и Климёнок какое-то время чувствовал себя почти больным. Огромный шумный город угнетал его, ему не хватало воздуха, а суета на улицах рождала такую же суету в голове, в мыслях.

Но прошло каких-то три месяца — и курсант Климёнок, серьезный, подтянутый, всегда сосредоточенный и немного молчаливый, понемногу освоился с новой обстановкой: слушал лекции, ходил в парк, ездил на полигон, занимался тактикой, читал книги, ел, спал, думал о доме, о своей судьбе, и жизнь начала катиться ровно, как поезд по рельсам.

Теперь он свой поезд загнал на запасные пути, мечта его как бы отдалилась, хотя он еще не расстался с ней. Особенно ярко загоралась она в дороге, в поездках на стажировку. И дороги почему-то вели его назад, к родным местам, и все прежнее, еще не забытое оживало, в памяти вставали знакомые картины, проплывали родные лица, слышались родные голоса. Родной край, ро-

дина разговаривала с ним голосами лесных птиц, всеми звуками живой природы.

...Беларусь... Городок Старые Дороги, неподалеку лагерь. Из штаба Белорусского военного округа Климёнка, молодого курсанта, полного энергии и нерастраченной силы, прислали сюда на стажировку. Все в нем пело, радость била через край.

Дежурный по полку сказал Климёнку, что на полигон придется идти пешком или ехать... двоим на одном коне. Климёнок глянул на солнце. Оно только что поднялось над верхушками деревьев.

— А сколько до лагеря километров?

— Да около десяти, если не больше,— ответил дежурный.

— Неужели нет еще коня?

— Есть, курсант, но ты на него не сядешь...

Климёнок вспыхнул как порох.

— Я? Не сяду? Что вы, товарищ командир взвода? Нет такого коня, на которого я не сел бы. Пошли!

Они направились к конюшне. Климёнок на ходу сбросил шинель, отдал вестовому.

Дневальный, высокий чернявый боец, с лицом кавказца, доложил дежурному, что на конюшне все в порядке.

— Вольно,— сказал дежурный.— Вот курсант с вестовым едут на полигон. Помоги им оседлать Орлика.

— Орлика? — удивился боец.— Да его, кроме Пономарева, никто еще не седлал...

— И я оседлаю. Не беспокойтесь. Пошли! — Климёнок первым вошел в широкие, раскрытые настежь ворота конюшни. В нос ударило запахом конского пота и мочи.— Где твой Орлик, показывай.

Показывать было излишне. В первом станке от дверей стоял серый, в яблоках, статный жеребец. Климёнок, как завороженный, стал, уставился на него. Вот это конь! Тонкие ноги, могучие лопатки, широкая грудь, высокая, немного широковатая шея, пожалуй, несколько большой для кавалерийского коня живот, коротко подстриженный, неровный хвост, изящная голова, выпуклые дикие глаза. Картина, а не конь. При виде вошедших жеребец резко вскинул голову от яслей, загремев цепью, и захрапел. Но через минуту уже спокойно, как ни в чем не бывало, жевал овес, уткнул в ясли морду, одним глазом косясь

на людей — будто знал, что они пришли за ним. Климёнок подошел ближе к станку. Жеребец сердито стукнул в землю копытом, прижал к голове уши.

— Тихо, тихо, Орлик,— сказал Климёнок и протянул руку, чтоб погладить жеребца. Но тот дико гикнул, ощерился и встал на задние ноги. Климёнок от неожиданности отступил на шаг, он не ожидал такой встречи. Со злостью, стиснув зубы, ступил к станку и сорвал с крюка уздечку.

Дежурный, дневальный и вестовой стояли и ждали, что будет дальше. На лице дежурного блуждала скептическая улыбка, а дневальный смотрел на курсанта с жалостью и страхом. Один вестовой не проявлял никаких чувств: он уже немного знал силу и хватку своего нового командира.

Конь снова напрягся, прижал уши, но не успел стать на дыбы, так как Климёнок резко потянул за цепь, и конь как бы нехотя сделал к нему несколько шагов. Тогда Климёнок быстрым движением накинул цепь на крепкий железный крюк в загородке. Теперь жеребец уже не мог поднять головы. Как только Климёнок поднес уздечку, жеребец так рванул голову вверх, что перегородка затрещала, а цепь со звоном соскочила с крюка. Все надо было начинать сначала. Но теперь жеребец уже знал, что его ждет, и никак не хотел подойти к перегородке.

— Эй, дневальный, подгони его сзади,— сказал дежурный бойцу.

Тот взял лопату и, подойдя к коню, дотронулся до его задних ног. В ту же секунду лопата со звоном стукнулась о стену — конь ударил задними ногами.

— О черт! — выругался Климёнок. Он уже весь вспотел, а ничего еще не успел сделать.

Вестовой с дневальным все же подогнали жеребца к Климёнку, он завязал на цепи узел, снова накинул на крюк. Конская голова была теперь совсем близко, он схватил коня за ноздри, стиснул, будто клещами.

— Рожков! — крикнул вестовому.— Давай уздечку!

Вестовой кинулся помогать, руки дрожали. Конь дико храпел, крутил головой, глаза его вылезали из орбит. Все же они надели уздечку, взнуздали коня, а потом надели еще недоуздок, втиснули в зубы мундштук. Оставалось надеть седло. Надо было пробраться в се-

редину станка, а это могло кончиться по меньшей мере увечьем: жеребец гикал, вскидывал задними ногами и ни минуты не стоял на месте.

Климёнок начал от головы: набросил коню на спину седло вместе с потником. Но разъяренный жеребец только взбрыкнул, и седло, как неумелый седок, свалилось в проход в конюшне.

Теперь они старались уже все вместе, даже дежурный не мог устоять спокойно. Дневальный держал за уздечку и за цепь, гнул голову разъяренного животного книзу. Рожков прицелился и бросил с загородки седло жеребцу на спину. В это время Климёнок, который уже стоял в середине станка, изловчившись, за долю секунды туго, изо всей силы, затянул подгрудную подпругу. Жеребец затанцевал от ярости, ударил задними ногами по «цимбалам» — ограде станка,— даже полетели щепки.

— Берегись! — закричал дежурный, который тоже держал за цепь, помогал дневальному.

Но в следующую секунду Климёнок уже сидел верхом на коне.

Он нарочно не использовал стремена, а своими длинными ногами обхватил лошадиную грудь, вцепился в переднюю луку седла. Конь сделал последнюю попытку сбросить его: еще ниже пригнул голову и вскинул задом. Климёнок почувствовал, как страшная сила потянула его вниз, вот-вот, кажется, лопнет седельная подпруга, и он загремит на землю вместе с седлом. Он изо всех сил пришпорил коня, тот от неожиданности упал на передние ноги, но тут же вскочил.

— Развяжите цепь,— прохрипел Климёнок.— И дайте поводья...

Рожков бросил ему поводья, осторожно, как возле мины, просунул руку у конской шеи и вынул из кольца закладку. Цепь со звоном упала на пол.

Жеребец, казалось, только этого и ждал. Он загарцевал на месте с таким азартом, что Климёнок чудом удержался в седле. Пилотка его сразу полетела коню под ноги.

— Откинь засов! — крикнул Климёнок дневальному.

Тот развел руками, поглядел на дежурного.

— Откидывай! — крикнул снова Климёнок, будто имел право командовать здесь.

И дежурный махнул рукой. Рожков мигом откинул дубовый засов и бросился в сторону.

Климёнок вихрем вылетел из конюшни во двор. Тут он почувствовал себя свободней, выйдя на «оперативный простор». Натянув трензельные поводья, мундштучными он «резал» конскую пасть, стараясь, чтоб конь не смог опустить голову вниз и брыкаться. Теперь конь ходил под ним, как на манеже, как на корде, описывая большие круги и выделывая ногами самые дикие, невероятные пируэты.

Дневальный вынес пилотку. Климёнок поймал ее на лету и так же быстро надел на голову. Стоило на секунду ослабить повод, как конь уже почувствовал это и снова перешел в наступление. Он как бы танцевал со связанными задними и передними ногами: то передние ноги — обе вместе — дотрагивались до земли, то задние, голова то взлетала вверх, то почти касалась земли. Но Климёнок, собрав все силы и умение, держался. Разъяренный неудачей, жеребец совсем озверел. Он свечкой стал на задние ноги, и Климёнок почувствовал, что еще секунда — и они вместе завалятся на спину, грохнутся о землю. Мороз пробежал по коже. Он бросил поводья и обхватил коня за потную горячую шею. Густая грива закрыла ему глаза, и он зажмурился, готовый к самому худшему. «Конец»,— промелькнуло у него в голове, и в отчаянии ударил коня кулаком по храпу. Тот перестал заваливаться назад, немного потанцевал на задних ногах и стал, всеми четырьмя, как бы не зная, что же делать дальше, словно растратив весь запас своих приемов.

И тут Климёнок использовал момент, не дал коню опомниться. Продел носки сапог в стремена и натянул поводья. Слева направо, справа налево он стал «резать» мундштуком морду коня, пена хлопьями падала на землю, а он муштровал его, заставляя перейти на «парадный» танец. И конь впервые послушался нового хозяина: размеренно, с ноги на ногу, он стал переваливаться и бить о землю копытами, равномерно перенося тяжесть всего корпуса то на один, то на другой бок — даже поекивала селезенка.

Довольно! Климёнок крепче натянул поводья, пришпорил коня, привстал на стременах — и сорвался с места. Из-под копыт коня летели комья земли, свистел

в ушах ветер, навстречу мчались деревья, столбы, заборы, змеились колеи, а конь вихрем летел в галопе. Пригнув уши, ощерив пасть, развевая гриву, он мчался, как сказочный дух, и, казалось, никогда уже не остановится.

Трудно передать, что ощущает всадник верхом на добром коне, когда, как бы слившись воедино, меряют они дорогу в шальном порыве. Земля гудит под копытами и стелется коню под ноги, в ушах свищет ветер, обдает холодной волной, упруго бьет в грудь. И кровь закипает, и дикий азарт горит в глазах всадника. Вперед!

Климёнка тоже охватил азарт, к которому примешивалась злость. Ах ты проклятый! Ты хочешь перехитрить человека! Нет, брат, человек объезжает слона и делает послушным тигра, не то что такого коня, как ты! Силы у тебя много, это правда, и злости много, нет у тебя только человеческого разума, а главное — человеческих рук. У тебя, брат, по одному пальцу на каждой ноге — по копыту. А у человека на руках по пять тонких, гибких пальцев, но, когда они сжимаются в кулак, они могут разрушить любую преграду. И весь секрет, может, как раз в том, что пальцы могут быть нежными, а кулак жестким.

4

Еще одна поездка на стажировку запала в сердце Климёнку. И тоже в Беларусь, уже в Минск. Тогда тоже стояла осень, тихая, погожая, как бывает во время бабьего лета. Курсантов приехало из Москвы несколько человек. Под Минском они должны были принять участие в больших маневрах. Их вез командир дивизиона, который потом ставил им задачу, а они должны были на практике, в обстановке, приближенной к боевой, оценивать ситуацию и принимать решение.

Почему-то Климёнок сейчас больше переживал за все свои дела, а это, как назло, порой не помогало. Однако он сделал все, что от него требовалось, и зачет сдал.

В конце маневров у них были ночные занятия, идти пришлось по каким-то кустарникам, по болоту. Климёнок попал в какую-то яму, набрал полные сапоги воды. Воду

он вылил, но портянок не выжал — не было времени, надо было наступать,— так всю ночь и хлюпало в сапогах. Уже совсем рассвело, когда они вернулись в казарму. После детального разбора занятий их отпустили спать.

Климёнок проснулся от страшного холода...

Ему приснилось, что он еще мальчишка, побежал на санках кататься на Сож и провалился в полынью. Едва выбрался на лед, весь мокрый, но боится идти домой и стоит в кустах на берегу, дрожит от холода. А тут из-за кустов выглядывает не то волк, не то собака, он вскрикивает и хочет бежать, но ноги совсем не слушаются его... Он задыхается, кричит — и просыпается.

Его и правда лихорадило, да так сильно, что он дрожал как осиновый лист. Он свернулся калачиком и стонал, липкий холодный пот заливал глаза.

Его укрыли одеялами, шинелями, но ничего не помогало — он не мог согреться.

Вызвали доктора. Доктор осмотрел курсанта, дал две белых таблетки и сказал, что его сейчас же надо отправить в госпиталь. В Минск как раз шла командирская машина, Климёнка внесли в нее, закутанного, как ребенка, посадили на заднее сиденье.

Он ехал и все время боялся потерять сознание. Одолевала тошнота и слабость. Холод как-то незаметно сменился жаром: будто из ледяного погреба его пересадили в горячую воду. Он сбросил шинель, расстегнул воротник гимнастерки, снял пилотку. Опустили стекло в машине, подул свежий ветер, но это мало помогло. Кажется, они уже въезжали в город.

Потом в памяти был провал... Он очнулся уже в белой комнате на кровати и понял, что это госпиталь. Возле него стоял пожилой доктор в белом, совсем седой, с белыми усиками, только брови над выцветшими глазами были черные.

На лбу Климёнок почувствовал компресс, но, если бы у него спросили, какой он — холодный или горячий,— не ответил бы. Дотронулся ослабевшей рукой до повязки: марля была влажная и холодная.

Доктор повернул к Климёнку спокойное лицо, чуть заметно улыбнулся — зашевелились белые усики.

— Ну что, курсант? — И, не дождавшись ответа, добавил: — Не бойся, у тебя всего только малярия. Через пару недель мы тебя поставим на ноги. Только ты нам

должен помогать: аккуратно принимать лекарства, не нарушать режим.

Климёнок через силу усмехнулся и чуть заметно кивнул.

Доктор пощупал его пульс, неслышно вышел, а потом вернулся с порошком в руках.

— Прими порошок. Он немного горьковат, но это полбеды. Не все горькое — плохо.

Лекарство было такое горькое, что Климёнок с трудом проглотил его. Такой горечи он еще никогда не пробовал. Отдышавшись, он спросил у доктора:

— Что это за полынь?

— Это, сынок, хина! Терпи...

В больницу Климёнок попал в первый раз. До этого он видел ее только издали и не любил, а докторов боялся. Но этот старый доктор сразу пришелся ему по душе. Ласковое слово «сынок» пробудило в памяти Климёнка забытые чувства. Давно он не слышал этого теплого слова, сказанного ему доктором, давно не был дома, и тоска овладела им. Его сынок, Иванка, где-то уже бегает ножками, не знает, что его сильный, рослый, «сильнее всех», отец лежит сейчас беспомощный в госпитале.

Потянулись белые, тоскливые дни... И еще хуже — длинные ночи. Лечение затянулось, две недели ничего не дали. Частенько его трясло, кидало то в холод, то в жар. Не хотелось есть, он похудел. Смотрел на свою руку — и не узнавал, пальцы стали длинные, худые, как у музыканта, кисть усохла, а мышцы предплечья и плеча стали вялыми, исчезла прежняя упругость. «Теперь ты долго не возьмешься за гири,— сказал про себя Климёнок.— И такого Орлика вряд ли объездишь... Куда там... Если комар тебя свалил, то что уж говорить про Орлика...»

Времени на размышления было много, и он думал. Как повернется его жизнь? Неужели уже прямой дорогой — в командиры? А прежняя его мечта — стать машинистом? Отдаться на волю судьбы или идти напролом? Как лучше? Вот он без пяти минут командир взвода. Закончит школу, его пошлют в часть — может, на Кушку, может, в Мурманск, а может, на Дальний Восток. Но это не беда. Всюду живут люди. Главное, он станет человеком, станет командиром. А самое главное — будет иметь свой хлеб. Заберет семью, будет сначала трудно с квартирой, но как-то все станет на свое место.

А второй путь: он кончает учебу кое-как либо совсем бросает. Возвращается домой, потеряв три года, а то и четыре... Надо будет искать работу, чтоб прокормить семью... Работу-то он найдет, это не страшно. А учеба? Когда учиться? Обрастет детьми, заедят заботы. Придется искать себе хату, потому что в отцовской негде было повернуться еще тогда... И мечта его — стать машинистом — отдалялась, блекла, таяла совсем... Правда, если пойти кочегаром — а это просто,— то через несколько лет можно выбиться в помощники, а потом — в машинисты. Но сколько это займет времени и всегда ли и всюду человек идет вверх? Бывает, что и наоборот... Вот как теперь: ты на гору, а черт за ногу.

Лежит он тут под белыми простынями, в белой палате, а мысли у него черные как ночь.

Но кончается ночь. За ночью — вечный закон природы — приходит утро, приносит день, приносит новые надежды и радость выздоровления.

В палату заходит сестра. Все зовут ее Катя, Катюша. Она молода, лет двадцати, не больше, невысокая, приветливая и веселая. Лица больных сразу светлеют и, как подсолнечники к солнцу, поворачиваются к ней. Руки ее согнуты в локтях и отведены назад, как у спортсмена во время бега, отчего еще отчетливей выступают под белым халатом очертания груди. У нее простая прическа: зачесанные на прямой ряд светлые волосы коротко острижены, на них чуть держится высокая белая шапочка. Маленький нос, полные розовые щеки. От нее веет здоровьем и оптимизмом.

Катя ничего особенного не говорит, но ее голос звучит как музыка. Он как бы лечит.

— Больной Климёнок! Примите свой порошок... Не кривитесь, вы уже взрослый.

У Климёнка, как у старика, дрожат руки, когда он берет порошок. Не потому, что смотрит на Катю, просто от слабости.

— Ох, Москву видать,— крякает Климёнок, запив порошок и вытирая губы рукавом пижамы.

— А вы из Москвы?

Кажется, она уже знала, откуда Климёнок, а вот спросила.

— Не совсем из Москвы...

— Как это не совсем? — снова спрашивает Катя и

уже что-то делает, что-то записывает в карточку, потом привычным движением закладывает ему под мышку градусник.

— Ой, щекотно,— ежится Климёнок и пытается улыбнуться.

— Какие вы, однако, все нежные,— упрекает больных Катя.— Как вы будете жить без моей опеки?

— Пропадем без вас, дорогая Катя,— говорит с соседней кровати смуглый украинец Петренко.— Я сразу умру от пустоты в сердце. Потому я и не хочу выздоравливать, выписываться из госпиталя.

— Из-за меня? — искренне удивляется Катя.

— Только из-за вас, дорогая, только из-за вас.

Катя краснеет, но отвечает шуткой:

— Надо будет сказать доктору, он чем-нибудь поможет избавиться от вашей болезни.

— Ой, лучше не говорите,— просит Петренко.

Так они могут болтать без конца, пока Катю не позовут в другую палату.

Однажды Катя спросила Климёнка:

— А вы женаты?

Ему поначалу захотелось соврать, просто так, для забавы, но стало стыдно, что-то в нем запротестовало. Ответил вопросом:

— А как вам кажется?

— Кажется, что нет...

— Почему вы так считаете?

— Ну, вы же еще совсем молодой... А потом... Вам никто не пишет...

— А вот и пишет...— Он сунул руку под подушку и достал разорванный конверт.— От родной женки... Да и не такой уж я молодой.— Климёнок, как и все в его возрасте, склонен был добавлять себе годы — для солидности.

Катя как-то внезапно переменилась, стала серьезной.

— А что у вас еще под подушкой? — спросила она таким тоном, что Климёнку сразу стало жарко: знает!

Он складывал там свои порошки, которые не хотел пить, как и каждый человек, который не считает себя слабым. «Поправлюсь и без вашего лекарства»,— говорил он мысленно докторам.

— Больше ничего,— смущенно ответил Климёнок и опустил глаза. Катя словно глядела ему в самую душу.

— А если я проверю? — уже с улыбкой сказала Катя.— Если я скажу доктору Замятину?

Климёнку стало вовсе не по себе, он попросил:

— Не говорите ничего... Я буду принимать все ваши лекарства. С сегодняшнего дня... Хорошо?

— Смотрите.— Она погрозила пальцем.— Я буду проверять.

После этого Климёнок стал относиться к лечению более серьезно.

Однажды, уже под вечер, когда хлопцы из палать вышли прогуляться, а Климёнок лежал в постели, читал «Войну и мир», вошла Катя и спросила, не заходил ли сюда доктор Замятин, она его ищет по всем палатам и никак не найдет.

Климёнок, увлекшись чтением, буркнул что-то в ответ.

Катя постояла в дверях, а потом тихо подошла к Климёнку.

— Включить вам свет? — спросила она.

— Спасибо, пока не надо.

Он не собирался заводить с ней разговор — был захвачен картиной Бородинского боя.

Но Катя не уходила.

— Что вы читаете?

— «Войну и мир».

— «Война и мир»,— задумчиво повторила Катя.— Почему они всегда рядом?

Климёнка удивила эта Катина фраза.

— Это только у Толстого.

— А у меня не хватило терпения дочитать... Помню, мне больше всего понравилась княжна Мария Болконская.

— Почему? — поинтересовался Климёнок.

— Она несчастная... Такая же, как и я...

Климёнок с недоверием глянул на Катю — будто видел ее впервые, совсем не такой, как всегда. Это и правда. Когда человек молчит, он один, а когда заговорит — совсем другой. И редко когда эти два образа совпадают. Пока человек молчит — он будто непрочитанная книга. Ты видишь только ее обложку, название, но это еще ни о чем не говорит.

— Вы несчастны? Никогда не поверю... Во-первых, вы не княжна и уже поэтому не должны обижаться на судьбу... А потом — вы красивая и молодая...

— Что из того?

Климёнковы слова, кажется, ее совсем не тронули.

— А что вы хотели бы? — спросил он.

Катя молчала. Она внимательно, слишком внимательно разглядывала свои ногти, глаза ее были опущены. Кажется, она что-то собиралась ему сказать, да не осмеливалась.

— Любите ли вы свою жену?

Климёнок, не долго думая, ответил:

— К сожалению, люблю...

Она подняла голову.

— Почему «к сожалению»?

— Если бы не любил, то... — он запнулся — на языке вертелись банальные слова, говорить их или нет? — так отдал бы вам свое сердце...

Катя встрепенулась, ожила, поправила шапочку на голове:

— Вот как... Я пойду, простите... Спокойной ночи.

И тут же вышла.

Климёнок смотрел в потолок, задумался. Вот уж охота этой девчине мутить воду! Что ей надо от него? Был бы здоров, а то одна тень, одни мощи, а она что-то в нем нашла. Или все это забава, игра, которая никому ничего не даст? Кто знает... Да... Может, и хорошо, что Катя так тянется к нему. Она — нарочно или не нарочно — помогает ему развеять унылое настроение, разогнать тяжелые мысли, будоражит его, не дает замкнуться в себе, а это все пробуждает в нем жизненные силы, укрепляет непрочную веру в счастливый исход его болезни. Молодец Катя, просто молодец!.. Может, он обидел ее своим ответом? Почему она так внезапно ушла? И что значит ее это «вот как»? Разочарование, боль? Или хоть маленькое утешение, надежда? Может, она поняла его слова как пустой, избитый комплимент? Жаль девушку... Но чем он может ей помочь? Ничем... Она молодая, найдет свое — счастье или несчастье... Бывает же такое: идешь за шерстью, а возвращаешься стриженым. Что-то похожее когда-то говорил его отец...

Больше месяца провалялся Климёнок в госпитале. Болезнь то совсем отступала, то, как зверь из-за куста, снова налетала с такой силой, что он уже мысленно не раз и не два прощался с жизнью.

Но молодость брала свое. Болезнь сдалась. Пришло

время выписываться из госпиталя. Обмундирование сидело на Климёнке как на колу: в гимнастерку могли теперь поместиться два таких курсанта, как он, брюки вообще не держались на бедрах, в ремне пришлось прокалывать новые дырки, а шинель была как не своя. На лице его остались только глаза и нос, щеки пропали. Лицо заострилось, стало чем-то похоже на птичье.

Старый доктор с черными бровями и белыми усиками отправлял его в дорогу.

— Вот и все, курсант Климёнок,— сказал он, отдавая ему документы.— Немного ты перебрал норму, но ничего. Ты человек сильный, и такая болезнь для тебя — ерунда. Пока что больше ешь и меньше думай. А там — смотри сам... Солдат — а вы связываете свою жизнь с армией — должен быть выносливым и терпеливым... Знаете, что говорил когда-то мой отец? Парней надо бить, чтоб они знали, что такое боль. Тот, кто не знает боли, может испугаться, струсить, когда почувствует ее страшную силу над собой, не выдержит в первой беде. Недаром говорят: за одного битого двух небитых дают... Человек все должен испытать на своей шкуре — тогда он будет сильным... Прежде я над этим смеялся, а теперь считаю, что тут большая доля правды... Так будь здоров, не поминай лихом нас, докторов. Климёнок, ослабленный болезнью, растрогался до слез. Постоял, успокоился, спрятал все справки в карман гимнастерки.

— Спасибо вам, дорогой доктор.— Он сделал паузу, отдышался.— Если бы не вы... Никогда вас не забуду... И еще... Передайте мой поклон Кате Асташонок... Она мне тоже много помогла... Помогла развеять мои тяжелые мысли...

— Что ж, спасибо, передам.

Они попрощались. Климёнок шел по двору госпиталя и смотрел по сторонам, не покажется ли где Катя. А она, как нарочно, где-то пропала.

«Что ж, может, так и лучше»,— вздохнул Климёнок и вышел из проходной на улицу.

Ветер вдруг рванул с такой силой, что Климёнок не устоял на ногах, упал на мостовую. Слетела и покатилась, гонимая ветром, пилотка... Злость на себя, а не сила подняла его на ноги. Оглянулся: кажется, никто не видел... Ну, слава богу. Вот так курсант, без пяти минут командир взвода...

5

Интересно, что было бы с бегуном, которому в конце большой дистанции сказали бы, что надо пробежать еще несколько километров? Добежал бы он до нового финиша?

Ведь человек всегда рассчитывает свои силы, чтобы их хватило на всю дорогу.

Что-то похожее случилось с ними, курсантами: им объявили, что срок обучения увеличивается еще на полгода.

После занятий, разбившись группами, курсанты шумели, спорили, одни соглашались с тем, что услышали, другие нет.

Ясно было одно: расширяется программа, совершенствование артиллерийского огня — дело серьезное, его за одну неделю не освоишь. Климёнок, стоя в вестибюле, слышал обрывки разговоров, думал свое. Ему тоже трудно было освоиться с новостью, перебороть себя. Вот, казалось, пришли к финишу, ведь впереди новый мир, пока мало изведанный во время коротких стажировок. А тут вдруг — еще полгода, снова лекции, полигон, эти стены, увешанные портретами военачальников, этот вестибюль, к которому привык, как к родительским сеням, но с которым рано или поздно надо расставаться. И уж если назначено это время, то не надо откладывать...

А главное, что влекло многих, и Климёнка тоже,— это жажда самостоятельности, жажда свободы, которая живет в каждом человеке с детства. Быть самим собой, испытать свои силы, свои знания, приобретенные в нелегком единоборстве с собственной ленью, с желанием побольше погулять, поспать, отдохнуть, как-нибудь обмануть преподавателя. Климёнок, правда, мог заставлять себя работать, не ожидая, пока за него все сделает кто-то другой, не забывал той простой истины, что учится он не для преподавателей, а для себя, ради общего дела.

— Что задумался, Глеб? — потянул его за рукав шинели курсант их взвода, рослый чернявый Мухин.— Не рад добавке?

Мухин не раз делился с ним своими мыслями, ждал с нетерпением, когда закончится учеба, чтобы скорее попасть в армию куда-нибудь на границу, чтобы

быть в непосредственной близости с вероятным противником.

— Вижу, что и ты не очень весел.

— Я, честно говоря, совсем сдрейфил...— он перешел на шепот, будто выдавал невесть какой секрет.— Переворот в сознании.— И уже обычным голосом: — Ты куда? В общежитие? Пошли вместе.

Они протиснулись сквозь шумную толпу курсантов, вышли на улицу. Кончался рабочий день, на улицах было шумно. Люди спешили в свои дома, к семьям. Климёнка и Мухина никто не ждал, они шли медленно, как на прогулке, только следили, каждый со своей стороны, чтобы не проворонить какого-нибудь командира, вовремя отдать ему честь.

Москва строилась и обновлялась, но старое и новое было часто совсем рядом: с новыми многоэтажными домами соседствовали ветхие деревянные здания, как бы не желая уступать своего места. Но новое побеждало на каждом шагу. И это было в духе времени.

— Ты знаешь,— сказал вдруг Мухин и замедлил шаг,— не мешало б сегодня выпить. Такая оказия...

— Какая?

— Я подаю рапорт... Прошу отчислить меня из состава вверенного вам училища и так далее... Здорово, а? — Мухин рассмеялся, но смех был невеселый. Видно, он сам подбадривал себя, а на сердце было неспокойно.

«Может, и стоит сегодня выпить с этим парнем,— подумал Климёнок.— Его сегодня нельзя отпускать одного. Может наделать глупостей». А вслух сказал:

— Правда, что здорово... Только кому ты сделаешь хуже — себе или начальнику школы? Надо подумать...

Они зашли в пивную, огляделись: военных не было видно. Взяли по сто граммов и по кружке пива, закусили пирожками. Рядом на бочке из-под пива несколько мужчин — по одежде рабочие-землекопы, как видно с Метростроя,— пили пиво и заедали воблой, о чем-то спорили, шумели.

Мухин наклонился к Климёнку:

— Слышь, воблой запахло... Пойдем, а то так захотелось, что готов попросить.

Один, косматый, небритый, с рыжим чубом, будто измазанным глиной, в брезентовой робе, очевидно, услышал слова Мухина, пробасил:

— Иди, курсант, угостим воблой. Иди, защитничек, чего там!

Мухин отказался, и они вышли.

Молодая женщина в красном пальто вела за ручку мальчика лет четырех — в сером пальтишке и вязаной шапочке. Мальчик тянул за веревочку зеленый грузовик, а в кузове его, как игрушки, лежали три морковки. Климёнок невольно улыбнулся. И в сетке у женщины тоже сверху на картошке лежала морковь — толстая коротенькая «мышка». «Ишь, мамкин помощник... Где-то и мой Иванка вот так помогает моей Надежде». Хотелось заговорить с женщиной, взять на руки малыша. Если бы не Мухин, он сделал бы это.

— Мама, бойцы пошли! — тонким голоском сказал мальчик.

— Это курсанты, сынок,— поправила его мать.

— А кто такие курсанты? Что они делают? — допытывался малыш.

— Учатся быть командирами...

— И я, когда вырасту, буду...

Курсанты ускорили шаг. Мухин был не в духе.

— Слышь, Глеб? Мы тут как белые вороны. Куда ни повернись: курсанты, курсанты, командиры! Не люблю такого внимания! Не люблю, чтоб на меня показывали пальцами!

— А ты как тот малыш, что вез морковку,— со смехом сказал Климёнок.— Хочешь запретить людям говорить о тебе? А зачем? Пусть говорят, пусть смотрят на тебя...

— И ты мне читаешь политграмоту. Надоело, брат... Все надоело... Хочется скинуть эту шинель, надеть какую-нибудь рабочую робу, как у того работяги, есть воблу и запивать пивом и никому не козырять, ни перед кем не тянуться в струнку...

— Постой, а что тебя ждет дома?

— Дома? — Мухин задумался, покачал головой.— Колхоз недавно организовали. Поле... Может, трактор... Или пойду на рудники. У нас их под Курском хватает...

— Что ж, это все хорошо. Но и тут через полгода будешь человеком...

— Может, наоборот — теперь я человек, а тогда буду неизвестно кем...

Они шли сквериком, засаженным молодыми тополями.

— Давай присядем где-нибудь,— сказал Климёнок.— Мне жарко.— Он расстегнул шинель. Чувствовал, что лицо его горит.

Они немного походили, пока нашли свободную скамейку. Мухин сел, снял суконную пилотку, положил на колено, стал разглаживать. Климёнок откинулся на спинку скамьи, смотрел на густую крону молодого тополя, за которой виднелось небо.

— А помнишь, как мы с тобой ходили в Сокольники сдавать на ГТО второй ступени? — сказал задумчиво Климёнок.— Потом я много раз смеялся над собой и ругал, как последнего труса... Ты сегодня будто не тепережний Толя Мухин, а тот, что побоялся прыгать на лыжах с трамплина только потому, что перед этим человек сломал ногу. И вот теперь — еще один трамплин. Тогда мы, может, и имели какое-то моральное право не прыгать с трамплина. Но не каждый же раз... Кому-то же надо,— Климёнок на лету поймал еще зеленый сочный лист тополя, падавший на землю.— Всего только полгода нам осталось... И если ты теперь бросишь школу, ты выбросишь на ветер три года своей жизни...

— Если б только три!

— Ты не шути. Я говорю серьезно.

— И я серьезно. Не люблю дисциплины.

— Ничего, три года тянул. Вытянешь и полгода.

— Хорошо, если ты такой терпеливый... Христос... А я нет...

— Ты не хуже других, поверь мне. Как раз очень будешь на месте.

Мухин искоса глянул на Климёнка, надел пилотку.

— А ты знаешь, что нас ждет?

— Что?

— Нет, я у тебя спрашиваю, терпеливый ты Христос.

— Откуда я знаю? — удивился Климёнок.— Разве вот этот лист знает, что его ждет? Он просто рос, делал то, что надо, что приказала природа. Сделал свое — и вот теперь отмирает... А ты сам что думал об этом?

— Как у тебя все просто, братец Глеб! На все у тебя готовый ответ... А я думаю долго-долго и не нахожу ответа... Помнишь, я спросил у нашего комиссара на политзанятиях: что делать, если положение безвыходное? Он тогда сделал мне строгий выговор, мол, нельзя ставить так вопрос... И вообще поменьше всяких вопро-

сов и сомнений. Надо больше слушать, что говорят командиры, свято выполнять их приказы, изучать уставы — там есть ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у бойца или у командира Красной Армии... Видишь, какая ясность? А ты говоришь, что пророков нет... Вот этот лист... Он сам опал... А могла же его постигнуть иная участь: могла спалить молния, мог раньше времени срубить топор... Не так это все просто, как некоторым кажется... И еще что? Есть люди, которые думают, что события всегда можно направить в нужную им сторону. И, подумав так, они считают, что так оно и будет, и потому они уже спокойны. Все будет так, как они задумали... Что ты на это скажешь?

Мухин был серьезный курсант, хорошо учился, много читал. Друзей у него, кажется, не было, все свободное время он отдавал книгам. Под матрацем в казарме у него лежала целая библиотека, он умудрялся читать и в классе, во время занятий. Он знал много и часто задавал такие вопросы, которые ставили преподавателей в тупик. Одни преподаватели его за это любили, другие — остерегались: он подрывал их преподавательский авторитет, лез не в свое дело.

— Ах ты курский соловей! Много ты пропел под этими тополями, хоть теперь и осень,— сказал шутливо Климёнок.— Ты не обижайся, может, я скажу резко... Чего ты хочешь? Чего добиваешься? Думаешь перевернуть мир? Думаешь, ты один такой умный? Помнишь преподавателя артиллерии? Что он говорил? Уметь думать, анализировать, решать. Изучать вероятного противника. Не считать его глупцом. Стараться поставить себя на его место и уметь принять разумные контрмеры... Почему ты видишь только черное, а хорошего не замечаешь?

— Хорошее, хорошее... Но бьют не за хорошее... Не в крепкий щит, а целят в слабое место. И чем их будет меньше, этих слабых мест, тем мы будем сильнее...

— Ты считаешь, что мы слабые?

— Я так не считаю... Но не думай, что наш вероятный противник такой недальновидный, как мы его себе рисуем.

— Чудесно! Я тебя поймал на слове! Никто не знает, каков наш противник. Знаешь один ты. И ты переживаешь за нашу армию, за ее боеспособность. Так

почему же ты хочешь удрать оттуда, где ты принесешь пользу своими знаниями?

— Чудак! Я же не в генштабе...

— Все равно! Не делай глупости! Армии очень нужны такие командиры, как ты.

— Ого, что я слышу от тебя! — весело воскликнул Мухин.— Мне нравится твое спокойствие, твоя уверенность и твоя сила... Но я не ожидал, что ты мне отводишь место рядом... Придется мне пересмотреть свою концепцию, может, я и послушаюсь тебя...

6

Каждый год курсанты охотно готовились к Первому мая и Октябрьским праздникам. Полмесяца перед этим их водили на тренировки: пехоту — держать строевой шаг, кавалеристов — проехать так, чтоб сам Буденный позавидовал, артиллеристов — стрелять залпом, давая праздничный салют. Правда, тренировки надоедали, но вокруг было много интересного. Кремль со всей его богатой историей захватывал каждый раз, когда там бывали: Оружейная палата, соборы, царские «опочивальни»... Возле царь-пушки и царь-колокола всегда останавливались, смотрели на это диво старинной техники.

Иногда посмотреть на их тренировку выходил кто-нибудь из членов правительства. Чаще всего это были военные: Егоров, Ворошилов, Буденный, а из штатских — Микоян, Орджоникидзе, Калинин. Калинина Климёнок вблизи видел не раз: просто одетый, в расстегнутом недорогом пальто, в гимнастерке, подпоясанной узким ремешком, в очках, поглаживая бородку, он порой подолгу стоял с курсантами, расспрашивал про службу, про учебу, интересовался, откуда кто родом, и все время искал земляков — тверских.

Несколько раз видел Климёнок и Сталина, но издали. Он никогда не подходил к курсантам, а со своей неизменной трубкой в зубах шел, озабоченный, с кем-нибудь поодаль, подняв воротник шинели.

Климёнок завидовал тем, кто в праздник проходил по Красной площади возле Мавзолея, кто смотрел на тех, что стояли на трибуне и принимали парад. Смотрели на невысокого человека в круглой фуражке, на

его медленные движения, когда он прикладывал руку к низко надвинутому на глаза козырьку фуражки или степенно-сдержанно махал рукой демонстрантам. У этого человека не было лишних жестов, как и лишних слов.

За два дня до парада проводили генеральную репетицию. Ночью, часа в два, когда вся Москва спала, они проверяли, свою готовность. Из ворот Спасской башни Кремля выезжал маршал Ворошилов на белом коне, ему навстречу ехал Якир или Блюхер, они вместе объезжали неподвижные каре войск, маршал здоровался с бойцами, а потом возле Мавзолея отдавал коня адъютанту и поднимался на трибуну, говорил речь, а там, за Кремлевской стеной, ждали, когда он кончит говорить, чтоб в тот момент, когда он скажет «ура», в ответ ему громыхнули пушки.

В тот год на Октябрьские праздники у всех курсантов — ровесников Климёнка — был особенный подъем. Как-никак в последний раз они будут стоять за Кремлевской стеной и давать праздничный салют. Последний салют похож на первый: много волнений. Первый — новизна неизведанного, страх провалиться. Последний — тут своя, прощальная поэзия. То, что тебе приелось, вдруг поворачивается какой-то неизвестной до сих пор стороной, и ты начинаешь жалеть, что это все кончается и больше не повторится...

Их подняли в пять часов утра. Но сон отлетел мгновенно. Уже все готово: одежда отглажена, сапоги начищены до блеска, пуговицы горят, как золотые. Только позавтракать — и в дорогу.

Тут, за Кремлевской стеной, их уже ждут, задрав вверх короткие стволы, орудия, привезенные из Серебряного бора. Ровными квадратами лежат за каждым орудием ящики со снарядами. На возвышении оборудован командный пункт для их командира, проведен телефон.

Сегодня морозец, земля под ногами гудит, изо рта при дыхании валит пар. До металла не дотронуться — жжет как огнем. Но ничего: первые два-три выстрела — и все нагреется, люди и металл.

Чем ближе к тому часу, когда начнется парад, тем медленнее идет время. Расчеты стоят у орудий и переминаются с ноги на ногу, греются. Курсантами коман-

дует преподаватель Капустин. Его в училище любят. Он отлично знает свой предмет, умеет и пошутить, развлечь своих воспитанников. Однако и потачки не дает: на лекциях и на практических занятиях требует с каждого по всей строгости, без всяких скидок. Сегодня он тоже волнуется, и, видно, не так за себя, как за своих курсантов. Пройдет все гладко,— значит, и его работа видна. А нет — тогда...

Давно рассвело, в воздухе висит редкий морозный туман.

Где-то там, за стеной Кремля, люди в праздничном настроении, они что-то делают, куда-то спешат, многие сегодня вышли на демонстрацию: одни в колоннах, другие — на тротуарах и площадях, как зрители... На трибуне Мавзолея уже стоят члены правительства. Кто-то поздравляет войска, даже сюда долетает многоголосое «ура». Значит, скоро дойдет и до них...

Наконец, наконец... Преподаватель Капустин слушает речь по телефону, вот он поднял руку:

— Внимание! Подготовиться!

Все уже готовы три часа назад. И он это знает сам, однако команды надо подавать по порядку. Заряд уже давно лежит в жерле казенника...

Все ждут, пока там, на Мавзолее, кто-то не кончит говорить речь. Курсанты напрягаются, как перед боем. Лица у них суровые, даже бледные, на губах не увидишь улыбки.

Тишина: ни звука, ни движения, все замерло, приготовилось. Только сердце у Климёнка стало стучать сильнее и чаще, отсчитывая время. Наводчик Мухин держит в руке шнур, нетерпеливо ждет, поглядывая на преподавателя Капустина. Но эти неподвижность и тишина будут разрушены в один миг. Еще одна команда — и все оживет, придет в движение — ритмичное, отлаженное, отработанное до автоматизма.

И вот звучит вершина всех команд:

— Огонь!

Мухин успевает хватить ртом воздух и дергает за шнур. В ту же секунду тугая волна глушит Климёнка, орудие выбрасывает клуб дыма и пламени, дергается всем корпусом, и Климёнку кажется, что вот сейчас ствол пойдет назад. Но он остается на месте — заряд холостой.

Через мгновение Климёнок ловким рывком за рукоятку открывает уже горячий замок, на мёрзлую землю со звоном падает дымная, пахнущая горелым порохом гильза, из казенника тоже валит дым, будто там, в стволе орудия, еще что-то не кончило гореть. И новый заряд, пройдя через две пары рук, ложится в казенник. Климёнок лязгает замком — у него еще остается несколько секунд, чтобы перевести дух. Краем глаза он видит поднятую руку командира и скорее чувствует, чем слышит, короткое резкое слово команды:

— Огонь!

Мухин дергает шнур. Сильный тугой удар горячего воздуха из-за щита снова бьет Климёнку в уши и в раскрытый рот, орудие дергается, как бы приседая на станины, но все остается на месте. Климёнок, как безумный, снова хватается за рукоятку, открывает замок, на землю со звоном падает дымная латунная гильза, из казенника валит дым, но тут же руки заряжающего, как автоматы, кладут в казенник новый заряд. Сухо лязгает металл замка.

— Огонь!

Раз, два... пять...

— Огонь!

Раз, два... пять...

— Огонь!

Из-за дыма уже почти не видно людей и орудий, стало как-то необычно темно, все будто провалились в мрачный дымный колодец. Холод давно прошел, от орудий пышет жаром, как от накаленной печи.

Раз, два... пять, шесть...

— Что такое? — кричит вдруг Климёнок.

Он ждет, что в казенник сейчас плавно ляжет новый латунный гостинец, но в руках у подносчика на этот раз ничего нет.

— Что такое? — кричит он еще громче.

— Отбой! — долетает до него команда, и все становится на свое место: салют закончен! И кажется, все прошло хорошо. Климёнок рукавом отирает пот, чихает от дыма и будто не своими ногами переступает через станину, отходит от орудия.

Курсанты зевают, как рыбы на берегу, широко раскрыв рты, некоторые крутят пальцами в ушах, потом за-

тыкают нос и рот, надувают щеки, как бы стараясь пропустить воздух «через уши».

И впервые за это утро Климёнок видит на лицах своих товарищей веселые улыбки, он и сам чувствует, как радость живой волной разливается по всему телу, обновляет истраченные силы.

Последний их праздничный салют прошел удачно. Последний праздничный салют...

7

Вот и настало время расстаться с Москвой.

В душе Климёнок должен признать, что судьба его сложилась счастливо. После окончания школы его направляют на родину, в Беларусь. Ниточка, которая все время вытягивалась и утончалась, когда он отдалялся от родных мест, теперь как бы снова начала утолщаться и крепнуть.

Сегодня он чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. На нем была новая комсоставская форма: круглая фуражка с черным бархатным околышем, суконная гимнастерка и синие галифе с красным кантом, хорошие хромовые сапоги со шпорами, широкий кожаный ремень со звездою на пряжке, наплечные ремни с портупеей, а на боку новенькая скрипучая желтая кобура, правда, без нагана — оружие обещали дать на месте. Получил он звание командира взвода и по два кубика на петлицах гимнастерки, а в кармане у него лежит куча денег. Никогда у него столько еще не было — восемьсот рублей. Накупил подарков: жене, сыну, родителям.

И вот поезд мчит его на запад. Мчит... Нет, кажется, он идет слишком медленно, делает, как нарочно, много остановок. А так хочется скорее домой, обнять жену, взять на руки сына, которого видел несколько лет назад, совсем маленьким.

Смоленск... Орша... Чем ближе подъезжал к родным местам, тем больше волновался. Всплывали картины, связанные с домом, с детством. С первыми самостоятельными шагами в жизни. Учеба в профтехшколе, знакомство с Надей, которая потом стала его женой. Их расставание, когда он уезжал на два года, а прослужил больше четырех.

...Ну, вот и родной Кричев. Телеграммы он не давал,

никто его не встречает, так спокойнее. Выходит из вагона, стоит на перроне, оглядывается. Чемоданы его тяжелые, еще и игрушка — конь на колесиках. Поодаль стоит какая-то пролетка, сидит на передке пожилой бородатый дядька, похожий на цыгана. Климёнок подходит к нему, просит подвезти.

— С дорогой душой,— говорит бородатый дядька.— Хоть в Москву.

Климёнок улыбается — он только что из Москвы.

Дядька с интересом разглядывает молодого командира, помогает разместить его вещи, потом берет вожжи и стегает ими удивительной масти — пегого — коня.

Местечка не узнать. Или это Климёнку так только кажется? Дома, что ли, стали меньше? Особенно те, что были старые, деревянные. Есть и новые, много кирпичных. А всего — всего? — четыре года, как он отсюда...

Мерно цокают копыта по мостовой. Возница лениво помахивает кнутом над спиной коня. Но конь не спешит, он только покручивает хвостом.

Климёнок теперь тоже не хочет спешить. Он осматривает свой город детства, радуется, когда узнает что-то забытое, ворошит память: было ли тут это дерево или этот дом при нем или нет? Людей знакомых что-то не видно... Ага, вон первый! Их бывший сосед, дядька Яков, хромой еще с гражданской войны. Усатый, обросший, худой, в темных кортовых штанах и в такой же рубашке, забранной в штаны. Климёнка он не узнал, но в ответ кивнул ему головой: тут, как и в деревнях, у людей был обычай здороваться даже с незнакомым человеком. Долго вглядывался в пролетку и ее пассажира, пока они не свернули на другую улицу. Проводили его глазами и девчата, но все незнакомые. Когда они успели тут вырасти?

Вечереет. Серая легкая пелена наплывает на местечко, как бы окутывает его теплым одеялом перед сном. Будто походные кухни, дымят в темном небе высокие трубы цементного завода. На Соже время от времени подает голос какой-нибудь буксир.

Возле колонки с ведрами сошлись три женщины, что-то говорят, машут руками. Их головы в черных платках склоняются к той женщине, которая говорит. Плохой слух — примета старости... А вот мальчишки повели на

веревочке пестрого бойкого щенка. Они такие же шаловливые и верткие, как и их попутчик на поводке...

— Ну, ваши будут рады...— возница поворачивает голову к Климёнку, поблескивая большими белками. До этого он не промолвил и слова, хотя, наверно, ему не терпелось расспросить кое о чем этого молодого командира.

Климёнок нарочно не говорил, где надо остановиться, но возница, очевидно, знал все, что надо было знать в таком местечке, как Кричев.

— Тпру, приехали,— сказал он весело, когда они поравнялись с домиком под кленом.

По этому клену да по синим ставням и палисаднику с цветами перед окнами Климёнок и узнал дом, где теперь жила его жена. Это был дом его замужней сестры. Она временно приняла его жену и сына — об этом он знал из писем.

Конь встал как вкопанный. Возница первым соскочил с козел, начал хлопотать возле багажа.

А Климёнок не мог поверить, что он дома. Да нет же! Под ногами у него была своя, родная земля, земля его дедов и прадедов.

В открытую дверь из сеней на крыльцо выскочил белоголовый мальчуган в майке, коротких штанишках и с разбитыми коленками.

Сердце у Климёнка встрепенулось: Иванка, его сын Иванка! Он достал из-под козел пролетки московский подарок сыну — вороного коня, краем глаза следя за мальчиком.

Но вдруг, как в сказке, на крыльцо выскочил другой такой же мальчик: ростом, может, чуть пониже, чем первый, лицом немного покруглее, с более темной головой. А уши и носы у них обоих торчали одинаково, даже глаза по цвету были одинаковые — голубые, как небо над головой.

«Который же из них Иванка? — растерялся Климёнок.— Вот так встреча, вот так отец... Неужели сестрин? Что-то раньше я про него не слышал...»

Мальчики стояли, не сходя с крыльца, как бы не решаясь подойти ближе к незнакомому военному.

— Смелей, хлопцы, смелей,— сказал бородатый возница мальчикам,— я вам батька привез.

Он так и сказал: батька, а не батьку.

Волна нежности, которая залила сердце Климёнка, неожиданно разбилась, как льдина в паводок, наскочив на ледорез. Его охватила вдруг слабость, растерянность, которую он потом долго не мог забыть: вспоминал и смеялся над собой, краснел.

«Такая беда,— подумал он наконец,— подойду и спрошу. Бородач считает, что это оба мои сына. А он должен тут все хорошо знать...»

Вытерев вспотевший лоб, Климёнок наконец спросил у мальчиков:

— Кто из вас Иванка?

Мальчики уже с любопытством разглядывали чудесного коня: с разрисованным седлом, с красными звездами на крыльях.

— Я Иванка,— сказал несмело первый мальчик.

— И я Иванка,— сказал второй немного смелее.

Климёнку показалось, что все это с ним происходит во сне.

— Что? — с недоверием переспросил он. Ему пришло в голову, что эти карапузы сговорились и хотят поводить его за нос. Что происходит? Ага...— А скажите, чей папа служит в Москве?

— Мой,— уже смелее ответил первый мальчик, светленький.

Другой, стоявший сзади, грустно опустил голову и молчал.

Все слова, которые он думал сказать сыну при встрече, куда-то вылетели из памяти. Он поставил коня на землю, стал на корточки перед мальчиком, своим сыном, поднял его на руки.

— Сынок... Я твой папа... Из Москвы...

— Я знаю,— сказал тот несмело и прижался к отцовскому лицу, обхватил теплыми ручонками за шею. Кажется, большего счастья, чем теперь, Климёнок еще не испытал за всю жизнь. Сами собой на глазах у него выступили слезы. Он стал целовать сына, прижимая его к себе.

Климёнок еще не пришел в себя от волнения, когда увидел на крыльце жену: без платка, с длинными косами на плечах, она смотрела на него большими глазами, в которых стояли слезы. Он опустил сына на землю и схватил Надю в объятия. Она была ростом ниже его, но крепкая, крестьянской стати. Приподняв ее на ру-

ках, он целовал ее мокрое лицо, прижимал к себе горячее тело. Мягкая, но властная сила охватила его в эту минуту, он чувствовал, как лучше и добрее становится он душой,— и он клялся самому себе, что останется таким навсегда, пока будет жить.

Как часто потом, во время долгих и коротких расставаний с женой, он вспоминал эту мощную волну счастья встречи, как не раз думал, что отдал бы все на свете, чтобы еще вот так, перед смертью, как тогда, обнять ее на пороге если не своего, то хоть чужого дома, ощутить тепло ее рук на своей шее, а на губах — соленый вкус ее слез. Ощущение того, что это ты, живой и здоровый, а над головой — вечное родное небо, наполняло его силой и твердой верой в счастье завтрашнего дня.

Когда Климёнок выпустил из объятий жену, сын Иванка уже сидел верхом на коне, натягивал поводья и пришпоривал пятками под бока. Второй Иванка, чернявый, грустно стоял поодаль, держа палец во рту, готовый вот-вот заплакать.

«Ах, забыл про человека»,— с досадой подумал Климёнок и пожалел, что не привез еще одного такого коня. Он открыл чемодан и достал оттуда блестящий красный горн. Подозвал к себе насупившегося малыша и сказал, гладя его по стриженой головке:

— Чей же ты?

— Я там живу... — мальчик показал пальцем на другую сторону улицы.

— Это наших соседей,— тихо сказала жена.

— Значит, вы дружите, Иванки? — спросил Климёнок.

— Ну...

— Молодцы! Вот тебе за это труба. Труби, брат, сбор. Ну, смелей!

Мальчик, недоверчиво взглянув на Климёнка, взял трубу. На лице его отразилась радость, глазенки ожили, засветились. Он приложил горн к губам и выдул из него пронзительно-резкий звук.

Все, кажется, становилось на свои места.

Только теперь Климёнок подошел к бородатому вознице в синей шапке с коротким блестящим козырьком.

— Простите, что задержал вас,— виновато сказал ему.— Сами понимаете...

— Что вы, что вы! Пожалуйста, пожалуйста!

— Сколько вам за доставку, батька?
— Сколько дадите...
Климёнок достал кошелек — новый, купленный только что в Москве перед отъездом, вынул червонец.
— Ой, что вы, товарищ командир...
— Берите, берите...
Старик поблагодарил, тронул коня.
Климёнок с облегчением вздохнул, повернулся к своим. Надя уже вносила в хату чемоданы.
— Подожди, я сам, они тяжелые,— сказал Климёнок, входя в сени.— Куда же все подевались: сестра, шурин, дети?
— Все тут, ждут.
Зажгли свет. Хата была просторная, с кухней, а со двора казалась небольшой. Первой он узнал сестру, хотя она и изменилась: похудела и постарела, стала будто выше ростом, а одежда на ней висела.
— Наташа! Ты ли это?
Сестра сделала к нему два шага, развела руки:
— Я, братка мой родный, я...
Они обнялись, поцеловались. Сестра всхлипнула, вытирая фартуком покрасневшие глаза.
Потом обнялись с шурином, лысым грузным человеком, немного ниже своей высокой жены. Климёнок его мало знал, до его службы они жили где-то в Воронёве или в Кисловце.
— Что ж, ты здорово выглядишь, Глеб,— сказал солидно шурин, оглядев Климёнка.— И эта форма тебе идет, как на тебя шита. Что, это все даром дали или платил?
— Брось ты, нашел о чем спрашивать,— перебила его жена.— Дети, где вы? — крикнула она, повернувшись куда-то к печи.— Гляньте, кто к нам приехал!
Климёнок оглянулся и в углу между застеленной кроватью с подушками и печкой увидел двух девочек.
В хате поднялась суета, все говорили разом, шумели, слышались восклицания. Климёнок раздавал подарки: кому отрез на платье, кому платок, кому портсигар, кому конфеты.
Наконец, когда все немного угомонились, Наташа, хозяйка хаты, сказала мужу:
— Надо послать детей за родителями. А ты, Федор,

иди в магазин, пока не поздно. Сам знаешь, что надо купить.

Хозяин стал одеваться.

Вмешался Климёнок:

— Послушайте, что я вам скажу... Вы только не обижайтесь... Может, мы сходим туда все вместе? А по дороге завернем в магазин? Да у меня с собою кое-что есть. Я же не забыл, что у меня родни много.

Немного подумав, сестра сказала:

— Как знаешь. Но хата у них тесная, поместимся ли все? Там же, считай, три семьи: родители, Марья с семьей да Федор с семьей. Все собираются себе хаты строить, но что-то долго строят.

— Построиться — это тебе не хахоньки... — сказал хозяин.— Забыла уже, как мы строились?

— Забыла! Этого до смерти не забуду.

...В старой отцовской хате было тесно, зато весело.

8

И началась его новая служба.

Но началась не так, как он об этом думал, как ожидал. Вместо того чтобы командовать взводом, Климёнку поручили преподавать связь в полковой школе. Попробовал отказаться — ничего не вышло. Армия — это дисциплина. А какой из него будет командир, если сам не уважает дисциплину?

С квартирой надо было обождать, поселили его временно с семьей в ленкомнате, сам он ходил в столовую, а жена и сын жили как бы отдельно — у них была своя «кухня». Хорошо еще, что из столовой можно было принести чайник горячей воды.

Сам Климёнок с головой ушел в свою новую работу, ночами изучал связь, которую в училище не очень любил и считал предметом не главным. Труднее было освоить радиоаппаратуру. Это уже была целая наука, и чем глубже Климёнок в нее вникал, тем больше понимал, как он мало осведомлен в этом. А чтобы дать своим курсантам знания на копейку, самому надо было знать на рубль.

Кроме занятий на нем лежали и другие армейские заботы, как и у всякого командира. Его назначали дежурным по кухне, по полку, он должен был выезжать

на учения, на полигон, заниматься доставкой фуража со станции.

За учебой, за заботами Климёнок не имел времени приглядываться и прислушиваться, чем живет его жена, хорошо ли ей, так ли смотрит она на жизнь, как он сам. Он-то считал теперь себя самым счастливым человеком: у него была работа, рядом жена и сын, все шло хорошо и ровно.

Вот и месяц пролетел. Как раз сегодня в штабе полка обсуждали результаты учебы полковой школы за месяц. Просидели долго, спорили. Поэтому Климёнок возвращается домой так поздно. Может, жена обидится, еще подумает неизвестно что...

Дверь была отперта, он на цыпочках зашел в темную комнату, тихо поставил свой портфель на пол, снял с себя амуницию, повесил на гвоздь в стене, разулся — ноги в сапогах просто горели.

«Спальня» их была отгорожена белыми простынями от всей комнаты, и потому Климёнок включил свет. В чайнике вода еще не остыла, он налил себе большую кружку, посмотрел, есть ли заварка. Заварка была — свежая, пахучая, густая — полный чайничек. Он улыбнулся, сел за стол. Выпьет кружку чая, и усталость пройдет, можно будет еще поработать, подготовиться к завтрашним занятиям...

Он задумчиво смотрел перед собой и ничего не видел. Проплывали обрывки недавнего разговора с командиром полка, звучал в ушах глуховатый, с акцентом, голос этого светловолосого приземистого латыша, рассудительного и спокойного...

Выпив чаю, он взялся за портфель, набитый конспектами и всякими пособиями по связи, но тут из-за ширмы, как тень, вышла жена в длинной ночной рубашке. Жмурясь, она тихо подошла к Климёнку, внимательно, как-то проникновенно заглянула ему в глаза.

— Ты еще хочешь работать? — спросила шепотом.

Климёнок привлек ее к себе.

— Один часок, не больше,— ответил он тоже шепотом и поцеловал ее в круглое плечо.— Иди спи, Надейка.

— У тебя такой усталый вид,— она погладила его ершистые волосы.— Не мучай себя, иди спать.— Она забрала портфель, отодвинула на край стола.— Лучше завтра на час раньше встанешь. Я тебя разбужу, хорошо?

Он еще надеялся, что она уйдет, но напрасно: не такой Надя человек, чтобы отступиться от своего. Он жил четыре года без нее, не берег себя. Теперь стал совсем другим человеком: чистый, выбритый, ухоженный,— сразу видна женская забота. И слушается ее, понимая, что жена говорит правду.

— Хорошо, хорошо... — и крепко прижимает ее к себе.

— Хватит,— говорит она.— Иди, раздевайся.

Он зашел за ширму. На сдвинутых тяжелых креслах спал Иванка. Спинки стульев загораживали его со всех сторон — чтоб не свалился на пол. Климёнок приложил ладонь к детскому лобику — он был потный, но не горячий. Мальчик что-то пробормотал сквозь сон, перевернулся на другой бок и снова затих.

Климёнок выключил свет и лег у стены, так как жена спала тревожно, несколько раз за ночь вставала к ребенку.

— Почему ты так поздно?

— Сегодня было, можно сказать, мое боевое крещение. Говорили о работе полковой школы, подводили итоги учебы за месяц... — Он умолк.

— Говори, говори...

Климёнок вздохнул:

— Ну, сделали мне небольшую проборку.

— Кто? За что?

— Начальник школы... Вообще говорил справедливо... Что преподаватель из меня еще слабый, что я молод, неопытен, сам не все знаю... Но главное, сказал он, человек старается, хочет знать больше, сам учится, вкладывает душу в работу... Это уже гарантия... Потом... У меня там стычка вышла с одним курсантом... Грубиян, не учится, другим мешает... Ну, я его немного прижал, так он пожаловался... А начальство говорит, что на строгость командира курсант не должен жаловаться. Меня стали оправдывать...

— А почему тот курсант такой? Ты разобрался?

Климёнку стало немного досадно: лезешь ты, милая, не в свое дело. Что ты понимаешь в наших делах? Глядела бы за своими делами да помалкивала. Но этого не сказал: еще обидится.

— Некогда было... Говорили курсанты, что-то там дома у него... Будто его невеста вышла за другого, его не стала ждать...

Надя привстала, оперлась на локоть, глядя на мужа сверху, покачала головой:

— Эх ты, наставник! А ты сразу кричишь на человека! Надо же было поглядеть, что к чему... Криком, гневом не всегда возьмешь, даже в армии, запомни... Добротой, лаской в сто раз больше сделаешь, чем гневом... Поговори с ним как с человеком, даже, если надо, извинись... Извинись, шапка с тебя не свалится... Расспроси его, загляни в душу, а чтоб он раскрылся, раскрой свою, не стесняйся, тогда человек тебе поверит, ответит искренностью на искренность...

Климёнок слушал и думал, что жена права. Он ее просто не узнавал: эти четыре года даром не прошли, жизнь ее хорошо отшлифовала, может больше, чем его... Он-то был на всем готовеньком, а она... Просто молодчина... Ему стало стыдно за себя, за свое верхоглядство... И правда, погорячился, надо будет подойти к тому курсанту не так, как он, а тонко, деликатно. Не покрикивать. Человек — это не лошадь, не так легко изменить его нрав, характер.

— Ты у меня молодчина,— сказал Климёнок жене и ласково погладил по голове.— Ты была бы хорошим комиссаром, но еще лучше сестрой милосердия...

Жена усмехнулась. Климёнок разговорился, и она не хотела его перебивать.

— Ты всех жалеешь... Даже меня... Хотя я этого не заслужил... Видишь, как мы живем тут... И еще неизвестно, сколько так будет. Сегодня комполка говорил и об этом. «Мы понимаем, что тебе трудно, но потерпи. Скоро решится...» А как скоро — не сказал...

Жена вздохнула:

— Ну и что ж? Потерпим, раз надо... Я не столько терпела... Ты за нас с Иванкой не волнуйся, делай все, что надо, чтоб тебя не ругали и не упрекали... А с курсантами будь, как и полагается командиру: справедливым, терпеливым, добрым, но и слабости не показывай, потому что сразу к тебе все уважение потеряют... Панибратство к добру не приводит...

Климёнок тихо засмеялся.

— Чего ты? Не хочешь чужим умом жить? — как бы обиженно спросила жена.

— Что ты! — Климёнок дотронулся губами до ее маленького уха: — Мне просто весело... Какая ты у меня

мудрая... Я и не знал... Когда мы сошлись, ты была совсем девчонкой, которая всех слушает раскрыв рот. А теперь тебя не узнать...

— А что ты сделаешь? На моем месте каждый поумнел бы... И повзрослел... Иначе — лучше не жить на белом свете... Знаешь, как жить одной бабе, молодой, беззащитной, да еще и с ребенком.

— Что, засматривались на тебя мужчины? — Волна холодной ревности прокатилась в груди, приглушила на миг все его чувства, как бы сразу отдалила от нее.

— Думаешь, нет? Вашему брату только подмигни, сразу побежит.

— Это правда,— уже серьезно сказал Климёнок.

— По себе знаешь?

Климёнок немного заволновался: они за эти месяцы мало говорили так откровенно, и он не знал, хорошо это или плохо.

— Нет, но то же было и со мной... Что-то похожее... В Москве на нас заглядывались девушки... Студентки особенно, рядом институт Бауманский. Сказал бы какой-нибудь студенточке, что жить без нее не могу,— поехала б со мной, не посмотрела бы, что я женатый...

— Ну, может, не все такие...

— Я и не говорю, что все... Но смелых много.

— Да, к тебе как-то женщины липнут. Наберусь я горя с тобой,— сказала сурово Надя.

Климёнок засмеялся:

— Не бойся, я твой, и только твой.

— Чтоб ты всегда был моим...

Говорили еще долго. Надя рассказывала про свою жизнь, может в первый раз пожаловалась ему на свое прежнее одиночество, за которое никогда не упрекала, а терпеливо ждала того времени, когда они снова будут вместе...

Климёнок слушал, кое-что переспрашивал, а сон незаметно подступал к нему, веки тяжелели, голос Нади то отдалялся, то приближался — будто ему оттыкали и затыкали уши чем-то мягким.

— ...ребенок плачет, мне на работу надо, а тут мать заболела, лежит, головы не может поднять. На кого я ее оставлю?..

Незаметно Климёнок заснул и очутился дома, в Кричеве, в старой отцовской хате над Сожем, на том мес-

те, где теперь цементный завод. О чем-то они спорят с отцом, сидя за столом, мать лежит на печи — кажется, больная, по хате бегает маленький Иванка, водит за повод своего коня, у которого уже оторван хвост и облуплено седло, а Надя хлопочет возле печи, переставляет ухватом горшки, кидает на него, мужа, косые взгляды — за что-то сердится, что-то хочет сказать, но почему-то молчит.

— Ты спишь? — долетают до него Надины слова, но ему кажется, что это она спрашивает у матери, которая лежит на печи, а не у него, ибо ясно чувствует, что сидит за столом, перед ним миска с отварной картошкой, свежей, пахучей, от нее идет теплый пар...

Во сне он даже шевелит губами. Он спит...

Часть вторая

НАЧАЛО ОДИССЕИ

1

Некоторые из тех, что отдыхали вместе с Климёнком, чтобы как-то убить свободное время, заводили скороспелые романы. Женщин тут было немного — разве что работницы столовой, библиотеки или санчасти. Если еще учесть, что добрая половина из них были замужние, не очень-то разгуляешься, и командиры ездили в Смоленск, который был совсем под боком. Ездил в город и Климёнок: посмотреть новый кинофильм, на штатских людей — на женщин, детей, на городскую суету, полюбоваться Днепром, походить по крепостным стенам, по-

стоять тихо в Успенском соборе и подивиться богатству и красоте его убранства. Много, очень много раз ездил Климёнок через Смоленск, а вот чтоб так походить, посмотреть не спеша — ни разу не приходилось. Так почему же теперь не использовать для этого свободное время? Сидеть в доме отдыха надоедает. К тому же осень, идут дожди, длинными становятся ночи... Сначала рад был отдыху, думал, что отключится от всего, с чем был связан до сих пор. А прошло две недели — и уже заскучал по семье, по службе, по своей батарее. Хочется назад...

В киоске купил свежую газету. Молодая, смуглая, с большими темными глазами продавщица пыталась с ним заговорить. Он что-то ответил невпопад, отошел насупленный. «Кажется, вы покупаете у меня газету в первый раз?» — спросила у него смуглянка. Откуда она тут взялась? Что-то в ней молдаванское, а может, украинское. По-русски говорит чисто, без акцента. Это его все сразу узнают, чуть только скажет слово-два: братец белорус. Сначала это его сердило, он даже краснел. Но как-то в Москве разговорился с одним человеком, русским, откуда-то из Пензы или из Томска. Он воевал с немцами в шестнадцатом году на Щаре, был ранен, простые люди нашли его и выходили, поставили на ноги, затем попал в Первую Конную и ходил под Варшаву. Одним словом, Беларусь знал хорошо, заинтересовался историей этого края. После встречи с этим человеком Климёнок посмотрел на себя другими глазами. И перестал стесняться своего акцента, начал гордиться тем, что он белорус.

Постояв на мосту через Днепр и полюбовавшись древней рекой, Климёнок хотел сначала зайти в Успенский собор, но как-то незаметно для себя зашагал вдоль крепостной стены, завернул вместе с нею налево, обогнул одну башню, прошел большой пролом и стал подниматься на высокий пригорок, по которому поднималась и крепостная стена.

Стена вырастала у него на глазах, а он, казалось, все уменьшался и уменьшался. И когда подошел совсем близко, то показался себе муравьем, а стена стала как огромная гора, нависшая над ним и заслонившая полмира и полнеба.

Он постоял, отдышался, потрогал пальцами желто-

ватый, хорошо отполированный известняк цоколя. Стоит триста лет — и хоть бы что! Вот это работа! Правда, над цоколем, там, где стена из кирпича, уже видны следы разрушения: отвалился огромным пятном один ряд кирпичей, в другом месте выпирает горб — видно, отвалится еще.

Климёнок, шагая по вытоптанной стежке, дошел до проема возле башни, через который можно было взобраться на стену. Осторожно, чтобы не сорваться, он поднялся наверх. О, тут такая ширина, что легко может проехать пушка. Даже можно поставить ее поперек и вести огонь... А зубцы-зубчики! Наверно, метра на три в высоту, а в них — через один — бойницы.

Климёнок пошел по стене, боясь приближаться к самому краю: еще, чего доброго, закружится голова да грохнешься вниз. А высота тут самое малое десять метров... Ну и стены, ну и толщина!

Он остановился на стене, огляделся.

В середине чуть заметного для глаза неправильного круга, образованного стеной, жил старый город, разбросанный на холмах, пестрый, изрезанный неровными линиями улиц и оврагов, с позолоченной листвой садов и скверов, с куполами и шпилями соборов и церквей.

А на востоке глазам открывалась величавая картина. Там, внизу, слева вилась серебристая лента Днепра, который стрелой вырывался из города и терялся где-то за пригорками. Дальше виднелись поля, луга и леса, они сливались с линией горизонта, и где-то далеко-далеко была Москва. А эти стены, на которых теперь стоял Климёнок, были как бы продолжением тех, московских, кремлевских стен. Во всяком случае, такая мысль пришла сейчас в голову Климёнку. Вот он, форпост, о который не раз разбивался враг, идущий с Запада.

Он медленно спустился вниз, пошел вдоль стены, которая тут делала поворот. Увидел пожилую женщину, она рвала траву, а возле нее стоял худощавый мужчина в ситцевой серой рубашке. Они о чем-то сердито пререкались. О ноги женщины терлась рыже-белая кошка. Климёнок поздоровался с людьми, предложил старику закурить. Тот охотно взял папиросу, помял в пальцах правой руки. Другая беспомощно свисала вдоль тела, пальцы, как вблизи разглядел Климёнок, были неестественно согнуты.

— Вы не скажете мне, как называется вот эта башня,

что на изгибе? — и он показал на нее свернутой в трубку газетой.

Мужчина выдохнул дым, сплюнул себе под ноги.

— А хрен ее знает!

Женщина, казалось, была занята травой и не прислушивалась к разговору, но тут выпрямилась и ответила вместо старика:

— Эта башня Белухой зовется... А вон та, через одну,— Орел... Тут их много: Веселуха, Стрелка, Громовая, Красная, уж и не помню больше...

И она снова нагнулась, начала рвать траву, время от времени засовывая ее в мешок, лежавший рядом.

Климёнок докурил папиросу и ста́л спускаться с вала. Героическая история народа была тут на каждом шагу. И он шел как бы по ее горячим следам.

...В дом отдыха он возвращался поздно, когда уже стемнело. Шел вместе со своим соседом по палате, пехотным комбатом Рачковским. Этот невысокий, крепкого сложения человек с первых слов удивил Климёнка своей откровенностью. Говорили о том, что волновало сейчас всех.

— Мой отец погиб в четырнадцатом году в Карпатах от немецкой пули... Я — как-то так вышло — стал военным, заинтересовался немцами. Что это за нация? Может, и мне, а не только моему отцу суждено еще столкнуться с немцами, хоть мы и отгорожены от них Польшей... Польша все же барьер, хоть и ненадежный в настоящее время...

— Немцы уже берут в клещи Варшаву,— Климёнок помахал свернутой газетой.

— Я читал,— ответил Рачковский.— Пока ее союзники собираются с силами, от Польши мало что осталось. За две недели... А помните?.. Я наполовину поляк, знаю язык, слушал польское радио... Тоже была пропаганда: мол, ни пяди земли Гитлеру! Даже той, что имеем под ногтем. Как дети... Немцы же о своей силе не кричали. Мне все время казалось, что они даже преуменьшали свою силу, чтоб не настораживать соседей... А сами готовились как следует... И что у них сильно — так это техника, особенно авиация.

— Как артиллерист я считаю, что главный род войск — артиллерия,— сказал Климёнок.

— Каждый цыган свою кобылу хвалит... Не преуве-

личивайте своей роли... Я не склонен преувеличивать роль пехоты, хотя она еще долго будет главным родом войск. Только ее надо сделать подвижной, маневренной, надо прикрыть ее броневым щитом.

— Танковым?

— Может, и танковым... Поставить ее на колеса... Научить еще быстрее закапываться в землю.

— Придать ей артиллерийский таран,— вставил Климёнок.— К этому мы и идем.

— Идем, но очень медленно.— Комбат начинал горячиться.— А время требует, чтоб мы не спали!

— По-моему, мы и так не спим...

— Это так. Но мы все же отстаем...

— А в чем, по-вашему?

— Ну, на это не так легко ответить,— подумав, заговорил комбат.— Мне кажется, что мы очень медленно переходим на новое вооружение.— Комбат помолчал.— Думается, что у нас ослаблен и высший командный корпус... Есть скороспелые высшие командиры и всякие выскочки, у которых в трудный час может не выдержать хребет...

— Вы смело рассуждаете,— заметил Климёнок.— У меня в школе был друг, который говорил нечто подобное.

— Где он теперь? — спросил Рачковский.

— Не знаю. В последнее время был на Дальнем Востоке, теперь что-то не пишет... А что касается кадров, то я с вами согласен. Из нашего полка выбыло несколько командиров. Их заменили своими, некоторых прислали... Правда, нам повезло на нового командира полка.

— Вот видите... Но везет не всем.

Неожиданно в темноте показались освещенные окна дома отдыха.

В столовой было уже тихо. Стулья стояли вверх ногами на столах. Женщины собирали посуду, начали мыть пол.

Светловолосая, невысокая официантка, которая обслуживала стол Климёнка, подошла к ним, пожурила за опоздание. Потом с одного стола сняла стулья, застелила его скатертью.

— Садитесь, пожалуйста,— пригласила их.— На ваше счастье, у нас есть запас для группы, которая придет позже.

Они покорно сели, стали ждать, пока официантка подаст им ужин.

Поужинав, Климёнок попрощался с комбатом и пошел прогуляться по лесу, который был совсем рядом.

Шум осеннего леса немного успокоил его, как бы поставил на место все тревожные мысли и чувства, которые пробудил в нем разговорчивый комбат.

В свою палату он пришел поздно, когда все уже спали. Разделся, не включая света, и лег. Долго не приходил сон, не покидали беспокойные мысли.

Ночью он проснулся от шума и сразу подумал спросонок, что в казарме объявили ночную тревогу. Звенел, надрывался звонок, как при коротком замыкании, все вскакивали, торопливо одевались, всюду горел свет и хлопали двери.

Климёнок быстро оделся.

Командиров срочно вызывали в их части. Кто служил ближе, тех уже ждали машины, другим надо было идти на станцию, садиться в поезд.

Что-то тревожное происходило в мире.

2

Приказ был короткий и категоричный: сниматься с места. Куда и зачем — никто не сказал. Будто бы на осенние маневры... Климёнок не очень в это поверил. Теперь он ожидал всего, только не маневров.

Боекомплект на один день боя, восемьдесят снарядов — все, что вмещает в себя передок пушки.

Своим ходом они двинулись на запад, к границе с Польшей.

Моросил мелкий дождик, тучи плыли совсем низко над землей, и трудно было определить, если бы не часы, какая теперь пора суток: день или вечер.

Небо плакало, дорога раскисла. По ней шли бесконечные колонны войск: кавалерии, пехоты, артиллерии. Где-то совсем недалеко ревели моторы танков.

«Быстрей, быстрей!» — подгонял себя Климёнок.

Командир полка Лещинский приказал до наступления темноты занять огневые позиции в трех километрах от границы. Но до границы было еще далеко, а день — на исходе. Климёнок приказал своим артиллеристам обогнать колонну пехоты по полю, но даже сильные ар-

тиллерийские кони не могли вытянуть груз: пушки по ступицы увязали в раскисшей почве. Надо было придумать что-то другое.

И он придумал.

Батарея под командой его заместителя пойдет за пехотой, по дороге. А сам он с командиром разведки и связистами верхом на конях, обгоняя пехоту, направился к назначенному месту.

Сначала рекогносцировка: каков рельеф местности, где выгоднее рубеж. Кустарник поможет замаскироваться, рядом лощина — там можно спрятать коней.

Надо было определить, где поставить батарею, выбрать место для НП, установить связь батареи с НП.

Пока Климёнок все это уточнял, распределял, проверял, сверил с картой и сделал все, что в таких случаях делается,— совсем стемнело. А дождь не переставал. Шинель стала тяжелой и твердой, как лубяная, буденовка тоже промокла.

Время летит, а батареи не слышно и не видно. И он не выдержал: оставил всех, с кем приехал сюда, а сам, пришпорив коня, помчался на дорогу.

Сейчас он встретит свою батарею, думал Климёнок, покажет, где надо занимать огневые позиции, и люди примутся за дело.

Но напрасно он тешил себя этой надеждой. На дороге, кроме пехоты, никого не было видно. Пехота валила валом, глухо стонала дорога под ногами, чавкала грязь: в темноте, как одно живое существо, мерно шевелилась колонна, холодно поблескивали мокрые каски и штыки.

Снова пришлось ехать по обочине, месить густую грязь. Конь сердито дергал поводья, храпел, просился на дорогу.

Что ж, еще не так поздно, успокаивал себя Климёнок. Если батарея отсюда недалеко, то все равно у них хватит времени сделать все, что от него требует приказ командира.

Но он едет полчаса, час, а батареи все не видно. По-прежнему дорогу занимает пехота. В душе Климёнка начинает расти тревога: неужели он потерял батарею? От одной этой мысли холодеет сердце. Нет, не может быть! Вот, кажется, что-то чернеет, слышно далекое фырканье коней. Или это ему кажется? Подъезжает

ближе и действительно видит что-то в темноте возле дороги... Оказалось, лозовые кусты — и ничего больше.

Климёнок пришпорил коня, в ушах засвистел ветер, лицо нещадно секли мелкие капли дождя, мешали видеть дорогу. Климёнок слышал лишь тяжелое дыхание коня, чавканье грязи под его копытами, звон удил — и больше ничего. Но вот, кажется, показались какие-то хаты, деревья. Неужели он сбился с дороги? Расстегнул планшетку, посветил фонарем. Когда они ехали по этой дороге днем, хуторов не было. Откуда же они тут взялись? И на карте их не нашел. Что за дьявольщина? Он застегнул планшетку дрожащими руками. Вот и все... Им овладела слабость, захотелось пить...

Он повернул коня и помчался по дороге назад, догнал колонну пехоты, свернул на обочину, снова начал месить грязь. Этот дикий галоп немного отогнал страх, отлегло от сердца, стало легче дышать. Зато его конь выдохся. Климёнок отпустил повод, конь перешел на рысь. Неизвестно сколько времени он покачивается в седле, а батареи все не видать. Ни своей, ни чужой — никакой! Неужели артиллерия пошла по другой дороге? Будто провалилась сквозь землю.

Он снова пришпорил коня, как бешеный помчался по дороге, потеряв всякую надежду найти батарею и выполнить приказ. Вот и конец его службе... Его накажут, как последнего труса, как дезертира, который в первый же день опасности потерял голову, потерял свою батарею, не выполнил приказа Родины. Да, Родины... А это то же самое, что и измена... Он ненавидел себя в эту минуту, как никогда в жизни, проклинал, ругал последними словами. Теперь он не знал, что делать...

Вдруг конь споткнулся, и Климёнок едва не вылетел из седла. Это как бы снова вернуло его к действительности. Он присмотрелся и увидел, что конь его стал совсем белым, а был темно-каштановым.

Конь остановился и тихо заржал.

Немного дальше на дороге что-то белело. Ага, так это же тот самый камень, возле которого они с командиром разведки стояли и советовались, определяли по карте, где им назначено место, куда свернуть. Значит, тут, в двух километрах отсюда, огневая позиция его батареи. Он сердито выругался...

В голове немного просветлело. Снова ожила надежда,

что найдет батарею. Повернул коня и поехал вдоль пехотной колонны. «Буду спрашивать у бойцов. Может, они видели...»

Спросил у командира ротной колонны — тот сказал, что батареи не видел. Проехал километр, спросил у другого — тот же ответ. Проехал еще немного вперед — то же самое.

Вот и все... Снова сердце было полно смятения и безнадежности. Два часа, как он ищет батарею — и никаких следов. Сам мокрый от дождя и пота, и конь совсем выбился из сил. Не выполнил он возложенную на него задачу. И нет ему оправдания, нет... Не заметил даже, что конь стал и тяжело поводит боками, мотает головой, а с шеи падают на темную землю белые хлопья пены.

— Эй, хлопцы! — крикнул Климёнок бойцам, замыкавшим колонну.— Не видели ли вы артиллерии?

Спрашивал в последний раз. Думал: сверну с дороги, отъеду немного в поле или в лес — и...

— Видели! — крикнули ему из колонны.

— Где? Где видели? — Климёнок сразу ожил.

— Да там, километра два позади, лесок при дороге... — И невысокий боец показал рукой назад, на другую сторону дороги.

Климёнок поехал рысью, пристально вглядываясь в дорогу. Если на этой стороне, то должны быть видны следы. Но с седла ничего не увидишь. Он соскочил с коня, зажег фонарик. Теперь он не пропустит следов...

— Но, Каштан! — Климёнок подогнал коня и потянул за поводья.

Теперь они месили грязь вместе: всадник и конь. Климёнок еле вытаскивал ноги из густой грязи, сапоги чуть не срывались при каждом шаге, конь наседал на него сзади и готов был наступить на пятки, тяжело сопел ему в шею и все старался схватить за буденовку. Но Климёнок дергал поводьями и упрямо шел вперед, вглядываясь в ржаную стерню. На ней множество следов — человеческих и конских, только не видно свежих колей от колес. Радость, которая было охватила Климёнка, постепенно начала таять.

Но вот наконец следы! Много следов: от колес, от конских копыт. Следы сворачивают с дороги и ведут по узкой стежке в поле. Климёнок идет дальше, сердце

его часто стучит в груди. Батарея, милая, родная батарея! Неужели ты тут? Почему же ему не пришло в голову поискать следы, а не гоняться туда-сюда по дороге?

Впереди темнеет лес,— значит, бойцы сказали правду. Только откуда они знали, что рядом лес? А может, им снизу лучше видно? Наверно!

Тревожно заржал конь, и Климёнок дернул повод. И где-то впереди в ответ послышалось ржание. Теперь уже Климёнок не сомневался, что батарея тут. Сел на коня и дал шпоры. Через несколько минут перед ним вырос лес.

— Стой! Кто идет? — послышался крик.

Он назвал себя. К нему поспешили люди, он узнал своего заместителя и командиров взводов. Теперь в нем боролись два чувства — радость и злость. Радость, что все кончилось хорошо, и злость, что этот размазня заместитель свернул с дороги и спокойно ждет тут неизвестно чего. Злость превозмогла. Он отчитал заместителя за неповоротливость и приказал собираться. Через десять минут батарея двинулась в путь.

Злость помогла и теперь: он ехал впереди батареи, и, когда догонял колонну пехоты, кричал что было силы:

— Дорогу комдиву!.. Дорогу комдиву!.. Дорогу комдиву!..

Колонна нехотя сдвигалась к обочине. Климёнок давал коню шпоры, и батарея мчалась за ним, даже стонала земля. Так они и примчались на место. Климёнок посмотрел на часы. Что ж, еще можно жить: оставалось три часа. Это не много, если по уставу, а вообще — хватит, чтобы оборудовать позиции.

Климёнок приказал окопать пушки. Земля была тяжелая, под верхним размокшим слоем — твердая, как кость, глина. Долбили кирками, ломами, подготавливали НП. Бойцы едва держались на ногах. В другой раз, он, может, пожалел бы их, но теперь — нет, хватит того, что отдыхали в лесу, а он летал как безумный, разыскивая их. Пускай теперь попотеют... Хотя если разобраться, то бойцы тут ни при чем. Виноват командир, и прежде всего он сам. Не поставил ясной задачи своему заместителю, а тот сделал так, как ему показалось лучше. Не лучше, а спокойнее...

Хотя каждый знал свои обязанности, Климёнок, как командир, должен был все проверять. Пока тут копали,

он поехал посмотреть, как разместили коней. Потом завернул на НП. Работа шла полным ходом, он вернулся к батарее. А что, если посмотреть на все со стороны противника? Климёнок отдал коня связному, а сам пошел по полю — прямо на запад, к границе.

Отойдя с километр или больше, стал прислушиваться. Впереди была глухая тишина. Только где-то далеко справа чуть слышно пропел петух. Непонятно, на какой стороне — на нашей или на польской. Да, граница близко, Климёнок почувствовал это. Неясное чувство тревоги, возникшее в нем, насторожило его. Граница где-то здесь, стоило пройти еще немного на запад.

Постояв так некоторое время, Климёнок медленно пошел назад. Ног было не оторвать от земли — на сапоги налипала грязь. Внимательно вглядывался в темноту, стараясь увидеть, где притаились люди с пушками. Он даже присел на корточки, чтобы снизу лучше видеть на фоне неба. Хорошо приглядевшись, заметил, что прямо перед ним, нацеленные в небо, торчат стволы четырех гаубиц — развернутый для боя веер. Но лишь одни стволы. Щиты сливались с линией горизонта, и стволы можно было принять за обыкновенные столбы, вкопанные в землю.

Климёнок встал и пошел к батарее. По мере того как он приближался, слышны стали глухие удары ломов, бряцанье лопат о камни, короткие отрывистые голоса команды, изредка раздавались смех или ругательства.

И надо всем царила черная глухая ночь — без огонька, без проблеска света.

Еще через час Климёнок доложил командиру дивизиона, что батарея к бою готова. Правда, кое-что еще надо было доделывать, приводить в порядок, но это все мелочи, и о них Климёнок промолчал.

Комдив похвалил его — наверно, чтобы поднять дух,— и приказал ждать. Климёнка так и подмывало спросить: а долго ли ждать? Но не спросил. В армии не спрашивают, в армии выполняют приказ.

Ждать — это не так еще и плохо. Хоть отдохнут немного бойцы. Сегодня они работали до седьмого пота, да еще под дождем. Эту их работку Климёнок знал по себе. Чтобы окопать пушку, надо выворотить несколько тонн земли. А если сделать поправку на осень — вон

сколько налило воды и земля тяжелая, как свинец,— то сегодня их спины будут гудеть.

По плащ-палатке над ячейкой НП тихо барабанил мелкий дождь. Климёнок сидел у телефона, прислонившись к сырой стенке ячейки. Тихая истома медленно сковывала его тело. Оно отдыхало. Только не было покоя мыслям.

Вот они пойдут... Как их встретит граница? Там ведь тоже готовились... И что это? Война? Или только разминка, проверка готовности и силы? Все это были вопросы, на которые могло ответить только время, или, может быть, самый высокий начальник, который знал всю ситуацию, который проводил всю эту кампанию.

О чем Климёнок не думал, так это о том, что его могут убить. Ерунда! Ему казалось, что они едут на учения, где каждому отведена своя роль, своя задача, ты ее должен выполнить — и все будет хорошо... Наверно, если бы знала жена, что он стоит на самой границе, что они наготове, разревелась бы. Она и во время расставания голосила, как по покойнику, будто он уезжал на край света. Даже сын Иванка успокаивал ее, говорил рассудительно: чего ты, мама, так плачешь, у папы учения, он скоро вернется... Женское сердце всегда чует. Она, может, не хуже самого Климёнка понимала, что учения будут не обычные, не простые, что стрелять будут не холостыми снарядами, а боевыми, что будут стрелять не только они, но и в них. И неизвестно еще, кончится ли все добром...

Только в пять часов утра Климёнку передали из дивизиона приказ командира полка Лещинского: сниматься, сосредоточиться в километре от границы. Командирам батарей и дивизионов собраться на НП полка.

И еще не все было ясно. Переходим границу или нет? Или ждем, что пойдут на нас?

Вскоре все командиры собрались у комполка. У комполка — это условно. Он сам со штабом стоял у дороги на опушке. В темноте ночи нельзя было разобрать, волнуется ли он. Но по тому, как нервно ходил он перед группой командиров, легко можно было догадаться о его настроении. Он, как всегда, говорил коротко. Сообщил, что их полку вместе со всей армией приказано перейти границу и взять под защиту своих западных братьев-белорусов.

Климёнка била дрожь. Сброшены цепи ожидания! Вперед! Что может быть радостней этой команды?

Как на крыльях он летел в свою батарею.

3

Разведгруппа из конников, пехотинцев и танкеток первой перешла границу, направляясь на польскую «стражницу». Вспыхнула перестрелка — застрекотал пулемет, затахкали винтовочные выстрелы.

Все ждали этого момента, ждали большего. Но выстрелы скоро затихли. Это значит, что дорога открыта.

И тогда пришел последний приказ: походным порядком — колонной — вперед.

Климёнок ехал на коне впереди своей батареи.

Где же граница? Скоро ли граница?

Начинало светать, хотя небо по-прежнему хмурилось.

Вот наконец и пограничные столбы, и колючая проволока, теперь разорванная во многих местах. И та «стражница» — или, может быть, другая? — около которой вспыхнула недавно короткая перестрелка. Они переходят границу, как некий Рубикон. Теперь дороги назад нет!

Колонна шла как на ученьях, без задержки, без единого выстрела. Поднялись на пригорок, открытый со всех сторон, среди поля. Климёнок обвел глазами простор, открывшийся перед ним. Издали казалось, что войска не идут, а стоят на месте. Но стоило только выбрать какой-нибудь ориентир, неподвижный предмет, чтоб заметить, что колонны живые, подвижные.

Вдоль узкой дороги стояли деревья, как почетная стража. Все звуки утра глушит частое цоканье подкованных копыт по мостовой, гремят, подскакивая на выбоинах, передки и пушки, трясутся на передках бойцы-артиллеристы.

То слева, то справа от дороги Климёнок видит деревни, похожие на те, свои, что остались уже позади, за перерванной теперь границей. Хаты крыты соломой. Есть и крытые белой жестью или черепицей, но таких мало. Больше маленьких и невысоких, на три окна, приземистых, с поросшей зеленым густым мхом соломенной крышей. При хатах, часто в один ряд,— хлева. Немного на отшибе — гумна, тоже разные: большие и малые.

Плывут в сыром осеннем поле зелено-желтые остров-

ки хуторов — с деревьями вокруг усадьбы, с садами, тоже неодинаковыми. Порой в старых липовых деревьях виднелось белое здание — очевидно, панское имение. И ни в одной деревне Климёнок не видел кирпичной школы.

Первый человек, которого увидел Климёнок вблизи, был сельский пастух. Справа от дороги лежала большая луговина, на ней паслось стадо коров разной масти, но больше красной или пестрой — желто-красные пятна с белым. Поодаль видно было стадо овец, белых и черных. А пастух стоял у самой дороги — невысокий, седой дядька в суконной домотканой свитке, в домотканых штанах, босой, с посиневшими ступнями ног. Вытянув тонкую шею, бурую от загара, он как бы принимал парад, даже порой помахивал зажатой в правой руке шапкой, которую снял с головы, и все глядел на бойцов, как бы хотел увидеть среди них кого-то своего.

«Снял шапку... По привычке, как снимал перед панами? Или приветствует своих, освободителей?»

Яснело небо, поднималось солнце — и люди выходили из хат брать воду, копать картошку, кормить свиней. Приложив ладонь к глазам, они долго смотрели вслед войску. А Климёнку было приятно с бравым видом ехать на своем каштановом коне во главе батареи и ощущать на себе любопытные взгляды людей, ему не знакомых, но близких по крови — таких же, как и он, белорусов. И как-то незаметно ему начало казаться, что они на учениях, что после первого огневого налета условный противник отступает на новый рубеж, а они идут за ним вдогонку, по пятам, не встречая никакого сопротивления, и свои люди, как это всегда бывало, провожают их приветливыми глазами.

Привал на обед дивизион сделал на опушке, возле самой деревни. Пришло много людей, особенно молодежи, детей. Женщины постарше приносили молоко, яйца, сыр, даже сало, угощали яблоками, сливами, грушами.

Климёнок приглядывался к людям, искал в их лицах, фигурах, одежде чего-то особенного, но не находил. Многие хорошо одеты, в праздничном: сегодня же воскресенье. А кое-кто и в будничном, больше в домотканом, полотняном или посконном. Мужчины, обросшие щетиной, загорелые, обветренные и худые, выглядят старше своих лет, дети все босые, одеты тоже в домотканое, худые, с большими глазами.

Люди говорят по-белорусски, вплетая порой польские словечки, как на его родине — русские. Спрашивают, что это за коллективное хозяйство, как в нем живут люди, правда ли, что в Советах все равны, что нет богатых и бедных, правда ли, что лечат бесплатно, что в школах можно учиться всем, кто хочет, что разгоняют тучи и сами делают искусственный дождь, если надо. Иногда спрашивают такое, что можно подумать — притворяются: такая ли семья, как тут, у них, или все живут под одной крышей и накрываются одним одеялом, а жены общие. Скоро ли будут сгонять их в колхозы?

Уже сидя в седле, Климёнок мысленно исправлял те ответы, которые он давал людям: всегда человек умен задним числом. Теперь он так мудро ответил бы им, а то говорил общими, стандартными фразами, может даже неубедительно. А вообще чудаки люди. Они хотят с чужих слов узнать о жизни. С чужих слов можно узнать вовсе не то, что нужно. Надо все пережить самим. Ведь и он сам тоже еще не знал, что это за люди, хотя они и белорусы, такие же, как и он. Все-таки почти двадцать лет жили разделенные границей, под чужим гнетом. Может быть, кто-то из них не считал это гнетом, как знать? Вон некоторые хорошо одеты, в деревне видны велосипеды, ровары, как тут говорят. Не всем и тут жилось одинаково... На все надо смотреть с классовых позиций...

Под вечер начал моросить дождик. Он был редкий, неспорый, но, когда они проехали под ним с час, все промокли. Пушки, кони, передки блестели, будто смазанные маслом. Бойцы вытирали ладонями мокрые лица, с касок вода стекала на плечи, промокали шинели, становились все тяжелее и тяжелее.

Вторые сутки бойцы не спали, те, что ехали на конях, клевали носами. Сам Климёнок, чтоб не упасть с коня, слез с седла и шел, ведя его на поводу. Впереди перед ним мелькали, шевелились серые шинели пехотинцев. Климёнок то нагонял их, то немного отставал, и между ними то создавался нужный по уставу интервал, то пропадал снова. И вдруг у Климёнка посыпались из глаз искры. Он не сразу понял, что случилось, так как перед этим глаза сами по себе закрылись и он куда-то на миг как бы провалился, перестал существовать. И тут неожиданно его вернул к яви этот удар — открыл глаза

и увидел перед собой молодого пехотинца, который повернул голову и виновато глядел на него, ожидая, видимо, наказания. Это он нечаянно стукнул Климёнка рубцом своей каски по переносице. Климёнок схватился за нос, ожидая, что сейчас потечет кровь, но нет: из глаз только потекли слезы, он выругался, и сон как рукой сняло. Климёнок снова сел на коня.

Сгущались сумерки. Климёнок уже тешил себя скорым привалом, все поглядывал на часы, но его планы нарушил связной от командира дивизиона. Давался только час на ужин — и снова марш. О большом привале и ночлеге будет приказ особый. Ну что ж, надо делать то, что приказывают. За девять лет службы в армии Климёнок уже к этому привык.

Поужинали — и снова вперед.

Климёнка удивило, что тут, в Западной Белоруссии, так много лесов. Они ехали уже чуть ли не сутки и все время как бы проваливались в зеленое море, потом снова выплывали из него, снова видны были деревни, хутора, хатки и имения. И сейчас на ночлег они остановились на опушке, бойцы попадали как мертвые на землю и тут же заснули. Примерно через полчаса после всех упал и он сам под густой елью и тут же заснул мертвым сном, хоть и собирался еще пройти и проверить посты.

Как ни утомлен он был, однако ночью сразу же проснулся от недалекой стрельбы. Вскочил на ноги, прислушался. Где-то на юге-западе участилась ружейно-пулеметная перестрелка. Не прошло и десяти минут, как в их батарею прискакал на коне связной от командира полка. Сказал Климёнку, что их конный разъезд наскочил на группу польских улан. Батарея Климёнка должна сейчас же сниматься и занять позиции за километр отсюда, где теперь началась перестрелка.

В темноте ночи, под дождем, сонные, усталые за дорогу бойцы шли без всякой охоты, тихо ругая про себя «польскую» погоду и неожиданную перестрелку среди ночи.

В назначенное место прибыли раньше, чем было приказано, сразу сняли с передков пушки, развернули веером, подготовились к бою.

Приказа открывать огонь все еще не было, и Климёнок начал волноваться. А перестрелка все разгоралась,

но она как-то локализовалась на одном месте — ни сюда ни туда. Да что удивительного! Такая темнота! Разве узнаешь, куда лучше направиться, куда, в какую сторону повернуть, чтоб не напороться на пулю?

Между тем стрельба внезапно стихла. Кто-то кого-то одолел — так примерно можно было подумать. Наступили минуты напряженного ожидания. Вскоре на дороге прямо перед батареей показались два светлых глаза — фары. «Уж не паны ли едут,— подумал Климёнок.— А если даже и паны... Как-нибудь справимся». Когда машина подъехала ближе и в темноте стали видны пушки, она остановилась. Климёнок вышел на дорогу. Это была, по всему видно, наша штабная машина. Дверца открылась, из машины вылез здоровенный высокий человек в плаще. Климёнок узнал в нем начальника штаба полка. Начштаба тоже, видимо, узнал Климёнка.

— Что вы тут делаете? — спросил начштаба басовитым, густым голосом.

— Нам приказано стать тут на прямую наводку... Наш разъезд наскочил на улан...

Начштаба сердито крутнул ногой по земле, будто раздавил что-то неприятное...

— Улан... Своих не узнали, устроили переполох... Вон капитан умирает...— И начштаба показал на машину, в которой сидели военные.

— Так что прикажете делать? — спросил Климёнок, когда тревога спала.

Начштаба поднял голову, глянул в черное густое небо, с которого моросил ровный мелкий дождь, посмотрел на часы.

— Дайте людям отдохнуть. А в пять часов — сбор. Утром мы должны быть в Поставах.

Он попрощался, машина тронулась.

В пять часов, едва только начало светать, они уже были на марше. Дождь перестал.

В местечке Поставы Климёнок первый раз вблизи увидел польского солдата, пленного. Его вели наши два пехотинца с винтовками наизготовку. Но такая предосторожность, наверно, была излишней, так как этот щуплый, с запавшими глазами солдат в короткой зеленовато-желтой шинели и в ботинках с обмотками не собирался бежать. Удивительно, что на лице его не было отпечатка страха, горя или страдания, как

можно было бы ожидать от человека в его положении, наоборот, он был весел, голову держал высоко, глядел на всех смело. Видно, что плен его не пугал, а как бы освобождал от тяжелых обязанностей и забот.

Дальше все шло без происшествий и приключений. Короткие привалы, тревожный сон — и снова вперед. Не раз Климёнок, чтоб не выпасть из седла, шел пешком, ведя за повод коня.

Возле Лиды во время привала зашли на панскую сыроварню. Пан удрал, теперь тут хозяйничали его батраки.

— Берите все, что тут есть,— сказал бойцам пожилой, заросший щетиной дядька, такой сутулый, что, посмотрев на него, невольно хотелось расправить плечи,— это панское!

— Какое же панское, когда это уже все ваше,— сказал ему Климёнок.— Вашими руками все делалось,— значит, ваше. И берегите его, как свое.

Дядька удивился:

— Так что, можно все брать, нести домой?

Он еще многого не понимал, этот сутулый, сгорбленный дядька. Долго ему еще надо будет выпрямлять свою спину.

Опять шли без задержки и боев. Потерь его батарея не имела. Возле Гродно на опушке леса Климёнок увидел первого убитого — это был польский улан, рассеченный казацкой саблей.

И только в Гродно Климёнкова батарея расчехлила гаубицы. С колокольни одного из костелов по пехоте был открыт огонь. Батарея получила приказ сбить вражеское гнездо. Стреляли только одним взводом, выпустили по четыре снаряда. Пулемет замолк.

Примерно через час после этого батарея вместе с другими частями вошла в город.

Ехали по узким, выстланным темной брусчаткой старым улицам, смотрели на толпы празднично одетых людей, на веселую крикливую молодежь, на шумливую детвору, на бледных узников из гродненской тюрьмы, которые теперь ходили с винтовками и красными повязками на рукавах.

Гродно был по-своему интересный и красивый город, чем-то напоминал Климёнку Смоленск, чем-то Полоцк.

Костелы, старые каменные стены, мосты через широкий величавый Неман перекликались в Климёнковой памяти с картинами старого Смоленска на Днепре, с картинами не менее старого Полоцка на Двине.

Но прощай, Гродно, надо спешить дальше. Для артиллерии тут нет работы.

За городом, на пересечении дорог, лежала куча велосипедов. Кто их тут набросал и зачем, Климёнок, да и никто из них не знал, они прошли мимо, не останавливаясь, но гора из колес и рам еще долго стояла в глазах Климёнка.

За Белостоком Климёнок в первый раз увидел немцев.

Пока высокое начальство выясняло, где будет проходить нейтральная линия между новыми соседями, бойцы и командиры с интересом разглядывали немецких солдат. Климёнок должен был в душе признать, что экипировка у них неплохая. Непривычно серо-зеленого цвета мундиры с большими карманами, кожаные ремни с пряжками, чехлы для лопаток, патронташи — все подогнано как должно быть... Угловатые глубокие каски... Климёнок несколько раз прошелся мимо группы немцев и попросил прикурить, чтоб поглядеть на них вблизи. Ему вначале показалось, что сталь на их касках в два раза толще, чем у наших; только хорошенько приглядевшись, понял, что это оптический обман. Просто рубец каски у них завернут, как край материи, а сбоку, тем более издали, казалось, что сталь на касках такая толстая.

Немцы тоже внимательно присматривались к советскому офицеру-артиллеристу. Сосед или предполагаемый противник стоит перед ними?

Видимо, они этого не знали, как не знал тогда и Климёнок — кто перед ним.

4

Зима тридцать девятого — сорокового года была морозная и снежная. Снегу, казалось, не будет конца: он сыпал и сыпал, метель мела и мела. В тихие безветренные дни и ночи нажимали морозы. Трещали стены в хатах, стрелял, как из пушки, лед на реках, лопалась кора на деревьях, вымерзали сады.

Один год закончился неспокойно, второй неспокойно начинался. Шла война с Финляндией.

В самом начале года стали поговаривать, что артиллерийский полк, в котором служил Климёнок, поедет на фронт. Так оно и случилось.

Климёнка назначили начальником эшелона. «У тебя опыт»,— сказал ему командир полка. Действительно, у него уже был опыт: два эшелона сопровождал в Ленинград. Хлопот было по уши. Только погрузиться — и то сколько надо времени, сколько надо потратить нервов. Кони, пушки с передками, боеприпасы, все имущество, хозяйство, да еще сто пятьдесят бойцов.

Наконец поехали. Климёнок вздохнул свободней. Поезд шел на восток без остановок. Даже не остановился в Минске. В эшелоне было много белорусов, до дома им было рукой подать, и искушение заскочить домой трудно было побороть. Климёнок знал это по тем двум эшелонам, когда несколько человек сбежали домой, а потом догоняли свою часть...

Первую остановку сделали только в Орле.

Климёнок выбежал на вокзал дать телеграмму жене. Около двенадцати дня они должны были проезжать станцию Боровую. Однако их поезд там не остановился, и Климёнок назначил встречу на соседней станции — Громы, немного ближе. С почты забежал еще в буфет купить чего-нибудь на дорогу. Народу в вокзале было много, к буфету не подступиться. Увидел в очереди молодого лейтенанта-пехотинца, протиснулся к нему и попросил взять пару бутылок вина и конфет.

Люди из очереди смотрели на него миролюбиво: военные теперь в почете, им дорога открыта везде.

Лейтенант кивнул головой и взял деньги.

— А куда едете? — спросил внешне равнодушно.

— Туда... — Климёнок неопределенно махнул рукой, но все, кто слышал их разговор, поняли, куда теперь едут военные.

Климёнок вышел с вокзала вместе с лейтенантом, но, как только оказался на перроне, бросился к своему эшелону. Ему показалось, что их паровоз подал сигнал к отправлению, зашипели отпущенные тормоза, залязгали буфера. Но это отправлялся эшелон, стоявший рядом. А на первый путь подходил пассажирский из Витебска. Климёнок едва успел перейти на платформу. Его

поразило, что стекла в окнах слева по ходу поезда были выбиты все до одного.

Люди стали выходить из вагонов, многие были ранены стеклом.

«Неужели попали под бомбежку?» — мелькнула у Климёнка тревожная мысль. Обошел поезд с другой стороны, но там окна вагонов были целы.

Тогда он решил спросить: самый надежный способ не ошибиться.

Какой-то невысокий толстый мужчина в рыжем новом тулупе чуть не по земле волок огромный черный чемодан, а левой рукой прикладывал платок к щеке.

— Скажите, чем это так выбило стекла? — спросил у него Климёнок.

Пассажир даже не взглянул на него, буркнул:

— Сам не знаю...

Климёнок подошел к проводнице, спросил:

— Вы не скажете, кто выбил окна в вашем поезде?

— На встречном везли какую-то технику или еще что-то,— ответила женщина.— Торчало дышло с передка или, может, оглобля.

Климёнок махнул рукой и отошел. Это еще полбеды. Он думал, что тут пахнет порохом.

Пройдя через тамбур, Климёнок зашагал к своему эшелону. С мороза в тесном товарняке показалось даже жарко. Горела раскаленная докрасна железная печь-«буржуйка», от нее пышало жаром. Это был командирский вагон, тут стояли лавки, можно было присесть. В чайнике грелся чай.

Вскоре дежурный по эшелону постучал в дверь.

Климёнок вышел из вагона, прошелся с дежурным вдоль эшелона. В каждом вагоне проверил, все ли на месте.

За Полоцком Климёнок уже больше ни о чем не думал, как только о встрече с женой. Нарушался график движения, и это могло все испортить. В Громы они приезжают уже вечером, а в телеграмме он говорил о двенадцати часах дня. Надежды на то, что жена будет столько ждать, было мало.

Как только поезд остановился, Климёнок вышел из вагона. Он знал, что многие командиры из его эшелона, семьи которых жили в Боровой, пойдут на стоянку извозчиков, наймут возок и поедут прощаться с родны-

ми. На это они имели разрешение от него, начальника эшелона. Не поедет только он сам — ему надо быть тут.

Значит, не состоится встреча... Лучше бы он и не давал той телеграммы, напрасно никого не тревожил. Климёнок направился в вокзал: все равно надо было ждать, пока вернутся из Боровой.

На скамейках и прямо на полу, скорчившись, закутавшись в большие платки, в пальто, в полушубках, в валенках дремали женщины. И тогда у него снова ожила надежда увидеть жену. Он знал ее терпение, и если уж эти ждут, то ждет и она, лишь бы только добралась сюда.

Обвел глазами зал ожидания.

Нет, не она... Не она... Ну, эта совсем не похожа... В углу в бордовом пальто с черным котиковым воротником, в вязаном белом платке и валенках сидела женщина. Лица ее совсем не было видно. Климёнок подошел ближе. Что-то знакомое показалось ему в этом пальто, хотя таких пальто сколько хочешь.

Женщина как бы почувствовала его взгляд, зашевелилась и подняла голову.

— Надя! — крикнул Климёнок на весь зал.

— Глеб! Ты? — она всплеснула руками, бросилась к нему.

Он целовал ее теплое, согретое сном лицо с оттиском пуговицы на щеке, прижимал к себе. Она плакала.

— Хватит целоваться,— услышал Климёнок рядом с собой не то шутливый, не то сердитый женский голос, уловив в нем что-то знакомое.— Расскажи лучше, Глеб Иванович, где вас всех искать? — Женщина держала его сбоку за рукав полушубка.

Климёнок обернулся. Возле него стояла жена комиссара Рудакова, Мария. И еще на них глядело с десяток глаз — они смотрели с надеждой и мольбой, будто он был бог или пророк и от его воли зависело, произойдет ли теперь чудо.

— Мы едем в Ленинград,— сказал Климёнок и осекся: может, он выдал военную тайну? Да что, раз начал, то надо уже выкладывать все.— Зачем — вы сами знаете... Но... наши командиры поехали в Боровую, они не знали, что вы тут...

Женщины зашумели, заговорили так, что Климёнку стало их жалко: зачем он им сказал?

— А что же мы будем де-е-лать? — спросила одна.

— А где же я его найду, а может, я его уже не увижу? — тянула другая.

— Зачем же я сюда тащилась, как дурочка, сидела бы лучше дома...

Выходило, будто Климёнок виноват, что эти женщины разминулись с мужьями. Может, оно так и было в действительности, но теперь не время искать, кто виноват. Надо сделать что-то такое, чтобы люди не ругали ни его, ни эту минуту, когда они так нелепо разминулись со своими.

И Климёнок решил сам, как начальник эшелона, взять этих женщин на поезд и везти на Боровую и там на свой страх и риск сделать остановку и забрать тех, кто сошел в Громах.

Крики и радостные слезы заглушили последние слова Климёнка. Женщины готовы были вынести его к поезду на руках.

Климёнок ехал с женой в командирском вагоне. Распили бутылку вина, он угощал ее консервами, сухим пайком. Жена как-то сразу расцвела, не сводила с мужа больших ласковых глаз, рассказывала о сыне Иванке, о маленькой дочке Лине, которую Климёнок еще не видел. Такая уж его доля, что он приезжает домой, когда дети уже вырастают...

Телеграмму ей принесли около одиннадцати часов дня. Она еще не успела накормить как следует детей. Бросила все, даже не попросила соседей, чтоб приглядели за малышами. А сама, одеваясь на ходу, кинулась на железную дорогу и по шпалам, бегом, задыхаясь, по такому морозу поспешила в Громы. Прибежала сюда еще до двенадцати, другие женщины тоже подошли. Все выбегали к каждому эшелону, спрашивали — не наши ли. А бойцы зубы скалят, что им до того, что твое сердце заходится от жалости? Показывают на последний вагон, говорят, там ваши... А в том вагоне кони стоят...

Она плакала и смеялась одновременно.

— Ну, а как ты? — в ее голосе была слышна тревога, глаза смотрели с нежностью и любовью.

— Что я? Ничего страшного. Я ко всему готов. Такая наша неспокойная служба. Вот езжу из конца в конец. Теперь везу свою батарею.

— Так вас в бой пошлют?

— Разве я знаю? Если надо будет, то пошлют.

Поезд гремел колесами, вагон качало на стыках, муж и жена тихо разговаривали меж собой, и казалось, что не будет скорого расставания, что поедут они вместе туда, где хорошо и тепло, где нет лютого мороза, войны и смерти.

Паровоз подал длинный сигнал. Неужели Боровая?

Климёнок посмотрел на часы — так и есть.

Теперь уже женщины спешили к своим хатам встречать мужей, чтобы те, избави бог, не помчались назад в Громы, чего особенно боялся Климёнок. Он так заварил эту кашу, что еще неизвестно, как ее расхлебает. Сам он с женой остался при эшелоне, послал только связных с наказом, чтоб через час все были тут. Все вернулись раньше, радостные и счастливые.

Наконец подошло расставание. Климёнок хотел, чтоб оно тянулось как можно меньше.

Надя спрыгнула из вагона прямо Климёнку на руки. Он поставил ее на землю осторожно, как малое дитя, глянул в грустные глаза и сказал каким-то не своим, окаменевшим голосом:

— Береги себя и детей... Обо мне не горюй... Со мной ничего не случится...

Всегда при расставаниях, которых у Климёнка в жизни было немало, он собирался сказать жене много теплых слов — о ее доброте, честности, о ее терпеливости и умении ждать, о ее выносливости и — более того — самоотверженности... И о том, что он любит ее и будет любить до конца...

Но все это застревало в горле, и он говорил пустые незначительные слова, а потом, расставшись с ней, ругал себя за это.

— Ну, счастливо оставаться... Гляди...

Она вытирала глаза, шмыгала носом.

— Пиши хоть чаще... А то ты такой... И правду пиши... А то умирать будешь — и не признаешься.

Климёнок усмехнулся, хотя спазмы сдавили горло.

— Ну, смерть от людей не утаишь...

Паровоз подал сигнал отправки.

— Всё... Прощай, Надя... Целуй детей...

Они еще раз обнялись. Климёнок вскочил в вагон уже на ходу. Темнота ночи поглотила разъезд и их эшелон. Они ехали в эту темноту, в неизвестное и неизведанное.

5

Эшелон прибыл в Ленинград на Варшавский вокзал ночью, город еще спал. А может, и не спал, но был затемнен — ни огонька, ни фонарика, ни лучика — сплошная темень.

На вокзале Климёнок зашел к военному коменданту. Они встречались в третий раз.

Комендант поздоровался с Климёнком как с хорошим знакомым. На измученном, сером лице его засветилась добродушная улыбка.

— Капитан? Опять ты?

— Я, товарищ комендант.— Климёнок приложил пальцы к буденовке.

Комендант заглянул в свои бумаги на столе, протянул руку. Климёнок подал ему серую папку.

— Что ж, распишись за документы и с богом...

— Как распишись? — не понял Климёнок.— Документы повезу я сам... Это моя батарея...

— Сам? — Лицо коменданта сморщилось.— Значит, настал и твой черед?

— Я давно этого ждал...

— Жаль, жаль,— сказал комендант, вынул бумаги из папки Климёнка, положил себе на стол.

— Что жаль? — снова не понял Климёнок.

— Ничего, ничего...— спокойно ответил комендант и встал из-за стола, начал надевать свой полушубок.— А помнишь, мы с тобой собирались выпить по чарке за знакомство и я тебя обещал поводить по Ленинграду? А? Помнишь, как мы с тобой поссорились в первый раз?

Климёнок не успел забыть: не прошло еще и месяца, как они познакомились тут, в этой комнате, и сразу поссорились. Комендант не давал приказа на разгрузку, не сказал, когда их эшелон вообще можно будет разгружать. Тогда он показался Климёнку каким-то неповоротливым. Но вскоре Климёнок понял, что ошибся: просто это была манера — медлить, а за нею скрывался деловитый и очень опытный в своем деле человек.

— Помню, товарищ комендант... Видать, придется отложить до следующего раза,— грустно сказал Климёнок.

— До следующего раза... — повторил комендант

и потер пальцами свой мясистый нос.— А когда это будет?

— Не знаю...

— И я не знаю. Ну, пошли! — Комендант хлопнул Климёнка по плечу, отдав ему папку с документами. Они направились к эшелону. В лицо дохнуло морозом, стали слипаться веки. Климёнок вызвал из своего вагона сигналиста и приказал сигналить подъем.

— А потом что? — спросил у коменданта Климёнок.

Комендант кашлянул в кулак.

— Все сделаем как положено, капитан... Тебе не терпится?

Климёнок не успел ответить: в воздухе послышался пронзительный, тревожный звук трубы — сигнал к побудке. В вагонах захлопали двери, послышался визг свиней, беспокойный топот коней. Для Климёнка все это не было новинкой, и все же он волновался: хорошо бы прошла разгрузка! Чтоб нигде никто не вывихнул ноги, чтоб кони не посбивали подков, чтоб свиньи были целы, а главное, чтоб люди были здоровы и никто не отстал.

— Не волнуйтесь, капитан,— будто угадывая его настроение, говорил комендант,— все будет хорошо. И вы найдете свое место, тем более что оно недалеко — Парголово. Отправляйте квартирьеров, и, пока вы разгрузитесь, они уже все разведают.

Квартирьеры... Найдут ли они в чужом незнакомом месте то, что надо? Климёнок решил, хоть ему это и нелегко было сделать, попросить коменданта:

— Товарищ комендант! Не могли бы вы помочь?.. Дать своего человека, который знает, где это Парголово?

— Гм... — комендант ударил рукавицами по ладони.— Квартирьеры должны все знать сами, но, чтоб вы меня вспоминали добром, дам вам человека... Какой у вас транспорт?

— Кони...

— Вот и хорошо... Дадите ему коня...

Разгрузка между тем шла полным ходом. Артиллеристы на руках спускали с площадок свои гаубицы. В конце эшелона визжали свиньи, не хотели вылезать из тепла на мороз. Кони покидали свои стойла спокойно — они хорошо видели ночью, да и были приучены к ночным тревогам.

...Когда квартирьеры вернулись, колонна двинулась в поход.

Молчаливые мрачные дома, затемненные окна. На улицах — ни души. Весь город как бы вымер. Голые деревья, гулкие мосты, закованные в лед каналы, настывшие на морозе гранитные или бронзовые фигуры. Город, богатый памятниками высокого искусства... Как жаль, что они идут ночью, как жаль, что Климёнку уже в третий раз приходится вот так, галопом, пронестись по улицам Ленинграда, не полюбовавшись спокойно и вдосталь его неповторимой красотой. А теперь — неизвестно, когда увидит...

Мороз жмет не на шутку, но хорошо еще, что ветер дует сбоку, больше в спину, чем в лицо. Кони на морозе подвижные, их не надо и подгонять — подгоняет холод.

Вот и последние дома остались позади, колонна, как длинный плот на реке, выползла на открытое место, и сразу стало холодней. Снег на дороге тут был не примят, и коням и людям идти становилось все трудней.

Мерное покачивание в седле навевало сон. Постепенно начинался рассвет. Вокруг — слева, справа — виднелось белое, сколько видел глаз, поле, где-то далеко, возле самого горизонта, синел лес, равнина медленно начинала сменяться пригорками. Климёнок пришпорил коня, подъехал к квартирьеру, который был впереди.

— Далеко еще? — спросил у него.

Квартирьер, молодой старшина, пристально вглядывался в дорогу.

— А вон — видны уже хаты. Это Парголово.

— Видел кого из наших?

— Начальника штаба полка,— ответил старшина.

У Климёнка потеплело на сердце. Тут, в этом далеком краю, встретить своего командира — это как праздник. Начштаба полка Бирулин был добродушный великан, внешне неприступный, насупленный и строгий. Но это для тех, кто плохо нес свою службу. Для хороших людей не было добрее человека, и уже не раз командир полка Лещинский в шутку говорил, что надо начштаба поменять местами с полковым комиссаром. Комиссар был человеком другого склада: сдержанный, строгий, но одинаковый со всеми.

Кони, почуяв жилье, ускорили ход, незаметно оживились и люди, выпрямились, лица их посветлели.

Из труб домов вился дым, женщины готовили завтрак, порой с дымом долетал запах жареного сала и лука. Климёнок начал глотать слюну. Что ни говори, а голодному хлеб на уме: пора уже было завтракать.

«Еще рано, а дети уже не спят»,— подумал Климёнок, глядя на группку ребятишек, тепло одетых, в валенках, которые подступили от занесенного снегом забора к самой дороге и во все глаза смотрели на колонну, которая вползала в поселок. Один из мальчиков чем-то напомнил Климёнку его Иванку, и сердце защемило: где теперь его Иванка, что делает? Вспоминает ли отца, слушается ли мать, помогает ли ухаживать за маленькой сестричкой? Эх, помощник...

Старый мужчина в синем ватнике и белых валенках, которые сливались со снегом, отчего человек казался очень коротким, с полными ведрами воды на коромысле хотел было перейти улицу перед самым носом колонны, но не решился, остановился и ждал, не снимая с плеча коромысла. Климёнков конь дернул повод и рванулся к дядьке, но напрасно: поводья натянулись, он должен идти ровно. Климёнок не очень верил в приметы, но сейчас ему захотелось, чтоб человек этот перешел им дорогу с полными. А он, как нарочно, не решился, не захотел подарить им надежду на боевое счастье. Ну что ж, мерзни теперь и жди, пока пройдет колонна...

Но долго ехать не пришлось: квартирьер показал рукой на небольшой, обшитый досками зеленый домик с высокой гонтовой крышей — такие крыши Климёнок видел в первый раз, говорили, он сделан по финскому образцу,— и сказал, что тут остановился начальник штаба.

Климёнок приказал своему заместителю остановить колонну, а сам заехал во двор, соскочил с седла. Не успел он отдать повод коноводу, как на крыльце, широко переступив порог, показался начштаба Бирулин. Намерзшие доски пронзительно заскрипели под его тяжелыми шагами.

— О, ранние пташки! — загремел басом.— Приветствую, приветствую, капитан! Как доехали? Все ли целы? Не замерзли, как картошка на морозе?

И он протянул Климёнку большую, как медвежья

лапа, горячую и твердую руку. Одет он был так, словно собрался в дальнюю дорогу,— белый тулуп, высокие, до колен, валенки, серая, новой формы ушанка, их только начинали вводить тут, на Севере. Непривычный ее плоский верх менял человека, его трудно было узнать.

Начштаба сыпал вопросами, Климёнок не успевал отвечать. Зашли в дом. Климёнок отдал документы, штабисты угостили его папиросой, тоже засыпали вопросами, на которые он отвечал то серьезно, то шутливо. И незаметно с Климёнка свалился груз забот и страха за судьбу вверенной ему батареи. Он нашел своих, а вместе уже не пропадешь: что всем, то и ему.

В Парголове батарея простояла два дня. Отогрелись, отоспались и двинулись дальше, на северо-запад, к старой границе. Остановились в военном городке Песчаное. Городок фактически был пуст, они разместились в казармах, недавно покинутых какой-то воинской частью, которая подалась дальше к линии фронта, а в домах остались только комсоставские семьи.

В Песчаном для Климёнка хватало хлопот. Он приходил в казарму поздно вечером и как мертвый падал на постель. Но усталость была такой сильной, что долго он не мог заснуть: события дня отчетливо вставали перед его глазами.

У приписников не было валенок, не было теплого обмундирования. Надо было пополнить запас снарядов, патронов, фуража для коней. Бойцы вместо карабинов получили новые автоматы ППД, офицерам наганы заменили на пистолеты ТТ.

Организовались и шли полным ходом краткосрочные курсы — учились обходиться с новым оружием бойцы и командиры.

Еще одни курсы, чуть не самые важные,— минное дело: мины-фугасы, мины-сюрпризы нажимного и натяжного действия...

До людей постепенно доходило, что такое линия Маннергейма. Это не только железобетонные доты, надолбы, лесные завалы, мины, «кукушки», немецкая техника, но и что-то большее. Если Климёнок до сих пор твердо верил в свои силы и в быстрый успех, то после всей психофизической обработки, которая должна была подбодрить людей, вселить в них дух уверенности, почувствовал себя как-то неуютно, как голый на морозе.

Из Песчаного их полк «вытеснили» новые части из Ленинграда. Полк двинулся дальше. Остановились на ночь на старой границе, заняли места в покинутых землянках. Климёнок поместился в командирской, из двух «комнат». В одной, передней, обосновались бойцы из караульного отделения, в другой — он. Утомленный дорогой, промерзший за день, Климёнок лег спать около двенадцати. В землянке было холодно, как на улице, ее не обогревали несколько дней. Но бойцы из караульного отделения обещали раздобыть дров и подогреть. Он и не подумал, что станет с его валенками, которые поставил прямо на железный верх плиты, одним концом выходившей на его половину.

Климёнок, как только согрелся, сразу же заснул. Снились ему неспокойные, страшные сны: что он где-то шел, а за ним кто-то гнался, что он что-то искал и не мог найти, то взбирался на какие-то крутые горы, срывался, снова карабкался вверх — и так всю ночь... А потом показалось ему, что откуда-то с низкой ели кто-то тяжело прыгнул на него — «кукушка» как медведь, промелькнуло в голове,— повалил и начал душить за горло. Вот уже и дышать нечем, последние проблески сознания покидают Климёнка. Он кричит, дергается всем телом — и просыпается. Но дышать и взаправду было нечем, смрадный горький дым лез в горло, в глаза, он хотел крикнуть — и не мог, как во сне, хотел встать с постели — и не мог даже пошевельнуться. Руки и ноги не служат, не слушаются... Его охватил страх, как утомленного пловца, которого тянет в омут, а сил, чтоб бороться с течением, уже нет. Собрав всю волю, все свои последние силы, на ощупь нашел на стене свою полевую сумку. Непослушными чужими пальцами расстегнул ее и достал готовальню, начал стучать ею в стену. Но вот последние силы оставили его, готовальня выпала из рук...

Очнулся во дворе: лежал на снегу, его рвало, выворачивало все нутро, сводило судорогой брюшной пресс, из глаз сыпались огненные искры. Потом снова куда-то все пропало...

Второй раз он очнулся уже в землянке, горела лампа, и было светло, но потолок в Климёнковых глазах качался туда-сюда, ныло под ложечкой, а голова раскалывалась на части. Над Климёнком, как дети над ма-

терью, склонились бойцы из караульного отделения: один поправлял одеяло, второй подавал воды, третий клал на голову холодный компресс, четвертый показывал валенки, у которых сгорели все ступни и остались только трубы-голенища. Одним словом, Климёнок почувствовал человеческую заботу, и ему стало немного легче. Сказали, что скоро придет доктор.

Возможно, впервые Климёнок посмотрел на себя со стороны: вот он лежит на постели ни жив ни мертв, но ни жалости, ни страха за себя не чувствует, было только тупое безразличие.

Кажется, приходил доктор, кажется, что-то делал, что-то говорил, но был ли это сон или явь — Климёнок не помнил.

Очнулся после долгого глубокого сна и почувствовал, что болезнь как рукой сняло. Только горький смрад сожженных валенок долго не давал ему покоя, стоял в горле.

6

Лютый холод сковал все тело. Новый полушубок до колен, теплые ватные штаны, новая шапка-ушанка с плоским верхом, сухие валенки — все это должно было греть, а Климёнку казалось, что он стоит на морозе раздетым.

Но так продолжалось недолго, минут пять, пока выветрилось тепло землянки и тело привыкло к холоду.

Вокруг тишина, чуткая ночная тишина. Только звонко поскрипывает снег под ногами. Но Климёнок знает, что тишина эта обманчива, как и все на этой суровой земле. Тишина тут полна скрытого движения, полна неожиданностей и опасности. Финны не любят шума, они делают все тихо и аккуратно, редко когда не попадают в цель. Неприветливая холодная земля... По ней ступаешь как по тонкому льду.

Часовой окликнул Климёнка, спросил пароль.

По траншее, выкопанной в снегу, Климёнок прошел к пулеметному гнезду, возле которого стоял часовой. Его белый халат сливался со снегом, только вблизи можно было разглядеть, что это стоит человек.

— Как тут, тихо? — нарочно громко спросил Климёнок, чтобы ободрить часового.

— Тихо, товарищ капитан. Только холодно,— ответил боец, ловко перекинув карабин на согнутую руку, и стал тереть ладони.

— Станцуй полечку, не замерзнешь,— посоветовал Климёнок.

Он обошел гнездо, прошел несколько метров дальше, потом вернулся.

— Не страшно одному? — снова спросил часового.

— А чего страшно? Мы ж с пехотой, чего финн сюда полезет? — бодро ответил боец.— О, звезда упала, глядите! Как ракета!

Звезда чиркнула по небу и погасла, не долетев до земли.

— Ты меньше на звезды гляди, а больше на землю.

— Гляжу, товарищ капитан.

— И не очень надейся, что финн не перелезет к нам через пехоту...

«Может, напрасно пугаю парня? Но ничего, лучше пусть будет осторожнее, это лучше, чем ворон считать. Тут война, а не игра в прятки»,— думал Климёнок, вглядываясь в мутную серую даль.

— Вон волк,— шепнул часовой Климёнку и показал рукой в «тыл». Климёнок удивился, как он все видит, этот часовой.— Разрешите, я возьму его на мушку! — в голосе бойца чувствовался азарт заядлого охотника.

— Нельзя! — строго сказал Климёнок, наблюдая, как осторожный зверь остановился и поднял голову, прислушивается. Глаза на миг блеснули и потухли. Он шел не на них, а сбоку. Видно, где-то поодаль лежал убитый конь.

«Теперь волкам раздолье,— подумал Климёнок.— Еды хватает».

Волк будто что-то услышал: встрепенулся, свернул с прежней дороги и растаял в сером мраке ночи.

Действительно, почему Климёнок запретил бойцу выстрелить? Что тут такого? Мало ли кто стреляет ночью?

Из раздумья его вывел часовой.

— Вы слышите? — шепнул боец.

Климёнок застыл на месте, насторожился, но ничего не услышал.

— Тебе показалось,— сказал он тихо.

Боец ничего не ответил, все так же вслушивался. Ага! Заскрипел снег, до Климёнка отчетливо долетел этот звук. Но где-то довольно далеко. Кто-то осторожно идет на лыжах.

— Теперь слышите? — шепотом спросил боец.

Климёнок только предупреждающе поднял вверх палец.

Уже отчетливо слышался равномерный шорох лыж по снегу, тонкий скрип палок. Трудно было разобрать — два лыжника идут или один. Порой звуки как бы удваивались, порой слышался только один...

Боец и командир застыли, вглядываясь в белую линию горизонта, переходившую в зубчатый лес. Ничего не видно: все сливается в неопределенную темно-серую муть. И вдруг в этой серой мути что-то как бы всколыхнулось — точно на ровную гладь лужи сел комар. Что-то чуть белее темного горизонта медленно наплывало, приближалось к ним. Уже видны даже взмахи рук, неясные очертания оружия на белых силуэтах. И вдруг — тишина, силуэты пропали. Очевидно, прислушиваются... Их, кажется, двое... Вот снова ожил ритмичный скрип, зашуршали лыжи.

— Что делать? — спросил боец у Климёнка.

В его голосе страх и любопытство. Он медленно берет карабин на руку.

— За пулемет...— шепчет Климёнок.— Только по ногам...

Две фигуры в белом вырастают в темноте, как великаны, направляются прямо на них.

— Стой! — неожиданно для себя крикнул Климёнок.

Звук его голоса был для финнов как бы стеной, о которую они стукнулись и остановились. Но это замешательство длилось одну секунду, не больше. Хороший лыжник умеет мгновенно сменить направление на сто восемьдесят градусов. Так и эти: один рывок — и они уже повернули назад, налегая на палки, стали отдаляться, сливаясь с фоном.

Но в этот момент гулко застучала пулеметная очередь.

Передний упал, задний налетел на него. Кажется, все кончено. Боец выпрямился за пулеметом, нервно крутил головой — переводил взгляд то на Климёнка,

то на то место, где лежали двое. Даже в темноте Климёнок заметил, как лихорадочно блестят его глаза, какие большие и темные стали зрачки.

— Разрешите сбегать... поглядеть...— сказал боец.

— Подожди... Я сам.

Климёнок выбрался из окопа и, глубоко проваливаясь в снег, пошел к белому пятну, на ходу отстегивая кобуру пистолета.

Но предосторожность была напрасной. Оба человека не шевелились. Климёнок взял за ремень верхнего, рослого и тяжелого, приподнял. У того, что лежал снизу, маскировочный халат на плечах был темный, будто залит чернилами.

«Кровь,— догадался Климёнок.— Часовой взял выше, чем надо».

Он снял с убитых автоматы и вернулся в окоп. Такого быстрого конца Климёнок не ожидал. Могло кончиться ничем — финны могли убежать. Могло кончиться хуже — финны наскочили бы на них, дали бы очередь из автоматов...

— Ты хороший стрелок,— похвалил Климёнок бойца.— Вот твои трофеи.

Боец взял один автомат, взвесил его на руке.

— Легкий,— сказал он.— Ага, финны! — и он как-то неестественно залился смехом.— Ага, финны!

Климёнку стало как-то не по себе от этого смеха. Но боец быстро успокоился.

— Ну, смотри тут,— сказал Климёнок часовому и тронул его за плечо.

— Но пасаран! — сказал боец и поднял вверх трофейный автомат.

Климёнок направился было в свою землянку, однако передумал и зашел в караульное помещение. Там все спали — одни на нарах, другие на самодельном, из досок, столе, но одетые. Климёнок хотел их немного проучить — выстрелить в потолок, но передумал. Разбудил только отделенного и приказал сменить того бойца, что возле пулемета на НП. Отделенный посмотрел на часы, сказал, что сменяться еще рано, но все же разбудил бойца.

Климёнок пошел спать.

Он не раздевался, только скинул валенки и поставил их дальше от печки.

7

Та зима запомнится Климёнку на всю жизнь своими лютыми морозами, белым сыпучим снегом, почерневшими от выстрелов снарядов валунами дотов, присыпанными снегом окоченевшими трупами, длинными холодными ночами, полными тревог и неотвязных мыслей.

Они продвигались вперед медленно, но неуклонно. Они вообще рубили под корень вражескую пропаганду, которая трубила, что советские войска не пройдут вперед и шагу. Но они шли — по каменным надолбам, по заминированным завалам, по скалам, по залитым водой от взорванных плотин низинам, вели за собой коней, которые с трудом тащили пушки, молча умирали на снегу от пуль финских снайперов — «кукушек», от лютого мороза, от мин-сюрпризов, от кинжального шквального огня замаскированных дотов.

Они шли по опустевшим деревням и хуторам, где было все открыто, будто напоказ, и все сковано морозом, даже колодцы, а из живых существ оставались только кошки и собаки, где со стен ухоженных, чистых домиков глядели веселые, белозубые и синеглазые лица красивых светловолосых лыжников и лыжниц в спортивной форме, которая хорошо оттеняла их тонкие талии, округлые груди и сильные плечи.

Все это выглядело как-то ненормально, неестественно, не вязалось с логикой жизни, но все именно так и было.

Они шли дальше, на северо-запад, тесня белофиннов все дальше и дальше от пресловутой линии Маннергейма, раздавливая, как орехи, неприступные доты.

Они наступали, сметая пушечным огнем все преграды на своем пути.

...Однажды утром, когда еще не рассеялся мрак, Климёнку позвонили из штаба полка. Говорил комполка Лещинский:

— Капитан Климёнок, поможешь очистить высоту триста семь... Прямой наводкой... Танкисты топчутся там сколько времени, и ничего не выходит... Смотри, чтоб был порядок...

— Есть, товарищ комполка! Постараемся,— ответил в трубку Климёнок. Он был рад, что Лещинский говорил с ним не официально, а дружески, как с равным, будто и не приказывал, а просто советовал, как старший.

Связной пехотный лейтенант помог батарее Климёнка занять исходные позиции, и это намного облегчило задачу, так как в густом предутреннем мраке сделать это самому было бы нелегко. Сбивало с толку множество следов от колес и гусениц, ими была исполосована вся местность. Храпели настороженные кони, тихо поругивались ездовые, постукивали на выбоинах и на камнях пушки, пронзительно скрипели колеса, катясь по морозному снегу.

Батарея заняла огневые позиции. Снялись с передков, коней отвели в тыл.

Соседи-танкисты помогли Климёнку повернуть гаубицы, поставить веером. Пока все подготовили, Климёнок разогрелся, почувствовал, как взмокли плечи. У него еще осталось немного времени оглядеться.

Место было неровное, горно-лесистое. Невысокие кривые сосны, выставив изуродованные ветви-руки, стояли там и тут, придавая белой неустойчивой равнине вид какого-то абстрактного рисунка, на котором нельзя было найти никакого плана, никакой симметрии. Даже сосны были тут кривобокие, покоробленные, с горизонтальными толстыми ветками, которые глядели то в одну, то в другую сторону.

Высота 307 была хорошо видна отсюда; тут и там стоявшие темные сосны ясно выделялись на горизонте, создавая форму чуть покосившегося зонта. На вершине ее стоял, по данным разведки, дот, который простреливал все подступы к высоте.

Обойти высоту тоже было невозможно. Справа лежали завалы — поваленный в одну сторону лес. Его срубили на высоте человеческой груди, не доводили распил до конца, дерево падало, расщепливалось, держась комлем на неперепиленной половине. Эти комли, напоминавшие стволы пушек, положенные на упоры, враждебно белели кругами срезов, их связывали толстой проволокой, создавая сплошную деревянно-проволочную сеть, которую нельзя было разобрать, так как она была заминирована.

А слева виднелось озеро, белая гладь которого сегодня была ледяной, серо-стальной: день назад сюда каким-то чудом финны пустили воду, и наша пехота, пытавшаяся обойти высоту с фланга, вся намокла — бойцы выходили назад по колено в ледяной воде.

Высоту не обойти! Ее надо — хочешь не хочешь —

брать только в лоб. Сверху донизу огораживая ее, как поясом, стоят каменные надолбы: они торчат из снега, похожие на острые трехгранные штыки, и издали кажется, что на склоне этой горы — могилы и на каждой — каменный обелиск.

Уже совсем рассвело, пора было начинать наступление. Климёнок обошел позиции, справился о готовности у командиров орудий, командиров взводов. Батарея готова, артиллеристы давно ждут случая погреться. Наводчики застыли возле панорам, делают последние довороты.

Климёнок стал между первым и вторым взводом, чтобы была слышна его команда, обвел глазами батарею. Волнение подступило к сердцу. Он смотрит на часы и поднимает руку:

— Батарея...— делает паузу, набирает воздуха.— Огонь!

Не успел он закрыть рот, как почувствовал сильный удар в левое бедро, под самый живот. Этот удар будто переломил его пополам. Он скорчился и упал под колеса пушки.

Уже лежа, Климёнок услышал, как громыхнули гаубицы первого взвода, а второй взвод сделал только один выстрел. Климёнок все еще не знал, что с ним случилось, кто и чем стукнул его по ноге. Жар и слабость разлились по всему телу, все закружилось на секунду и пропало, потом всплыло вновь.

Когда в хорошо налаженный механизм внезапно попадает что-то чужое, механизм начинает разлаживаться, ломаться, выходит из строя сначала один какой-то его узел, потом второй, третий, пока не наступит полный развал, так и в его организм — почувствовал Климёнок — ворвалось что-то чужое, безжалостное, которое в один момент свалило его на землю и вот сейчас, через несколько минут, доконает совсем. «Пить»,— говорит он тихо, вернее, думает, что говорит. Он не ждет никакого чуда, знает, что голоса его никто не услышит. Знает только, что лежит на снегу, а снег — это вода. Раскрывает рот и одеревеневшими губами захватывает снег, жует его, чувствует, как холодный скрипучий снег, превратившись в воду, смачивает рот. Холода от снега он не ощущает. Ему кажется, что с того времени, как он упал от удара невидимой силы, прошла вечность.

Наконец Климёнок видит, что над ним склоняются бойцы его батареи. Он узнает их,— значит, еще жив, еще память у него не отшибло, он еще человек, а не труп...

— Вас ранило? — спрашивает у него командир пушки.

— Нет...— почему-то говорит Климёнок.— Зачем прекратили огонь? Огонь...— хрипит он и закрывает глаза.

Его оттащили от гаубицы, положили на снег. Батарея снова начала бить залпами.

А Климёнок лежал, смотрел в чистое глубокое небо и уже не чувствовал ни боли, ни слабости, ему казалось, что он становится легким-легким, что скоро он совсем потеряет свой вес и оторвется от земли, как пушинка, как надутый газом шарик. Понял: это из тела уходит кровь, а с кровью — сила и жизнь.

Гах! Гах! — бухали пушки.

Выстрелы эти радостью отдавались в его сердце. Батарея живет, она выполняет задание, она прокладывает дорогу пехоте.

Гах! Гах! — бухали пушки.

Снег заскрипел, закурился возле его лица, захрапели кони, застучали копытами. Что такое? Почему тут кони? Кто приказал? Климёнок хочет привстать, но не может. Вот его взяли на руки, кладут на передок. Кажется, у него нет ног... Только там, где они прикреплены к туловищу, горит, горит, и боль понемногу начинает подниматься выше, подступает к груди. Хочется пить... Хочется пить... Небо потемнело, качнулось, куда-то пропало.

— Стрелять!.. Батарея... огонь! — кричит он, но голоса нет: шевелятся только его губы.

Гах! Гах! — слышит он в ответ на свою команду и успокаивается — бойцы делают свое дело.

И он покачивается от этих взрывов, его наклоняет то влево, то вправо, как лодку на воде... Нет, это просто кидает в стороны пушечный передок, дороги нет, колеса идут по целине... Его куда-то везут... Он снова заваливается налево, потом направо, но не падает. Почему?.. На передке — снаряды... Полный боекомплект, восемьдесят штук, на день боя... Но что он путает? Какой передок? Какой боекомплект?.. Он уже в санках, лежит на соломе... Мягко, как в постели... Только холодно. Почему это на соломе холодней, чем на голых досках?.. Возле него незнакомый боец в белом полушубке. Порой наклоняется

к нему, что-то говорит, но Климёнок не может разобрать — на каком-то чужом языке.

Как же там батарея? Выстрелов больше не слышно, он далеко отъехал. Она там... Кончилась твоя война... Кончилась... Навсегда... Он еще не знает, умрет или выживет, как его ранило — легко или тяжело, и даже не знает, куда — в живот или в ногу... Но теперь ему все равно. Теперь он ко всему безразличен... Где-то там жена, дети... Где-то еще дальше — родители, братья и сестры... Но они так далеко, что ему теперь до них никогда не дойти, не доехать, теперь ему до них нет никакого дела. Будто он теперь сам по себе, а они — сами по себе. Он даже будто видит их: они стоят где-то высоко, смотрят на него спокойными глазами и вяло машут ему, а он тоже спокойно и равнодушно смотрит на них и даже не хочет взмахнуть рукой — не может или считает, что это лишнее?

Но вот, кажется, они приближаются к нему, смотрят на него сверху, а он лежит на полке в финской бане, только вода почему-то льется горячая и обжигает его. Он хочет крикнуть, но голос у него пропал, сорвался от крика: «Батарея, огонь!», а вода горячая все течет на него, а родные смотрят, что-то говорят, но он ничего не слышит. Они о чем-то советуются, чем-то встревожены... Может, видят, что вода горячая и он сварится в ней, как рак в кипятке? Только почему они в белом? Почему все в белом?

«Климёнок!» — слышит он свою фамилию, голос будто женский, голос жены, испуганный и тревожный, будто она его только что узнала, а до сих пор не знала, кто он такой. Но почему она называет фамилию, а не имя, как всегда? Вопросы оседают и оседают в его голове, будто кто-то загоняет в нее гвозди, он откладывает их на потом, а сейчас ему все равно... Подумаешь, жена не узнала, называет его по фамилии... Просто давно не видела... Просто...

Все исчезает, как кошмарный сон...

— Дайте закурить...

Это были первые слова Климёнка, когда к нему вернулось сознание.

Через минуту ему дали в рот, как соску, прикуренную папиросу, так как руки его были крепко привязаны к столу, на котором он лежал. Он видел, как вокруг него

неслышно ходили, склонялись над ним доктора в белых халатах и в марлевых масках, видел только их глаза, умные острые глаза, по которым он читал все, что делали ему на этом операционном столе. Ему казалось, что в его свежую рану вставили большой колючий ерш и шуруют им, протягивают его туда-сюда, что ерш горячий, будто из раскаленной докрасна проволоки — так страшно горит, жжет, пылает его рана.

Не выпуская изо рта папиросы, он сосал, затягивался дымом во все легкие, кусал мундштук, кусал губы и язык. Над ним горели лампы, на них трудно было глядеть, и он прищурил глаза, потом снова смотрел на докторов. Кажется, вот эта живая, как бы заплаканная пара глаз ему знакома, особенно этот красивый женский лоб и пышные волосы под шапочкой... Только не может припомнить, где и когда он их видел... Где-то в больнице... Но когда и где? Может, в Минске, когда болел малярией? Нет, ту толстушку Катю он сразу узнал бы, хотя и прошло много времени, когда он ее видел... Кто же эта девушка или женщина, бог ее знает?.. Но что ему до того?

Доктор, которому беспрестанно вытирают тампоном вспотевший лоб, все еще копается в его ране, берет из рук сестры новые и новые инструменты, которые через несколько минут сухо звякают о поднос или таз, кто их там знает.

Климёнок слышит непонятные слова и не может понять, кто их говорит, так как лица у людей закрыты масками. Потом его переворачивают ничком. Он тупо глядит в белый некрашеный пол, видит только ноги: женские в чулках и мягких войлочных тапочках, мужские — в брюках и ботинках... Ноги то мелькают, спешат, то останавливаются, нервно подергиваются, напрягаются, то снова расслабляются. По ногам можно узнать, что человек делает там, наверху. А по тому, как человек переступает, говорят, можно определить характер... О черт! Кажется, через ногу добираются до самого сердца... Холодный пот заливает ему глаза, хочется провести рукой по лицу, но руки привязаны, и он крутит только головой, дотрагивается то одной, то другой щекой до холодной простыни, трется о нее лбом. Хочется крикнуть, чтоб потухли эти лампы, чтобы ушли эти люди в белых халатах и резиновых перчатках. Краем глаза Климёнок видит, что у главного доктора, который что-то делает

с раной, перчатки по самые локти в крови, что кровь и на белоснежном халате, на груди.

«Много у тебя крови, брат,— говорит себе совсем спокойно Климёнок,— когда она кончится?»

Наконец его поднимают со стола, везут в какую-то комнату, кладут на твердую постель.

— Глеб Иванович, вы узнали меня? — спрашивает у него девушка, уже без маски, с прямым острым носом и полными губами.

— Теперь узнаю,— утомленно говорит Климёнок.— Наташа Вишневская, из нашей Боровой.

Наташа счастливо улыбается и говорит:

— Вы просто молодчина, Глеб Иванович! Вы даже не застонали... А у вас такая операция! Такая рана...

Она испугалась своих слов, умолкла.

Климёнка это не удивило — не было сил. Он даже не спросил, что будет с ногой.

— Мы отправляем вас в Ленинград. Счастливо поправляться, Глеб Иванович.— Она приложила холодную руку к его лбу.

Приятная легкость разлилась у него по телу от этого прикосновения.

— Спасибо вам,— прошептал Климёнок и закрыл глаза.

8

Ленинград. Военно-медицинская академия имени Кирова... Теперь она стала временным госпиталем... Сюда, почти без всяких происшествий, привезли Климёнка вместе с сотнями таких, как он. Происшествия все же были. Во-первых, ночью их поезд бомбил какой-то самолет-одиночка, сбросил несколько бомб, но в поезд не попал, только разбудил людей и поднял панику. Во-вторых, уже тут, в Ленинграде, когда их выгружали из вагона, на Климёнка чуть не наехал автобус — колеса остановились у самых носилок. Климёнок даже не испугался — то ли не успел, то ли решил, что худшего с ним уже ничего не случится.

Нудные и однообразные госпитальные дни ослеплялись, как вспышкой молнии, нестерпимой болью перевязок, отбирали много сил и надолго выводили Климёнка из его обычного, а вернее, необычного состояния безразличия и прострации. Вот ранили человека. Кажется, все

просто. Искалечили тело — и все, терпи, а разум с этим не хочет мириться. Климёнок уже свыкся, сжился с мыслью, что он офицер, командир, строевик, и другой судьбы себе не хотел, не хотел признавать. А тут все поворачивалось по-другому: ему собирались отнять ногу.

Может, со стороны это и просто: раз надо отнять, так надо. Слава богу, что только одну, слава богу, что остался жив. Когда вырвешься из ада живым, вначале кажется, что тебе повезло.

А когда прошла первая горячка, первый страх и растерянность, когда на все, что с ним случилось, пришлось глянуть трезво, спокойно, оценить все шансы, то выходит, что он совсем выбит из седла, что теперь он инвалид в тридцать лет, с малыми детьми и еще не старой женой, которая, может, отвернется, как недавно жена летчика, вот тут, на глазах Климёнка.

Что ж, может, и не стоит так строго судить человека: каждый скроен на свой лад, каждый думает и рассуждает по-своему...

...Женщина вошла в палату. Доктор, который ее привел, тихо вышел.

Климёнок лежал у двери, а летчик Устименко рядом с ним, у окна. Через проход стояла кровать пехотного лейтенанта Щеголева, который был обморожен. Ему угрожало самое страшное: остаться без рук и без ног. Пока еще доктора боролись с болезнью, но с каждым днем шансов оставалось все меньше и меньше.

Три пары глаз встретили молодую женщину настороженно, но с надеждой: будто это вошла не чужая жена, а его, Климёнкова, или лейтенантова. То, что скажет эта женщина, они потом или вскоре могут услышать от своих жен. Такое же или похожее.

...Женщина сделала несколько быстрых шагов, потом приостановилась.

Летчик тихо назвал ее имя, приподнялся, опершись на локоть, потянулся к ней всем телом. А она уже стояла возле его кровати. Ее темные большие глаза были безучастны ко всему, что было вокруг. Она, наверно, не видела, что на нее смотрят еще две пары глаз, кроме ее мужа. Возле тумбочки стоял белый табурет, можно было сесть. Но она тоже не замечала его. Как окаменевшая, смотрела на кровать, на серое суконное одеяло, которое до груди прикрывало ее мужа. Пристальные ее

глаза не могли не заметить, что под одеялом одна нога, а там, где должна быть другая, одеяло свободно прогнулось до самого матраца.

Климёнку показалось, что женщина всхлипнула или, по крайней мере, судорожно вздохнула, а руки, которые она держала сложенными под грудью, как для молитвы, бессильно упали вниз. Она не сказала ни слова, только резко повернулась и ушла. Стук ее быстрых шагов долго отдавался в палате. Она даже не закрыла за собой дверь.

Устименко, белый как полотно, упав на подушку, глотал слезы: острый его кадык ходил туда-сюда, будто человек чем-то давился.

Они с лейтенантом долго успокаивали Устименко, а он плакал и говорил, что все равно ее любит и не знает, как будет жить без нее.

Что после этого можно было посоветовать человеку?..

Теперь Климёнок думал о себе. У него пока что есть обе ноги. Он еще человек, хоть и больной. А завтра? Завтра он может стать калекой... Как этот бывший летчик Устименко. Выходит, что для человека нога и голова — одно и то же. А этого никак не хочет понять профессор Шефнер. Он говорит: «В войне каждый что-нибудь теряет. В случае с вами, капитан Климёнок, вы теряете совсем мало: всего только ногу».

Но если без злости, спокойно, то профессор тут ни при чем. То же самое сказал бы обычный фельдшер, если бы ему пришлось решать судьбу Климёнка. Отнять ногу — это дать гарантию на то, что Климёнок останется жить. Не отняв ноги, такой гарантии никто не даст. Вот и всё...

Доктора, может быть, и правы, но они не знают, что для Климёнка отнять ногу — то же самое, что потерять голову. Потому его и уговаривают.

Профессор Шефнер врывается в палату как свежий ветер. За ним идут несколько докторов, ассистентов, медсестер. Говорит он один, но кажется, что говорят все — слова льются рекой, сыплются градом.

Первым — он возле двери — попадает на глаза Климёнок. С него и начинается.

— Дорогой мой капитан! — профессор берет табурет и присаживается возле кровати.— Вы плохо выглядите... Вы что, не спали ночь? Сестра, вы не давали капитану

снотворного? Давали? Хорошо... Так о чем вы думали, капитан? Глупость, не надо было думать. Надо решать... Вам надо быть мужчиной — и только. Одно ваше слово — и все станет на место... Вы начнете поправляться как на дрожжах. А так вы сохнете... Вы хотите еще повоевать? Так или иначе — это вам не удастся. В армию вы уже не вернетесь. Только к жене, на костылях. А иначе — не вернетесь совсем... Соглашайтесь... Третий консилиум.— Он назвал фамилий пять, добавляя их громкие титулы.— Все в один голос говорят: ампутация — гарантия жизни... А вы никак не можете решиться... Я уже сомневаюсь в вашей храбрости, капитан... Вы молчите?.. Вы должны знать, что законы медицины нельзя игнорировать. Это угрожает — вы сами знаете чем... Разрывная пуля, сотни мелких осколков. Раздроблена кость... Шерсть с полушубка, вата с брюк... Рана загрязнена... Неужели вы этого не понимаете? Прошу вас, скажите, что вы согласны!

Климёнок хмуро молчит. Профессор ему здорово надоел. Каждый раз говорит одно и то же, прибавляя только несколько свежих ужасов. Сегодня он уже сомневается в его мужестве... Хочет задеть самолюбие... О мужестве, профессор, лучше помолчать...

— Профессор... Я не могу согласиться... Поймите и вы меня,— говорит наконец Климёнок.

Понимая его отказ, профессор не теряет хорошего настроения. Он встает с табурета, поправляет очки на большом горбатом носу, похлопывает Климёнка по плечу и добродушно говорит:

— Ничего, ничего... Подумайте, капитан, время еще есть.— И отходит к летчику Устименко.

А Климёнок уже занят своими мыслями, голос профессора Шефнера только порой врывается в довольно лихорадочное течение его мыслей. Что профессору? Ему важно, чтоб все шло так, как он хочет... Из-за какой-то там ноги умер человек. Из-за ноги... Это уж никуда не годится... Лучше отрезать. Но, так рассуждая, забывают, для чего живет человек. Чтоб только жить, коптить небо? Страдать?.. Зачем? Человек живет для чего-то большего... Вопросы жизни и смерти, которые редко приходили Климёнку в голову, когда он был здоров, дышал полной грудью и не задумывался, из чего состоит воздух,— теперь эти вопросы встали перед ним во весь рост, заслонили все остальное...

Дурак тот снайпер — не мог взять на полметра выше! Как раз попал бы в сердце, и не было бы никаких проблем. Жена Надя получила бы уведомление, стала бы вдовой, а дети — сиротами. Все было бы ясно как божий день.

Он уже завидовал капитану Костерину, который во главе разведчиков ворвался в белофинскую траншею и погиб. Он был артиллеристом, кто его просил идти с разведчиками? О его подвиге Климёнок прочитал в армейской газете. Посмертно капитана наградили орденом Красного Знамени. Посмертно... Все ясно, все на своем месте... его жена — вдова орденоносца... Кажется, все просто... Только просто ли? Просто решать чужую судьбу. К чужой ране — каждый доктор...

А вот к своей... Он хотел стать машинистом, а стал офицером. Смирился, привык, в конце концов полюбил свою нелегкую профессию, прирос к ней душой и уже не думал ни о какой другой. Его судьба — это жизнь, связанная с армией навсегда. А тут вдруг... Хотя военный человек всю жизнь готовит себя к войне, но, когда она приходит, он видит ее не такой, какой представлял.

Особенно тяжело стало после того, как в их палату приходила жена Устименко. Не потому, что он боялся: его жена тоже может отвернуться. Нет, он знал свою Надю... Хотя... Может быть, Устименко тоже считал, что знал... На крутых поворотах жизни человек иногда ведет себя не по правилам. А почему это так — еще никто не сказал... Одним словом, жена Устименко бросила несколько тяжелых камней на чашу весов, на которой лежал и без того тяжелый груз. Все — либо ничего!

Но в один из таких тяжелых дней пехотному лейтенанту Щеголеву сделали операцию: отняли отмороженные кисти рук и ноги выше колен. Под вечер Щеголев очнулся от наркоза, долго лежал неподвижно, будто не веря своим глазам — что он снова тут, в этой палате, а не на том свете, а потом вдруг стал биться головой о стену и плакать. Когда же его привязали простынями к постели, он кричал и ругался до поздней ночи, пока ему не сделали укол.

Решение к Климёнку пришло как-то неожиданно. Видимо, он просто смирился с тем, что будет, потерял волю к сопротивлению. «Пусть режут,— безразлично думал он.— Придет профессор — скажу».

Через два дня, когда профессор Шефнер делал обход, Климёнок ждал разговора, ожидал увидеть удивление на лице профессора. Но профессор, очевидно, был занят какими-то другими мыслями и об операции не сказал и слова. А Климёнок не захотел напоминать.

Профессор дольше, чем обычно, задержался только возле постели Щеголева. Тот уже немного успокоился, но покой этот, как казалось Климёнку, был внешний, так как больной ничего не брал в рот и ни с кем не разговаривал — ни с докторами, ни с соседями по палате.

А профессор между тем говорил Щеголеву и всем остальным:

— Жизнь — это бесценный дар природы! Это вершина развития разумной материи! Видеть все богатство красок земли, слышать многоголосую мелодию живого хора — разве это не счастье для человека? Живут в подвалах, в одиночках, на каторге, осужденные пожизненно... И не хотят умирать, так как знают, что даже одно созерцание жизни — уже счастье... А вы же не родились такими. Вы сделали все, что могли, отдали народу и Родине все свои силы, без остатка. Этим же надо по-своему гордиться, а не предаваться отчаянию, раскисать, паниковать.

Профессор еще долго говорил и убеждал.

А Щеголев молчал, как стена.

9

Климёнок поправлялся. Он понемногу ходил по палате и по коридору, опираясь на костыли, волоча простреленную ногу. Стал худым и длинным, не узнавал себя, когда порой останавливался перед зеркалом. Ежик волос на голове начал седеть. Не рано ли в тридцать лет? Глаза огромные, острый, чуть загнутый книзу нос. Под глазами темные тени, щеки запали, вокруг рта легли две овальные морщины.

Пришла неожиданная радость: кончилась война! Его полк возвращался домой. Однажды в палату ввалилась целая толпа командиров из их полка во главе с Лещинским, были среди них и ребята из батареи. Климёнка поздравляли с выздоровлением, с орденом Красной Звезды, нанесли ему всяких подарков и даже цветов.

Передали сотню приветов от бойцов батареи, от командиров дивизиона и штаба полка. Много говорили, шумели, смеялись...

Климёнок будто впервые за многие дни и недели побывал в своем полку, стал как бы равным среди равных, воспрянул душой, вот и он вместе с ними, снова в строю.

— Что передать твоей жене? — спросил комполка Лещинский на прощанье.

Климёнок нахмурился, непрошеные слезы набежали на глаза. Он помолчал, чтоб не выдать своего волнения.

— Передайте, что скоро вернусь... Пусть ждет...

— Хорошо, так и передам.

Они ушли всей гурьбой, а Климёнок остался в коридоре один.

Вскоре из госпиталя Климёнка направили в санаторий. Это было где-то между Порховом и станцией Дно. Тут он принимал грязевые ванны, у него начал появляться аппетит.

Теперь все его мысли крутились вокруг одного: останется ли он в строю? С этой неотвязной мыслью он и жил, и ходил принимать ванны, и шел в столовую, и ложился спать.

Тут, в санатории, Климёнок бросил свои костыли и заменил их палкой. Немного еще хромал, болела нога, боязно было нажать на нее всем корпусом, но что он поправлялся, крепчал, становился круглее лицом — он чувствовал и видел сам, без докторов.

Перед выпиской из санатория прошел комиссию. Комиссия признала его состояние удовлетворительным, но не решала еще, комиссовать его или оставить в армии. Для этого нужно было время. Его просто направили в свою часть, а там уж — как решат на месте.

Майским солнечным, хотя еще и холодным, днем его выписали из санатория. Надо было заехать в Ленинград, забрать из госпиталя документы. Хотелось также повидать профессора Шефнера, и если не сказать ему несколько колких слов, то хоть пройтись перед ним — и этим показать, какой тот провидец...

Уже получив на руки все нужные документы, он с волнением — с чего бы это? — постучал в дверь профессорского кабинета. Дверь была высокая, дубовая, массивная, и Климёнок не услышал, ответили ли ему

на стук. Потянул на себя ручку и вошел в кабинет. Просторный кабинет, в котором стоял густой запах лекарств, пустовал — за большим двухтумбовым, темного дерева письменным столом никого не было. Климёнок потоптался на месте, повернулся и уже хотел выйти за дверь, как услышал возле себя быстрые шаги. Его обдало запахом йода и хлороформа.

— Капитан! Климёнок! Кого я вижу!

Климёнок обернулся, растерянно посмотрел на профессора, который стоял в двух шагах от него, раскинув руки, а потом обхватил Климёнка за плечи, прижал к себе. Климёнок подбородком коснулся холодной и гладкой профессорской лысины.

— Мой милый капитан! Как я рад вас видеть вот таким — бравым, подтянутым, стройным, на своих двоих!.. Вы просто герой! Поздравляю с выздоровлением! От всего сердца поздравляю! — Он тряс руку Климёнку, смотрел ему в глаза через свои очки, а лицо светилось такой искренней, несколько сконфуженной, теплой и широкой улыбкой, что у Климёнка сразу растаял холодок неприязни, с которой он шел сюда.— От всей души! Это просто отлично, это исключительно отлично, что вы зашли ко мне... Садитесь, садитесь, что же вы стоите? — Он подвигал Климёнку мягкое кресло, стоявшее возле стола.

— Спасибо, профессор, спасибо. Я только на минутку...

— Садитесь, садитесь! — профессор усадил его силой.— Рассказывайте, как там вас лечили, прошли ли комиссию, куда теперь?..

Климёнок коротко рассказал. Профессор слушал внимательно, но Климёнок заметил, что некоторые его слова он пропускает мимо ушей, а потом переспрашивает. Или это просто от старости? Или ответ ему не важен, а важен вопрос?

— Чудесно! Чудесно! — Шефнер сел в свое кресло напротив стола, положил на край пачку «Казбека».— Курите... Вы едете в свою часть? Это же чудесно! Чего еще желать бравому капитану?

Климёнок ловил себя на том, что вот, кажется, человек говорит обычные вещи, не мудрит, а в словах есть какая-то магическая сила, становится как-то тише, спокойнее на душе, хочется слушать его и дальше, как сладкую музыку. Просто удивительно!

Найдя небольшую паузу в безостановочном потоке слов профессора, Климёнок деликатно перебил его:

— Простите, мне надо идти... Сегодня я еду домой... Вот зашел к вам, чтоб поблагодарить...— Он нарочно бодро встал с кресла, хотя нога еще болела и не переносила резких движений.

Встал и профессор. Он уже был серьезен.

— Не за что благодарить, капитан. Я вам тоже должен сказать спасибо. Вы лишний раз — и, может, и не лишний! — доказали, что характер человека при лечении играет не последнюю роль. Не последнюю! — Он поднял вверх указательный палец.— Вы верили и вы победили!

— Дорогой профессор, я просто боялся...

— Чего боялись?

— Остаться без ноги...

— Ну нет, вы человек мужественный, это я понял сразу.

— Вы преувеличиваете, профессор... Я уже был согласен на ампутацию...

— Когда? — оживился профессор еще больше.

— Тут, у вас... Но вы больше не напоминали, и я сам промолчал — зачем напрашиваться?

Профессор будто увидел Климёнка впервые — круглыми глазами оглядел его с ног до головы, даже обошел его со всех сторон, громко захохотал, потом снова стал серьезным.

— Неужели вы согласились? — Он снова коротко хохотнул, потом задумался. Его мысли приняли уже какое-то новое направление.

Они попрощались. Климёнок вышел на улицу, оглянулся, последний раз окинул глазами массивное здание академии. Чего-то было жалко, что-то радовало и одновременно гнало отсюда — подальше от того, что далеко твоему сердцу. Нечто похожее происходило в его душе, когда он выходил из минского госпиталя на улице Куйбышева. Тогда ему тоже казалось, что заново родился на свет, чтоб снова начинать все сначала или, вернее, продолжать то, что начато давно... Он падал, а его ставили на ноги и говорили: «Иди!» Он напрягал последние силы — до головокружения, до кровавых кругов в глазах, вставал — и шел... «Прощай, Ленинград, я тебя не забуду!»

...Снова вокзал, пропахший навечно запахом кокса и мазута, снова беспокойный человеческий водоворот, снова поезд мчит его домой. Домой... в который уже раз! Ему кажется, что половину своей жизни он провел на колесах... Только не там, в кресле машиниста, за реверсом, как он надеялся, а в эшелоне, обычным пассажиром, с билетом, выписанным по воинскому требованию.

Поезд ускорял свой бег, как и время. Особенно медленно оно текло в первые дни в госпитале, когда день казался годом, а ночь, полная черной боли и страданий, целой вечностью. И по мере того как заживала рана и прибывали силы, время шло быстрее. Теперь ему хотелось, чтоб оно летело, как этот поезд, что глотает километры, оставляя позади телеграфные столбы и обгоняя ветер.

Поезд шел мимо их городка, но тут не было остановки. Сегодня он, Климёнок, не может сказать машинисту: остановись, брат, тут мне ближе до хаты. С болью в сердце и волнением проезжает он родные места... Ничего! Через пятнадцать минут сойдет с этого поезда, на той самой станции Громы, где полгода назад его ждала жена. Он ехал по тем же самым рельсам, только в другую сторону, и будто раскручивал киноленту. Все до мелочей сохранила его память: большие, полные невыплаканной боли Надины глаза, ее страх за него, за себя, за все, что их ждало,— неизвестное, неразгаданное, ее слова на прощание, ее слезы...

Вот и Громы. Климёнок выходит из вагона, идет по перрону. Под ногами родная, своя земля...

Идет в здание вокзала — как тогда, когда его ждала Надя... Нет, просто глянуть на все новыми глазами. Вокруг шли, спешили люди с узлами, чемоданами. Климёнок окидывал их быстрым взглядом, невольно ища знакомое лицо. На него тоже поглядывали с любопытством — некоторые даже останавливались и провожали его глазами, будто хотели что-то сказать или вспомнить, кто он, этот длинный, худой командир, в шинели и с палкой. Молодая женщина в синем плаще с маленьким ребенком на руках, стоявшая у двери вокзала, подалась было к нему, и он подумал, что это какая-то знакомая. Кажется, нет... Прошел в вокзал, оглядел зал ожидания — будто вызвал к себе тени тех женщин, которые

зимой тут ждали своих мужей, и вздохнул, оглядел немногих пассажиров, что с унылыми лицами стояли возле билетной кассы, повернулся и снова вышел на перрон.

Женщина с ребенком на руках тронула его за рукав шинели.

— Простите, капитан, вы случайно не в Боровую?

Климёнок остановился: слово «Боровая» было для него как пароль, как знак родства или дружбы.

— В Боровую... А вы разве меня знаете?

— Немного знаю... Мой муж тоже там служил, теперь мы переезжаем в Витебск... Я много слышала о вас...

Климёнка это заинтриговало.

— Неужели? Что же вы про меня слышали?

Женщина смутилась, опустила голову.

— Ну, что вы были на волосок от смерти...

Климёнок пожал плечами:

— Там, где стреляют, каждый на волосок от смерти.

— Верно... Но вон ваши все давно приехали... А ваша жена все глаза проглядела. Я помню, как рассказывали женщины про ваше письмо... что вас немного царапнуло в пятку, что вы отлеживаетесь в госпитале, крутите граммофон и слушаете «Тачанку»...

«Гляди ты, телефон беспроволочный»,— подумал Климёнок и улыбнулся.

— А политрук Рудаков написал своей жене все, как было, как вас чуть живого довезли до санбата... Ну, ваша Надя тогда как-то зашла в магазин с ребенком, держит вот, как я, на руках, а женщины смотрят на нее и чуть не плачут, пропускают ее без очереди... Она и спрашивает у одной женщины: почему все на меня так глядят, может, я не так оделась... А та говорит: иди к Рудаковой, она тебе что-то скажет про твоего... Ну, она ни жива ни мертва пошла туда да и взяла на хитрость: «Слышала, Мария, моего мужа ранило, неизвестно, останется ли жив. Посоветуй, что делать, к кому обратиться». Та испугалась, начала успокаивать вашу жену, показала письмо от Рудакова...

Климёнок слушал и грустно качал головой.

— Что ж, вам тут тоже было нелегко... Спасибо за новости. До свидания! Спешу к своим.

Никого не встретив из своих знакомых, он решил идти пешком. До вечера было еще далеко, а в руках ничего нет — только пакетик конфет купил детям.

Хорошо пройтись ранней весной по лесной или полевой дороге, когда тебя ничто не торопит, не угнетает, а на душе легко и спокойно, когда видишь и слышишь все, что тебя окружает.

«Как я соскучился по тебе, мой край! По твоим лесам и рощам, тихим ласковым рекам, по твоим бесконечным дорогам, по которым хорошо ехать в неизведанную даль, а еще лучше — возвращаться назад, домой; скучал по твоим зеленым полям, на которых, как трудолюбивые муравьи, от темна до темна копошатся люди — малый и старый, в праздники и в будни, в погоду и ненастье. Как я изболелся душой по этим людям, с которыми готов делить горе и радость и последний кусок хлеба... Как не хватало мне все это время веселых кудрявых берез у дорог, этих шумливых кленов, стройных, ровных, высоких, до самого неба сосен, кряжистых, мощных богатырей дубов! Как хорошо, как мягко идти по зеленому шелковому ковру твоих трав и полной грудью вдыхать аромат луговых цветов, заслушиваться звонкой песней жаворонка, видеть неторопливый и уверенный полет аистов! Как радостно почувствовать и увидеть все это еще и еще раз обновленной душой, которая счастливо вышла из огня и не расплавилась, не сгорела в нем, а только закалилась...»

Клименок шел, легко опираясь на свою палку, и от радости тихонько напевал:

Весна, весна красна,
Что ж ты нам принесла?
Я принесла теплое летечко;
Малым ребятам по яичку,
Старым бабкам по киечку,
Красным девкам по веночку,
А молодушкам по серпочку...

Правда, он пел эту песню не так, как его мать или сестры за праздничным столом, он не знал всех переливов и переходов этой протяжной, привольной мелодии, но все же пел. И песня эта пробуждала в его душе радость скорой встречи, радость оттого, что ты живешь свободно, идешь по своей земле, своими ногами, что тебя ждет твоя семья...

Внезапно сзади он услышал тарахтенье мотора. Даже не оглядываясь, узнал — полуторка. Она обогнала его и остановилась, будто Климёнок просил об этом. Странно, не дают пройтись человеку.

— Куда вам, товарищ капитан? — спросил молодой, крупнолицый, с белыми бровями старшина, когда Климёнок догнал машину.

— В Боровую.

— Садитесь, подвезем.— И старшина выскочил из кабины.— Сюда, на мое место.

— Спасибо, я в кузов.

Он забрался в кузов, сел на какие-то ящики, машина тронулась. Слева и справа мелькали зеленые поля ржи, серые — картофеля, желтоватые — льна, нивы еще не окрепших яровых, позади оставались перелески, хаты при дороге, люди возле них. Дорога эта была ему знакома до мелочей, и он снова заволновался, мысленно отсчитывая, сколько еще осталось до дома. Вон показались и первые здания, магазин, дальше — городок в лесочке. Он постучал в брезентовый верх кабины. Машина, свернув на край дороги, остановилась.

— Я тут сойду... Спасибо вам, старшина!

— Счастливо! — весело ответил тот и помахал рукой из кабины.

Климёнок пошел по дорожке к своим баракам. С интересом оглядывал все вокруг. Кажется, ничего не изменилось. Только рядом с их бараком ремонтировали деревянный дом, подкладывали венцы под окна и обшивали тесом. Знакомое окно, палисадник с цветами... Вот и крыльцо. По доскам ползает белоголовый ребенок, играет с какими-то мисочками, кастрюльками, формочками, пересыпает песочек... Может, его дочка? — на миг мелькает догадка и пропадает — нет времени. Он вошел в открытую дверь, оглядел коридорчик и сразу увидел и узнал обитую шинельным сукном дверь — обивала сама Надя.

Рванул на себя дверь, переступил низкий порог. В нос ударило запахом стираного белья. Жена подняла голову — она стирала в железном корыте, была вспотевшая, с засученными до локтей рукавами, в белом фартуке на темном платье. Она вскрикнула, бросилась к мужу и повисла у него на шее. Он едва устоял на ногах.

10

Когда Климёнок, пробыв дома два месяца и немного отдохнув, ехал в Минск, в штаб военного округа, его мучило одно: что ему там скажут? Повысят? Понизят?

Поставят на комиссию, пошлют в запас? Или, может, отправят учиться в академию?.. Не угадал... Теперь, возвращаясь оттуда, мучился другим: говорить все жене или нет? Можно сказать, что просто вызывали поговорить о повышении боеготовности, по обмену опытом,— и все. Не стоит растравлять ей душу.

Климёнок попал домой как раз к ужину. В комнате пахло свежими горячими щами, даже слюнки потекли. Сразу раздал подарки: сыну — пистолет с пистонами, дочке — еще одну куклу, жене — не очень дорогие, но красивые на вид туфли. Все были рады, веселы, детей долго нельзя было усадить за стол. Иванка стрелял без конца, надымил серой в комнате так, что пришлось открыть дверь, маленькая Линка начала укладывать спать свою куклу Катьку.

Жена достала откуда-то припрятанную бутылку рябиновой наливки, и вот они уже сидят за столом.

Климёнок будто впервые видит свою семью, свою квартиру — эта поездка шире открыла ему глаза... Жена одета скромно, даже слишком скромно. Дети тоже кое-как: у Иванки один старенький синий костюмчик, который за лето выгорел, стал тесен, маленькая Лина бегает в светлом, пестром платьице, перешитом из Надиной старой блузки. Летом лучше, меньше забот с одеждой, а придет зима — гляди да гляди: давай то пальто, то новые валенки, то теплую шапку. На мальчишке все горит — десять лет, такой возраст. Сегодня у Климёнка были шансы сменить теперешний быт на сносную городскую жизнь, но он отказался. Кто скажет, что он поступил как нормальный человек?

Жена тем временем делит мясо, Иванка обижается, что ему мало... Парень растет, много бегает, на аппетит не жалуется. Учится хорошо, ему легко дается математика. Маленькая Линка больше любит молочное и сладкое — манную кашу, конфеты ей только подавай.

Разговор за столом обычный, будничный, хотя по тому, как жена внимательно поглядывает на мужа, видно, что она ждет от него чего-то важного.

Дети поели и пошли гулять на улицу. Надя стала собирать со стола, Климёнок закурил. Прошло больше часа, а они все еще не заговорили о том, что интересовало обоих.

Первым начал Климёнок.

Он спросил жену между двумя затяжками, как спрашивают о чем-то несерьезном:

— Скажи, Надя, тебе не надоело жить вот так?

Жена встрепенулась, но сделала вид, что совсем спокойна: она хорошо умела скрывать свои чувства. Климёнок иной раз просто завидовал.

— Как... вот так? — спросила она тихо и опустила глаза, будто была очень занята мытьем посуды.

— Ну так, как мы живем...— Климёнок сделал выразительный жест, показывая на комнату.

Жена тяжело вздохнула: — Милый ты мой... Если ничего не можешь переменить, то лучше об этом молчать. Не береди душу, а то потом долго не успокоюсь.

Климёнок помолчал, покурил, подумал.

— Да я спросил между прочим... Мало я о вас думаю, вот и схватишься порой за голову: ах, какой же ты муж, какой ты хозяин! Ругаешь себя, упрекаешь, клянешься начать все заново... А потом снова служба закружит, забываешь о своих семейных делах... Я знаю себя: если держусь чего-то одного, то что-нибудь сделаю, а если начну хвататься за то, за это — ничего не выходит. Ты это должна знать и не обижаться...

— Кто-кто, а я это знаю хорошо... Только не знаю, чего это ты заговорил так про нас, про нашу жизнь? Разве тебе не все равно?

Она нарочно подзадоривала его, чтоб он загорячился и сказал то, о чем умалчивал. Так она делала всегда, когда хотела что-нибудь выпытать у него.

— Мне все равно?.. Ах, какая ты... Что тут у вас было?

— Ничего... Думала о тебе...

— А что обо мне думать? Я строевой командир.

— Командир! Одни кости! Гляди, чтоб тебя не списали... Что-то мне разные сны начали сниться... Будто мы подрались с тобой...

— Ну и сны... Чепуха какая... Но во сне все дозволено.

— Драться — это значит отбиться, от семьи отбиться — так моя мать объясняла... Видно, снова тебя пошлют... Только на ноги стал — и уже в дорогу. А мы опять одни останемся...

Климёнок походил по комнате, хотел помочь жене вытирать посуду, но махнул рукой — пусть сама. Один раз из ста поможешь — все равно не засчитается.

— Знаешь, зачем меня вызывали в Минск? — спросил

он.— Давали работу — тихую, спокойную, но я не согласился.

— Чтоб ты да на тихую работу пошел... Этого не было и не будет...

— Может, оно и так... Не люблю я тишины и покоя. Не для того живу... Где-то я вычитал такое вот рассуждение: природа отпускает на каждого человека приблизительно поровну, как хозяйка берет теста на хлеб, на каждую буханку одинаково. Но важно, где она посадит: на краю пода — будет буханка вязкой. А посредине — испечет хорошо, будет пышнее. Мораль — не бойся горячего места!

— О себе только думаешь...

— И о вас тоже... Ты хотела, чтобы твой муж ходил на работу нехотя, чтоб он ее ненавидел, думал о другой? Ты хочешь этого?

— Нет, не хочу...

— Вот видишь... Мне давали должность начальника склада в Минске. Обещали квартиру, персональную машину. А я, дурак, отказался...

— И правда...

— Я знал, что ты так скажешь... Все вы как в пушкинской сказке о рыбаке и рыбке: все вам мало.

— Не забывай, что у разбитого корыта не очень уютно...

Спор продолжался весь вечер: то переходил на высокие ноты, то спадал. Оба понимали, что спорят напрасно, что ничего друг другу не докажут, но порой надо и отвести душу, сказать все, что мимоходом не скажешь: нужен какой-то накал чувств.

Под конец пришли к согласию, и Надя сказала, что он поступил правильно, она больше на него не сердится и готова на все, что ее ждет вместе с ним.

А через несколько дней Климёнок получил новую должность: его назначили командиром дивизиона. Весь полк находился в это время уже возле Белостока, на старых обжитых местах, где остановился в сентябре тридцать девятого года.

Вот и сбылись Надины сны — он оставил их тут, возле Полоцка, уехал в часть, и неизвестно было, когда они снова соберутся вместе.

Климёнок жаждал беспокойной жизни — и тут, на новой должности, она его поджидала...

В лесу стоял целый военный городок, хорошо обжитый: благоустроенные землянки для бойцов, хорошие конюшни, просторные парки для орудий.

Командир полка Лещинский встретил Климёнка тепло. Его продолговатое, всегда спокойное и даже строгое лицо приобрело какой-то торжественно-праздничный вид. Поздравил Климёнка с новой должностью и с новым званием — майора, пожелал успехов и здоровья. О здоровье говорили много, и Климёнок почувствовал скрытую заботу в словах полковника — как бы не довелось ему вернуться к старому — к батарее.

— Очень не налегай, берись помаленьку, прислушивайся, сможешь ли, тогда берись... Главное — так распределить нагрузку, чтоб организм не получил резкого изменения. Одним словом, действуй по-кавалерийски: оседлай коня и сядь на него так, чтоб он не почувствовал. Освобождаю тебя — пока что, а там посмотрим — от артиллерийского тренажа, конного дела. Приказываю: отъедаться на комсоставских харчах и набираться сил...

Климёнок не знал, как и благодарить командира полка. Кажется, он ничего особенного не сделал, а ему такой почет, повышение в должности и в звании...

— Большое спасибо вам, товарищ командир полка. Буду делать все, чтоб оправдать вашу заботу и доверие.

...В хлопотах, в знакомстве с новыми обязанностями и новыми людьми прошло несколько дней. Климёнок начинал уже входить в азарт. Убеждался, что на новой должности ему не будет трудно, что с работой он справится. Только бы не подвела нога...

Однажды рано утром командир полка вызвал его в штаб. Там уже сидели командиры. Все ждали чего-то важного, это было видно по всему. Какое-то волнение почувствовал и Климёнок. Время такое, что можно ожидать всего...

Комполка Лещинский, деловитый и, как всегда, подтянутый, с белоснежным подворотничком, с гладко зачесанными волосами над высоким лбом, встал из-за стола.

— Товарищи командиры, я хочу сказать вам приятную новость.— Он помолчал, переложил перед собой на столе какие-то бумаги, кашлянул.— Нас всех, кого я сюда пригласил, вызывают в Москву, в Кремль, будут вручать награды. Так что готовьтесь... Предупредите своих замес-

тителей и младших командиров, чтоб в полку все шло так же, как до сих пор. У кого какие вопросы?

Вопросов не было.

Через три дня отправились в Москву... Климёнок снова — в который раз! — ехал на восток: Белосток, Гродно, Минск, Орша, Смоленск, Москва. В Москве их разместили в гостинице на Марьиной Роще. В первый же день Климёнок пошел на Таганку, в свое училище. Знакомых почти никого не встретил, кроме нескольких преподавателей. Седой носатый артиллерист Капустин, который когда-то командовал их курсом на параде, узнал Климёнка, долго ахал и охал, удивлялся, как быстро идет время и как растут люди. Не успел оглянуться, а его ученик уже стал майором, участником войны, награжден орденом. Расспрашивал о своих выпускниках, но Климёнок мало что знал об их судьбе — каждый попал туда, куда направляли, всякие связи оборвались. Даже от своего друга Мухина Климёнок получил одно-два письма, а потом — ни звука.

Ходили всей компанией в Кремль — по делу и просто так, посмотреть на те места, где не раз приходилось бывать.

Ордена вручили командиру полка, начштаба Бирулину, комиссару, нескольким командирам дивизиона. Орденом Красного Знамени наградили их артиллерийский полк.

Возвращались домой веселые и счастливые, как дети. Просили командира полка дать разрешение свернуть в Полоцк, к своим семьям, но Лещинский не разрешил.

Под Белостоком возводились укрепления.

В хлопотах прошла осень, начало зимы. А в январе сорок первого года их полку приказано было переменить места дислокации: его снова направляли под Полоцк. Такой переход в зимнее время — почти пятьсот километров! — был хорошей проверкой для всего личного состава полка. Собирался проверить свои силы и Климёнок. Но командир полка приказал ему ехать под Полоцк с новой миссией: квартирьером. Климёнок хотел отказаться, но ничего не помогло.

И он поехал. На подготовку к встрече полка прошло недели две. Стоял лютый мороз, ночами бушевали метели.

В эти морозные дни простудился Иванка. Его забрали в Полоцк с воспалением легких. Мальчик был очень под-

вижный, часто перегревался, где-то напился холодной воды — и вот слег. С неделю был между жизнью и смертью, потом стал поправляться.

Однажды вечером в часть позвонили, чтоб родители мальчика приехали за сыном.

Командир полка дал Наде машину, но не отъехали и нескольких километров, как машина засела в снегу. Целую ночь бушевала метель, дорогу занесло. Надя пешком вернулась в часть, стала просить помощи. С нею отправили десять бойцов с лопатами. Кое-как наконец добрались до Полоцка.

Но за это время все изменилось: ребенок снова ослаб, поднялась температура. Появилось подозрение на менингит...

Узнав об этом, Климёнок сам поехал в больницу, а жену отправил домой, к дочке.

Снова дохнуло на него знакомым, еще не забытым: запахом лекарств, той особой атмосферой, которая царит только в госпиталях, где так близка грань между жизнью и смертью.

Лучше было бы, если бы болел он сам, Климёнок, а не его сын...

Климёнок ни на шаг не отходил от кровати сына. Со страхом видел, что Иванке становилось все хуже и хуже. Дыхание стало прерывистым, неритмичным, поверхностным. Все чаще и чаще он терял сознание, не узнавал отца, бредил...

Климёнок, уставший, без сна, держал в своих руках вялую и холодную руку сынишки, прижимал ее к своей груди, и слезы тихо катились по его лицу.

— Мама... Мама... где ты? Подойди ко мне... — шептали пересохшие губы мальчика.

Отец наклонялся к нему, гладил по горячей головке и говорил:

— Сынок, я тут, очнись... Это я, твой папа... Очнись...

Заходил врач, щупал пульс, слушал сердце, потом делал укол. Через некоторое время ребенку становилось легче — он раскрывал глаза, узнавал отца. Слабая улыбка появлялась на его тонких посиневших губах.

— Это ты, папа? А где мама? Она же была тут...

— Она поехала к Лине, сынок... Я буду с тобой, пока ты не поправишься...

— Я умру,— сказал он слабым голосом, не по-детски уверенно и спокойно.

— Ну что ты, Иванка, перестань... — Климёнок не мог сдержать слез.

— Почему ты плачешь, папа?

— Я не плачу, сынок... Это я так... Ты будешь жить...

— И буду начальником штаба?

— Будешь, Иванка. Не думай о смерти...

— А ты боялся смерти... на войне?

Сын никогда не спрашивал у него об этом. Ребенок — и говорит о смерти...

— На войне некогда бояться, сынок.

Сын задумался, помолчал, закрыл глаза, грудь его поднималась часто-часто.

— Покажи мне свой орден, папа...

Он снял орден с гимнастерки, протянул сыну. Тот взял его дрожащими пальцами, внимательно разглядывал, тихо улыбался.

— Красная Звезда... Какая тяжелая...

Климёнку показалось, что сыну стало лучше. Но вот он выпустил орден, руки его упали на грудь. Лицо его еще больше побледнело, глаза закатились под лоб.

— Доктор! — не своим голосом крикнул Климёнок и кинулся из палаты.— Доктор! Спасите ребенка!

Вошел молодой, круглолицый доктор, за ним еще несколько человек — сестер и ассистентов. Они попросили Климёнка выйти в коридор. Сколько времени прошло, Климёнок не знал. Его позвали снова.

— Наберитесь мужества, майор,— сказал молодой доктор.— Мы ничего не могли сделать.

Так с отцовским орденом на груди умер Иванка — умер с несбывшимися детскими мечтами и родительскими надеждами...

Климёнок видел за войну не одну смерть, но эта, детская, ранила его больше всего.

Надолго лютый холод той зимы засел у него в груди.

Часть третья

НА ВОСХОД СОЛНЦА

1

Дежурный из штаба разбудил майора Климёнка и сказал одно только слово: «Тревога». По какой причине тревога, дежурный не станет объяснять, у него другие заботы, ему еще надо разбудить командиров, которые спали не в казарме. В конце концов, дежурный мог и не знать настоящей причины, не всегда ему скажут. Но Климёнок сразу почувствовал необычайное волнение. «Началось...» Кончилось то неизвестное, что долго мучило: а когда, а будет ли вообще? Теперь было ясно: началось...

Так подумал Климёнок, услышав короткое, но многозначительное слово «тревога». У него это слово начинало уже ассоциироваться со словом «война». Позавчера они покинули лагерь, сегодня, кажется, 18 июня, среда... Тревога...

Климёнок намеренно собирался не торопясь, чтоб не показать жене своего волнения. Но жена — на то она и жена! — сама все поняла. В «тревогах» она уже научи-

лась разбираться не хуже его. У Климёнка все было готово, жизнь приучила его к этому, а жена бегала по комнате, суетилась, хватала что попадет под руку, двигала стульями, сбрасывала что-то со стола.

— Ты чего, Надя, такая? Разве одна у нас была тревога?

— Разве ты не знаешь чего? — Она стояла возле мужа с белым вафельным полотенцем в руках, которое то скатывала, то раскатывала, и не знала, куда его девать.— Чует мое сердце...

— Ох это женское сердце! — Климёнок взял у нее из рук и положил в чемодан полотенце.— Нет ему никогда покоя!

— И нет... Никогда я с тобой не имела покоя...

— Такая уж моя доля или служба — кто его знает... Там где-то у тебя был кусок белой материи, дай мне его на подворотнички... Положил ли я бритву?

Жена посмотрела на этажерку, где у него всегда лежал бритвенный прибор, но сегодня там ничего не было.

— Может, ты не доставал из чемодана, как приехал?

— Доставал, а вот куда положил — не помню...

Жена нашла прибор, пошла за материей. Снова что-то упало, громко стукнуло.

Сколько раз за свою жизнь они расставались, собирались в дорогу — вместе и по отдельности! Не счесть! И каждое расставание казалось им самым важным, самым тяжелым, может и последним... Как и это...

Через десять минут Климёнок был готов. Но самое трудное еще оставалось впереди — прощание... Каждый раз жило такое ощущение, будто ты отрываешь от себя что-то живое... Климёнок подошел к жене, прижал ее к себе.

— Не горюй, все будет хорошо,— ободряюще промолвил он, глядя на ее побледневшее, немного как бы припухшее лицо, на растрепавшиеся длинные волосы, в которых уже начали пробиваться серебристые ниточки.— Ложись спать, еще рано... Лину не буди, пусть спит...

Они постояли возле кроватки, посмотрели, как мирно и крепко спит их маленькая дочка, не зная и не подозревая, какая темная туча нависла над ними.

Климёнок поцеловал девочку в теплую щечку, погла-

дил светлую головку, и острая жалость стиснула ему сердце. А жена вытерла ладонью щеку, по которой скатилась слеза.

— Не плачь, Надя... Все будет хорошо. Вот увидишь. Не первый и не последний раз... Ну, мне надо идти...

Жена прижалась к его груди, тихо всхлипнула. Он погладил ее по плечам.

— Не плачь... Береги дочку... Она одна у нас... Береги ее...

Голос его готов был сорваться, если бы еще сказал слово. Чтобы успокоиться, помолчал, надел фуражку, взял чемодан.

— Будьте здоровы и счастливы,— сказал от порога.

— В добрый час,— ответила жена.

Дверь за ним закрылась. Придется ли ему вернуться сюда еще раз?

Не мог ответить...

...Теперь, уже успокоившись после всех сборов, легко покачиваясь в седле, Климёнок старался разобраться в том, что происходило. Похоже, что это война...

Подсознательно у него было такое ощущение, будто он, как два года назад, едет на маневры. На обычные маневры. И вдруг пришлось переходить границу, хотя, выезжая, об этом никто не знал. Теперь тоже нельзя сказать ничего определенного: с Германией у нас пакт о ненападении. Хотя... Таким соседям, как эти новые наши соседи, нельзя очень верить на слово. Об этом, видимо, знает наше правительство.

«Немцы стягивают войска к восточной границе»,— не раз слышал Климёнок такие разговоры, особенно среди командиров...

Примешивалось и другое. Люди разбирали соль, мыло, керосин, спички в магазинах... Так бывало не раз, тут можно и ошибиться... Где-то возле Полоцка поймали немецкого шпиона, говорят, что их теперь тут много... Вот их полк вернулся в казармы, теперь идет по тревоге, направление — на запад... Если идет их полк, значит, идут и другие...

С неспокойным сердцем ехал Климёнок на запад, ехал к старой границе, почти по тем же следам, по которым ехал два года назад. Только теперь он был другим человеком — побывал под пулями, заглянул в глаза смерти, на мир смотрел по-другому. Да и граница передвину-

лась далеко на запад — вон сколько суток понадобится, чтоб дойти до нее...

Привалы делали где-нибудь на опушках или в лесу, подальше от людских глаз, сохраняли правила маскировки.

Отдохнув, накормив людей и коней, снова двигались дальше.

В лесу стояла духота, кони блестели от пота, комары и оводы роем вились над ними, отчего животные становились беспокойными, рвались с дороги в чащу, в тень, в болото, порой готовы были лечь прямо на дороге.

Зато вечером, ночью было просто чудесно. Даже стук копыт и колес не мог заглушить соловьиных трелей. Пахло свежими листьями березы и ольхи, лесными цветами и травами, воздух, насыщенный этим густым ароматом, пьянил, как хмель.

На четвертые сутки остановились на ночевку в лесу. Неподалеку протекала небольшая, но глубокая и чистая речушка. Бойцы напоили коней, искупались в реке, некоторые даже постирали портянки. Слышались тихие песни, разговоры, играла гармонь. Кажется, все было как обычно. И все же Климёнок испытывал какую-то неосознанную тревогу. Его беспокоило то, что он, командир, ничего толком не знает, что их ждет. Спросит у него боец — куда мы идем? — что он ответит? Хорошо, что есть готовый ответ: куда приказано, туда и идем. Но сам-то он тоже ничего не знает. Бойцу кажется, что командиры знают все, и приходится делать вид, будто тебе все на свете известно и ясно, но приказ сохранять военную тайну не разрешает раскрывать рта. Молчишь, думаешь, а спросить не у кого. В дивизионе ты самый старший, сам все должен знать. А откуда?

Штаб дивизиона разместился на ночь под разлапистой невысокой елью. Каждый смастерил себе постель из еловых лапок, накрыл палаткой. Под голову чемоданчик, или вещевой мешок, или портфель, укрывались шинелями. Кое-кто разулся, другие легли спать в сапогах: теплее ногам.

Около двенадцати еще раз позвонил по телефону командир полка Лещинский, спросил у Климёнка, как устроились на ночевку, и приказал выставить удвоенную охрану, проверять самому, как часовые несут службу. Голос у командира полка был усталый, сухой, официальный. Говорил только о деле, не так, как обычно, когда был

спокоен, тогда он расспрашивал о настроениях бойцов, о здоровье, о разных мелочах. Командир полка представлялся Климёнку то человечным, мягким, добрым, то колючим, холодным и даже жестким. Вот и теперь — человек стал как камень, сразу надел на себя какую-то броню, к нему не подступиться... А Климёнок на его месте — да и каждый другой — разве был бы иным?

«Что нового?» — не сдержался и спросил у командира полка Климёнок. В трубке послышалось как бы причмокивание — будто человек жевал что-то сочное, пауза тянулась излишне долго для быстрого на слова Лещинского. «Что-то таит, не говорит,— думалось в это время Климёнку.— Ну, не тяни, товарищ компoлка, говори смело, я никому не выдам твоей тайны». Но вот пауза кончилась, компoлка сказал равнодушно: «Все как и было... Ничего нового... Ничего нового... Спокойной ночи...» — и положил трубку.

Вот и поговорили, все стало ясно... Климёнка окружили штабисты — что ответил компoлка на его вопрос? Климёнок развел руками и повторил последние его слова: ничего нового, все как и было. И пожелал всем спокойной ночи.

— Таишь что-то от нас, Глеб Иванович,— сказал тихо заместитель по политчасти Лагутин.

Климёнок остановился возле его «постели», опустился на одно колено.

— Дорогой комиссар, истинная правда. Говорю то, что мне сказали. Так что не обижайся.

— А куда ты?

— Пойду проверю посты... Приказ компoлка.

— Вот видишь... А ты говоришь — ничего нового...

— Разве это новое?

— Я с тобою не согласен...

— Как хочешь,— сказал Климёнок и пошел.

«Все хотят того же, чего и я жду от компoлка»,— думал он, выбираясь из густого ельника на поляну, где стояли пушки, задравшие вверх зачехленные стволы. Климёнок перекинулся словом с часовым, пошел к коням. Неподалеку спали ездовые. Они лежали вповалку на брезенте, укрывшись шинелями. Климёнок прошелся возле них, как отец возле детей, поправил на одном шинель, постоял немного и тяжело вздохнул.

Вышел на дорогу, которая чуть серела в темноте ночи.

— Стой, кто идет? — окликнул его часовой.

Климёнок назвал себя.

— Пароль! — часовой был неумолим.

— Веер...

Только теперь часовой опустил винтовку.

— Товарищ командир, не узнал вас по голосу,— сказал он виновато.— А время такое...

— Какое время?

— Ну... тревожное...— сказал в раздумье боец.

— Кто тебе сказал?

— Ну, люди говорят...— Боец переступил с ноги на ногу.

— Какие люди?

Боец перестал улыбаться — не знал, что говорить. Может, командир берет его «на пушку»?

— Все...

— А командиры? — спросил Климёнок.

— Командиры молчат... Еще и успокаивают... Не поддаваться на провокации...

— Так кого же слушать, по-твоему?

— Надо — командиров...

— Но они хитрят? Так или нет?

— Я не говорю, что хитрят. Но и правды не говорят...

— А может, они сами не знают?

Боец пригляделся к Климёнку — не шутит ли?

— Сами должны знать... На то они командиры.

«На то они командиры»,— повторил про себя Климёнок, возвращаясь в «штаб».— Бойцы готовы, а командиры? Они — как скованные. Зачем это — неизвестно... Либо тут глубокий смысл, либо его совсем нет. «Командиры должны знать»...»

2

Утром, когда бойцы только что позавтракали и дивизион собирался в поход, Климёнка вызвали к посту на дороге. Часовой задержал подозрительного военного.

Климёнок с замполитом Лагутиным пошли за связным. Листья на деревьях были мокрыми от росы, скоро и рукава шинелей потяжелели от сырости. На лицо раз за разом брызгали холодные капли — связной шел быстро, ветви за ним тут же смыкались, как живые, надо было выставлять руку, чтоб не хлестнуло по глазам.

Вот и дорога. Подошли к перекрестку и увидели высокого худощавого офицера, который двинулся им навстречу. Когда он приблизился, Климёнок увидел на его петлицах по три шпалы и эмблему пехотных войск. И хоть Климёнок был всего майор, а Лагутин имел одну шпалу в петлице и звезду на рукаве, военный первым приложил руку к пилотке и остановился.

— Разрешите представиться. Зеленов, начальник пехотного училища... Точнее, бывший начальник...— Военный грустно улыбнулся, показав металлические зубы.

— Почему вы бывший начальник? — спросил Климёнок, подчеркивая слово «бывший».

— Потому что училища, которым я командовал, больше нет...

— Как это? — не понял Климёнок.— Его расформировали?

— Хуже... Оно самоликвидировалось...

Климёнку показалось, что перед ним не командир, а мальчишка, который говорит черт знает что: училище разбежалось!

— Вы что? Шутите? — спросил Лагутин.

— Я много бы отдал, если бы это была шутка... К сожалению, так оно и есть. Мы стояли лагерем в лесу. И вот сегодня ночью на нас напали... Я спасся чудом...

— Кто напал? — недоверчиво спросил Климёнок.

— Не разобрался. Но со мной были и свои, курсанты... По вашим глазам вижу — не верите.

— Чем вы докажете свои слова? — вставил Лагутин.

— К сожалению, ничем. Но у меня есть подозрение, что эта диверсия — преддверие какого-то важного события.

— Какого именно? — Климёнок начинал злиться.

— Ожидается нападение с запада...

— Немцев?

— По всему видно, что так... Несколько курсантов, которые шли со мной, доказывали мне, что диверсия как раз и должна была совпасть с датой нападения.

— А сегодня какое число? — спросил Климёнок у Лагутина.

— Двадцать второе июня.

В это время на коне подъехал ординарец и передал, что его, Климёнка, вызывают к телефону.

— Отправьте его в штаб дивизии,— сказал Климёнок

на вопросительный взгляд Лагутина и пошел в «штаб» к телефону.

«Тут курсанты, а тут еще телефон... Надо будет передать в штаб полка об этом случае...»

Звонил комполка Лещинский. Климёнок с волнением взял трубку.

— «Третий» слушает,— сказал он.

— Доведите до сведения всего личного состава...

Голос глухой, нервный, каждое слово будто шло из самого сердца, с болью, тяжело. «Неужели?» — мелькнуло у Климёнка в голове.

— ...что сегодня в четыре часа утра немцы...

Вот и все... Вот и начинается то, чего все не хотели, но чего ждали...

— ...без объявления войны, вероломно напали на нас...

Климёнку кажется, что вот теперь, на его глазах, мир меняется: из солнечного, зелено-голубого становится сурово-неприветливым, огненно-красным, цвета пожара и крови...

— ...Приказываю двигаться в прежнем направлении, строго соблюдать правила маскировки и в любое время быть готовыми к отражению воздушного нападения. Связь со мною только по телефону и через связных... Какие есть вопросы?

— Вопросов нет,— ответил Климёнок, хотя у него в голове теперь было их, может, целая сотня. Но он знал, что ответа на них ему в это время не даст никто. Вспомнил про задержанного, рассказал о нем командиру полка.

— Вы считаете, что это переодетый диверсант? — спросил комполка.

— Мне кажется, что так... Я отправил его в штаб дивизии.

— Хорошо... Я доложу наверх, пускай проверят... Все.

Еще полчаса назад эпизод с задержанным казался Климёнку какой-то нелепостью, которая никак не вязалась с нормальным течением жизни, а после того, что сказал комполка Лещинский, приобретал новый смысл, казался более правдоподобным.

Весь личный состав дивизиона, за исключением часовых, собрался на поляне, среди пушек. Бойцы стояли строгие, с нетерпением ждали, что скажут командиры,—

это видно было по их напряженным, настороженным взглядам. Не было слышно обычного в таких случаях смеха, шума и гомона.

И вот Климёнок встал на помост из зарядных ящиков, обвел глазами поляну и встретил сотни направленных на него любопытных глаз. И вначале даже растерялся. С чего же начинать? Ага... То, что сказал командир полка...

— Товарищи! — начал Климёнок.— Дорогие товарищи! Несколько минут назад командир полка позвонил по телефону и сказал... Сказал о том, что началась война... Сегодня утром в четыре часа германские войска вероломно, без объявления войны напали на наши пограничные заставы... Наша святая обязанность сегодня — сделать все, чтоб разбить врага... И мы его разобьем. Теперь несколько слов хочет сказать мой заместитель Лагутин...

Заместитель по политической части стоял рядом с Климёнком, плечо в плечо, был немного ниже майора ростом. Голос у него был звонкий и сильный, как бы пропущенный через рупор, и поляна сразу наполнилась им.

— Товарищи! Друзья! Не время говорить речи! Мы выступаем!.. Мы идем, чтоб встретить врага, который нарушил наши священные рубежи, смертельным ударом... Будем же тверды телом и духом, будем готовы ко всему, и пусть сердце наше не дрогнет в бою. Пусть знает враг: он будет разбит, мы победим. Сегодняшний день — это начало нашей победы. До скорой победы на вражьей земле! Ура!

Вся поляна дружно подхватила «ура», даже эхо пошло по лесу. Лица бойцов ожили, все пришло в движение, будто тронулся лед на большой реке.

На третью ночь дивизион Климёнка был поставлен на прямую наводку вдоль дороги Вильнюс — Молодечно. Вокруг бездорожье: какой-то луг, местами заболоченный, поросший кустами лозняка, верболоза и ольшаника, рядом паровое поле, овес, картофель — ботва трещит под ногами, чувствуется, как из нее выжимается сок.

Пушки сняли с передков, ездовые увели коней в тыл, батареи заняли огневые позиции, развернулись веером, связисты протянули провод от штаба дивизиона в бата-

реи и взводы. Поле и луг на опушке наполнились звяканьем лопат, ржанием коней, шарканьем шагов, отрывистыми короткими командами взводных, следивших за оборудованием позиций, тихими разговорами бойцов, которые в любых условиях ухитрялись перекидываться словом или шуткой.

Прошел час или больше, когда дивизион стал окапываться, а Климёнок, как одержимый летал на коне — от батареи к батарее, от взвода к взводу, от кухни до медпункта или коновязи, проверял, подгонял.

Теперь ему еще надо было связаться с соседями. Перед его дивизионом занимал позиции пехотный батальон. Командира батальона помогли ему найти связисты, которые тянули провод от одной из рот до НП батальона. Тут тоже кипела работа — пехотинцы, как кроты, зарывались в землю.

Климёнок остановил коня, соскочил с седла.

— Мне комбата Бортникова! — крикнул он.

— А вы кто будете? — услышал в ответ простуженный низкий голос — казалось, говорил старый дед. Перед Климёнком стоял приземистый, ширококостный военный в пилотке, сдвинутой на затылок, и с расстегнутым воротником гимнастерки.

— Я комдивизиона Климёнок, ваш сосед-артиллерист,— сказал Климёнок приземистому капитану и подошел ближе.

— А я комбат Бортников,— козырнул тот, протянул руку Климёнку и крепко пожал.— Рад познакомиться. Мне доложили, что у меня будет с тыла дивизион артиллерии, но не приданный мне, а самостоятельный. Так? Я хотел к вам сам подойти, да все некогда — сами видите...

Комбат Бортников был озабочен тем, что у него ничего нет против танков, что пехота его еще не довела своих ячеек до полного профиля, что неясны обстоятельства: какие силы противника на этом направлении, или каковы они будут.

Поговорили об общей ситуации, которая тоже была неясной.

Как могло случиться, что тут немцы? Через три дня после начала войны? А может, это просто десант?

Не верится, чтобы это был фронт...

Оба, как, очевидно, и большинство командиров, счи-

тали начавшуюся войну позиционной, со стабильными линиями фронтов, а тут было что-то не то: какие-то клинья, клещи, десанты.

Климёнок ехал назад в странном состоянии прострации, все в нем расслабилось, прошло возбуждение, тело было каким-то неподвластным воле, будто его вовсе не существовало. «Не расслабляться,— приказал себе Климёнок.— Еще не видел противника, а уже разрисовал его черт знает как». Но потом решил, что причина такой его неуверенности не в противнике. Это было хуже — оно, это «что-то», сидело в нем самом, точило, как шашель дерево. Сотни вопросов вставали перед ним — и ни на один из них он не мог найти ответа. Вот почему он так неуверенно чувствовал себя.

«Посмотрим,— успокаивал он себя.— Главное — не поддаваться унынию. Предстоит много работы».

3

Штаб дивизии расположился в огромном, как широкий стог сена, лозовом кусту. Никакой разведчик с неба не мог бы в такой зеленой чаще увидеть что-нибудь подозрительное.

Майор Климёнок не отходил от телефонного аппарата. Кончалась ночь, все было тихо, но тревога в его сердце не проходила.

Вдруг в аппарате пропищал зуммер.

— Вызывают «двадцатого»,— сказал телефонист и протянул трубку Климёнку.

Говорил «пятый», командир первой батареи. Голос его срывался на крик.

— Алло, алло, я «пятый», я «пятый». Мне «двадцатого»...

— Я «двадцатый»! Говорите, черт возьми! — Нервы у Климёнка были на взводе.

— Докладываю: по дороге от Вильнюса нарастает шум мотора...

— Мотора или моторов?

— Одного мотора... По силе звука — танкового... Что прикажете делать?

— Что делать?.. Действительно... А чей танк, по-вашему?

— Как чей? — удивился «пятый».— Немецкий...

— Почему вы так уверены? А если это наш и мы его подобьем?

— Это верно... Я не подумал... Так что прикажете делать?

— Приказываю: ведите наблюдение и докладывайте через каждые десять минут. Без моей команды огня не открывать. Все.

— Ясно,— сказал «пятый» и положил трубку.

Телефонист по приказу Климёнка связался со штабом полка.

— Не отвечают... Не отвечают...— растерянно сказал телефонист.

Климёнок нервничал. Этого еще не хватало! Тут дорога каждая секунда... Он вставал, садился, снова вставал.

— Есть! — крикнул телефонист.— «Первого»! «Первого»! «Первый»? Вас просит «двадцатый»... Передаю трубку.

Климёнок вырвал трубку из рук телефониста.

— Говорит «двадцатый». По дороге из Вильнюса на Молодечно в квадрате N слышен шум мотора...

— Моторов? — переспросил и комполка.

— Одного мотора... По всему видно, танк...

— Кто докладывал?

— «Пятый»... Он у самой дороги.

— Ясно... Какие меры приняли?

— Приказал следить и докладывать через каждые десять минут... Огня без моего приказа не открывать... Только я сомневаюсь...

— Одну минуту,— попросил комполка.

Видимо, он с кем-то говорил или советовался. Прошло минут пять, рука у Климёнка онемела — так сильно он сжимал трубку.

Снова зазвонил телефон с батареи.

Докладывал «пятый»: сильный шум мотора «прошел» по дороге, за ним послышался треск — слабый, как от мотоцикла. Потом снова послышался сильный... Скорость приблизительно километров тридцать в час, может больше.

«Молодец «пятый», как раз кстати»,— подумал Климёнок.

Снова заговорил комполка Лещинский:

— «Двадцатый», слушайте...

— Есть дополнительные сведения...

— Говорите...

— Только что доложил «пятый»... За сильным шумом прошел слабый, как от мотоцикла. Через короткий интервал снова послышался сильный. Скорость приблизительно тридцать километров в час... По-моему, это танки чередуются с мотоциклами... Скорее всего, разведка...

— А в чем же вы сомневались?

— Мне вначале показалось, что это наши... Теперь я этого не думаю.

— Почему?

— После того как доложил «пятый», все становится ясно...

— Да, это немцы... Следите за дорогой... Докладывайте обо всех изменениях. Пока что все.

Вот приближается она, та ответственная минута, когда надо собрать воедино весь свой опыт, всю выучку, всю волю и стоять до конца. Немцы!.. Они уже тут... Если они смели на своей дороге все препятствия, то смогут ли их сдержать они, дивизион артиллеристов? Стрелять по движущимся целям, да еще ночью,— это небольшой эффект. И еще одно: почему дивизион поставили вдоль дороги, в то время как дорогу надо было оседлать, перерезать... Где ты был раньше, командир дивизиона, почему не сказал об этом, когда тебе ставили задачу? Почему?.. Так, как теперь, спокойней! Вот уже два или три танка прошли по дороге на Молодечно, и никто их не тронул.

Уже тут, на НП, далеко от дороги, простым ухом было слышно, что по дороге идет машина — трактор или танк. Для трактора — слишком подвижная, но мотор сильный, многоцилиндровый. И только затихал шум тяжелой машины, как начинался другой, более трескучий. И так чередовались: то сильный, то легкий, с равными интервалами.

Майору Климёнку докладывали с батарей, он докладывал командиру полка. Шла только регистрация факта: один шум сильный, за ним — слабый, трескучий, потом снова... Климёнок терпеливо ждал приказа. Нервное напряжение росло. Он прислушивался к звукам окружающего мира, стараясь уловить какие-нибудь перемены. Но все было как и раньше: сильный шум, короткая пауза, потом снова шум — слабый, трескучий, снова через тот же отрезок времени надвигался сильный. Точность, методичность... Семь шумов: четыре сильных, три слабых, трес-

кучих — это значит, по дороге из Вильнюса на Молодечно прошло семь вражеских боевых единиц. До каких же пор ждать?..

И будто в ответ на его немой вопрос комполка Лещинский дал приказ открывать огонь.

Климёнок передал приказ дивизиону.

Через несколько минут воздух содрогнулся от мощного залпа. Залп! Еще залп! Еще!

Пять залпов сделал дивизион по противнику. Там, где стояли пушки, раз за разом полыхнуло зарево, осветив на миг размещение батарей, задранные вверх стволы гаубиц, выхватывая из негустого утреннего мрака подвижные фигуры людей. И потом снова все потонуло в предрассветном мраке, который, казалось, еще больше сгустился. А на западе, где только что бушевали взрывы снарядов, занялись два пожара: сначала повалил густой темный дым, подсвеченный снизу, потом начало пробиваться пламя.

И шум моторов в той стороне затих.

Командир полка вызвал по телефону Климёнка.

— Какие результаты?

— Еще неизвестно. Не передали с батарей. Видны только два пожара.

— Что же они тянут, черт возьми? Шума больше не слышно?

— Нет. Тишина.

— Хорошо. Если что — докладывай.— Комполка положил трубку.

Несколько минут прошло в ожидании — что скажут с батарей?

И в это время послышался знакомый короткий свист-шелест снарядов, и тут же рядом, позади, спереди, с боков громом ударили взрывы. Климёнок скорее инстинктивно, чем сознательно, опустился на землю. Над ним визжали и свистели осколки, из густого лозового куста сыпались листья, срезанные горячим железом. Порой слышно было в беспорядочном гуле взрывов близкое хлопанье — падали комья земли, камни или осколки, листья шумели и трепетали, как от налета дождя или града.

Под огнем время идет медленней: минута кажется часом. Потом уже вообще трудно было сказать, сколько продолжается обстрел. Климёнок, оглушенный взрывами,

вначале ни о чем не мог думать, а теперь, немного успокоившись, укорял себя, что дал только пять залпов.

Когда все затихло, Климёнок приказал телефонисту соединиться со штабом полка.

— Связи нет,— подув в трубку, сказал тревожно телефонист.

Климёнок со злостью схватил трубку: в наушниках была немая глухота. Он понял — поврежден провод. И эта глухота, немота в трубке испугала его. Он почувствовал себя отрезанным от мира, с которым был всегда связан, и никогда не думал, что может быть как-то иначе. Правда, мир и теперь расстилался перед ним — прямо на запад лежала та же земля, что и на востоке, но это час назад она была одинаковой. Теперь она уже казалась Климёнку чужой и враждебной. Граница, которая до сих пор проходила где-то далеко, вдруг надвинулась на него, стала перед ним вражеской стеной, ощетиненной пушечными стволами, которые недавно извергали на них смертоносный огонь.

Телефонист потянул Климёнка за рукав — вызывала первая батарея.

— «Двадцатый», «двадцатый», я «пятый»... У нас есть раненые и убитые... Повреждена одна пушка...

— Без паники,— спокойно сказал Климёнок, хотя ему хотелось кричать.— Раненых на место сбора... Где противник? Вам это известно?

— Нет...— голос на том конце провода был неуверенный.

— Так вот: сейчас же выяснить и доложить. Ясно?

— Ясно,— уже бодрее ответил «пятый».

Позвонил пехотный комбат Бортников, спросил, есть ли связь с полком.

— Связь повреждена. Я послал связного,— ответил Климёнок.— А у вас?

— У нас то же самое. Что думаешь делать, майор?

— Ждать команды,— коротко ответил Климёнок.

— Какой команды? — с издевкой прозвучало в трубке.— От кого? Если б ты был мне придан, я бы тебе дал команду. А так только советую: давай сниматься, пока не поздно.

— Почему? Почему такая паника?

— Чудак! Ты знаешь, где противник? — Небольшая пауза, будто нарочно, чтоб его лучше поняли.— Про-

тивник пошел своей дорогой. Ты понимаешь, что это значит?

— Не понимаю,— признался Климёнок.

— Чудак ты, майор! Это значит, что ему наплевать на нас! Он не считает нас серьезной помехой — ему некогда заниматься мелочами. До тебя дошло?

Для Климёнка это было неожиданно. Противник, найдя их, должен был бы стремительно навязать бой, уничтожить их, а потом уже куда-то идти, а тут совсем другое: он их обходит,— значит, надеется, что с ними тут справится кто-то другой. А может, окружает? К сердцу подкатила горячая волна. Хотел спросить об этом у Бортникова, но сдержался, тот и так настроен плохо, надо его успокоить.

— Отсюда вывод: надо дать противнику почувствовать, что мы серьезная преграда. Так или нет?

В трубке послышался язвительный смех.

— Ну, ты шутник! Насыпь зайцу соли на хвост!.. Как же я его догоню? Он на машине, а я пеший. Ты хоть на коне... Но довольно трепаться. Я снимаюсь. Наше место засекли. Ты это понял? Будь здоров.

Трубка упала на аппарат. Мир еще больше сузился вокруг Климёнка.

Так началось это утро — его первый день войны. «Как быть?» — тот же вопрос, только уже самому себе. Тут не скажешь: ждать команды. Надо что-то делать. Этот пехотный комбат не дурак, он правильно оценил ситуацию, но вот вывод из нее делает не тот. Сняться проще всего. А что потом? Что скажет командование? А с другой стороны: чего ждать? Противник их обошел, идет дальше. А они будут ждать: день, два, три. А противник в это время будет... Но он же идет не в пустоту. Его где-то встретят, остановят, разобьют. Они, артиллеристы, тоже должны действовать — остановить противника, бить, не давать ему прорываться. Вот именно: противника надо бить!

— Начштаба! — крикнул Климёнок.— Что в дивизионе?

Начальник штаба Морозов был тут же, говорил с командиром взвода связи, за что-то его отчитывал. «Чтобы связь мне через полчаса была»,— услышал последнее, что сказал начштаба взводному.

На бледном лице Морозова выделялись большие

темные глаза да чернели под острым носом короткие усики.

— У нас есть убитые и раненые...— начштаба сделал паузу, будто не решаясь продолжать.

— Сколько? — поторопил Климёнок.— Ты чего такой осторожный? Боишься за мои нервы?

Начштаба назвал цифры убитых, раненых — легко и тяжело. Сказал, сколько повреждено пушек, убито коней.

Климёнок испугался, хотя готов был к самому худшему. Ответственность за все эти жертвы и потери тяжким камнем легла ему на плечи — теперь будешь нести этот груз, пока держат ноги, ни с кем не поделишься, это твое. Он задумался, подсчитывая все плюсы и минусы, оценивая возможные варианты и ситуации. Самое скверное — нет связи с полком. Все — и хорошее и плохое — надо брать на свою ответственность.

— Я решил ставить дивизион на прямую наводку у магистрали, мы не должны больше пропускать противника. Что ты скажешь на это?

— Решение правильное, я за...

Начштаба сжал губы, умолк на полуслове и резким жестом руки показал в сторону дороги.

Климёнок обернулся — и почувствовал, как холодеет у него в груди. От дороги, прямо на их дивизион, направляясь к лесу, шла пехота: Бортников снимал свой батальон.

И странное дело: Климёнок с невероятной ясностью ощутил, как в нем самом что-то меняется, сдвигается с места, рушится — и никакая сила не могла остановить этого катастрофического процесса: будто покатился под гору камень, который спокойно лежал до того, но его неосторожно стронули с места, и он пошел вниз, и теперь его не остановить.

— Ах, Бортников! — простонал Климёнок, скрипнув зубами.— Что ты наделал?

Казалось, что он сможет поправить ситуацию, исправить свою ошибку, очистить свою совесть перед теми, кто был под его командой, а главное, перед теми, кто недавно погиб под немецкими снарядами.

И тут этот Бортников!

Обойдя пушки, пехотинцы направлялись к речке, что скрывалась за лозняком и ольшаником, уже в самом лесу.

Подошел запыхавшийся замполит Лагутин, весь в песке, с порванной полой шинели, с таким выражением, будто он только что похоронил самого близкого человека. Губы его дрожали.

— Позорное начало...— он еще что-то хотел сказать, но, видимо, не мог.

— Что будем делать? — спросил Морозов, глядя на Климёнка.

Майор тряхнул головой, будто отгоняя назойливые мысли, сказал — нарочито медленно, четко:

— Если через час не будет связи со штабом полка, будем сниматься.

Ни начальник штаба Морозов, ни замполит Лагутин не возразили.

4

Они шли на восток по узкой малоезженой лесной дороге.

Первая же пушка проломила старый деревянный мостик на неглубокой, с берегами в камышах речушке, и все остальные пушки пришлось тянуть волоком, на руках и веревках.

Пока переправились, было часов десять утра, поднялось солнце, и в негустом лесу стало душно. Бойцы, истомленные переправой, попадали на землю, кто сразу заснул, а кто просто отдыхал. Одни грызли свои сухари из НЗ, другие сушили одежду. Стонали и просили пить раненые.

С севера на юг над ними летел странный самолет: два тонких фюзеляжа, соединенные одним хвостом, два мотора, кабина летчика посередине, на крыльях — кресты.

Бойцы задирали головы, вглядывались в незнакомую «птицу».

— Как рама,— сказал один.

«Рама» покружила над лесом, лениво переваливаясь то на одно крыло, то на другое — будто коршун, выслеживающий добычу. Самолет не стрелял, не бросал бомб. Никто не знал, зачем он тут кружит, хотя все знали, что этот самолет — немецкий.

«Рама» улетела, гул моторов стал затихать.

Климёнку вдруг пришло в голову, что самолет прилетал сюда не просто так. А потом подумал: какой, однако,

он стал пугливый! Назло себе разулся, вымыл в речке портянки, разостлал на траве и прилег под ольховым кустом.

Тишина... Такая хорошая тишина окутала землю: только слышно далекое пение лесного жаворонка, где-то близко стрекочут сороки, раз за разом кричит сойка да возле уха выводит однообразную песню кузнечик. И тихо шевелятся, шумят листья ольшаника.

Вом-вом-вом,— долетает до слуха Климёнка. Летят самолеты! Он оперся на локоть, прислушался. Гул приближался, усиливался. И вот уже они видны, летят рассыпным строем, «этажеркой». Два, четыре, шесть... Еще и еще... Гул разрастается, заполняет все пространство, кажется, вжимает в землю. Над лесом, как раз над ними, они перестраиваются в большой круг. И начинается чертова карусель. Первая, видимо командирская, машина ныряет вниз, от фюзеляжа у нее отрывается три блестящих шарика. В пронзительный гул моторов, которые выводят машину из пике, врезается тонкий зловещий свист бомб. Еще секунда — и земля слегка качнулась под Климёнком — раз, два и три, в уши ударила тугая волна воздуха, бешено завыли-запели осколки.

За первым самолетом вниз нырнул второй, третий...

Самолеты, как вспугнутые птицы, кружили в своей смертельной карусели и сыпали на землю град бомб и пуль.

Климёнок впервые за свою жизнь был под бомбежкой. К снарядам он как бы привык, они были совсем нестрашные — он знал о них все: по шуму и свисту мог точно сказать, где упадет: далеко или близко, тяжелый или легкий, издалека ли летел и когда от него надо прятаться. А тут все было незнакомо.

Смертельная карусель кружилась в бешеном танце. Бомбы, как тысячи громов, сотрясали землю и небо, рвались то совсем близко от Климёнка, то дальше. Его обдавало землей, сыпались и кружились листья, летели срезанные осколками ветви, падали деревья.

Климёнок лежал под ольховым кустом. Если вначале на него вместе с первыми бомбами обрушился страх, что гибель неизбежна, то теперь в нем зарождалась какая-то упрямая уверенность в том, что он выживет, не может не выжить. Просто не верилось, что он так нелепо может умереть в самом начале войны, не совершив ни-

чего важного, полезного, не отдав того, что взял от жизни.

Прямо на него пикировал чужой, с крестами, самолет. Бешеный вой моторов с тяжелым нарастанием, силуэт самолета, который увеличивается на твоих глазах и страшной неумолимой силой прет на тебя и вот-вот раздавит, как мошку,— все это на миг парализует, ошеломляет, и ты начинаешь думать о себе как о человеке, который не связан с этим миром ничем.

Бух! Бух!.. Гах! У-ух! Гах! Гах!

Взрывы уже сколько времени сотрясали землю, в лесу катится мощное эхо, кажется, что самолеты закрыли, зачеркнули солнце, что дым от взрывов и пожаров застлал землю и небо, что он все поглотил... Протяжный, острый, как лезвие отточенной шашки, свист пронзил его навылет и прижал к земле. На мгновение ему показалось: его накрыло. Горячая волна удушливого серного дыма задушила его, подняла над землей, подержала какой-то миг в воздухе, а потом с силой бросила на землю. Град осколков резанул по ольшанику, и ветви, как трава под косою, покорно легли на Климёнка, прикрыв его почерневшее лицо. Боли он не чувствовал, только пронзительный звон стоял в ушах.

Они шли на восток. Они отступали.

После той лютой бомбежки в лесу Климёнок стал совсем другим человеком. Все, что до сих пор казалось простым и ясным, теперь стало темным лесом, непроходимым болотом, дикой пущей. Все, что казалось таким прочным и устойчивым, разваливалось, рассыпалось на глазах. Осталось только тело — по-прежнему сильное, послушное его воле. Контузия прошла почти незаметно и не принесла особых физических страданий. Болела душа, как одна большая рана,— там все лежало в руинах. Единственное, на чем он еще держался,— это злость. Она держала его на ногах, вела на восток. «Нет, не может этого быть... Не может этого быть,— говорил он себе.— Есть на свете справедливость. Она победит... Не может этого быть».

...Они прорывались из окружения по узкой болотистой лощине между двух пригорков. На восточной стороне, на пригорке, в кустах, стояли их две последние пушки, на

другом, против них,— немецкие танки. Пока были снаряды, немцы не осмеливались спуститься в лощину. А потом осмелели. Легкий танк скатился с пригорка и, петляя, помчался вниз, скрылся в зарослях и вынырнул совершенно неожиданно перед пушкой. Они выстрелили одновременно — пушка и танк, в упор, метров с двадцати. Танк по инерции влетел в придорожную канаву, пушка тоже была разбита.

Климёнок ждал, что танк загорится или взорвется, но было тихо. На земле, возле гусеницы, он увидел немецкого танкиста в черном, лежавшего на животе с пистолетом в руке. Климёнку показалось, что немец заметил его, но почему-то не выстрелил.

Климёнок и несколько бойцов обошли танк с тыла, выскочили из кустов и бросились к немцу. Тот выпустил пистолет и что-то крикнул. Лицо его перекосилось от страха. Но гнев бойцов был так велик, у каждого так болело сердце от всех неудач, что никакая сила не могла удержать их от расплаты...

Внутри разбитой машины, скорчившись, сидел убитый водитель, другой танкист с залитыми кровью русыми волосами и бледным лицом лежал в неестественной позе — будто ему что-то кололо в спину, и он выпятил живот.

Климёнок смотрел на убитых немцев, и ему впервые за последние дни стало легче. Он видел своих врагов вблизи, видел их мертвыми...

Примерно через полчаса, похоронив артиллеристов, погибших в дуэли с танком, и взорвав последнюю пушку, они шли по болоту, заросшему багульником и голубикой, укрытому мягким одеялом мха, в котором там и сям на кочках видны были зеленые крупные ягоды клюквы. Тени не было: росли карликовые березки да немного повыше кривые сосенки, кое-где блестел и кровенел на солнце ракитник. Вышли на прошлогоднюю гарь, на которой торчали только обгорелые тонкие стволы березок да зеленел пучками листвы луговой горец, а под ногами было черное непрочное одеяло. Вот тут их заметили немцы и начали садить в болото минами. Огонь был редким и не прицельным, наугад. К тому же болото поглощало мины, они камуфлировали, взрывались в трясине и не приносили вреда. Но пока прошли гарь, люди стали черными, как трубочисты.

Слепой обстрел придал только силы и злости: шли

еще с большим упорством, не обращая внимания на усталость и голод. Желание вырваться из этого болота было огромным: казалось, что кончится болото — и тут же кончатся все их страдания.

...Бросалось в глаза, как изменились за эти несколько дней бойцы. Куда девалась их недавняя говорливость, веселость, легкомыслие. Это были уже не двадцатилетние юнцы, а зрелые серьезные люди. Это были, можно сказать, особенные, исключительные люди. Они как бы обрели свободу: тот, кто не верил или боялся, мог в любую минуту «отколоться». Суровые армейские законы как бы потеряли свою силу, уступая место неписаному закону человеческой совести. Если они остались, если они идут, значит, на них уже можно положиться, как на самого себя.

Шли все время молча. Молчали не только бойцы, молчали и командиры. Климёнок знал, что это плохо, что как-то надо подбодрить людей, сказать теплое слово, но не поворачивался язык, не хотелось кривить душой.

От тяжелых дум у Климёнка раскалывалась голова, но ни с кем он ими не делился. Наверно, сегодня мысли каждого честного человека схожи с его думами. По-видимому, и бойцы его дивизиона, и те, что присоединились к ним по дороге, думали об одном, но молчали. Так всегда поступают мужчины: в трудную минуту лучше помолчать. Было не раз: какой-нибудь дядька в деревне спросит: «Что же, сынки, отступаете? Покидаете нас?» И кто-нибудь нарочно веселым голосом отвечает: «Ничего, батька, не горюй! Пока что он нас пихнул... Но мы его так пихнем, что он кубарем будет катиться до самого Берлина...» — «Да,— скажет дядька и поскребет затылок,— дай боже, сынки...» Вздохнет, отдаст последнюю махорку и долго еще будет провожать взглядом истомленных, почерневших, измученных бессонницей и дорогой бойцов, будет вытирать глаза и думать, что где-то и его сыны, может, вот так бредут на восток или еще хуже — где-то лежат мертвые или попали в плен.

5

В каждой деревне есть два конца, есть и две крайние хаты... В одну такую хату поздно вечером зашли бойцы во главе с майором Климёнком. Разбудили хо-

зяина, уже старого деда, попросили показать брод на реке.

Дед собрался быстро, как солдат. Одевался, кряхтел, молчал. В хате было темно, огня не зажигали. Когда вышли во двор, дед что-то вспомнил, сказал: подождите. Вернулся через несколько минут, держа что-то под мышкой.

— Кто тут у вас старшой... Буханку хлеба возьмите... Пригодится в дороге...

Климёнок взял хлеб, поблагодарил старика. О, как пахнет этот крестьянский хлеб, испеченный на кленовом листе, с тмином! Хотелось тут же отломить краюшку и впиться всеми зубами. Но он передал круглую буханку старшине: буханка была теперь для них целым богатством; наверное, не меньшим богатством была она и для деда, который шел показывать им брод.

Климёнок думал, что старик станет упрекать их, что вот они отступают, бегут, оставляют людей на произвол судьбы, но дед об этом не заикнулся, будто ничего вокруг и не происходит, будто идут они просто так, половить рыбы. Заговорил он про свою речку.

— О, речка хорошая, дно — один песочек, воды никогда не замутишь... И рыбы хватает... Мы тут возле воды, так ловим круглый год. А брод недалеко... Есть на той стороне, у дороги, Большим зовется, я туда вас не поведу... Я тут знаю еще лучший, Малый, помельче, до колена будет... Теперь самое лето, вода спала, так совсем мелко в том месте...

«Хитрый ты, дядька»,— подумал Климёнок.

— А есть у вас люди, что рады немцам? — Это была еще Западная Беларусь.

Дядька ответил не сразу — думал, что сказать, угадать хотел наверно, чтобы не ошибиться. Может, он еще не уверен, кого ведет...

— Почему нет? Есть... Тут, как наши пришли, через год колхоз организовался... Так некоторые теперь так рады — снова старое право вернулось... Но посмотрим, надолго ли.

— А вы сами записались? — спросил Климёнок, уже уверенный, что дядька не вступал в колхоз.

Дядька высморкался, вытер о штаны руку.

— Я?.. Нет, я уже старый. Мои зятья, двое, записались... Теперь где-то воюют, как и вы...

Переправа прошла спокойно: через какой-нибудь час перебрались на другую сторону, не замочив ног выше колена, как и обещал старик.

— Счастливой вам дороги, сынки, скорее возвращайтесь,— сказал на прощание старик. Снял шапку, помахал ею.

Климёнок проглотил горький комок...

Длинная колонна шла всю ночь. Климёнку не давала покоя мысль: где сейчас командир полка? Где штаб? Как-то само собой вышло, что командиром над всеми стал Климёнок, хотя никто его не назначал и не выбирал.

На третий день пути, к вечеру, в небольшой роще наткнулись на группу бойцов. Это были артиллеристы, они имели три пушки, почти полные передки снарядов, коней, несколько повозок. Как они до сих пор уцелели, трудно сказать. Командовал батареей худой высокий старший лейтенант Хозарин, насупленный и молчаливый. Он немного оживился, когда узнал, что Климёнок артиллерист и бойцы его — тоже, так как не хватало номеров. В ту же ночь Климёнку, как старшему по званию, поручили возглавить сводную группу, которая насчитывала теперь больше сотни бойцов.

Климёнок знал, что немцы редко сворачивают с главного направления. Параллельной дорогой можно смело идти не только на восток, но и на запад. Иногда небольшие группы немцев — взвод или рота — заходили в ближайшие к магистрали городки или местечки — скорее всего, для разведки, а заодно чтоб обчистить магазины — забрать водку, масло, конфеты и даже спички.

Группа Климёнка шла всю ночь, а на дневку они остановились в нескольких километрах от магистрали, на ответвлении дороги, которая вела прямо на север. На всякий случай пушки окопали, разбили НП, протянули связь: все как и полагается в походе.

Пересеченная местность — леса, перелески, болота, поля, деревья при дорогах — не давала возможности ставить батарею на закрытые позиции, так как эти факторы если и не делали стрельбу неприцельной, все же намного уменьшали ее результаты. Единственный выход — прямая наводка. Пушки ставили в неудобных для развертывания противника местах — на дорогах между болотом и лесом, у мостов, у крутых поворотов, на перекрестках.

И теперь их батарея стояла на опушке, впереди —

слева от дороги — расстилалось большое поле ржи, а справа тянулся пар, который потом переходил в луг, поросший кустами лозняка, плакучей ивой, красноталом, по всему было видно, что где-то в той стороне протекает речка. Свежая зелень луга и кустов резала глаза, а рожь уже начинала белеть, тяжелеть колосом. В другое время только бы и любоваться таким пейзажем, рисовать картины, но не теперь. К тому же Климёнку что-то нездоровилось — наверное, повредила простокваша, которую выпил вечером в одной деревне. С едой у них все время было неладно: то сутками ничего не ели, то, дорвавшись до чего-нибудь, наедались «про запас» и от этого очень страдали.

Поэтому Климёнок остался на батарее, а на НП был ее командир, старший лейтенант Хозарин.

Солнце уже поднялось над небосклоном, развеялся слабый утренний туман, когда Хозарин с НП доложил Климёнку, что движутся немцы: несколько мотоциклов с колясками, танкетка и бронетранспортеры — рота на колесах. Хозарин просил разрешения начинать. «Другого ничего не остается»,— подумал Климёнок и приказал открывать огонь.

Командир огневого взвода лейтенант Зазерский громко повторил команду, принятую с НП от Хозарина.

Сухо кляцнули замки, приняв в блестящие пасти казенников снаряды. Пушки оглушительно грохнули, дернулись, окутавшись дымом, выплюнули стреляные гильзы, а на дороге выросли три темных дымных столба, тускло блеснуло пламя.

— Огонь! — снова рубанул рукой лейтенант.

Батарея опять громыхнула.

Лейтенант Зазерский принимал поправки с НП от Хозарина, расчеты тут же вносили коррективы в наводку и продолжали вести стрельбу.

Что происходило там, где рвались снаряды, Климёнок не видел — полоска кустов закрывала тот отрезок дороги, по которому шли немцы. В том месте видны были только круглые шапки дыма, возникавшие над кустарником. Но если вначале лейтенант Зазерский давал команду убавить прицел, то теперь прицел оставался постоянным. Значит, враг остановился. Почему? Замешательство? Перестройка рядов? А может, поворачивает назад? Так и есть: еще несколько минут — и Зазерский подал команду увеличить

прицел на одно деление. Еще на одно! Значит, враг повернул назад, отходит, драпает!

Занятые боем, они не заметили, как над дорогой, метрах в пятистах от их батареи, в воздухе вдруг повис шар густого черного дыма, за ним второй, третий, долетали приглушенные выстрелами своих пушек звуки взрывов. Дым стал расползаться, светлеть, а рядом лопались новые шары. Климёнку на миг показалось, что это их собственные снаряды взрывались в воздухе, не долетая до цели. И только теперь он понял, что стреляют откуда-то с той стороны, от магистрали, что это вражеский разъезд вызвал по радио огонь своей артиллерии, и вот уже снаряды с дистанционными трубками рвутся над их позициями.

Клубы дыма то отдалялись, то приближались, слышно стало, как свистят осколки, артиллеристы у пушек начали тревожно озираться, но голос лейтенанта не дает им опомниться.

И вдруг лейтенант Зазерский остановил стрельбу. Он медленно отвел левую руку с телефонной трубкой от уха, подозрительно глянул на нее, потряс, потом подул в микрофон и крикнул:

— Алло, что такое? Почему замолчали? Алло!

Климёнка опалила страшная догадка: убит Хозарин и его помощник... И уже в следующую минуту он знал, что делать.

— Коня! — крикнул он связному.— За мной! — И уже с седла, Зазерскому: — Лейтенант, ты за командира!

Гнедая горячая кобылица с белой звездочкой на лбу загарцевала под ним, прося повода. Климёнок по ржи выскочил на дорогу, дал шпоры. Кобылица рванула галопом. В ушах бешено засвистел ветер, в лицо били какие-то мошки или комары. Позади слышался тяжелый топот конских копыт — это мчался связной.

Они летели прямо под разрывы, под круглые облака дыма, которые медленно разрастались, а ветер сбивал их к лесу. Только теперь с седла Климёнок увидел, что рожь во многих местах занялась огнем, горит круглыми пятнами. Но это глубоко не задело его сознание, он был занят только одним: почему замолчали Хозарин и Федькин, что с ними? Быстрее, быстрее лети, гнедая кобылка! Выручай!

Он знал, где находится НП, сам несколько часов назад

выбирал его вместе с комбатом Хозариным. А теперь... Неужели он не застанет его живым?

Несколько минут бешеного галопа — и вот уже видно то место в густых кустах возле ржи, где разместился НП. Еще издали Климёнок заметил, что там нет никакого движения. «Неужели убежали?» — подумалось ему. И тут же ответил себе: «Не может быть. Хлопцы надежные».

Пришпорил кобылицу и в тот же миг почувствовал, что с нею что-то неладное — она вдруг качнулась набок, будто у нее подогнулась передняя правая нога,— Климёнок едва успел выхватить ноги из стремян — и с тяжелым стоном рухнула на землю. По инерции Климёнок пролетел несколько метров, вскочил на ноги, испуганно глядя, как животное бьется в смертельной агонии, но махнул рукой и кинулся бегом к НП. Он и не заметил, что слетела фуражка.

Вот и ячейка. Стереотруба на месте. Виден один человек — он лежит на бруствере грудью, будто прилег отдохнуть, и ветерок расчесывает его темные волосы. Климёнок остановился как вкопанный: это был старший лейтенант Хозарин. У его ног, на самом дне тесной ячейки, виднелось скорченное тело сержанта Федькина — на голове зеленая каска, пробитая на самом темени, дырка большая, с неровными краями.

А аппарат жил — зуммер работал, посылал вокруг себя тревожные позывные. Климёнок осторожно, чтоб не оборвать провода, вынул его из-под тяжелого тела комбата Хозарина — телефон был весь залит кровью. На миг Климёнок остолбенел и не знал, что делать: кровь ошеломила его, он содрогнулся всем телом и закрыл глаза.

«Баба!» — выругал себя и открыл глаза. Непослушной рукой взял трубку, хрипло сказал:

— Зазерский... Они убиты...

Помолчал, вспомнил, зачем сюда ехал — чтоб корректировать огонь,— повел глазами вокруг, ничего не увидел — дорога, сколько видел глаз, была пуста, рядом стоял связной, держа за повод своего коня, который беспокойно стриг ушами и косился на ячейку — тоже чуял кровь.

— Противника не видно.— Снова помолчал.— Высылай разведчика... А я заберу... Хозарина и Федькина.

Связной, молчаливый и хмурый, отдал Климёнку фу-

ражку. Вместе они подняли на спину коня тяжелые тела товарищей, Климёнок взял повод и пошел по дороге, по которой несколько минут назад явился сюда. Остановился возле своей кобылки — она лежала в луже крови и уже не дергалась, только на потной лопатке пульсировала-билась тонкая жилка.

— Сними седло,— приказал Климёнок связному.

А над полем по-прежнему оглушительно рвались снаряды, рядом горела рожь — черные проталины с огнистыми подвижными краями все увеличивались, порой затухали, и тогда стелился горький дым, который пахнул горелым зерном, свежим, только что вынутым из печи хлебом. Но как не вязался этот запах с тем, что происходило! Климёнок шел окаменелый, опустошенный, безразличный ко всему, что было рядом. Будто это шел не он, а кто-то чужой... Может быть, если бы рядом не было связного — чужих глаз, он дал бы волю своим чувствам, расслабил бы нервы — и тогда плакал бы по-женски, кусал губы до крови, стонал и катался бы по земле, но на людях в тяжелую минуту он забирался в какой-то холодный панцирь, становился непроницаемым, неприступным, и кто видел его со стороны, мог подумать, что человек этот исключительной выдержки, с каменным сердцем.

Один Климёнок знал, что это не так, что он такой же, как все, ему так же больно и свое и чужое горе, и, может, даже больнее, чем кому другому. Но у него были какие-то свои охранные силы в организме, которые включались в такую вот тяжелую минуту и спасали его, не давали сломиться.

Похоронили командира и сержанта рядом, в братской могиле, дали прощальный залп.

6

По карте — да и без карты — Климёнок уже видел, что они подходят к знакомым местам: тут где-то начиналась линия Полоцкого укрепленного района — УРа. Может, немцы про него ничего не знали, а может, знали все... Климёнок вел своих бойцов порой напрямик, по азимуту, он спешил, чтоб опередить немцев, так как считал, что в дотах есть какие-то огневые средства, которые можно будет использовать. У них теперь оста-

лось всего несколько пулеметов, пушки без боеприпасов, покореженные, их пришлось бросить, когда дорогу им перерезали и группа прорывалась сквозь густые заросли.

Однако доты оказались на замке, и никого поблизости не было, кто сказал бы, где найти хозяина, чтоб открыть их. Климёнок под свою ответственность приказал сломать замки, но оружия внутри не нашли.

Вечерело. Солнце садилось за легкую пелену дымки, обещая завтра сухой и жаркий день.

Климёнок приказал занять четыре дота, выставить охрану и подготовиться к встрече с противником. Доты стояли на возвышении, поросшем негустыми кустами, дорога, что вела с запада на восток, шла полями и пропадала где-то за горизонтом.

Ночь прошла спокойно, противник редко ночью передвигался — боялся темноты. Может, в первый раз за последние дни Климёнок спал без прежней тревоги, без неотвязной мысли, что вот-вот что-то случится.

И все же он проснулся рано, еще до восхода солнца. Над равниной на западе курился редкий туман, мешая разглядеть дорогу. Но первые лучи солнца сразу осадили, развеяли его, дорога снова открылась до самого горизонта. Она по-прежнему была пуста. У Климёнка уже закрадывалось сомнение, правильно ли он сделал, оставшись в дотах. Может, немцы уже давно прошли эти места, обогнули по другой дороге и заявятся не с той стороны, откуда их ждут?

С юга на север высоко в небе летел самолет, трудно было определить, чей он. Скорее всего, немецкий. За последние дни Климёнок редко видел свои самолеты, до боли сжималось сердце от мысли, что они сбиты или уничтожены на аэродромах. Не может этого быть! Наши самолеты были не хуже немецких, да и по численности мы, видно, не уступали противнику. Не может быть, чтоб долго так продолжалось. Пройдет неделя, ну месяц-два — и не может быть, чтоб немцев не остановили, не погнали назад.

Думал Климёнок и о жене, о дочке, но мысли эти были какие-то другие — они сидели где-то глубоко в сердце. Он прощался с родными навсегда — не тогда, когда в последний раз видел Надю и маленькую Лину, а именно теперь, так как только теперь понял, что из этого ада

ему не выбраться. И это наполняло его душу тоской, которую ничем нельзя было унять. Он знал, что и они там волнуются за него, может уже не раз похоронили его — они тоже хорошо понимают, куда он пошел и что теперь делает.

Ну и что ж! Лучшей судьбы себе Климёнок не ждал — и не искал. Может быть, если бы не его упрямство — он теперь признавался себе, что сделал ошибку, когда отказался от спокойной работы начальника склада, придя с финской войны,— теперь был бы где-нибудь в эвакуации, в теплом месте — возле обмундирования, харчей — всего того, что так дорого ценится в войну, и остался бы жив...

Мысли, мысли, мысли... Климёнок уже заметил, что они сейчас у него переменчивые, как погода осенью. Небольшая удача, успех — немца задержали на лишний час, подбили танк, сожгли несколько машин — радовали, окрыляли, придавали сил, и казалось, что ничто не страшно, все пойдет на лад. Неудача, поражение, вынужденная сдача позиций, гибель товарищей — и он впадал в отчаяние, готов был проклясть себя и всё, сбросить с себя ответственность за людей, которых вел и которые верили в него, которые надеялись на его опыт и шли за ним в бой, вместе ели, вместе спали, надеялись на лучшее.

Надеялся на лучшее и Климёнок, и только это держало его теперь на земле.

Позавтракали кашей с консервами и чаем. По-прежнему пока было тихо. Уже давно Климёнок выслал разведку — на запад, на восток. Важно было не только знать, где противник, но — что не менее важно — где свои. Климёнок сидел над картой, изучал маршрут на случай отхода, прикидывал, учитывая прежние сведения, откуда, по каким дорогам могут пойти немцы и где они теперь вообще — близко или далеко. Если судить по ночным пожарам, то где-то рядом, может даже идут параллельно с ними, только по той дороге, что на Сенно. А они теперь, считай, в своих родных местах. Двое суток ходу — и они были бы в своей Боровой. Где сейчас его семья? Успели ли они выехать? И так ему захотелось их увидеть, что хоть ложись и умирай...

Ждать надоело. А что, если они уже в мешке, если дорога назад перерезана? Так что? Разве им это впер-

вой? Выберутся, прорвутся к своим, быть того не может.

Через некоторое время вернулась разведка — с запада. Командир группы доложил, что замечено движение по дороге километров за десять отсюда — кажется, идет пехота. Возвращаясь назад, напали на место танкового боя: сожжено и подбито несколько наших «Т-28», немецких — три танка и самоходка, которую таранила наша «тридцатьчетверка».

Вместе с разведчиками пришел сбитый в бою и легко раненный в руку летчик-истребитель, совсем еще молодой лейтенант, смуглый, белозубый. Он много рассказал Климёнку о теперешней обстановке: где фронт, где немцы имеют успех и где их бьют. Из его слов вытекало, что только на Днепре мы сможем дать решительный отпор врагу, поскольку там теперь готовится оборонительный пояс. На Украине немцев не только сдерживают, но и теснят назад. Тяжелые бои идут в Прибалтике. Главное направление у немцев — через Белоруссию на Москву, осевая линия — Минск — Смоленск, потому тут, немного севернее от нее, относительно спокойно. Лейтенант по памяти назвал, где какая армия занимает оборонительные рубежи. Климёнок понял это не как желание похвалиться тем, что он много знает, а скорее всего — подбодрить их, внести ясность в их головы, пополнить мизерный запас информации, которая основывалась чаще всего на никем не проверенных слухах, догадках, порой панических, которые теперь просто носились в воздухе, как паутина в бабье лето, что лезла в глаза, мешала смотреть...

Мир как бы немного расширился для Климёнка, но оставался все таким же суровым и неприветливым.

Именно суровым, так как ему доложили, что наблюдатель передал сигнал — показался противник. Климёнок припал к окулярам стереотрубы: мотоциклисты; за ними, кажется, на велосипедах. Если б только это...

Климёнок напрягся, будто в нем завели какую-то невидимую пружину. Передал команду подготовиться, стрелять только тогда, когда откроет огонь командирский дот.

Солнце светило немцам прямо в глаза, порой от оружия, от стекол очков, от козырьков мотоциклов отражались, сверкали солнечные зайчики. Колонна мото-

циклистов ехала медленно, чуть пылила, второй колонной, с разрывом в несколько десятков метров, катят велосипедисты: каски на рулях, рукава закатаны до локтей, на ветру развеваются чубы.

Климёнок хотел подпустить противника как можно ближе, чтоб ударить прицельным кинжальным огнем. Но не удалось: неожиданно из соседнего дота послышался приглушенный стук пулеметной очереди. У кого-то не выдержали нервы. Остальные, очевидно, посчитали это за команду открывать огонь, хотя до цели было еще далеко.

В колоннах началось замешательство, строй поломался, видно было, как падали убитые и раненые. Передние поворачивали назад.

Дот наполнился пороховым едким дымом, дышать стало трудно, в ушах звенело от трескотни пулемета. Бойцы стреляли из винтовок, спешили, пока противник не исчез.

И вскоре дорога опустела, остались стоять несколько мотоциклов, велосипедов, трупы подобрали.

Огонь из дотов затихал. Просто не верилось, что все так быстро кончится.

Да, бой развивался не по плану, все сорвал тот горячий пулеметчик. Если бы не он, немцы оставили б на земле добрую половину своих солдат, а так их только пощипали.

Климёнок разозлился не на шутку. Сразу хотел вызвать к себе того пулеметчика, но передумал. Будет стоять и молчать, хлопать глазами. А там, на месте, человек будет посмелее, что-то скажет, хоть объяснит, почему он так сделал.

Командир дота, старшина Чистов, доложил по всем правилам, что бойцы заняты подготовкой к бою — чистят оружие, набивают патроны в ленты.

Климёнок оглядел всех — тут было человек пятнадцать. Преимущественно молодые, загорелые, в выцветшем поношенном обмундировании — видно, что кадровики,— чувствуется военный опыт, выправка, точность движений. Головы стриженые, у некоторых уже отросли волосы, лица худые, потные, у молодых пробивается пушок усов и бороды.

Хоть каждый и был по-прежнему занят своим делом, но сразу почувствовалось, что бойцы насторожились,—

видимо, не так просто зашел к ним этот строгий худой майор.

— Как с патронами? — спросил у старшины Чистова, который подошел к пулеметчикам — те набивали новые ленты.

— Патронов маловато, товарищ майор,— ответил Чистов.— Два ящика, один начат, второй целый.

— Что же вы не экономили? — усмехнулся Климёнок.— Почему так поспешил? — обратился он к первому номеру, невысокому крепкому бойцу с пилоткой на затылке, который чистил пулемет.

— Я выполнял приказ, товарищ майор,— ответил пулеметчик и покраснел.

— Чей приказ?

— Старшины Чистова, товарищ майор!

— Тогда понятно,— кивнул Климёнок бойцу.— Старшина, за мной! — Разговор, он знал — неприятный, должен состояться со старшиной с глазу на глаз, без свидетелей.

Они отошли шагов тридцать от дота, сели в тень под большим кустом можжевельника. Старшина заметно волновался, украдкой поглядывал на Климёнка, следил за его движениями.

Полуденная тишина и жара, горький запах разогретого на солнце можжевельника, мягкая негустая трава, устилавшая землю,— все это настраивало Климёнка не на воинственный лад. К тому же спадало нервное напряжение после боя — хоть и короткого, мимолетного, но все-таки — боя.

— Погорячился ты, старшина, открывать огонь,— сказал довольно мягко Климёнок.— Хотел я тебя за это как следует отругать, да уж не буду. Смотри, чтоб второй раз такого не повторилось.

— Есть! — и старшина хотел вскочить на ноги.

— Сиди,— удержал его Климёнок.

— Есть сидеть, товарищ майор. Но ведь нет же времени...

— Это правда.— Такая непосредственность понравилась Климёнку.— Но вот ты не сказал мне, почему подал вторую команду своему пулеметчику. На это у тебя, видимо, были свои соображения?

— Были, товарищ майор,— смело глянул в глаза Климёнку старшина.

— Так, может, ты мне их изложишь?
— Если разрешите...
— Разрешаю. Прошу!
— Хорошо... Вот вы, товарищ майор, наверно, подумали, что старшина струсил и потому поспешил открыть огонь: увидел немцев — и сразу душа в пятки... Но это не так. Я иду почти от границы, нагляделся всего, был в таких переплетах... Сами должны понимать, вы ведь тоже... Но я не об этом... Не знаю, как вы, а я считаю, что нам сегодня очень повезло.
— Вот не думал! — воскликнул Климёнок.
— Напрасно иронизируете, товарищ майор. Если бы по этой дороге пошла не пехота, а какие-то хоть две танкетки — мы ничего бы им не сделали. Это раз... Второе — немцев мы не очень разозлили. Видите, ни авиации, ни артогня, молчат. И больше не лезут... Чего нам еще надо?
— Понял. Значит, ты не хотел разозлить немцев. Чтобы все было тихо и гладко...
— Нет, товарищ майор... Если бы мы подпустили их ближе, они успели бы прорваться нам в тыл. У них на мотоциклах есть огнеметы, я уверен, они спалили б нас живьем в этих дотах...
Оказывается, старшина не так прост, как кажется на первый взгляд. Думает, делает выводы. Интересно!
— Ты боишься смерти?
Старшина помолчал, глянул на небо, дотронулся пальцами до пилотки, сдвинул ее на ухо.
— Н-н-нет, не боюсь, товарищ майор. Но...
— Что «но»?
— Вы удивитесь, если скажу. А может, даже хуже...
— Говори смело!
— Тогда скажу... Я уже не раз себя хоронил, смерти не боюсь... Но вы согласны, что каждый должен отвечать сам за себя? Делать за самого себя? Выполнять честно свои обязанности за себя? И больше ни за кого? Согласны?
— Согласен... Но что ты хочешь этим сказать?
— А умирать? За себя?
— Не понимаю... За себя... За Родину... А за кого же еще?
— Правильно. За себя, за Родину... А вот за того, кто должен был стоять как стена, ни шагу назад — и,

если надо, умереть, а его нет — сбежал? Выходит, я должен за него умирать?

— Гм... Кого ты имеешь в виду?

— Кого? Того, кто должен был стоять на своем рубеже.

— А ты? А я? Выходит, что и за нас кто-то должен умирать там, где мы не устояли с тобою? И еще в другом месте, до которого дойдет враг.

— Вот! Я и говорю: если бы каждый стоял на своем рубеже как надлежит, враг не прошел бы!

— Если бы стоял!.. А если случилось вот так, как теперь? Что делать? Нам с тобой взвалить вину на тех, кто не выстоял, и самим спасаться?

— Мы... Не о нас разговор... Мы, считайте, умерли на своем рубеже не раз... И когда мы умрем в последний раз — так уж только не за себя...

— Значит, мы — уже не мы... Мы — какое-то исключение, нас уже в музей, под стекло, чтоб ветром не продувало? Не рано ли, старшина, ты нас хочешь списать? Мы своего еще не сделали — я так считаю. И тебе приказываю... Пока мы живы, мы не можем судить от имени тех, что погибли.

— А кто же будет судить? Сами мертвые? Они молчат... И я не говорю, что нас надо в музей. Мы будем воевать, но...

— Без всяких «но»! Воевать с оглядкою? Чтобы, не дай бог, не убило? Так мы никогда не победим. И так мы неизвестно где и когда остановим врага... Я уже раскаиваюсь, что не поговорил с тобою там, среди бойцов. Может, и они считают себя такими исключительными? Смотри, брат, я проверю. Выбрось из головы этот вздор!

Климёнок отпустил смущенного старшину, а сам пошел в свой дот. Ну и старшина Чистов! Ну и философ! Хочет перехитрить самого себя! Видите ли, он уже свое сделал — за себя сделал, а за кого-то, кто не выстоял, он стоять не собирается. Чего захотел! Чтоб каждый сделал то, что от него потребуется, что тогда было бы! Рай был бы на земле уже давно! Но в том и беда, что иногда мы должны делать не свое, а то, что недоделали другие. Правда, на это есть свои причины, даже оправдания. Но теперь — никаких оправданий, никаких отговорок. Только бой...

Под вечер вернулась разведка, посланная на восток. Разведчики едва прорвались к дотам — дорога за ними была уже перерезана, пришлось кружить.

Посоветовавшись с командирами, Климёнок отдал приказ готовиться в поход — на юг, по лесной, болотистой местности.

7

Потрепанная в боях и поредевшая группа под командой Климёнка упорно пробивалась к своим. На дорогу выбирались редко, больше шли лесом, болотами, узкими полевыми стежками. Иногда приходилось идти параллельно с немцами, иногда прямо по их следам. То слева, то справа частенько разгорались бои, бухали пушки, что-то горело. Особенно хорошо было видно, как перемещается линия фронта, ночью. Пожары, как осветительные ракеты, показывали, где теперь наитруднейшие отрезки и направления. Эти ночные зарницы все время передвигались на восток, отступая порой то влево, то вправо, но их трудно было догнать.

Сбоку по левую руку где-то остался Лепель, потом Чашники, позади остались непроходимые леса, топкие болота, десяток пройденных вброд и вплавь речек и рек, обойденных по берегу больших и малых озер, как будто тут их нарочно разбросали без меры, чтоб удлинить и без того долгую и мучительную дорогу.

Неподалеку от Сенно наткнулись на следы недавнего танкового боя. Удивило и обрадовало, что немецких танков было уничтожено чуть ли не вдвое больше, чем наших. Залог успеха, видимо, был в том, что немцев тут встретили мощные тяжелые танки «КВ».

Но беда в том, что таких машин было еще мало и они не могли изменить всей ситуации на фронтах.

Тихий и мирный городок Сенно, каким его знал Климёнок, теперь напоминал разворошенный муравейник. Было множество беженцев — с узлами, с детьми, пеших и на разном транспорте — от машин до детских колясок,— и все они неудержимым потоком направлялись на восток.

Климёнкова группа пополнила запасы продуктов и двинулась дальше. Они шли где-то между Витебском и Оршей, которые уже, видимо, были заняты немцами; Кли-

мёнок вел своих людей на Рудню, а оттуда предполагал прорваться к Смоленску.

Однажды под вечер их остановил на опушке военный патруль — капитан и пять автоматчиков.

Климёнка и его двух помощников капитан повел в штаб. По всему было видно, что тут стоит большое воинское соединение. Вид у бойцов и командиров был бодрым, подтянутым, и это радовало.

«Давно не видел генерала»,— подумал Климёнок, разглядывая плечистого, головастого, с бугристым лбом человека с двумя зведочками на петлицах новой гимнастерки.

— Рассказывайте, кто вы и откуда,— сказал коротко генерал. Он сидел на поваленной бурей осине, рядом с ним было еще несколько командиров, среди которых Климёнок увидел артиллеристов — и сразу ожил.

Климёнок начал рассказывать — сначала как-то вяло, холодно, а потом разволновался, разошелся, стал жаловаться на судьбу, на неудачи — сколько же так будет продолжаться. Генерал вздохнул, помолчал, лицо его стало суровым, бугристый лоб покрыли морщины.

— Я разделяю вашу боль и вашу тревогу, майор. И в то же время не снимаю с вас ответственности за все то, что теперь происходит... Отвечает каждый из нас — и кто имеет большее звание, тот и ответственность несет большую. Вы считаете, что немцев можно и надо бить? Это хорошо. Мы дадим вам такую возможность, майор. У вас все бойцы в группе артиллеристы?

— Большинство... Есть и пехота, танкисты, даже летчик — те, что присоединялись по дороге.

— Хорошо, майор. Даю вам дивизион,— правда, он неполный,— только смотрите, чтоб снарядов даром не палили. От артиллерии теперь многое зависит. Броню можно пробить только снарядами, только снарядами. Вот ваш новый командир, полковник Левшин.

На этом разговор кончился, начались другие заботы. Климёнок укомплектовывал батареи, знакомился с командирами, переставлял, заменял своими, подбирал опытных наводчиков. Потом изучал местность по карте и в натуре, советовался с новым командиром полка Левшиным.

Его дивизион влили в полк, полк поставили на позиции, где занимала оборону целая дивизия. Немцы из Ви-

тебска рвались на Смоленск. И тут, под Рудней, несколько дней подряд кипели жестокие бои.

Были такие минуты, что казалось — настал конец света. За взрывами, за дымом и пылью не было видно неба, артиллеристы глохли от грома выстрелов и безостановочной пальбы, у них наливались кровью глаза от бессонницы и нечеловеческого напряжения, когда снаряды надо было подавать, как снопы в молотилку,— каждые пять секунд новый. Стволы пушек так накаливались, что на них начинала дымиться краска.

Однако надежды на то, что врага можно сдержать, больше не оставалось: немцы на этом отрезке имели более чем двойное преимущество — в людях, в артиллерии и танках, не говоря уже об авиации.

Климёнка снова вызвали к генералу — тому самому, который несколько дней назад дал ему дивизион. Теперь Климёнок знал, что это генерал Еременко, который защищал Витебск со своей армией. Климёнок стукнул каблуками, доложил по всей форме. Генерал не пригласил сесть, сам стоял в тесном блиндаже возле карты на столе. Внимательно оглядел Климёнка, вздохнул и сказал:

— Знаю, майор, что трудно, но ничего другого нельзя сделать. Мы отходим на Смоленск.— Он назвал время.— Вам поручается ответственное задание — прикрыть нас и держать противника сутки... С вами будет еще пехотный батальон. Больше ничего дать не можем.

Замолчал, снова смотрел в лицо, видимо ожидал возражений или страха.

— Есть,— коротко ответил Климёнок и приложил ладонь к фуражке.— Только разрешите спросить: будут ли боеприпасы?

— Боеприпасами обеспечим... Я прикажу сам... Желаю удачи, майор.— И больше не успокаивал, не обнадеживал, только подал Климёнку свою крепкую руку. И это было красноречивей самых высоких слов: оба знали, что означает теперь остаться для прикрытия.

Климёнок вышел из генеральского блиндажа каким-то обновленным, будто по-новому увидел мир. Этот мир, задымленный пожарами, пропахший едкой гарью и порохом, заполненный грохотом непрерывных боев, казался теперь Климёнку каким-то новым. Почему оставили в прикрытии его дивизион, он мало думал. Видимо, просто потому, что он как раз был в центре, по обе

стороны дороги, вокруг которой, как на оси, группировались войска. Наверно, это и решило судьбу его дивизиона. А может, и что другое, но какое это имело значение? Климёнок считал, что наконец ему повезло: ему дают возможность сделать что-то значительное, чего раньше никак не удавалось.

Отходить должны были ночью, а до самого вечера еще гремела канонада — шквал огня не стихал и на минуту. Незаметно снялась со своих позиций артиллерия, а Климёнков дивизион по-прежнему вел огонь, даже более частый, чтобы враг не заметил, что сила огня стала слабеть. Снова на пушечных стволах начала закипать краска, а сами стволы, особенно ближе к казеннику, начинали светиться в темноте.

И только около двенадцати часов все затихло. Замолкли одна и другая стороны: немцы не любили воевать ночью.

Наступила короткая передышка.

На северном склоне большого пригорка, хорошо замаскированные на окраине негустого леса, притаились батареи дивизиона Климёнка. Немного ниже, отделенная от противника глубоким глинистым оврагом, залегла, закопавшись в сухую землю, пехота. Вражеские танки могли прорваться только по лесной дороге, которую перерезал овраг. В старом деревянном мосту над оврагом пехотинцы подпилили сваи, так что теперь этот мост стал западней.

Тревожная ночная тишина повисла над лесом и полем, где они заняли оборону. Далеко над горизонтом видны отблески больших и малых пожаров. Позади лес, но Климёнок знает, что и там, за их спиной, уже горит подожженный немецкой авиацией Смоленск.

Ночь росистая, ядреная, прохладная. Росой покрыты листья, трава, от нее стала волглой одежда. Роса блестит на ручном пулемете, который охраняет НП командиров, на телефонном аппарате и на проводах, которые бегут из ячейки телефонистов в батареи.

Укрывшись шинелями, спят в узких ячейках связисты. Не спят только два майора: артиллерийский — Климёнок и пехотный — Гладунков. Расстелив на бруствере плащ-палатку, они сидят, свесив ноги в окоп, и курят, ведут

разговор, который, как ночной костер, то разгорится ярко, то начинает затухать.

Познакомились они всего несколько часов назад, а уже на «ты» — у военных это быстро. Сначала, для знакомства,— откуда кто, где служил, по каким дорогам пришлось пройти. Потом — как-то в один голос — заговорили о новом виде оружия — реактивных установках, которые на днях им обоим довелось увидеть в работе недалеко от этого места.

Зрелище было величественное и страшное: там, где рвались снаряды, бушевало море огня и дыма, кажется, там горела сама земля.

Постепенно снова вернулись к тому, что волновало теперь каждого человека.

Майор Гладунков говорил резко, жестко, он даже преувеличивал, сгущал краски. Но чем сразу понравился Климёнку этот человек — он не выгораживал себя, не сваливал вину на кого-то.

— А я тебе говорю: главное — связь! — с азартом, быстро и взволнованно говорил Гладунков, будто боялся, что Климёнок с ним не согласится.— Первый артналет — и мой батальон отрезан. Посылаю связных — как в воду канули. Сижу день, сижу второй — нигде никого, как на острове. Бойцы какие-то идут, кричат: вы что тут, зимовать собрались? Вон уже где немцы! И называют город... Я в панике, чуть себе пулю в лоб не пустил... Пошли, напоролись на десант... Куда там! У них маневренность, быстрота, броня, плотность огня. Повернули снова — уже на запад. Смех и горе... Так своего полка и не нашел. А если бы по радио — раз, и связался! Ну, черт, разве жив не буду! Такую связь налажу, что весь мир позавидует. Все будут спрашивать: и кто такой мудрый додумался? А где он был, когда мы в сорок первом тыкались туда-сюда, как слепые котята?

Климёнок с этим не мог не согласиться, у него тоже болела душа за связь.

— У меня была почти такая же ситуация.

— Еще один важный фактор,— Гладунков загнул на руке второй палец.— Мы не преодолели в себе страха... А какой ты, к дьяволу, военный, если ты не можешь задушить в себе этот поганый инстинкт?

— У меня есть старшина, так он говорит, что мы себя должны оберегать, не лезть на рожон, так как мы,

считай, уже не раз умирали — за себя, а за кого-то там умирать — это не по закону. Каждый умирает только за себя.

— Вот и попробуй с таким воевать! — искренне возмутился Гладунков.— Терпеть не могу трусов, которые кланяются каждой пуле, дрожат за свою бесценную жизнь. Потому и говорю: пока мы не одолеем этот страх — ничего не получится. Особенно командиры... Боец хитрый — он тебя сразу раскусит, сразу смекнет, в какую сторону ты глядишь.

— Но одной смелости мало для командира.

— Ты про что? — Гладунков будто споткнулся о какую-то преграду.

— Про умение, про знание. Много надо знать командиру, много уметь. Вот на финской... Разве мы там плохо воевали? Не по-геройски? Но многого не умели...

— Именно...

— Мы там долго разминались, это факт.

— Теперь тоже — разминка затянулась.

— Теперь другое... Такая внезапность...

— Внезапность? Святая наивность! Внезапность есть, но не в том, что немцы на нас напали. Об этом мы все знали, ждали этого. Скажешь, нет? Если и скажешь — не поверю. Какой ты после этого командир, черт тебя возьми! А вот что немцы начали нас сразу бить — вот это неожиданно. Согласен, майор? Климёнок поднял голову: прямо перед ним блеснула белая ракета, стала быстро подниматься в небо, разгоняя ночь, постояла миг на месте и, описав крутую дугу, ринулась вниз, оставляя за собой тонкий дымный хвост. Наконец долетел запоздалый, приглушенный расстоянием выстрел.

— Не знаю, что тебе и сказать... Во многом ты разобрался лучше меня,— начал Климёнок, когда темнота после ракеты немного уменьшилась.— У меня в голове как-то все еще во взвешенном состоянии, не улеглось на свои места. Для этого мне, видимо, нужно больше времени, чем тебе. Ты быстрый во всем — сразу видно...

Они разговаривали еще долго, уже начало белеть небо на востоке и пропадать звезды, а ранний жаворонок уже завел над полем свою бесконечную песню. Молчали только о том, что их ждет завтра... Незаметно для себя заснули на ветках и папоротнике, которыми был прикрыт бруствер.

Утром майор Климёнок проснулся от быстрого глухого топота ног. И тут же услышал сдавленный крик:

— Товарищ майор! Немцы... Танки!!!

Климёнок вскочил, а майор Гладунков тихо лежал, прикрыв лицо рукавом шинели.

— Майор, тревога,— громко сказал Климёнок и подтянул ремень, оправил гимнастерку.

Майор спокойно сел, потянулся.

— Черти, не дадут поспать.— Посмотрел на солнце, встал.— Будь здоров, майор! Иду к своей пехоте. Снарядов не жалей, фрицев тоже.

Гладунков протянул Климёнку руку и ушел походкой спокойного и уверенного в себе человека.

По телефону стали передавать с батарей — к бою готовы. Майор Климёнок глянул на часы: было десять минут седьмого. «Рано позавтракали фрицы». Он стоял, закрытый от противника березовым кустом, и смотрел в бинокль на дорогу, которая пропадала в лесу и только километра за два отсюда выскакивала на пригорок, как ножом разрезая в том месте лес. Сначала было трудно разобрать в густоте зелени, что это за машины. Ага, танки — вон торчат стволы пушек, башни утыканы ветками и молодыми березками, сзади стелется густая серая пыль.

Тревожно заныло сердце у Климёнка. Танки... Если бы только они! Немцам уже костью в горле стал этот заслон на дороге к Смоленску, и они готовы на все, чтобы уничтожить его. Так и есть! Знакомый отвратительный свист — шуршание снаряда — и следом трескучий взрыв. Вот и началось пекло! Снаряды сыпались градом, накрывая весь перелесок с замаскированными пушками в нем и поле возле оврага с пехотой Гладункова. А под этот дикий аккомпанемент немецкие танки приближались и развертывались для атаки. Неожиданно для всех на опушке. на другой стороне оврага, показалась вражеская пехота. Видимо, время у них было спланировано и рассчитано, Климёнок уже знал, что немецкие танки редко шли в атаку без поддержки пехоты.

Перекрывая гул взрывов, Климёнок отдал приказ по телефону открывать огонь по танкам. Пехоту пусть берет на себя батальон Гладункова.

Немецкие автоматчики, соединившись с танками, сразу осмелели и, постреливая перед собой, пошли вперед. Танки тоже вели огонь на ходу. И хоть такой огонь не-

прицельный, он все же делает свое — действует на психику, особенно на необстрелянного бойца, у которого от страха может «отключиться» голова и «включиться» ноги.

И еще знал Климёнок: противник страшен тогда, когда ты в него стреляешь, а он идет на тебя. «Что-то нет никакого результата,— уже укорял мысленно своих артиллеристов Климёнок,— только палят снаряды, а их не так и много, чтоб зря разбрасываться. Ну, наконец! — обрадовался он, увидев, как остановился и крутнулся на одной гусенице танк.— Молодцы!»

Снаряды рвались в цепях пехоты, у самых бортов танков. Вторая машина уже дошла до оврага, на миг исчезла из поля зрения, потом на этом краю оврага показался ствол пушки и две блестящие змеи гусениц. Машина, с натугой одолевая подъем, взбиралась все выше. Показалось ржавое, в засохшей грязи днище танка с круглым обводом аварийного люка. Но танк вдруг содрогнулся, застыл на месте, как огромное живое существо, которому саданули копьем под самое сердце, а потом медленно стал сползать в овраг. Через миг там, где исчезла вражеская машина, громыхнул взрыв. Вверх взлетела сорванная взрывом тяжелая крышка люка.

Остальные танки и пехота скрылись в мертвом пространстве за оврагом, не показываясь больше на этой стороне. Зато огонь невидимой немецкой артиллерии стал расти, густеть. Климёнок не знал, что происходит в батареях: уже несколько минут, как не было связи, а связные еще не успели вернуться.

Трудно было предположить, что думают делать немцы дальше. Там, за оврагом, они, наверно, собираются снова атаковать. Хорошо было бы накрыть их, если бы у Климёнка была батарея гаубиц или хотя бы рота минометов. А так жди и гадай, что делает противник, а потом уже принимай контрмеры.

Снаряды начали рваться с большим перелетом — это означало, что немцы снова пойдут в атаку. Так оно и есть: первыми выскочили автоматчики, за ними следом показались танки. За это время, очевидно, немцы срезали крутой подъем, прокладывая машинам дорогу, так как танки пошли сразу широким фронтом, их было больше десятка.

Батальон Гладункова был накрыт сразу, завязался рукопашный бой, немцы в отдельных местах не выдержи-

вали, бежали назад, а танки перешли траншею пехоты и направились к позициям артиллерийского дивизиона.

Все гремело от взрывов, рева моторов и лязга гусениц. В ячейки с брустверов медленно осыпался песок, ходуном ходили воткнутые в него ветки маскировки. Климёнок чувствовал, что подошли решающие, если не последние, минуты боя. Он понимал, что его НП теперь никому ничем не поможет и место его, командира,— там, где пушки. Оставив за себя начальника разведки, взял двух связных и поспешил в первую, ближнюю, батарею.

Пригибаясь, они бежали, выбирая места пониже, канавки, кусты, но их, наверно, видели с танков, так как рядом с ними раз за разом со страшной силой рвались снаряды, их обдавало песком и камнями, они падали и снова вскакивали и бежали.

Артиллеристы теперь били с близкой дистанции, в упор, окутавшись черным дымом, горело уже несколько машин, остальные же рвались вперед, стреляя из пушек и пулеметов.

Дышит, дрожит под ногами земля, то тут, то там взлетают в небо темные столбы огня и дыма. Кажется, что сама земля извергает из себя эти фонтаны, будто какой-то невидимой силе там тесно и она пробивает себе дорогу наверх.

Запыхавшийся, потный Климёнок добежал до первой батареи. Немного раньше он заметил, что огонь ведут не все пушки: ему казалось, что молчит одна. А тут оказалось, что вышли из строя две. Командира батареи тяжело ранило, его заменил командир огневого взвода. Достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться, как тут трудно: есть раненые, убитые, одна пушка искорежена вконец. Зато другая еще может служить — поврежден только прицел, в щите вырвана большая дыра.

Климёнок через минуту собрал всех, кто мог еще шевелиться или не был занят, и сам стал к орудиям — наводчиком и замковым одновременно: он прицеливался через открытый ствол.

С первого выстрела Климёнок подбил танк, который вырвался вперед и шел на их батарею, обходя с фланга. Снаряд угодил ему в левый борт, машина тут же вспыхнула пламенем — взорвался весь боезапас и горючее.

После такого удачного выстрела Климёнок как-то сразу стал спокойнее и уже снова начал ловить в круглом

отверстии блестящего ствола движущуюся мишень... Не поймать никак гада, будто он знает, что сейчас ему конец, так и кидается в стороны... Все ближе и ближе... Ствол немецкой пушки шевелится, тоже выбирает себе цель, огромный надульный тормоз, как кулак, угрожающе выставлен вперед. Вот этот кулак пыхнул дымом и пламенем, и тут же где-то рядом ударил гром — зазвенело в ушах от тугой волны взрыва. Климёнка бросило на землю, он почувствовал, что из носу у него потекла кровь. Смахнул кровь ладонью, встал на колени возле замка, сделал последний доворот маховика вертикальной наводки, крикнул: «Заряд!», тут же закрыл замок и дернул за шнур. Его оглушило, обдало огнем и дымом, он ослеп на мгновенье, но через несколько секунд туман в глазах рассеялся, и он отчетливо увидел, что и другая машина стала, дернулась туда-сюда и занялась огнем. Это было всего в нескольких метрах от пушки...

Остальные танки повернули назад. Артиллеристы били по ним до самого перелеска, и уцелело их мало, как и немецкой пехоты.

«Ну теперь немцам есть от чего звереть»,— устало подумал Климёнок.

Надо было готовиться к самому трудному, что их ожидало.

8

Только теперь Климёнок понял, что до сих пор они были в стороне от главного направления, что на линии Минск — Смоленск сейчас происходили самые важные события. На каждом шагу тут были видны страшные следы войны: разбитые и сожженные танки, бронетранспортеры, машины, убитые кони, сожженные деревни, свежие трупы — немцев, наших бойцов и жителей.

Теперь из тихой заводи Климёнка выкинуло на быстрину.

Подошли к Смоленску. Была середина июля сорок первого года. Город горел. Тут и там дымили пожары, выбрасывая в небо клубы дыма, то серого, негустого, похожего на пар — пожар, вероятно, затухал, то он был черный, густой, клубился — горело что-то жирное — мазут или нефть. Порой слышались глухие взрывы — что-то рвалось, и пожар на время оживал, вырывалось пламя,

летели искры... Город, каким он, Климёнок, видел его два года назад — без одного месяца,— было не узнать.

Вначале то, что за спиной что-то горит, пугало, тревожило людей, которые занимали оборону на подступах к городу, на окраинах, но через день-два они уже смотрели на это как на обычное явление. Понятия «фронт» и «тыл» теперь начали стираться, они могли даже меняться местами.

Немецкие летчики просыпались вместе с солнцем. На НП артиллерийского дивизиона наблюдатель передавал: летят немецкие самолеты: направление, количество, тип...

Так начинался день...

Гу-гу-гу-гу,— гул нарастает, надвигается на них, угнетает, холодной лапой залезает в душу.

Климёнок глядит на небо из-под низко надвинутого козырька фуражки. Самолеты идут прямо на их позиции. Утреннее солнце ярко сверкает на стеклах кабин, на дюралевой обшивке, и самолеты как бы вспыхивают, будто горит магний.

Они немного снижаются над городом, меняют строй — и вот первая бомба со свистом летит вниз, и мощный взрыв сотрясает землю, вздымает вверх столб черного дыма. Потом бомбы сыплются тяжелым градом на израненный, беспомощный город, в котором уже и так не осталось живого места. И к старым, уже слабеющим пожарам добавляются новые, охватывают все большее и большее пространство, и начинает казаться, что горит даже земля и что огонь скоро достигнет и сюда.

Разгрузившись, самолеты по два, по три возвращаются на свою базу. Иногда, будто развлекаясь, пролетая над позициями пехоты, начинают пикировать и строчат из пулеметов — крупнокалиберных и обычных. И Климёнку кажется, что делают они это не по необходимости, а для забавы, с усмешечкой — не возвращаться же назад со всем боезапасом! Советский солдат для них — всего только живая мишень, для этого не требуется никаких эмоций, только нажимай на гашетку или на кнопку пулемета.

Солнце показывается из-за дыма хмурое, невеселое. Оно как бог для верующих: все видит, все понимает, все слышит, но ничего не может сделать, ничем не может помочь, даже посоветовать. И человек, истомленный ожиданием чужой помощи, начинает помогать себе сам. Сегодня его наипервейший помощник — злость...

Позвонил полковник Левшин. Ровный низкий голос звучит спокойно. Расспросил о настроении, здоровье, даже об аппетите — не без иронии, так как кормили не очень хорошо, а потом уже серьезно сказал, что, по сведениям, добытым от «языка», немцы сегодня намерены начать штурм или что-то похожее. «Так что держись крепко... Если что — звоните».

Климёнку сразу стало легче. Основное — знать, что тебя ждет... Штурм... Не один он уже был и не один еще будет. Но пока что все они кончались для немцев ничем... Посмотрим, что будет сегодня...

Связной принес завтрак: овсяная каша с консервированной говядиной. Климёнок уже не мог переносить запаха консервов. Зато чай — свежий, пахучий. Кашу он не съел, а чаю выпил двойную норму.

— Налей мне чаю во флягу,— сказал связному.

Это был белобрысый подвижный боец, совсем еще мальчик, и форма на нем не обношена, не пригнана, новая,— видно, еще ни разу не пришлось проползти по-пластунски. «Свежее пополнение»,— решил Климёнок. До сих пор ему приносил завтрак усатый дядька.

— Откуда ты, братец солдат? — спросил Климёнок шутливо.

Боец улыбнулся, лицо его стало еще больше мальчишеским, даже детским.

— Я смоленский, из-под Дорогобужа.

— Значит, земляк Тухачевского?

Боец кивнул.

Они поговорили еще немного, но совсем о другом — сколько бойцу лет, кто дома. У Климёнка к этому мальчику сразу возникло какое-то теплое чувство.

Кто такой Тухачевский для Климёнка? Сначала блестящий стратег, полководец, обаятельный человек... А потом — враг... Нет, у Климёнка такое не вязалось одно с другим. Человек не может состоять из двух таких несовместимых половин... Однако лучше об этом потом. Сейчас нет времени... Он возвращался к заботам вот этой минуты: звонит в батареи, проверяет готовность. Всюду полный порядок, бойцы позавтракали, готовы встретить гостей... Ну, хорошо, что позавтракали. Когда придется обедать — никто не знает.

Что же по немецкому распорядку дня будет сегодня?

Климёнку вдруг показалось, что далеко, в той стороне,

где теперь немцы, он увидел у земли несколько дымков, которые тут же стали вытягиваться в линию, оставляя за собой чуть заметный серый след. Так и есть: это летят мины из шестиствольных немецких минометов, «скрипачей». Знал, что это реактивные снаряды, подобные тем, какими стреляют советские «катюши». Под Рудней и тут, под Смоленском, Климёнку довелось видеть наши минометы в работе, и радостное чувство охватывало его каждый раз: вот это оружие, вот это сила! Немецкие «небельверферы» были слабее «катюш», но и у них сила взрыва, густота огня были немалые, к тому же мины имели специальный стабилизатор, который при падении пронзительно «скрипел», завывал, и этот неприятный звук, который завершался взрывом, сильно действовал на нервы людей и необстрелянных мог повергнуть в панику.

Вот и теперь мины пронзительно-противно, с железным скрипом завизжали над головой, упали на пригорке, вздымая в небо фонтаны дыма и земли, посыпались густо и часто.

«В нишу или нет? — спросил себя Климёнок: — Э-э-э, глупости! Пронесет! А не пронесет — черт с ним!.. О, гад, совсем близко...»

Климёнок, как любопытный мальчишка, выглянул из траншеи — мина совсем рядом вырыла круглую яму, по краям желтел свежий песок... Мины начали рваться все чаще, весь пригорок был застлан дымом и пылью, они висели в воздухе и не рассеивались. Особенно много темных «кустов» висело над позициями пехоты. «Лишь бы только не сдрейфили»,— подумал про пехотинцев. Главное — переждать первые пять-десять минут, а потом уже страх проходит. Жив до сих пор, жить будешь и дальше...

Мины еще рвались, а уже там, перед позициями пехоты, где пригорок начинал постепенно переходить в равнину, Климёнок заметил движение. Поднялась и пошла вперед цепью вражеская пехота, а спустя несколько минут из-за пригорка стали выползать танки.

Климёнок дал знак связному, тот выпустил в сторону противника две красные ракеты. И тут же воздух содрогнулся от мощного залпа, а через минуту в боевых порядках немецкой пехоты и танков, как живые, стали вырастать темные столбы дыма. Это как бы подогнало противника: танки прибавили ходу, а серо-зеленая пехота старалась не отставать от них, прячась за броню.

Тревожные минуты ожидания... Климёнок припал к окулярам стереотрубы. Поле перед ним как на ладони, оно все шевелится, живет, наполнено движением и мельканием. Танки поднимают за собой такую пыль, что пехота идет за ними, как под прикрытием дымной завесы, снаряды, которые рвутся на поле, еще сгущают эту завесу, и поле в дыму и пыли кажется таким темным, будто Климёнок глядит на него через закопченное стекло... Он нервно протирает глаза, снова припадает к стереотрубе. Ага! Один готов! Танк закрутился на месте, стал задом наперед — левая гусеница сползла на землю. Другой, кажется, горит, так как дым намного темнее, чем обычная пыль за кормой. Ага! Блеснуло пламя над моторной частью, горит! Машина стала, пехота, которая пряталась за нею, несмело идет дальше без прикрытия, несколько фигур исчезают в дыму и пыли, будто проваливаются в яму.

Немцы спешат — они знают, что впереди мертвое пространство. Это — речушка, которая течет по большой выемке, скорее не речушка, а обычный овраг-водосбор, который весной становится бурной речкой и несет в Днепр свои воды.

Климёнок отдает приказ четвертой гаубичной батарее перенести огонь на овраг. Проходит несколько длинных минут, пока в овраге, где-то на дне, глухо, как в бочке, начинают рваться снаряды: видны только подвижные всплески черно-бурых вееров.

«Молодцы, хлопцы, молодцы!» — хвалит мысленно Климёнок артиллеристов из четвертой батареи и в то же время внимательно окидывает взглядом поле за оврагом и перед оврагом: был как раз такой момент, когда остальные машины и фигуры пехотинцев исчезли за линией видимости и еще не успели показаться тут, перед самым носом у нашей пехоты... Пехота не сможет сдержать танки, ей хотя бы отбить немецких автоматчиков от танков. А тут танки все равно не пройдут...

Из оврага показались первые каски, немцы сыпанули как утки из воды на берег, на ходу выравниваясь в цепь, стали бить из автоматов, что-то кричали, озирались — видимо, ждали и звали танки, свою оборону, свою надежду. Показались и танки — им, наверно, трудно давался крутой подъем, и они искали более пологое место, так как выползали один за другим колонной, а не рассыпным

строем. «Вот когда их надо низать, как рыбу острогой»,— со злостью думает Климёнок и дрожит от возбуждения, не может быть, чтоб артиллеристы не использовали такого момента!

А пехота уже возле самой траншеи. Наши бойцы с винтовками наперевес выбегают навстречу. Короткая рукопашная схватка, немцы поворачивают назад, падают, бегут!

Между тем один танк уже горит — тот, что шел первым, видимо командирский. Второй тоже стоит на месте, что-то с гусеницей, видно, как возле него суетятся два танкиста. Несколько машин маневрируют — выписывают по полю восьмерки, пашут гусеницами землю, поднимают пыль, бьют раз за разом из своих пушек, но одни, без пехоты и без команды, вперед идти не решаются.

Враг в замешательстве. И вот танки, которые недавно выползли из оврага, скрываются в нем снова — одни задним ходом, другие передним, отстреливаясь на ходу.

Однако радоваться было еще рано. В воздухе снова послышался вой мин. Гуще стали взрывы, столбы дыма и пыли снова закрыли пригорок, и без того весь изрытый взрывами... Налет продолжался. А думалось, что все уже кончилось: немцы из оврага больше не полезут, пойдут назад. А они сейчас готовятся к новой атаке, набирают силы... И так тоскливо, так одиноко стало Климёнку, что хоть кричи «караул». Они молотят по этому пригорку, а он должен терпеливо ждать, когда обстрел кончится, чтоб потом не пропустить момента, от которого зависит успех.

Телефонист зовет Климёнка к аппарату. Вокруг грохот, слышно плохо, как ни затыкай левое ухо. Полковник Левшин передает новый приказ: поддержать огнем соседа слева, дает координаты.

Оказывается, немцы по оврагу пошли в обход левого фланга, завязали бой с соседом. Вот для чего этот обстрел! Чтоб держать их в кулаке, не дать оторваться от земли.

Климёнок приказывает первой батарее бить в заданный квадрат. Снова тянутся долгие минуты ожидания — пока там подготовят все данные для стрельбы! А на левом фланге, если хорошенько прислушаться, бой разго-

рается, ширится, заходит глубже и глубже, огибает левое крыло обороны. Прежняя уверенность сменяется тревогой: как там соседи? Смогут ли они сдержать ту силу, которую каким-то чудом удалось сдержать им?

Солнце поднимается все выше, укорачиваются тени, жара все усиливается, хочется пить. Но чай, который утром казался таким вкусным, теперь как помои — Климёнок только сполоснул им рот и выплюнул. Лучше закурить...

Он не сразу заметил, что вокруг стало тихо: мины перестали бухать, только там, на левом крыле, шел бой — грохотали пушки и долетали чуть слышные стук пулеметов и винтовочные выстрелы.

Но зато появились новые звуки: хорошо знакомое гудение — ву-ву-ву... Гул приближается, крепнет, уже слышно, что самолет не один и не два... Однако их не так уж много, всего, кажется, шесть штук... Может, и теперь пронесет мимо? Нет, кажется, теперь-то они не обойдут этого пригорка.

...Снова чертово колесо, снова свист и грохот бомб, самоуверенное дудуканье крупнокалиберных пулеметов.

Самолеты пикировали, сбрасывали бомбы, строчили из пулеметов, глушили ревом моторов. Тут действительно ничего нельзя было сделать, приходилось терпеливо ждать, как конца грозы, урагана. Лежать и ждать... В этот раз или в следующий... Нет, пронесло мимо. А как этот? Промажет? Песок сыплется, как дождь, осколки и камни падают градом, рев мотора — как обвал горы. И все это на бойца, который лежит или сидит, скорчившись в ячейке или в нише. Шесть самолетов по одному пике — это шесть. А они пикируют по два, по три, по пять раз и больше. Каждый боец видит над собой смерть десять, двадцать, а то и тридцать раз. И какой-то один раз может быть для него последним...

Где-то там, на левом фланге, все еще гремит бой, а тут они не могут помочь ни себе, ни соседу. Они, как связанные, ждут конца...

И вот небо проясняется — в нем больше не видно хищных, с крестами на крыльях, птиц.

Кого-то убило, кого-то ранило, кого-то контузило или засыпало землей...

Так кончилась первая половина дня.

9

Все, что пережил Климёнок, отступая от западной границы к Смоленску, было ничто в сравнении с тем, что происходило вокруг.

Он удивлялся, как люди могут выдержать такое. Они жили, работали, готовили город к обороне, тушили пожары, ухаживали за ранеными, даже ходили в кино.

Народ жил, народ боролся, народ проявлял чудеса героизма на каждом шагу, не замечая этого. Для людей, которые жили и воевали в Смоленске, это была обычная тяжелая будничная жизнь, которую надо было как-то преодолеть, не сломаться. Люди, которые бросались в пламя пожара спасать чужих детей, из-под обвалившейся стены вытаскивали полуживого человека и приводили его в чувство, которые делились с бойцами последним куском хлеба, люди, которые не имели времени оплакать своих родных и близких, погибших под бомбами и пулями,— такие люди, думал Климёнок, раз они до сих пор не согнулись, выстоят и дальше.

Убедившись, что в лоб взять Смоленск им не удастся, немцы начали обходить город с северо-востока и юго-запада, перерезали магистраль Смоленск — Москва.

Но защитники города не думали сдаваться. Они мужественно оборонялись, контратаковали, заставляли немцев отступать. Отдельные кварталы в городе переходили из рук в руки по многу раз — районы кладбищ, кирпичного завода, аэродрома. Снова был отбит у немцев вокзал, вся северная часть города до самого Днепра. Почти три недели шли жестокие бои за город, но наконец наши войска вынуждены были его оставить — нависла угроза полного окружения.

Все эти дни и ночи артиллерийский дивизион Климёнка бросали туда, где надо было преградить дорогу вражеским танкам, где надо было ломать броню. Дивизион его уменьшался почти до одной батареи — под снарядами и бомбами, под гусеницами гибли люди, пушки, целые расчеты,— а потом снова вырастал, пополнялся новыми боевыми единицами, снова набирал силу и громил врага.

Но вот военный вихрь выкинул Климёнка из Смоленска, завертел и понес... Так и не удалось ему повидаться со своим бывшим командиром из Великих Лук Курочкиным, пройтись по крепостному валу, по которому ходил

осенью тридцать девятого года, полюбоваться еще раз красотой Успенского собора... Теперь Климёнок был только там, куда бросало его командование. Порой он не мог дать правильной оценки тому, что происходило вокруг, не мог уловить логики в неожиданных поворотах, зигзагах, переменах направлений, которые, наверно, только высшему командованию были понятны до конца. Он знал одно: так надо! И делал все, чтоб выполнить приказ.

После Смоленска были — Дорогобужье, Соловьевская переправа, Старая Смоленская дорога...

Сюда их прибило под вечер после долгих и непрестанных боев за Смоленском, где им чудом удалось прорваться через уже готовое сомкнуться кольцо окружения.

Климёнок обвел глазами высокий правый берег Днепра, поросший кустарником, и сразу подумал: такое количество техники и людей удастся переправить через реку самое малое за неделю. Ждали переправы боевые единицы — пехота, кавалерия, артиллерия, а большей частью — обозы, штабы, госпитали, снова штабы. Еще больше было отдельных больших и маленьких групп, а то и одиночек, которые пробивались на восток самостоятельно. Климёнку пришло в голову сравнение: муравейник, которому надо перебраться по соломинке на другой берег пропасти.

Свой дивизион на «ЗИСах» Климёнок поставил в небольшом лесочке у берега, а сам, взяв десять человек автоматчиков, направился к переправе. С чего начинать, но и сам хорошо не знал. Очевидно, надо найти того, кто руководит переправой.

Это оказалось не так просто: никто толком не знал, кто тут начальник и где его искать. Они стали пробираться через густую толпу к тому месту, где шла погрузка на паром. И что это за паром? Допотопный, маленький, со старым дедом-паромщиком? Или такой, что может взять взвод за один рейс?

Чем ближе подходили к переправе, тем труднее становилось пробираться вперед. Пушки, передки, военные повозки и санитарные машины с ранеными, легковые автомобили, тягачи; ржание коней и крики команды, споры, переходившие в ругань и крик,— все это давило, заполняло пространство, поглощало человека, и он пропадал, растворялся в этом шуме, как капля в воде. Чтобы пробиться там, где коридор среди людских тел совсем пропа-

дал и где приходилось пускать в ход локти, Климёнок кричал иной раз спасительную, как ему казалось, фразу:

— У меня срочный пакет для начальника переправы! — И это немного помогало: военные хоть и недоверчиво, а все же пропускали мимо себя рослого майора с охраной.

Начальник, очевидно, был теперь там, возле парома, где шла погрузка. Грузился, кажется, госпиталь: мелькали белые повязки бинтов. Попадались и заскорузлые от крови, грязные и засохшие повязки, наложенные, наверно, неделю назад, а то и больше.

Они были недалеко от того места, где кишела толпа, стоял шум, где громко спорили, доказывая друг другу правоту, и неизвестно, кто кого слушал.

— А я вам говорю: ни одного человека больше! Иначе я прикажу своим бойцам очистить паром вообще! Ни одного человека больше! — кричал властный, привыкший командовать голос.

Ему отвечал не менее грозный и не менее натренированный в командах:

— А я вам говорю: можно! Я приказываю, как старший по званию! Вы молокосос по сравнению со мной, а вы будете мне указывать? Я отвечаю за своих людей, а не вы, и прошу не мешать...

Климёнок уловил в первом голосе знакомые нотки, а вот где его слышал — никак не мог вспомнить. Полковник Лещинский? Нет, голос того он сразу узнал бы... Хотя есть что-то близкое, привычка делать ударения в словах — одно нормальное, там, где ему и надо быть, а второе — на последнем слоге, для большего веса.

— Вы не знаете, как фамилия начальника или коменданта переправы? — спросил Климёнок у лейтенанта-кавалериста с саблей на боку, загорелого до черноты кавказца с горбатым носом и черной щетиной на лице.

— Сам хочу знать,— показал белые зубы кавказец,— да никто не говорит...

И снова долетел властный голос:

— Ни одного человека больше! Я вам сказал по-русски!.. Паром — пошел!!!

И вдруг, точно молния, сверкнуло воспоминание: майор Гладунков! Дорога из Витебска на Смоленск, они в прикрытии где-то под Рудней, бой с танками и пехотой противника, спокойный и смелый комбат Гладунков!

Тогда они сутки продержали немцев, выполнили приказ командования и сами, наперекор всему, удачно оторвались от противника, только с Гладунковым Климёнку больше не довелось встречаться, хотя в Смоленске он не раз вспоминал майора и даже искал его...

И тут вдруг Гладунков — начальник переправы! Сама судьба посылает Климёнку этого человека... Что же теперь? Подойти поздороваться, все рассказать? Но чем это поможет? Что значит их знакомство, когда тут столько чинов — и выше его? Надо что-то придумать, как тогда, в Западной Белоруссии, когда он вел батарею и кричал «дорогу комдиву!». Что-нибудь такое... Есть! РГК! Резерв Главного Командования! Дивизион РГК... Звучит довольно солидно и убедительно! Правда, за такую липу могут расстрелять... Но... Попробовать надо. Он же старается не за себя, а за своих людей, за технику...

Майора Гладункова было не узнать. Тонкая матовая кожа так туго обтягивала все мускулы и кости лица, что виднелась каждая неровность, каждый выступ и впадинка. Глаза запали, болезненно блестят белки, красные от бессонницы. Но обмундирование на нем лежало хорошо, воротничок подшит снежно-белый, только сапоги были вымазаны в глине — будто и не его, а чужие.

Теперь майор разговаривал с каким-то толстым чернявым полковником с усиками, что-то ему спокойно, но решительно доказывал, а полковник все время горячился, срывался на крик.

—...Почему только штаб? Где ваши бойцы? Где ваши люди? — спрашивал майор Гладунков у полковника.— Как вы будете воевать? Почему вы их бросили?

— Майор, прошу не делать мне допроса! — закричал полковник.— Об этом я буду говорить в другом месте, а не вам.

— Товарищ полковник! Не забывайте, что я начальник переправы и по инструкции имею право вас арестовать. Неорганизованные части, штабы без частей пройдут в последнюю очередь...

— Это черт знает что, майор, я буду жаловаться!

— Хоть самому господу богу,— жестко отрезал Гладунков.— Пока не пропущу все госпитали, никто не ступит на паром!

Климёнок уже добрался до самого майора, стоял в

двух шагах от него за чернявым полковником, возвышаясь над ним на целую голову.

Лицо майора Гладункова вдруг как бы ожило, утомленные глаза потеплели, вокруг них побежали лучи морщин: он узнал Климёнка.

— Комдив Климёнок! — тонкие губы его таили чуть заметную улыбку.— Дивизион...

— Так точно! Дивизион РГК! — важно подтвердил Климёнок и чуть заметно подмигнул майору.

Тот сразу стал серьезным.

— Сколько стволов?

— Десять... И триста человек бойцов...

Майор Гладунков задумался, на лбу у него пролегли морщины. Взглянув на часы, он сказал:

— Через два... Нет, через три часа быть всем тут.— Он показал на изрытый берег рядом с пристанью.— Только организованно, без задержки, иначе мы сорвем график.

Климёнок ожидал, что поднимется шум и крик, что станут возражать и протестовать — без очереди и все такое,— но никто не сказал ни слова, даже чернявый полковник с усиками отошел в сторону от дороги и с завистью смотрел на худощавого майора, которому так легко удалось уломать упрямого начальника переправы.

Больше поговорить с майором Гладунковым не пришлось, было не до разговоров. Климёнок зашагал к своему дивизиону. Смеркалось, над рекою начинал стелиться легкий туман, утомленные люди собирались на ночлег.

Приходила ночь и приносила короткую передышку от самолетов, которые днем не давали покоя.

В дивизионе уже знали, что через три часа им переправляться, и бойцов охватило радостное возбуждение.

Время тянулось медленно. Было тихо, только несколько раз в высоком звездном небе пролетали самолеты, но высоко, сначала на восток, а через час или меньше — назад. Кое-где светлело небо — начинался или кончался пожар, погромыхивало на западе, в стороне Смоленска,— будто далеко где-то гремел гром.

Климёнок сидел в кабине «ЗИСа» и думал свои нелегкие думы.

Спасет ли их батька Днепр? Смогут ли они закрепиться, вцепиться в землю и наконец остановить врага? Картина, которую он видел сегодня и которая все еще стоя-

ла у него перед глазами, мало чем радовала. Да, это была сила, даже огромная сила, но неорганизованная, без боеприпасов. У него в дивизионе при каждой пушке — считанные снаряды, у каждого бойца — считанные патроны. Так и у всех, кого прибил на этот берег паводок отступления. У этих людей были только злость и упорство, которые их вели к своим, в надежде, что там им дадут оружие, а отваги у них не занимать. Ведь это были преимущественно люди, которые наперекор неудачам и панике отступали организованно, с боями, не сдались в плен при первом удобном случае, люди обстрелянные, которые уже знали, что враг не так страшен, как казался вначале, многие из них били его своими собственными руками.

Эти люди представлялись Климёнку как бы строительным материалом — для крепости,— которому нужен раствор, цемент, чтобы спаять их в одно, в один прочный монолит.

Переправлялись ночью, при свете луны, все прошло хорошо, если не считать, что скрипучий паром от перегрузки готов был пойти на дно. Было радостно — и горько: Климёнок так и не смог поговорить с майором Гладунковым, а еще хуже — даже не поблагодарил его: как раз в это время у того нашлись какие-то хлопоты, а когда паром отчаливал в последний рейс, майора на берегу не было. Климёнок передал благодарность через бойцов охраны, но на душе было неприятно: чувство вины не давало ему покоя.

Только под утро Климёнок заснул и спал довольно спокойно. Теперь их отгораживала от противника такая преграда, как Днепр. Хотя преграда эта для немцев могла быть и не такой уж страшной, Климёнок не раз убеждался, что средства переправы у них хорошие. Взорвать за собой мост — еще не значит надолго оторваться от противника. Правда, тут ситуация была несколько другой: наземные части противника смогут — если еще смогут — достигнуть переправы самое меньшее через несколько дней.

Но докучливый, так надоевший звук — ву-ву-ву — разбудил Климёнка. Было утро, солнце еще не взошло, воздух холодный, как в заморозок, железные части на кузове машины блестят от росы. Гул был далеким, он только еще зарождался где-то, только успел долететь

сюда, однако Климёнок вскочил с постланной в кузове соломы, разбудил своего заместителя, капитана Рябцева.

— Что, что? — спросил тот, протирая заспанные глаза.

— Самолеты. Поднимай людей. Прикажи хорошенько замаскироваться.

Еще вчера — хотя какое там вчера, примерно часа три назад — Климёнок выбрал для дивизиона «затишное» место: большой луг с высокой травой, густые кусты ивы и ольшаника, в нескольких километрах от главной дороги, рядом — большая днепровская старица, в какой, наверно, пропасть рыбы...

Климёнок вылез из кузова, отошел несколько шагов. Он сразу, как и каждый, у кого острый слух, мог сказать, когда летит один самолет, а когда много. Один — звучит-пульсирует всего одна точка, до слуха доходит как бы один невидимый луч-нить, по которой можно, даже не видя, отгадать, где самолет. А если много — гудит, ревет весь горизонт, гул наплывает медленно, но широкой полосой, охватывает небо и землю, он всюду — и только через некоторое время уже отчетливо видны первые точки, которые превращаются в опрокинутые кресты — самолеты...

Так было и теперь. Темная армада лежачих крестов шла прямо на переправу.

Бухнули первые бомбы, а потом посыпались градом, все смешалось в дьявольской какофонии взрывов и зловещего воя моторов. Один за другим взлетали в небо узкие прозрачные смерчи воды, на берегу что-то загорелось — в одном месте, в другом. Пикировщики, как коршуны, ныряли вниз, казалось, вот-вот врежутся в землю или в реку, но они выходили из пике, оставляя под собой несколько темных или серебристых вееров. Снова набирали высоту, и, ложась на одно крыло, делали поворот — как раз над дивизионом Климёнка.

Было такое ощущение, что враг видит их тут, притаившихся в траве, в кустах, только у него нет времени, чтоб расправиться с ними, он занят другой, более важной работой, но в следующий раз они сыпанут свой груз и сюда. Но нет! Климёнок понял, что они спасены. Гладунков сделал все, что мог, даже не подозревая, что спасает Климёнка от верной гибели... А он сам? «Бедный майор Гладунков,— шептал, как молитву, Климёнок,— разве я

знал, что так выйдет? Ты спас меня из огня, а сам остался в пекле. Жив ли ты еще? Услышь, брат, мои слова благодарности тебе за тех людей, которые сегодня вместе со мною остались живыми. Прими от нас всех благословение на жизнь: пусть не страшны тебе будут ни пули, ни бомбы, ни снаряды. Живи, дорогой наш избавитель!»

А там без конца ухали и ухали бомбы, там земля и вода летели в небо, унося с собой человеческие жизни.

10

«ЗИС-5» со счетверенным зенитным пулеметом в кузове остался как воспоминание о всей той технике, что была у Климёнка в дивизионе. В боях под Дорогобужем, под Ярцевом на полигоне, а потом по дорогам отступления остались стоять и лежать пушки, для которых не осталось ни одного снаряда, машины, для которых не было бензина.

Теперь держали направление на Вязьму.

«ЗИС» ехал первым, это была их разведка, а за ним шла нестройная колонна бывших артиллеристов, которые снова стали пехотинцами. Когда дорога была свободной, машина поджидала своих, а потом шла дальше. Едва выбрались из леса, сразу стало видно, что Вязьма горит. Черный густой дым застлал все небо, повис над городом, как туча. Огонь не щадил и того, что, казалось, не должно гореть: дымил, выкидывая языки пламени, высокий, с гладкими серыми стенами элеватор.

Дорога через город была закрыта, надо искать объезд. Климёнок приказал шоферу ехать налево.

— Только не гони, чтоб в случае чего мог дать задний ход,— сказал шоферу. Он не знал, есть ли тут немцы. Скорее всего, город подожгла вражеская авиация.

Машина тронулась, остальные остались в перелеске.

Дорога круто заламывала влево, прошла по лощине мимо сжатой, но еще не свезенной ржи и стала подниматься на горку.

«Пропадает добро, а люди останутся без хлеба,— подумал Климёнок, оглядывая почерневшие, темные и потрепанные ветром суслоны, сложенные кое-как, даже колосьями вниз.— Все идет прахом...»

Климёнок не успел заметить, откуда на дороге появилась женщина в черном. Она что-то кричала и размахивала руками, ветер развевал подол ее широкой черной юбки, в подоткнутом фартуке что-то лежало.

Шофер притормозил возле женщины, она встала на дороге и не собиралась отходить в сторону.

Климёнок вышел из машины, грубовато спросил:

— Что тебе надо, тетка? Почему стала на дороге?

— А сынки мои, куда же вы едете? — всплеснула руками женщина.— Тут уже немцы были, мины на дороге поклали! Вернитесь, если жить хотите! Вон машина подорвалась, на мину наехала.

Климёнок сначала с недоверием посмотрел на женщину. Стал расспрашивать ее, когда немцы подожгли Вязьму, когда успели поставить тут мины. Она отвечала толково и точно, как военный разведчик, и даже слово «десант», которого два месяца назад и не слышала, звучало из ее уст буднично и привычно. Женщина посоветовала им ехать назад, а там свернуть вправо. Климёнок поблагодарил ее, достал из-под сиденья в машине банку консервов и отдал женщине. Она несмело взяла, взвесила банку на тонкой худой руке.

— Вам же и самим нужно,— тихо сказала женщина и незаметно вытерла слезы.

Климёнок сел в машину, они повернули назад. Теперь у него не было карты, спасал компас. Местность была схожа со своей, белорусской — такой же лес, поля с клевером, картошкой, рожью и паром, рубленные из кругляков хаты, может несколько поменьше тех, что обычно строят в Белоруссии. И люди ничем не отличались от белорусов — чернявые, белявые, рослые, низкие — всякие, иногда только попадались скуластые и узкоглазые, хотя от смуглости не осталось и следа — она растворилась тут за несколько столетий.

Шофер притормозил, потом остановился. Из кустов выходили свои, те, что остались ждать «разведку». К Климёнку подошел его заместитель, капитан Рабцевич.

— Как дорога, товарищ майор? — спросил с надеждой.

Капитан был откуда-то с Дальнего Востока, не то из поляков, не то из белорусов, сосланных в Сибирь бог знает когда, давно считал себя русским. Хорошо выполняя все, что ему поручали, однако порой был не способен

проявить малейшую инициативу, ждал команды свыше. Вот и теперь Климёнок был уверен, что на этом месте Рабцевича с бойцами можно было бы найти через двое суток, раз ему приказали...

— Дорога закрыта, капитан. Мины... Поедем направо. Может, проскочим...

— Давайте лучше вместе, товарищ майор... Так нудно сидеть и ждать — хоть умирай...

Климёнок усмехнулся. Оказывается, этот флегматик тоже жаждет дела. Может, посадить его в машину и пустить в разведку? Нет, пусть лучше потоскует, а то приедет прямо немцам в лапы.

— Давайте на зрительную связь,— сказал Климёнок.

— Это я понимаю! — оживился капитан.— Хлопцы, сюда,— махнул он рукой бойцам.— Пойдем за машиной, на зрительную связь. Не отставать, слабых в голову колонны! Быстро!

Все высыпали на дорогу, окружили машину, зашумели, послышался смех. Одно то, что они снова вместе, придавало им смелости, силы и хорошего настроения.

— Поехали,— сказал Климёнок шоферу.

Шофер засигналил, бойцы нехотя расступились, дали дорогу машине, даже немного пробежали за ней, а потом постепенно отстали.

Так они и ехали: иногда останавливались, ждали колонну, а когда она нагоняла машину, снова двигались вперед.

Туча дыма все ближе и ближе надвигалась на них, скрылось солнце, стало сумрачно, как вечером или в затмение. С неба падала сажа, будто жгли резину. Падал черный снег — на машину, на дорогу, на зеленую траву и придорожные кусты, на лица людей... Тяжело было у всех на душе — Климёнок это остро чувствовал по себе.

Горит, горит село родное,
Горит вся родина моя,—

всплыли в памяти слова из песни, которую часто пели еще лет десять назад. Кто мог подумать тогда, что эти слова приобретут новый смысл, станут такими горькими, будут ранить душу?

Шофер объехал на дороге свежую и довольно глубокую воронку. Поодаль от дороги лежал опрокинутый взрывом грузовик.

«Неужели тут еще не было немцев? — подумалось Климёнку.— Неужели главные силы пошли не по этому направлению?» Он знал, что где-то в этом районе идут жестокие бои, что, по слухам, немцы окружили несколько наших крупных соединений. А вот где это — он точно не знал. Пока что им просто везет.

Машина медленно ехала по разбитой полевой дороге, они уже миновали Вязьму и, возможно, до вечера, если все так пойдет и дальше, будут на полдороге между Вязьмой и Гжатском.

Но дорога круто поворачивала на юг, и Климёнок приказал шоферу остановиться, чтоб подождать остальных и посоветоваться, что делать дальше.

Внезапно из-за пригорка на дороге показались немецкие мотоциклы — «цундапы». Климёнок не раз уже видел их, узнавал без ошибки этих кривобоких жуков с колясками. Мотоциклы пылили прямо на их машину.

Краем глаза Климёнок заметил, что шофер изменился в лице, на тонком носу его выступили мелкие капельки пота, а руки судорожно вцепились в баранку руля.

— Стой на месте! — приказал Климёнок, а сам открыл дверцу кабины, стал на подножку и крикнул в кузов: — А ну, хлопцы, покажите фрицам...

Немцы их опередили — первый мотоцикл пустил длинную очередь, над машиной тонко засвистели пули.

Им тут же ответил трескучий мощный залп из четырех пулеметных стволов, на дороге возле колонны мотоциклов поднялся вихрь пыли — там ложились пули. Через несколько секунд этот вихрь ворвался в середину колонны — на месте закрутились сразу несколько машин, передние тормозили, задние сворачивали с дороги, огибали тех, кто попал под огонь.

— Давай, давай! — крикнул Климёнок, стараясь перекричать треск пулеметов.

Опомнившись, немцы стали отстреливаться, их мотоциклы рассыпались в цепь. Но вражеский огонь был по-прежнему неприцельным, лишь несколько пуль, как показалось Климёнку, стукнули по радиатору или по капоту, а одна пробила вверху лобовое стекло, обдав шофера и Климёнка перетертыми в песок стеклянными осколками.

У Климёнка было желание рвануть вперед, чтоб с

близкого расстояния косить немцев, но голос рассудка остановил его. Довольно и того, что шквал огня из четырех стволов буквально косил немцев, солдаты с мотоциклов падали на землю и не поднимались, несколько машин горело.

Считанные уцелевшие машины повернули назад..

Водитель последнего мотоцикла вдруг клюнул носом, голова упала на руль, машина сделала резкий поворот и перевернулась. Осталось еще два — один уже был довольно далеко, в другом что-то заело — водитель бил ногой по стартеру, машина рванулась с места, но через миг была накрыта пыльным смерчем, остановилась, водитель отбежал несколько шагов и упал. Солдат в коляске будто заснул, не шевелился... А первый мотоциклист все же удрал, скрылся за горкой. Стрельба затихла. «Пусть расскажет своим, как мы их тут молотили»,— подумал Климёнок. Он выскочил из кабины, стал возле кузова. От возбуждения его трясло как в лихорадке.

— Молодцы, хлопцы,— сказал Климёнок пулеметчикам.— Сегодня вы — настоящие герои. Никто не ранен?

— Никто,— ответил молодой боец с круглым лицом, на котором выделялись бойкие темные глаза,— я только палец сбил.— И он по-детски взял палец в рот, стал отсасывать кровь и выплевывать.

— Не мешало бы сбегать за трофеями, товарищ майор,— сказал тонкий чернявый второй номер.

Шофер между тем осматривал машину — мотор не заводился, не помогала и ручка. Наконец он объявил, что нашел пробоины в моторе.

— Что будем делать? — спросил шофер у Климёнка.

— Бросим машину... За трофеями? — переспросил он, глядя на дорогу, где виднелись вражеские мотоциклы.— В другой раз, хлопцы. Сегодня — нет.

Приближалась колонна во главе с заместителем Рабцевичем.

Еще издали капитан закричал:

— Что у вас тут было? Мы уже думали, что вас не увидим.

Климёнок коротко объяснил. К его удивлению, Рабцевич не обрадовался.

— Товарищ майор! Разрешите сказать...— он волновался, что вовсе не вязалось с его спокойными и медленными движениями.— Вы начали бой в тот момент,

когда основные наши силы были со мной... А если б все повернулось по-другому? Что тогда?

— Тогда было б то, что было б,— сказал Климёнок.— Удержаться мы не могли, такой момент... Но, капитан, ты сказал правду, надо учесть... Теперь вот что... Машине нашей конец...

Бойцы окружили своих командиров, снова кто-то напомнил, что надо сходить за трофеями,— может, остались целыми мотоциклы...

Климёнок не разрешил:

— Нет, хлопцы, давай лучше подальше от этого места...

Из пулеметов выкинули замки, забрали оставшиеся патроны и пошли — теперь уже все вместе — на восток.

11

Через два дня показалось Бородино. То самое Бородино, о котором писал Лермонтов: «И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле...» Поле действительно было большое. Справа от железной дороги тянулся лес, слева — знакомые по истории названия деревень: Шевардино, Семеновское. От Семеновского, по дороге на север, даже немного на северо-запад, стояло село Бородино с большой церковью. 129 лет назад, как раз в эту пору, в начале осени, вспомнил историю Климёнок, тут тоже лилась кровь. Эти речки и ручейки, от которых остались только названия: Колоча, Война, Каменка, Семеновский,— были красными от русской и вражеской крови. Речушка Огник... Неподалеку от нее стояла артиллерия генерала Раевского, тут был смертельно ранен Багратион...

Впереди за леском валил густой дым, они шли прямо на него. Оказалось, это горит станция Бородино. Небольшой вокзал уже догорал, пылали на путях вагоны, оголяя свои железные скелеты, к ним нельзя было близко подойти. Однако несколько бойцов попытали счастья — отцепили целый крайний вагон от одного эшелона, откатили подальше от огня. Какая же была для всех радость, когда внутри нашли сыры — круглые головки голландского сыра! Климёнок приказал поделить всем поровну и не объедаться: люди изголодались. Он и сам ел с осторожностью и, надо признаться, первый раз почувст-

вовал вкус сыра фабричной работы — до сих пор признавал только свежий крестьянский сыр.

Приближался вечер, и Климёнок подумал, что надо будет где-то тут переночевать, люди истомились от долгого перехода. Но и этому его плану не пришлось осуществиться. Неожиданно со стороны бородинского поля показались немцы.

Бойцы моментально залегли на рельсах, встретили немцев огнем. Те тоже попадали на землю, началась слепая и вялая перестрелка. Она тянулась с час, пока не стемнело.

Климёнок решил больше в этом месте не оставаться, так как если немцы показались тут вечером, то утром они придут обязательно.

По железнодорожному полотну Климёнок повел своих бойцов на Можайск. До Москвы — 110 километров, отметил он про себя, посмотрев на верстовой столб.

Где-то на сотом километре они встретили группу бойцов — всего человек десять, во главе с лейтенантом. Сначала, как это бывает ночью, да еще в незнакомом месте, да еще в такой ситуации, когда не знаешь, где свои, а где враги, началась перестрелка, но, к счастью, обошлось без жертв.

Лейтенант рассказал, что они тоже шли на Можайск, но за несколько километров отсюда, еще засветло, наткнулись на немцев, потеряли в перестрелке половину людей, пытались взять левее — тоже ничего не вышло. Кто-то им сказал, что дорогу на Можайск перерезал большой десант, а может, и регулярные части, кто их знает... И вот они решили вернуться назад, в Гжатск, будто бы там стоит наша большая армия.

Лейтенант признался, что настоящей ситуации он не знает, уже несколько недель петляет туда-сюда, обходя врага и стараясь не попасть ему в лапы. Где теперь фронт и есть ли он вообще, он не знает; где немцы, где свои — тоже.

— Я тут все уже вокруг обошел,— зло сказал лейтенант, все время делая резкие повороты головой то влево, то вправо, будто боясь, что кто-то крадется к нему сзади,— ничего не разобрать, где свои, где немцы. В одном месте тебе говорят, что немцев здесь еще нет, идешь смело — а они тут, едва ноги уносишь. В другом говорят — вон там свои, а приходишь — опять немцы.

— А чего же ты ищешь? Какого дьявола крутишься?

— Как чего? — удивился лейтенант.— Того же, чего и вы... Своих ищу, чтоб с ними можно было спокойно хоть неделю посидеть на одном месте...

— Посидеть... Спокойно... Видишь, чего захотел? А кто будет воевать?

— Вы меня не так поняли, товарищ майор. Спокойно посидеть — это как раз повоевать как следует, дать немцу по зубам, чтоб он не лез как шальной на Москву. Вы заметили по столбам? Сто километров... Это подумать только — сто километров!..

Климёнок помолчал. Не очень хотелось соглашаться с лейтенантом, хотя в его словах было много правды.

— Коли так,— сказал он лейтенанту,— пойдем вместе на Гжатск, но если там немцы, ты, лейтенант, отвечаешь головой.

— Ладно,— махнул тот рукой,— сколько раз я уже закладывал свою голову... И пока что она у меня цела. Под Ельней едва ноги унес, потом около Вязьмы... А что было в Смоленске, того ни в каких молитвах не вычитаешь! Мне уже теперь ничего не страшно, товарищ майор...

«Почему он не ругает командование, как это обычно бывает»,— подумал Климёнок и спросил:

— А кто же виноват во всем этом... Ну, в неудачах, беспорядках, как по-твоему, лейтенант?

Лейтенант тяжело вздохнул, почесал затылок.

— Как вам сказать? Я так думаю, что кто-то виноват, но разве его теперь найдешь?.. Да и не время теперь искать... Теперь у нас один виноватый — Гитлер... И пока мы его не прикончим, больше ни о чем думать не следует. Вот так я считаю, товарищ майор.

— Правильно считаешь, лейтенант,— сказал Климёнок.— Наша наипервейшая задача — разбить Гитлера... Самая же неотложная — найти своих...

— А чем это у вас тут пахнет, товарищ майор? — спросил неожиданно лейтенант.

— Как чем? — обернулся Климёнок.— Видно, от шпал креозотом несет...

— Нет, чем-то таким вкусным, не сыром ли?

— А нюх у тебя хороший, лейтенант. Ты отгадал.

Бойцов из группы лейтенанта накормили сыром, и все вместе пошли по шпалам на зарево, которое постепенно уменьшалось.

— Это что там горит? — спросил лейтенант.

— Станция Бородино. Там уже немцы. Мы даже постреляли немного в них, они в нас...

— Так зачем же мы идем?

— Как зачем? В Гжатск, к своим. Другой дороги нет...

Так они и шли по шпалам — уже на запад. Но через некоторое время Климёнку стало казаться, что он, как и прежде, идет на восток... В конце концов, подумал Климёнок, поймав себя на этом чувстве, тут секрет не в направлении, а в том, с каким настроением ты идешь, с каким духом. Идешь как побитый, едва ноги волочишь,— значит, отступаешь. Единственное, что еще радует, держит на свете,— что скоро все кончится, что найдешь своих...

В Гжатске их и правда встретили свои, и радости не было конца. Климёнку и его артиллеристам дали пушки — целую батарею. Ирония судьбы на войне — тут стояли пушки, но некому было стрелять, а где-то в другом месте артиллеристы сидят в окопах вместе с пехотой.

Батарею Климёнок поставил на горке, поросшей редким березняком и осинником с подлеском кустов ивняка и крушины, неподалеку от речки, кажется даже Москвы, он не успел точно разузнать. Где-то тут, наверно, она брала свое начало. Приказ батарея получила короткий и ясный: не пропускать немецких танков.

Впервые за последние недели Климёнок почувствовал себя настоящим бойцом, командиром, артиллеристом, он почувствовал в себе прежнюю силу и уверенность.

Бить немецкие танки, бить врагов — чего больше надо ему? Ничего на свете! Но солнце снижалось, а по дороге на запад никого не было. Что ж, это и не плохо, скоро ночь, люди утомлены, пусть отдохнули бы как следует, а утром им никакой черт будет не страшен...

Оглядывая в последний раз огнистый горизонт, Климёнок заметил на дороге с запада низкие столбы пыли. Он приложил к глазам бинокль и увидел, что идут самоходки и вперемежку с ними — бронетранспортеры: спереди — колеса, дальше — гусеницы, на бортах — белые ободы крестов. Знакомое и уже немного привычное, будничное ощущение охватило его: скоро бой!

Видимо, немцы не рассчитывали, что их встретят. Они шли, казалось Климёнку, уверенно-беззаботно, как на прогулке, будто совершая вечерний моцион.

Батарея открыла беглый огонь. Сначала вееры взрывов, дым и пыль, ничего не разобрать. Но вскоре в пекле огня и дыма Климёнок увидел, что одна самоходка горит, а бронетранспортер за нею остановился, из него один за другим стали выскакивать автоматчики. Климёнок подумал, что они начнут разворачиваться в цепь для атаки, и удивился, что на таком далеком расстоянии, но скоро понял, что ошибся. Просто, видимо, машину повредил снаряд и немцы сразу же пересели в другие бронетранспортеры. Это заняло не более пяти минут. Немцы теперь тоже открыли огонь по позициям батареи Климёнка.

Батарея ежеминутно меняла прицел, снаряды то загораживали дорогу немецкой колонне, то рвались позади. В грохоте боя, когда по звуку не разберешь, где взорвался вражеский снаряд, а где выстрелила своя пушка, до Климёнковых ушей долетел вдруг мощный взрыв на позициях его батареи, где-то на левом фланге — что-то завыло, засвистело в воздухе, послышался короткий отчаянный крик смертельно раненного человека... «Неужели начали садить дальнобойными? — подумал Климёнок.— А может, вражеский снаряд угодил в ровик с боеприпасами?» Однако теперь надо было следить за боем, не проглядеть, не пропустить того момента, который может стать переломным.

«Бить по головной машине!» — приказал Климёнок первому взводу. И тут же, в ответ на его команду, лес черных столбов окружил головную самоходку, она потонула в дыму и пропала — видимо, навсегда.

Климёнок был готов ко всему. Но немцы повернули назад, оставив на поле боя две самоходки и бронетранспортер. «Ну, теперь ночь у нас будет спокойной»,— думал Климёнок, идя в первый взвод, где недавно был сильный взрыв.

Первая пушка была цела — бойцы, еще не остывшие от боя, вытирали пилотками почерневшие от порохового дыма потные лица, некоторые курили, сидя на станинах или прямо на песке.

В нос Климёнку ударило жженым порохом. Из гильзы, лежавшей возле сошника станины, вился еще седой дымок.

Навстречу Климёнку шел, прихрамывая, командир первого взвода — по тому, что он хромает, по лицу,

забрызганному кровью, было видно, что случилась беда.

— Вы ранены? — спросил Климёнок.

— Я — нет,— крутнул головой старший лейтенант.— Убило двух бойцов и троих ранило. Снаряд угодил в канал ствола... А пушка была заряжена. Разнесло казенник...

Миновав несколько желтых березок, они подошли к разбитой пушке. Картина была ужасная: клин выдран «с мясом», казенник обожжен, помят, будто его кто грыз железными зубами. Гильзы, валявшиеся рядом, были посечены осколками, почти перебиты станины. У левой станины лежали, накрытые плащ-палаткой, два бойца. Ветер смахнул с ближней пожелтевшей березы несколько листьев, и они блестели на палатке, как боевые медали. Из-под палатки торчали серые, запыленные и истоптанные сапоги большого размера и пара ботинок. Носки сапог были повернуты внутрь, как обычно у очень сильных людей, носки ботинок — враскидку.

Двум раненым делали перевязку, они сидели на траве. Одному бинтовали грудь, другому — голову. Тот, что был ранен в голову, видимо, терял сознание, боец сзади поддерживал его под мышки, а голова раненого падала с боку на бок, как у неживого.

Ночь на батарее прошла спокойно. Только Климёнку все время щекотал ноздри невыветрившийся запах горелого артиллерийского пороха. Казалось, что порохом пропахла вся земля.

12

Это трудно даже представить: Климёнок наконец пришел к своим! Как он не сошел с ума от радости, просто осталось загадкой.

Но тот Климёнок, который несколько месяцев подряд шел на восток от самой границы, воевал, пережил смерть товарищей и друзей, попадал в окружение, несколько раз был контужен, голодал, мерз, кормил вшей, думал, страдал, ненавидел и таил в сердце надежду,— тот Климёнок остался там. Тут был другой человек, хоть и похожий на прежнего Климёнка. Как острый клинок после закалки становится качественно новым, хотя внешне мало чем изменился...

Вот он идет по подмосковному городку, худой, почерневший, как цыган, в рваной, выгоревшей на солнце форме, в разбитых сапогах, от которых остались почти одни только посеревшие вымоченные голенища,— и, несмотря на все это, в душе у него такой рай, такой праздник, что он готов петь, как ребенок прыгать на одной ноге, готов целовать каждого встречного человека — военный это или какая-нибудь старая бабулька или седой дед. Он у своих, за плечами у него теперь не какая-то полуокруженная, потрепанная и обескровленная часть, а вся армия, весь фронт, вся страна. Пройдя через все муки поражения и неудач, через веру, неверие и разочарование, Климёнок теперь всем сердцем поверил, что они победят, что враг будет разбит...

Те, что шли навстречу, одетые в новое обмундирование, смотрели на таких, как Климёнок, словно на пришельцев с того света. Так оно фактически и было, Климёнок против этого ничего не имел, это была чистая правда.

Вдруг он услышал свою фамилию и был поражен как громом. Голос, который позвал его, показался Климёнку удивительно знакомым.

— Глазам не верю: неужели это майор Климёнок? Откуда, каким ветром?

Климёнок резко повернулся: перед ним стоял полковник Лещинский. Его тоже трудно было узнать, хоть времени прошло не так уже и много, когда они потеряли друг друга... Климёнок, что тут греха таить, не раз думал, что Лещинского уже давно нет на этом свете. По-видимому, то же самое думал про него и Лещинский. Полковник был совсем не тот, каким его оставил Климёнок три месяца назад: гладко выбритое смуглое худое лицо, виски еще больше посеребрились, усталые глаза запали, над переносьем — глубокая морщина, которая разрезала лоб на две части и скрывалась под фуражкой...

Но шинель подогнана, новая, комсоставская, новый желтый ремень с портупеей, начищенные до блеска пуговицы, добротные, тоже блестящие хромовые сапоги.

— Товарищ полковник, и вас не узнать тоже...

Они обнялись и поцеловались — совсем разные, с разных полюсов люди. От Климёнка несло потом и дымом, как от бродяги, от Лещинского — запахом одеколона и хороших папирос.

Полковник Лещинский оглядел Климёнка с ног до головы, невесело усмехнулся:

— Да, брат, выглядишь ты не очень завидно. Но ничего, я тоже, когда пришел из-под Могилева, был не лучше, а может, даже хуже... Где ты тут, как, рассказывай.

— Рассказывать слишком долго, может в другой раз,— ответил Климёнок.— Вчера вечером мы пришли на переформирование.

— Много вас?

— Человек двести бойцов...

— Отлично. Все артиллеристы?

— Большинство, во всяком случае.

— Отлично! — Полковник Лещинский радовался от души, это было видно по нему.— Теперь так... Ты куда?

— Да к своим... Знакомился с городом...— Климёнок не хотел рассказывать о своих заботах.

— Ишь ты, отделился,— усмехнулся Лещинский.— Может, уже не захочешь признать меня за командира? — И, видя, что Климёнок нахмурился, сказал: — Я шучу... Зайдем со мной, я улажу тут одно дело, и тогда пойдем...

Они подошли к двухэтажному кирпичному зданию с дощечкой райкома партии и райисполкома, теперь, видимо, тут размещался штаб какой-то крупной части. На небольшой площадке возле дома стояли военные машины — «эмки», газики, несколько грузовиков — «ЗИСов», сновали военные, преимущественно командиры.

Полковник Лещинский взял Климёнка за рукав, как маленького, и повел за собой.

Его тут знали — весело здоровались, он весело отвечал. Зато Климёнок чувствовал себя чужим.

Они стали возле двери с табличкой «Первый секретарь».

— Теперь тут новая власть,— сказал полковник Лещинский, показав на дощечку.— Наша, военная.— Он самодовольно улыбнулся.— Пошли на прием.

В просторной комнате в центре стоял большой стол, на нем лежала карта, несколько карт висело на стенах. На маленьком столике стояло три телефонных аппарата, из них один — городской.

Возле двери их встретил среднего роста полный полковник с усталым, несвежим, как бы набрякшим лицом, но энергичный, подвижный. Полковник Лещинский был

с ним как свой, так, во всяком случае, показалось Климёнку. Сначала поговорили о погоде, о последних новостях, о том о сем. Климёнок и тут чувствовал себя каким-то лишним, не знал, говорить ли ему или молчать. И у него ничего не спрашивали. Зазвонил телефон, хозяин подошел к столу и снял нужную трубку — городского телефона. Из тех нескольких фраз, что он сказал, Климёнок ничего не понял, но по интонации можно было судить, что говорит он с подчиненным или, во всяком случае, с равным себе. «Это мы еще обмозгуем... Хотеть — одно, мочь — другое...» — и положил трубку, повернулся к гостям, как-то внимательно, исподлобья глянул на Климёнка.

— Товарищ комдив, помните, я говорил вам про своего заместителя? — сказал полковник Лещинский ровным голосом.— Он нашелся.

— Где же он? — оживился хозяин и прошел к столу.

— Да вот, перед вами,— сказал Лещинский и показал рукой на Климёнка.

— Что же ты мне сразу не сказал? — комдив подошел к Климёнку, и тот поднялся с кресла, вытянулся.

— Это майор Климёнок, смелый человек и хороший командир,— продолжал говорить Лещинский.— Я готовил его себе в заместители, но случилось так, что мы потеряли друг друга. Я просил бы вашего разрешения вернуть его вместе со всеми в мой полк, как-никак это мои люди...

Комдив выслушал Лещинского, потом спросил кое о чем у Климёнка, в частности каково моральное и физическое состояние бойцов, с которыми он вышел к своим, часто ли приходилось им иметь стычки с немцами во время отступления.

Вопросы почти все практического порядка, Климёнку легко было отвечать, но потом комдив перешел на тактику, стратегию, спросил, как он оценивает последние операции, начиная от Смоленска и на восток, до Дорохова, Наро-Фоминска, будто Климёнок был какой-то генерал.

Климёнок задумался и вдруг вспомнил прощальные слова, сказанные смертельно раненным майором где-то за Смоленском, когда они вырывались из окружения.

— Один мой товарищ перед смертью сказал примерно следующее, и я согласился с ним... «Вы ходили хоть раз на медведя? Если не ходили, то представьте... Охотник выстрелил, но промазал, медведь кинулся на него,

охотник в отчаянии — ему не хватает времени перезарядить ружье... Он показывает медведю спину и бежит, слыша за собой тяжелое дыхание раненого зверя. Наконец охотник заложил патрон, повернулся назад — и уложил медведя... Мы выбили у немцев фактор времени». По-моему, так оно и есть...

Комдив ходил по комнате, Лещинский сидел молча, умолк и Климёнок. Никто никуда не спешил, никто никого не подгонял,— Климёнок вообще не понимал, что это за штаб: все тут так спокойно, ровно, будто самое трудное уже там, позади. А может, оно так и было?

— Охотник успел заложить патрон...— сказал сам себе комдив.— Сравнение, может, и неточное, рискованное, но смысл события передает... Мы потеряли много, но и немец стал не тот, как по-вашему, майор?

— Немец стал нервозный и неуверенный. Прежнего пыла у него уже нет. Нет и прежней силы...

— Одно с другим связано,— добавил Лещинский.— Я так думаю, что дальше отступать нам некуда. Тут мы должны разбить немца, иначе мы ничего не стоим...

— Мы докажем, что мы чего-то стоим,— ответил на это комдив и остановился возле карты на стене.— «Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы...» Когда-то наши предки могли все свалить на бога, а нам сваливать не на кого, сами за все отвечаем...

Снова зазвонил телефон. «Приходи, скоро начнем»,— ответил комдив. И повернулся к Лещинскому:

— Напиши рапорт. Думаю, что твою просьбу мы удовлетворим.

Полковник Лещинский встал. Встал и Климёнок.

— Спасибо, Антон Варфоломеевич, за пополнение.

— И я вас благодарю,— добавил Климёнок.

Они снова прошли по коридору, а потом полковник Лещинский стукнул себя кулаком по лбу и сказал не то Климёнку, не то себе:

— Постой, забыл,— и вернулся назад.

Климёнок остался один. Что-то ему тут как бы не нравилось, а что — он и сам не знал. Может быть, пахло тылом, может быть, он отвык от всего этого, потому что давно не видел обычной штабной жизни?

Полковник Лещинский вышел из комнаты с бумагой в руке, помахал ею в воздухе, наверно чтобы высохли чернила, и протянул Климёнку:

— Это записка к начальнику тыла — он в соседнем доме — на обмундирование... И сразу заходи ко мне.— Он назвал адрес.

— Спасибо вам, Петр Сидорович,— сказал растроганно Климёнок.— Никогда не забуду вашей доброты...

— Брось ты, как маленький... Не забудь лучше сходить в баню.— Полковник Лещинский перешел на шепот: — Небось паразиты крови высосали немало?

Климёнок покраснел:

— Еще и сколько...

— Неужели правда? — полковник Лещинский захохотал.— Эх, черт, люди болеют одними болезнями, и боль у всех одинаковая. Однако довольно. Я пошел.— Он по привычке козырнул Климёнку и вышел.

Климёнок прочитал бумагу, свернул ее и спрятал в карман гимнастерки, подумал и пошел к начальнику тыла. Дом нашел сразу, но начальника не застал.

— А вы что хотели? — спросил его молодой светловолосый, с короткой гривкой старшина, который сидел возле полевого телефонного аппарата и ковырялся в нем.— Может, я вам могу помочь?

Климёнок показал ему записку.

— Не по форме написано. Нужна резолюция начальника. Жаль, жаль...

Климёнок хотел уйти, но тут дверь открылась и в комнату вошел запыхавшийся невысокий, но широкий, как комод, подполковник в новой шинели до пят, из-под которой были видны новые запыленные сапоги.

— Это к вам, товарищ подполковник... Насчет обмундирования,— несмело сказал старшина.

Климёнок снова показал записку.

Подполковник сначала расстегнул шинель, достал очки и аккуратно посадил их на нос, пробежал глазами записку, поморщился и бросил ее на заваленный какими-то бумагами и канцелярскими «гроссбухами» стол. Потом разделся, пригладил редкие бесцветные волосы и подошел к столу, сдвинул с места кресло, но не сел и не пригласил сесть Климёнка.

— Пишут, требуют! — голос у него был ворчливый, обиженный.— А разве у меня фабрика? У меня у самого люди чуть не голые ходят, зима идет...

Климёнка начала разбирать злость.

— Так что прикажете? И мне голым ходить?

Вы знаете, что я за три месяца не получил и не растратил ни одной государственной копейки?

Подполковник будто не слышал этого, с кряхтением сел за стол, вздохнул, написал что-то на записке и молча протянул гостю, а старшине сказал:

— Суханов, проводи майора до склада, он сам не найдет. Только поскорее, ты мне нужен.— И подполковник стал разбирать свои завалы на столе.

...Когда помолодевший, вымытый, выбритый, в новом обмундировании Климёнок зашел под вечер в штаб, комполка Лещинский встретил его деловито:

— Садись.— Сделал большую паузу, закурил, дал папиросу Климёнку.— Поедешь в Москву...

— Когда? — поинтересовался Климёнок.

— Сегодня. На нашей машине.

— Зачем?

— За пушками.

Полковник Лещинский ему нравился: сам не дремал и не давал дремать другим.

13

Приближались Октябрьские праздники. Все ждали их с нетерпением. Ходили слухи, что с этого дня начнется что-то важное. Будто у наших есть что-то такое, что сильнее «катюш», которые уже нагнали страху на немцев.

До этого немцы лютовали весь месяц: они еще не теряли надежды взять Москву до холодов. Но все их атаки захлебывались — перед ними уже стоял прочный вал обороны. В некоторых местах им, правда, удавалось прогнуть этот вал, но не проломить.

На отрезке фронта, где стоял артиллерийский полк Лещинского, немцы несколько раз в день ходили в атаку, но успеха не имели. Один раз, однако, пехота не выдержала натиска, оставила свои позиции, и, чтобы не отдавать немцам пушек, у наших, на беду, кончались снаряды, пришлось отступить.

Последние дни осени были теплые, и Климёнок так перегрелся, что падал с ног от жажды. Возле дороги стояла хата — одинокая, хорошо ухоженная, огороженная забором,— наверно, тут жил какой-нибудь дорожный мастер или еще кто. Климёнок увидел во дворе коло-

дезный сруб, забежал напиться. Но ведра на цепи не было, и он пошел в хату.

Возле печи стояла женщина, довольно молодая и довольно привлекательная — чернобровая, с тонким прямым носом, только одета как-то неряшливо, под старуху, может нарочно,— засаленная стеганка, неопределенного цвета юбка, на ногах грубые башмаки.

Климёнок даже не поздоровался, только окинул глазом хату, ища воды.

— Хозяюшка,— крикнул он,— дай воды напиться... Умираю.

Женщина холодными и спокойными глазами глядела на него и будто не видела.

— Нет для вас воды... И ничего нет...

— Почему? — Климёнок остолбенел.

— Не знаешь почему? Сами небось удираете, а нам что делать? Куда деваться? Ну, чего глядишь? Бери вот нас с собой!

Такие жестокие слова Климёнок впервые услышал от своего человека. Он не знал, что сказать: обернуть все в шутку или обругать ее? Правда, ему теперь было не до шуток, надо было сказать несколько резких слов, но за мать держался, вцепившись в ее юбку, мальчик лет трех или четырех, замурзанный, с бойкими, как у матери, глазами.

— Мы скоро вернемся,— сказал Климёнок.

Так он и вышел из хаты, не напившись.

На другой день к вечеру они отогнали немцев, и Климёнку снова пришлось идти мимо того дома, в который он заходил попить воды. Теперь не зайти туда он просто не мог. Зайти и поглядеть на ту молодку: как она будет смотреть ему в глаза?

Посредине двора была свежая воронка от снаряда, стекла в окнах все вылетели, на стенах виднелись следы от осколков. «Если оставались в хате, то могло убить,— подумал Климёнок.— Жалко парнишку».

Он вошел в настежь открытую дверь, в сенях застучал сапогами по грязному полу, прошел в хату — там тоже дверь была раскрыта. Израненная хата вызвала у Климёнка такое же чувство, как и вид раненого человека: все вокруг сразу поблекло, опустились руки.

— Эй, есть тут кто живой?

Климёнок оглядел хату. Постель была вся перевер-

нута, дверцы в шкафу выломаны, на полу валялся разный скарб — больше из женского туалета. Видно, тут хозяйничали немцы.

— Эй, не бойтесь, тут свои! — крикнул еще раз Климёнок, и хата отозвалась каким-то глухим, ненатуральным эхом.

Через минуту он услышал, как в сенях что-то стукнуло — так стучит откинутая на пол крышка погреба. Климёнок насторожился, расстегнул кобуру пистолета.

— Кто там? — спросил женский голос из сеней.

Климёнок вышел из хаты. Перед ним стояла та женщина в темном платке, стеганке, в тех же башмаках. Она, видимо, тоже узнала Климёнка, лицо ее побелело, ноги подкосились, и она бухнулась на колени, будто просила прощения.

— Дорогие наши пришли... Всё немцы проклятые забрали, всё... А я вам воды пожалела...— Она заплакала, закрыв лицо ладонями и опустив голову.

Климёнок подошел к женщине, взял ее за плечи и поставил на ноги. Лицо ее было искажено, щеки мокрые от слез.

— Никогда себе этого не прощу, никогда...— бормотала женщина.

В это время из погреба показалась маленькая голова в большой шапке-ушанке — это был мальчик, который вчера держался за материнскую юбку. Он робко стал рядом, глядя на чужого дядьку, который чем-то обидел его мать. Климёнок подошел к мальчику.

— Как тебя зовут? — спросил его и протянул пшеничный сухарь.

Мальчик смотрел то на сухарь, то на Климёнка и на мать и не осмеливался взять угощение. Сказать свое имя тоже не хотел.

— Ну, как тебя звать?

— Иванка,— ответил наконец мальчик и взял сухарь.

Климёнка кольнуло в сердце, он отошел от ребенка.

— А у нас немцы были... Они у нас всё забрали,— сказал вдруг мальчик, осмелев и уже хрустя сухарем.

У Климёнка на глаза набежали слезы — то ли от этих слов, или от воспоминания о своем доме, о сыне...

— Нет больше немцев, Иванка, можешь не бояться...

Он хотел бы дать еще что-нибудь этому ребенку, но ничего больше не было с собой. Так он и ушел со дво-

ра, неся в сердце чувство обновления, смутную радость — они освободители.

...Как только начались морозы и выпал снег, немцы сразу притихли, стали не такими нахальными.

Праздники прошли в ожидании чего-то важного. Зенитчикам был дан строгий приказ: не пропустить к Москве ни одного вражеского самолета.

Еще седьмого вечером все узнали, что в Москве состоялся военный парад, что перед трибуной Мавзолея боевым маршем проходили полки и дивизии, которые с ходу шли на фронт, что перед бойцами выступал сам Сталин. Его слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» — передавались из уст в уста, сразу стали крылатыми.

Вечером в штабной хате на окраине деревни по приглашению командира полка Лещинского собрались штабисты, командиры дивизиона и некоторых батарей.

Столы накрывали все вместе, разбавляли и подкрашивали спирт, финками открывали консервы, резали черствый с остьями хлеб, ставили пиво московского Бадаевского завода, откуда-то на столы попала даже свежая пахучая баранина, которая у всех сразу возбудила аппетит. Оказалось, что баранину раздобыл где-то командир третьей батареи Высоцкий, чернявый, кудрявый старший лейтенант.

Когда расселись за столами — а их было всего три, сдвинутые вместе,— то увидели, как всем тесно, но зато спокойно, тепло и как-то по-домашнему уютно. Может, эта уютность была оттого, что с ними сидели две женщины-медички, которые придавали однообразной мужской компании какой-то свой колорит, оживляли и украшали ее. Вечер открыл командир полка, хозяин хаты полковник Лещинский. Высокий, интеллигентный, строгий, он выделялся немного в этой компании грубоватых командиров, которые пришли сюда с передовой, из окопов — невыспавшиеся, одетые в заношенную форму, даже не все побритые.

— Друзья,— сказал полковник Лещинский, обведя строгими глазами все застолье,— я рад вас видеть за этим столом... Я не собираюсь долго говорить... Давайте поднимем тост за годовщину Великой революции... Сегодня, когда ей угрожает опасность, революция стала нам вдвое дороже. За непобедимость идей нашей революции!

Все зашумели, поднялись со своих мест, чокались стаканами и кружками, дополнили тост — кто серьезно, кто шуткой, улыбались, потом исправно осушали посуду, закусывали кто чем. Говорили о выступлении Сталина на Красной площади, о необычном параде, единственном в своем роде, гадали, когда начнется наступление.

Когда немного захмелели, всех стал развлекать командир третьей батареи старший лейтенант Высоцкий — приземистый, смуглый, курчавый, одним словом, типичный цыган. Певучий голос с чуть заметным акцентом, звонкий смех, остроумные шутки, в которых чувствовался быстрый ум и темперамент южного человека, сразу привлекли к нему внимание.

— Высоцкий, вы были артистом? — спросила у него курносенькая светловолосая женщина-майор в новой гимнастерке и с портупеей через плечо. Она сидела рядом с командиром полка, который все время поглядывал на нее с явной симпатией, подкладывая в ее алюминиевую миску то одно, то другое, а она тепло, как-то особенно улыбалась ему.

— Хоть в одной шкуре двух медведей не бывает, но я цыган, а цыган может быть кем хотите,— ответил Высоцкий.

— А ворожить умеешь? — спросил у него один из командиров.

— Я все умею, что умеют цыгане...

— А они умеют воевать? — уколол его другой.

Но Высоцкий не обиделся.

— Вы знаете, как цыгане учат медведя танцевать? Его ставят на горячее железо: лапы ему жжет, медведь начинает перебирать ногами — поднимает то одну, то другую. Так вот, когда припечет, то медведь научится танцевать, а цыган — воевать...

Раздался дружный хохот.

— Станцуй нам, Высоцкий,— попросила другая женщина, тоже блондинка, но носатая, с полными губами и, кажется, с веснушками, которые на зиму пропадают.

— Станцуй, Высоцкий! — подхватило несколько голосов.

Высоцкий встал, обвел компанию блестящими темными глазами, одернул гимнастерку.

— Эх, гитары нет,— он встряхнул своими кудрявыми волосами.— Но я под бубен.— Он нагнулся и взял со сто-

ла маленький, по краям обвешанный блестящими бубенчиками цыганский бубен, часто затряс им над головой — казалось, посыпался серебряный дождь.

Места было мало, но этот танцор мог бы, кажется, танцевать на столе, он не делал больших кругов. Главное, что ходили его руки и ноги, жило, горело огнем лицо, блестели глаза и белели зубы, взлетали вихрем волосы. Он все более и более ускорял темп, ноги его едва касались пола, отбивая бешенный ритм, руки, поднятые над головой, жонглировали бубном, извлекая из него каскад серебряных звуков. Он весь извивался, будто был без костей, гимнастерка выбивалась у него из-под ремня, и он незаметным движением успевал обтягивать ее и все сыпал из-под каблуков дробный перестук.

— Ах, черт! — не удержался кто-то. — Вот дает!

Высоцкий стал подпевать себе, с губ его слетали непонятные слова, но сама мелодия песни многим была знакома. Все подхватили эту мелодию, хоть и без слов, начали хлопать в ладоши — раз-раз-раз! И тогда танцор отбросил свой бубен, который мешал рукам, и пошел — еще горячей и быстрее. Он хлопал себя ладонями по голенищам, по подошвам сапог, по бедрам, даже по щекам, темп его танца все возрастал, даже становилось страшно за человека.

Этот бешеный темп, этот ритм захватил всех, кто был рядом с танцором. Все стояли на ногах, хлопали в ладоши, отбивали ритм подошвами сапог, горланили, глаза у всех горели — каждый готов был на что-то такое, что может сделать человек только раз в жизни.

— Эй, жарь, Вася! — кричал весь красный, с рыжими волосами ежиком молодой капитан.

И Вася жарил! Нет, такой пляски Климёнок, кажется, никогда не видел. Он сам был весь как на пружинах, выпитый разбавленный спирт кружил голову, а этот бешеный, дикий танец вливал в грудь огонь, который волнами растекался по жилам, куда-то звал, куда-то вел. Забывалось все: где они, кто они, жило только хмельное радостное ощущение, которое безбрежным паводком затопило все. В такую минуту, наверно, легко умирать...

Наконец Высоцкий сдался: он дико гикнул, подпрыгнул, будто подстреленный, и остановился на месте, тяжело дыша и утомленно улыбаясь. Его подхватили на руки и начали подбрасывать.

...Ровно через месяц Высоцкий погиб. Это было в первый день наступления Красной Армии под Москвой.

В четыре часа утра по всему фронту загремели пушки. Гудела, дрожала под ногами земля. Мощными огневыми залпами били «катюши».

Огневой вал медленно стал подвигаться вперед, в атаку поднялась пехота. Все шло как положено. Но вот в одном месте произошло короткое замешательство, движение остановилось, а потом наша пехота повернула назад. Белые фигурки, едва заметные на снегу, нестройной массой бежали на свою артиллерию. Они были уже близко, скоро их уже не остановишь ничем.

У Климёнка пробежал мороз по коже: что же делать? И вот навстречу этой лавине выбежал от третьей батареи невысокий человек без шапки, с черными волосами, которые разлетались на ветру, в руке он держал, высоко подняв над головой, цыганский бубен. Если бы не этот бубен, Климёнок мог бы и не догадаться, что это Высоцкий. Он бежал навстречу пехоте, что-то кричал и размахивал своим бубном над головой. Вот он растаял, смешавшись с передними бойцами-ополченцами, линия сломалась, закачалась на одном месте, а потом медленно, но неуклонно подалась назад, за Высоцким, который уже вырвался вперед и все так же кричал и размахивал своим бубном.

До Климёнка долетело могучее многоголосое «ура», заглушая на миг звуки артиллерийской канонады. Лавина пехоты уже снова шла на немцев, многие падали и не поднимались. Климёнок следил за Высоцким — тот был в шинели, без маскхалата, резко выделялся на белом фоне. Он по-прежнему бежал. Уже близко были перепаханные снарядами немецкие окопы. И вдруг — Климёнок не хотел верить своим глазам — Высоцкий остановился, будто наткнулся на что-то, схватился руками за грудь и упал в снег. Климёнок, казалось, услышал, как оборвался вдруг сыпучий звук серебряных бубенчиков, как оборвалась на самой высокой ноте прекрасно начатая и неоконченная песня.

Но те, что бежали за ним, может, даже и не заметили в горячке атаки этой утраты — они уже врывались в немецкую траншею.

Артиллерия переносила огонь в глубину вражеской обороны.

Часть четвертая

СТЕПИ, СТЕПИ...

1

Перед самым Новым годом Климёнка вызвали в Москву, в отдел кадров Наркомата обороны.

Москва была все такой же, как и месяца два назад, когда Климёнок приезжал за пушками. По-прежнему висели аэростаты воздушного заграждения, во всех скверах и парках стояло множество зениток, прожекторов, на многих улицах и перекрестках выросли металлические ежи против танков, было множество военных, мало гражданских, и совсем не было видно детей.

И все же чувствовалось, что прежней напряженности уже нет: опасность миновала, враг был отброшен от столицы далеко на запад.

Климёнок поселился в гостинице «Москва», привыкал к новому быту. После фронтовой неуютности, после грязи, неустроенности и тесноты чистая и просторная гостиница показалась ему раем. А белоснежные простыни, мягкая подушка, ватное одеяло — все это уже были для Климёнка атрибуты необыкновенной роскоши, от которой он отвык и которую уже не надеялся больше увидеть.

В первую же ночь была воздушная тревога. Немецкий самолет сбросил бомбу во двор гостиницы. К счастью, она не взорвалась. Всех жильцов выселили из здания, пока саперы не откопали и не обезвредили бомбу. Неподалеку от гостиницы другая бомба попала в угол дома, разнесла несколько этажей, отрезав, словно гигантским топором, несколько квартир. Из перебитых водопроводных труб свистела, била фонтаном вода, будто кровь крупного живого существа. Постепенно напор воды уменьшался, фонтаны ослабевали — так у человека уходит кровь из открытой раны и вместе с кровью уходят сила и жизнь...

Несколько раз Климёнок ходил в Наркомат обороны, там все еще изучали его личное дело, и он немного волновался. Поговаривали — а таких, как он, было много,— что их для чего-то готовят, куда-то собираются посылать...

Думал много о семье. Знал, где она. Возле Дорохова судьба его свела со знакомым офицером, начальником вооружения Шинкаруком, который в свое время эвакуировал семьи командиров из-под Полоцка. Шинкарук сказал: жена Климёнка жила где-то недалеко от Сталинграда, в Ахтубе. Климёнок сразу же послал ей письмо, но своего адреса не дал — его фактически не было. Теперь, из гостиницы, послал второе, хотя не знал, сколько еще тут пробудет и найдет ли тут его письмо жены.

В первые дни января Климёнка вызвали в отдел кадров к генералу, у которого он до сих пор еще не был. Очевидно, это означало, что судьба его скоро решится.

Климёнок встал раньше обычного, тщательно вычистил одежду, побрился, проверил все документы и отправился в Наркомат обороны, который уже становился для него родным домом.

Генерал сидел в кресле, кивнул головой в ответ на приветствие, пригласил Климёнка сесть. Кабинет был просторный, даже казалось, что он пустой: письменный

стол, столик для телефонов, на стеклах больших окон — перекрещенные полосы бумаги, вверху — валики скрученных темных штор. Климёнок неслышными шагами прошел по ковровой дорожке к столу, сел.

Перед генералом лежало личное дело Климёнка — бумаг в папке набралось много. Интересно было бы знать, как на тебя смотрят со стороны, как оценивают твою службу...

Генерал помолчал, полистал дело, задал несколько вопросов: год рождения его жены, сколько детей, где живут родители...

— Скажите, майор, где вы были с двадцать пятого июня до середины июля сорок первого года? — вдруг спросил он.

Климёнок не ожидал такого вопроса от этого умного, как казалось ему, генерала. Они смотрели друг на друга: пронзительные темные глаза генерала давили, не давали вспомнить что-нибудь такое, чтоб убедить этого человека, который подозревает его в чем-то.

— Что же вы молчите? — генерал выпрямился в кресле, строже, чем до сих пор, осмотрел Климёнка с головы до ног.— Я спрашиваю у вас об этом не для того, чтобы вас обидеть... Просто хочу услышать от вас самого то, что тут записано кем-то с ваших слов.

Климёнок начал рассказывать — как их полк шел к границе, как потом они встретили немцев на дороге Вильнюс — Молодечно, как попали под бомбежку, как отступали, как отбивались и не раз выходили из окружения, как попали под Рудню, потом в Смоленск...

— Достаточно,— сказал генерал.— Вы тут уже приписаны к части... А до тех пор, к сожалению, вы были между небом и землей... Да, да, не обижайтесь, вы шли, пробивались, воевали, но это не подтверждается никакими документами...

— Но со мной были сотни людей, они все знают, могут подтвердить...

— Ваше счастье, майор... Ваше счастье... Теперь — о главном. Вы знаете, зачем мы вас вызвали?

— Догадываюсь, но не уверен, что это так...

— Мы хотим послать вас на Волховский фронт,— сказал генерал, все так же внимательно глядя на Климёнка.— Там формируются части, не хватает командирских кадров, тем более — обстрелянных.

— Это понимать как приказ или...

Зазвенел телефон, генерал протянул руку, взял трубку, сказал в нее несколько слов и снова положил ее.

— Еще не приказ... Мы даем вам время подумать.

У Климёнка посветлело в глазах. Теперь у него остался один шанс из ста — будь что будет, а он скажет генералу об этом теперь, так как через час станет поздно.

— Товарищ генерал! — Климёнок заволновался.— Если можно, направьте меня в Сталинград...

Генерал усмехнулся.

— Надеетесь встретить семью?

— Так точно, товарищ генерал. Этой мыслью и живу... Никогда не думал, что выйду из того пекла... И после всего не повидать своих было бы обидно...

— Сочувствую вам, майор, но пока что ничего не скажу. Зайдите завтра.

На этом их разговор закончился.

У Климёнка было мало надежды, что генерал пойдет ему навстречу. Сейчас такое время, что некогда глядеть на какие-то там личные причины. Приказ для военного — закон, и надо его выполнять. Целый день Климёнок прожил как в горячке, обдумывал, что станет делать, если генерал снова скажет: на Волховский. Так и не решил ничего перед тем, как постучать в дверь к генералу.

Генерал на этот раз был еще более официален, сух, не склонен к лирике. Кто знает, что у человека на душе: может быть, ему вчера пришло уведомление, что на фронте погиб его сын?

«Всё,— подумал Климёнок,— ничего не вышло».

Генерал раскрыл серую папку, полистал бумаги и утомленно откинулся на спинку кресла.

— Поздравляю, майор, вы едете в Сталинград...— Помолчав немного, прикрыл глаза.— Только не знаю, будете ли вы мне за это благодарны...

— Что бы ни было, буду вам до смерти благодарен,— горячо сказал Климёнок.

Оформив все документы, он на следующий день выехал в Сталинград.

Дорога была длинной и нудной, все прошло спокойно, если не считать нескольких небольших налетов.

В Сталинграде Климёнок имел в запасе четыре дня, за которые должен был оформиться в штабе фронта.

В первые два из них он решил попытать счастья — разыскать семью.

Сталинград уже имел вид прифронтового города, хотя война отсюда была еще далеко. Затемненные окна, кое-где видны следы бомбежки: разрушенный вдребезги дом, свежезасыпанная яма на улице, обгоревший трамвай в каком-нибудь закоулке; множество машин, артиллерии и танков, которые незаметно все прибывали и прибывали откуда-то из-за Волги и растворялись в городе и в неоглядной заснеженной степи, которая расстилалась на запад от Сталинграда.

Теперь Климёнок знал, что селений под названием Ахтуба несколько, ему нужна Средняя, что это на другом, восточном берегу Волги, где-то на юго-востоке от Сталинграда.

Уже вечерело, с востока дул холодный морозный ветер, гнал по земле снег, но Климёнок не хотел больше ждать, пошел по льду на другой берег. Он совсем не думал о том, что на большой реке могут быть полыньи, продушины, что в темноте можно попасть в одну из них и никто никогда не узнает, куда пропал человек. Он хотел только быстрей найти своих, увидеть жену и дочь. Скорее, скорее! И, только немного устав от ходьбы, понял, что напрасно торопится: надо иметь терпение, спешкой тут ничего не сделаешь. Он уже, видимо, около часа шел берегом реки, которая у него оставалась справа, а сколько прошел и туда ли он идет — не знал.

Остановился, огляделся. Ни куста, ни дерева, ни здания. Только белая, занесенная снегом степь, которая постепенно серела и покрывалась мраком, сливаясь с небом. Человек медленно пропадает, растворяется в этой серой мути, исчезает всякий его след. Но вот, кажется, что-то блеснуло. Климёнок пристальней вгляделся в серую даль. Ага, какой-то огонек! Не долго думая, направился туда, хотя это и было немного в стороне от выбранного им направления. Шел долго, а огонек будто дразнил его, убегал и убегал, и Климёнок понял, что это просто зрительная галлюцинация, что никакого огонька нет. Но совсем неожиданно перед ним выросла заметенная снегом будка, в которой светилось маленькое окошко.

Климёнок постучал в дощатую дверь. Его впустил в будку старый дед.

Они попили чаю, Климёнок расспросил о дороге и двинулся в ночную степь.

Радостно становилось на душе при мысли, что тут где-то он встретит свою семью, которую он уже и не надеялся увидеть. И это чувство еще больше подгоняло его, он спешил. Через какой-нибудь час или более Климёнок услышал за собою гул мотора. Оглянулся и увидел в серой темени глаза фар — машина ехала прямо на него. Климёнок поднял руку. Машина подъехала ближе, остановилась. Это был бензовоз. За рулем сидел человек примерно такого же возраста, как и Климёнок, в сильно заснеженном полушубке, в шапке-ушанке со звездочкой. От разогретого мотора шло тепло.

— Подвези, брат! — крикнул Климёнок шоферу.

— Куда тебе? — спросил простуженный голос.

— В Среднюю Ахтубу...

— А кто ты такой? — спросил недоверчиво человек.— К кому едешь?

— Еду к семье,— как можно приветливее ответил Климёнок.— Они эвакуированы...

— Садись,— шофер открыл дверцу.

Климёнок взобрался на сиденье, вытянул натруженные ноги, всем телом ощутил тепло.

Шофер продолжал допытываться:

— Откуда же сами? — обращался уже на «вы».

— Из Сталинграда. А точнее — из Москвы... А еще более точно — из-под Москвы...

Шофер снова бросил на Климёнка недоверчивый взгляд:

— Как это вы успели?

Климёнок принялся рассказывать. Недоверие шофера растаяло, он даже спросил у Климёнка, не голоден ли тот.

Ехать было уютно и тепло, и вскоре Климёнка начало клонить в сон. Но шофер тронул его за рукав, сказав, что приехали к аэродрому и что Климёнку осталось пройти еще километров пять.

Пока Климёнок добрался до станицы, начало светать. В первой же хате спросил, где тут живут эвакуированные, назвал фамилию. Закутанная в теплый платок женщина сказала, что это в самом конце, предпоследняя хата с левой стороны. Климёнок, проваливаясь в свежих, еще не расчищенных сугробах, поспешил на другой ко-

нец. У пожилого мужчины, который расчищал дорожку к колодцу, еще раз спросил, где живет Надя Климёнок, и тот подтвердил слова женщины.

И вот Климёнок возле нужной ему хаты. Хата большая, огорожена низким забором, занесенным снегом, только кое-где торчат острые зубья штакетин. На крыше хаты прибита скворечня на короткой жердочке. Окна в хате не завешены, к одному из них приникло женское лицо. У Климёнка кольнуло в сердце... Нет, незнакомое лицо, это не его жена...

Климёнок подошел к двери, открыл. В темном тесном коридорчике было две двери — направо и налево. На двухъярусных нарах лежали одеяла, подушки, какая-то одежда.

За какой же дверью его жена? За этой? Нет, за этой! Подергал ручку одной двери — заперта. Подергал за другую — открылась. Он вошел.

Молодая чернявая женщина, сидя на кровати, заплетала косу. Рядом на подушке лежали две детские головки: чернявая, стриженая — мальчика и лохматая, русая — девочки. Женщина поправила на груди байковый халат, вопросительно посмотрела на Климёнка. Он молчал, забыв поздороваться — мысли были заняты другим.

— Вам кого?

— Скажите, не тут ли живет Надежда Климёнок? — Сердце у него сильно стучало.

Женщина оживилась, соскочила с кровати.

— А кто вы ей будете?

— Муж...

Женщина всплеснула руками, ахнула:

— Ах, какое счастье Наде! А она пошла в магазин, что-то хочет взять на аттестат... Уже с час, как ушла! — Женщина не сводила глаз с Климёнка, который все еще стоял у порога и не знал, что делать.— А это же ваша дочка,— женщина показала на русую лохматую головку.— Они спят там, на нарах, так Надя принесла маленькую, чтоб, часом, не скатилась...

Климёнок нерешительно подступил к кровати, сердце у него защемило: дети растут без отца... Тогда Иванку не узнал, когда вернулся из Москвы, а теперь...

Через полчаса набилась полная комната женщин — все эвакуированные из-под Полоцка. Расспрашивали Климёнка о своих мужьях, рассказывали про свою жизнь.

Кое-кто из командиров уже побывал тут, Шинкарук успел разослать адреса всем, кого знал.

Вскоре пришла и Надя. Она была холодная, с мороза, в старом пальто с вытертым котиковым воротником, бледная, постаревшая. Климёнок обнял ее и чуть не заплакал — такую жалость и боль за нее ощутил в своем сердце...

Жена села напротив него, вытирала глаза и все повторяла:

— Никак не могу поверить, что это ты... Никогда не думала, что увижу тебя...

Позже, за столом, он рассказывал о войне, об отступлении, о том, как били немцев под Москвой. С колен его не слезала маленькая Лина, все трогала пальчиками ордена на гимнастерке, касалась его колючей, небритой щеки, расстегивала пуговицы на карманах гимнастерки и засовывала туда маленькую теплую ручку.

Климёнок был счастлив, как никогда. Он немного захмелел, так как прихватил из Москвы бутылку водки и дал себе слово, что не тронет ее, пока не найдет семьи. Раздобрился и хозяин хаты, колхозный бригадир, поставил на стол несколько бутылок крепкого напитка. Женщины за столом сначала плакали, потом начали петь, вслух завидовали Наде, посмеивались: вот же везет женщине! Под конец одна молодка вытащила Климёнка на середину комнаты, принялась танцевать «барыню». Под веселый смех Климёнок прошелся возле молодой женщины, как петух возле курицы, топнул несколько раз валенком и «сдался» — поднял руки. Подурачились еще немного, посмеялись и разошлись кто куда, пожелав Климёнку счастья и скорой победы.

Климёнок переночевал у жены, а утром, только начало светать, отправился в Сталинград. Снова шел пешком, против ветра, надеясь, что догонит какая-нибудь машина.

Радость встречи согревала его сердце...

2

Трудно было Климёнку, лесному человеку, привыкать к степи.

Степь нагоняла тоску, однообразный белый зимний пейзаж утомлял глаза, нагонял сон. «Белая перина

глаза застилает, белая равнина — ни конца, ни края»,— возникали в памяти строки, слышанные еще в школе, а может, и позже.

Снег напоминал Климёнку Суоми с ее озерами, морозами и белым покровом, скрывавшим все неровности земли. Ему всегда становилось неуютно от этих воспоминаний, он невольно озирался, как бы остерегаясь, не сидят ли где тут «кукушки» рядом, не целятся ли в него из снайперской винтовки?..

И еще одна беда была: вначале Климёнок был как слепой с картой. Видел перед собой пустые желтые квадраты, редкие названия сел и станиц, а свое месторасположение — не находил. Никаких ориентиров — ни леска, ни горки, ни деревца, все гладко и ровно — как на карте, так и на местности.

Степь, казалось, не хотела признавать его своим. Там, в лесу, он чувствовал себя как рыба в воде, лес был его союзником, другом, лес его скрывал, помогал и был врагом его врага. А степь?

Полк, который формировался во Фролове и начальником штаба которого назначили Климёнка, состоял в большинстве из молодых, необстрелянных бойцов или более старших, которые, однако, не воевали в первую войну. Климёнок был тут, можно сказать, ветераном, воевали только несколько командиров из штаба полка и сам командир полка Рыбаков.

Новые обязанности начальника штаба и одновременно заместителя командира полка — не хватало людей — для Климёнка не были новыми. За время отступления ему пришлось всего повидать, выкручиваться из самых запутанных ситуаций, выступать в роли чуть ли не от рядового до командира полка, быстро принимать какие-то решения, на которые в обычных условиях, может, и не осмелился бы. И там не было времени с кем-то посоветоваться, а тут целый штаб. Да и опыт командира полка Лещинского не прошел для Климёнка даром: в трудные минуты он всегда вспоминал этого энергичного командира, которого никогда нельзя было застать врасплох. Климёнку он напоминал чуткого, горячего коня; шум шагов, человеческий голос, неосторожный стук — и он уже на ногах. Теперь спать Климёнку приходилось еще меньше, чем во время отступления. Однако постепенно довольно сложный и большой механизм артиллерийского

полка становился таким же знакомым, как батарея, как дивизион.

К степи он тоже начал привыкать. Лицо его стало бронзово-бурым от солнца и мороза, степного пронизывающего ветра. За каких-то три месяца Климёнок начал хорошо ориентироваться в степи в любую погоду — в метель, в снег, в туман находил нужную часть, выслушивал донесения командиров, следил за ходом учений.

Случались неприятности: то обморозится боец, то испортится тягач во время учебной атаки, то плохо отстреляется батарея, которая до сих пор была на хорошем счету, то уйдет в самоволку боец и его целым взводом идут искать в станицу.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем шло время в напряженной учебе. После нескольких инспекторских проверок дивизию снова сосредоточили во Фролове, погрузили в эшелоны и повезли на юг.

На станцию Лихая утром, чуть только взошло солнце, налетели немецкие самолеты.

Для большинства бойцов это было первое боевое крещение.

Движение на станции остановилось на несколько часов.

Но чего только не сделают человеческие руки? Снова эшелоны шли дальше, в сторону Харькова.

Высадились возле Балаклеи, стали занимать позиции.

Только что растаял снег, земля была вязкая, как смола. Машины буксовали, люди оставляли в черноземе сапоги. Зато много легче было копать землю, готовить позиции.

Под Балаклеей пробыли недолго, всего недели две, и своим ходом двинулись к Чугуеву. Там тоже стали закапываться в землю, им придали тяжелую артиллерию и танки, которые, окопав, поставили на самых опасных направлениях. Работы было много. Надо было готовиться к новым боям, немцы, очевидно, собирали силы для наступления, начиналась их пора: кончились холода, степь зазеленела, трава росла на глазах, распускались цветы.

Однако немцы только иногда постреливали из пушек, но не густо и неприцельно: в белый свет, будто не желая

сердить своего противника. Это было хорошо, но в этом таилась и беда: люди расслаблялись, пропадало чувство опасности, притуплялась бдительность.

В штабной хате-мазанке с самого утра было шумно: приходили с докладами командиры, звонили телефоны, вызывали то командира полка, то начальника штаба, то еще кого-то. Разведка доносила, что немцы заметно оживились, в первой траншее прибавилось солдат.

У входа в штаб возник какой-то шум. Климёнок оторвал взгляд от карты и увидел у двери трех человек: боец и лейтенант-пехотинец ввели женщину с завязанными красной косынкой глазами.

— Товарищ подполковник! Разрешите доложить...— обратился лейтенант к Климёнку, он был тут старшим по званию.

Климёнок встал из-за стола.

— Развяжите ей глаза,— приказал лейтенанту.

Женщина сама сорвала повязку, протерла глаза и, жмурясь, осмотрела хату, остановила взгляд на Климёнке и усмехнулась. Она была довольно молодой на вид, приятна лицом, русоволоса, худощава и стройна, в голубом, в талию, платье, кое-где испачканном еще не засохшей грязью.

Лейтенант рассказал, что они задержали ее на переднем крае, она ползла от немцев прямо на НП дивизиона. Ничего не говорит, просит отправить ее в штаб, к высокому начальству.

— Что вы хотите сказать высокому начальству? — спросил Климёнок, ища глазами свободный табурет. Не найдя, взял свой стул и поставил возле женщины.— Садитесь, легче будет говорить.

Она вздохнула, легким движением обтянула сзади платье и села.

Теперь на нее смотрели все, кто был в штабе. Такой гостьи давно никто не видел.

— А вы кто будете? — спросила она у Климёнка.

— Начальник штаба полка. А вы?

— Я вам сейчас не назову своего имени, скажу его там...— она сделала жест, показывая вверх.

— На небе, вы хотите сказать? — усмехнулся Климёнок.

— Наверху,— серьезно поправила его женщина.— Скажу вам только...— Она опустила глаза, пальцы ее рук нервно скручивали уголок косынки.— Я кончила в Сумах немецкую школу разведчиков, и меня забросили к вам как агента... Я давно решила, что сразу перейду к своим и расскажу всю правду. Я — жена советского командира, русская, не хочу идти против своих...

— Какое у вас было задание? — спросил Климёнок с интересом.

— Мне приказано было пробраться в Барвенково, в штаб армии, собрать сведения об армейских частях, потом проехать до Ворошиловграда, изучать офицерский корпус, а до двенадцатого мая вся наша группа должна была вернуться назад...

— Почему именно до двенадцатого мая? — снова спросил Климёнок.

— Не знаю,— ответила женщина,— об этом нам не сказали... Можно у вас попросить воды?

— Пожалуйста, сейчас вас напоим,— сказал Климёнок.

Молодой белобрысый писарь-сержант налил в кружку воды из чайника и протянул женщине.

Женщина поблагодарила, отпила немного и поставила кружку на стол.

Климёнок приказал лейтенанту отправить женщину в особый отдел.

3

Климёнок проснулся, услышав выстрел, но чего-то ждал: казалось — это во сне. Вставать не хотелось.

Вчера, правда, немного выпили трофейного коньяка, который принес начальник разведки Макульский. У разведчиков всегда все трофейное, этим они козыряли перед другими. Климёнок это знал, как знал и то, что все трофеи достаются им тяжело.

Климёнок, помнится, заговорил с ним о том, что вот уже пять дней, как наши начали наступление под Барвенковом, что придется скоро и их дивизии действовать тут, под Чугуевом.

«У нас не с чем наступать. У нас один на один, а чтобы наступать, надо трех на одного, это знает даже сержант,— говорил Макульский. Лицо его было мягким,

нежным, скорее женским, без признаков мужественности, которое хочется видеть у разведчика, да и в фигуре его тоже не чувствовалось силы: высокий, костистый, руки узкие, длинные, тонкие пальцы.— Как видно,— продолжал, покуривая трофейную сигарету, начальник разведки,— немцы что-то задумали. У них за последние дни неспокойно. По данным разведки, со второй полосы в первую подтягивают по ночам свежие силы. Передал в дивизию — говорят, может быть, замена... Взяли «языка» — оказался неудачным. Обычно немцы сразу все выкладывают. А этот как воды в рот набрал. Ни слова не выжали. Надо снова идти брать...»

Все это промелькнуло в голове, не затрагивая глубоко сознания, будто происходило не с ним, а с кем-то другим.

Еще раз бахнул выстрел — уже близко, возле штабной хаты, затопали тяжелые шаги, чей-то голос пронзительно закричал:

— Тревога! Немцы пошли в атаку!

«Какую атаку? Немцы? Ну, Макульский как в воду глядел».

Страдальчески стиснув зубы, Климёнок сел на своей твердой постели, стал шарить рукой по табуретке, разыскивая гимнастерку. На землю со стуком упал пистолет вместе с ремнем и портупеей. Климёнок не стал поднимать, всунул ноги в сапоги, кое-как обернув их портянками. «Потом переобуюсь»,— подумал он. Вышло так, что на НП остался полковник Рыбаков, а Климёнок ночевал тут, при штабе...

В штаб начали сбегаться командиры. Климёнку передали трубку — с НП звонил командир полка Рыбаков.

— Начштаба, ты? — загудел его басистый голос.

— Я, товарищ полковник.

В трубке помолчали, слышно было только взволнованное дыхание.

— Слушай, Климёнок,— снова ожила трубка,— беда... Немцы пошли в атаку... Без артподготовки, понимаешь? Тихонько, на цыпочках... Наша пехота...— полковник выругался,— одним словом, не выдержала натиска автоматчиков... Немцы приближаются к позициям наших батарей. Звони в штаб дивизии, пусть принимают меры... Мы тут попробуем сдержать противника, органи-

зовать оборону. Одна надежда — на артиллерию. Глядите, чтоб...

Трубка затихла, голос пропал.

— Прервана связь,— сказал Климёнок и положил трубку на аппарат. Приказал связисту: — Звони в дивизионы, быстро! От моего имени приказывай открыть огонь.

Он выскочил из мазанки, огляделся. На дворе светало, было холодно и сыро. На западе бахали винтовочные выстрелы, густо строчили автоматы, нарастал непонятный гул: самолеты или танки, не разобрать.

В станице поднялся переполох, беготня, крики, слышались редкие одиночные выстрелы. К штабу кто-то бежал. Климёнок узнал: его помощник Садовников. Без фуражки, с всклокоченной головой.

— Глеб Иванович, что это делается? — спросил, запыхавшись, у Климёнка.

— Я и сам не знаю. Иду в полк. Ты будь тут, если что — звони или присылай связных.

Климёнок натянул поглубже фуражку и кинулся бегом напрямик к ближней батарее, силясь понять, что хотел еще сказать ему командир полка.

Вот и второй дивизион, где командиром майор Зaремба. Они уже стреляют. В утреннем полумраке раз за разом вспыхивает пламя, освещая на миг пушку, звучит тугой, короткий выстрел. В той стороне, где немцы, видны бледные огоньки — будто взлетают и тут же гаснут искры от разворошенного костра. Взрывы снарядов неярко вспыхивают где-то немного дальше — перелет, перелет, перелет.

Несколько пуль просвистело над самой его головой. Он на миг сжался — как человек, который ждет удара, но ничего не может сделать, чтоб оборониться.

Где же Заремба? Очевидно, на КП. По неглубокой, до пояса, траншее Климёнок побежал дальше. Ход сообщения все время извивался, как змея, углублялся. Климёнок споткнулся о какой-то камень на дне и упал. И в то же мгновение где-то совсем рядом рванул землю тяжелый снаряд. Со стенки траншеи посыпался песок, со стуком падали комья глины, камни и осколки. Не успел Климёнок встать, как несколько взрывов, уже немного дальше, всколыхнули землю, горячей волной пролетел ветер, зашелестев травой.

Климёнок поднялся на ноги и побежал дальше. Немецкая тяжелая артиллерия продолжала налет: то близко, то дальше молниями били снаряды, поднимая темные смерчи. Траншея начала углубляться, и Климёнок увидел, что он на КП. Навстречу выбежал щуплый боец в расстегнутой шинели, в руках держал что-то завернутое в плащ-палатку, а в стиснутых зубах его торчал белый четырехугольник конверта.

— Где майор Заремба? — спросил у бойца Климёнок. Боец молча показал рукой на дверь землянки и исчез.

Дверь была открыта, и Климёнок сразу услышал голос Зарембы:

— Трусы! Я сам сейчас буду! Сам!

Штаб дивизиона был весь в сборе: сам майор Заремба, его заместитель, комиссар, начштаба, начальник разведки.

Все, кто сидел, вскочили со своих мест.

— Вольно,— сказал Климёнок и обратился к Зарембе: — Что в батареях?

— Немцы совсем близко.— Крупное лицо Зарембы с упрямым подбородком было бледным.— Артиллеристы не успевают менять прицел.

— Ну и что? У вас сразу душа в пятки? На позиции, бегом марш!

Заремба вскочил со скамейки, махнул рукой остальным — пошли!

— Стой! — удержал его Климёнок.— Выслушай до конца. Приказываю сниматься и переправить дивизион на эту сторону речки, ближе к своим. Только без паники, организованно, не все батареи сразу! Ясно?

— Понял,— крикнул Заремба и кинулся выполнять приказ.

Климёнок вытер вспотевший лоб, вышел из землянки. Свежий воздух остудил его горячее лицо, стало легче дышать. Не может быть, чтоб все было потеряно. Атака еще только началась, еще можно изменить ситуацию в свою пользу. Он это сделает, не может быть, чтобы не сделал!

Уже совсем рассвело, на востоке розовели на солнце редкие тучки. Вся степь, поросшая густой высокой травой, ожила. То там, то тут взлетали вверх дымки от выстрелов пушек, а далеко на востоке вырастали,

точно фантастические черные деревья, столбы дыма от взрывов. Климёнок приложил бинокль к глазам, оглядел горизонт: по степи, одна за другой, шли цепи немецких автоматчиков. Высокая трава скрывала их по самую грудь, они подскакивали, как гончие, и постреливали перед собой из автоматов, вверх летели головки цветов, трава.

То дальше, то ближе от этих цепей, то среди них взлетали черные столбы взрывов, цепь на время разрывалась, но проходила минута-другая — снова смыкалась, становилась целой, как и была, и снова, изгибаясь, неуклонно продвигалась вперед.

Дивизион майора Зарембы уже снялся, тягачи тащили пушки через речку на другую сторону, где размещались теперь все дивизионы. Последняя пушка въехала на мост, и вдруг столб огня и дыма вырос перед самым носом у тягача, гулко покатилось по реке эхо тяжелого взрыва. Тягач по инерции ткнулся в яму, которая образовалась перед ним, мост затрещал, и машина провалилась, пушка на прицепе полетела вслед за ней...

Климёнок вернулся в штаб. Речка с разбитым мостом может хоть на полчаса задержать движение немецких автоматчиков.

Однако где же штаб? Климёнок не узнал места, огляделся. Неужели сбился с пути? И тут его взгляд упал на остатки разбитой мазанки. Еще не успела осесть глиняная пыль, еще пахнет паленым тротилом. Несколько трупов лежат рядом. Никого не узнать...

Как из-под земли перед Климёнком вырос начальник хозяйственной части капитан Кляйнблат. Он невысок ростом, круглый, как шар, живот нависает над ремнем, гимнастерка короткая, заправлена кое-как. Всегда веселое, свежее лицо с живыми черными глазами и большим носом сегодня испуганно-растерянно, в движениях — нескрываемая паника.

— Товарищ начштаба! Дорогой мой! Что же это происходит? Куда мне девать тылы?

— Капитан, без паники! — почти весело — сам этому удивился — сказал Климёнок.— Смотрите, чтоб все было готово к отправке... На всякий случай!

— Это я сделаю... Моментально!

Капитан кинулся в станицу, а Климёнок обошел

вокруг разбитой мазанки, вглядываясь в остатки искрошенных взрывом стен. Нельзя было узнать, где стоял стол, кровать, печь,— все было разнесено вдребезги. У Климёнка сжалось сердце, опустились руки. Но только на миг. Он знал — теперь вся ответственность легла на него. Собрал всех, кто уцелел, организовал связь с дивизионами, возглавил оборону участка. Его артиллеристы с остатками пехоты сдержали первую лавину немецких автоматчиков, вынудили их повернуть назад.

В десять часов утра немцы пустили в ход авиацию. Батареи и дивизионы в степи видны были как на ладони, они стали мишенями для немецких летчиков. Орудийные расчеты разбежались по степи, лежали в густой траве. А пушки и тягачи постигла тяжелая участь: уцелела примерно третья их часть.

Вышла из строя и связь.

После бомбежки снова пошли автоматчики, однако их атаку объединенные силы пехоты и артиллерии отбили снова.

До вечера немцы больше не осмелились атаковать.

4

На третий день связной из штаба дивизии принес приказ сниматься. Этого приказа Климёнок ждал давно, так как они сидели почти в мешке, только еще не завязанном: противник прошел и слева, и справа от них, но флангов пока не загибал, будто давал дорогу к отступлению.

И вот они снялись и идут — уже который час — по пыльной белой дороге, то слева, то справа начинают белеть, будто вырастая из равнины, меловые горы. По дороге к артиллеристам присоединялись и другие части, преимущественно пехота, которые тоже шли из-под Чугуева. Вид у всех был измученный, истомленный, на многих белели свежие бинты.

«Ничего, ничего,— успокаивал себя Климёнок,— попадали и в худшие переплеты и выходили целыми. Пока еще полбеды... Главное — установить связь с дивизией, выяснить обстановку... Ничего, попадали и в худшие переплеты...»

Так он подбадривал себя, оглядывал дорогу перед

собой, озирался по сторонам. За газиком тянулся длинный хвост грязно-белой пыли. «Лишь бы не налетели самолеты... Тут уж ни бог, ни черт тебя не спасет, не заслонит, ты у фрица на мушке... Лишь бы не налетели, гады...»

Мысленно возвращался к недавнему, к тому, что долго еще будет тревожить память, даже сниться ночами. Человеческая кровь не забывается долго... Вчера, после немецкого артналета, они с ординарцем услышали, как рядом, где недавно взорвался снаряд, дико закричал человек. Это был связист, его ранило осколком в низ живота. Климёнок и ординарец вынесли связиста из полуразрушенной землянки, ординарец побежал искать санитара. А бедняга связист корчился на земле, покрываясь холодным потом, стонал от лютой боли, отнимал то одну, то другую руку от живота, с ужасом глядел на залитую свежей кровью ладонь, скрежетал зубами и плакал... Он, видно, понимал, что его ждет, и от этого было еще страшней... Эти ладони в крови еще долго будут стоять у Климёнка перед глазами...

Купянск стоит на горке, виден издалека. Климёнок объехал городок, мысленно прикидывая, где и что можно разместить. Артиллерия станет на самых окраинах, в огородах и садах, чтоб не попадаться на глаза авиации. Штаб где-то вот тут, возле водонапорной башни, на ней — наблюдательный пункт. Если что — можно без проводной связи, голосом... Наконец, связь... Послал человека в штаб дивизии, но пока что — никаких результатов. Но не будешь же ждать сложа руки, пока все само станет на место. Надо что-то делать. И Климёнок начал действовать уже в новой роли — командира части, правда, не целой, можно сказать, бывшего полка. Где комполка Рыбаков и что с ним, что с дивизией,— Климёнок не знал.

Пока он проверял, как разместились батареи, пока осмотрел все самые ненадежные места на подступах к городу, сделал кое-какую передислокацию, проверил мост через Оскол,— прошло время. Незаметно он входил в свою новую роль, постепенно начинал думать за командира полка, привыкал к мысли, что теперь за него никто ничего не сделает — все надо самому. Тяжелым грузом ложилась на него эта работа, и осо-

бенно — ответственность за судьбу людей, которые оказались вместе с ним. Что-то похожее переживал он год назад, по пути от Вильнюса и дальше на восток. И никак не думал, что такое может повториться. Климёнок знал, что сам Тимошенко руководил под Харьковом подготовкой к операции, все надеялись на успех...

А тут не было самой обыкновенной топографической карты района Купянска, где они заняли оборону. Начштаба Садовников ругался и проклинал парадоксы судьбы: на запад от Харькова карта есть, а вот на восток — ничего!

Климёнок посоветовал найти школу и взять там ученические, так как без карты — как без рук: местности этой он сам — да и никто из его немногих штабистов, которые уцелели,— не знал.

Когда вернулся к водокачке, штаб уже связался с дивизионами. Начальник хозяйства Кляйнблат подгонял поваров, чтобы посылали в части свежий обед.

Климёнок и сам с удовольствием поел горячего перлового супа или каши — что-то такое ни густое, ни жидкое, но для проголодавшегося вкусное — варево с салом.

...Два дня над городом висела тишина. Только порой пролетал самолет-разведчик, кружился, приглядывался и улетал — и по-прежнему было тихо.

Больше всего волновало, что связь с дивизией так и не удалось установить. Несколько связных, которые туда пошли, не вернулись. Не связались они с дивизией и по радио. Неужели штаба уже совсем нет? Неужели они сами отрезаны от своих? Ничего не известно!..

После полудня выдалась свободная минута, и Климёнок первый раз за эти три дня в Купянске прилег, не раздеваясь, на кровать в чужой хате, покинутой хозяевами. Только закрыл глаза, как сразу заснул. Что-то даже начало сниться. Кажется, они нашли своих, подошли свежие силы. Климёнок рад: ну, теперь немцам дадут... До слуха долетел зуммер полевого телефона. Сначала ему показалось, что это во сне, но, окончательно проснувшись, взял трубку.

— «Первый» слушает!

Докладывал наблюдатель с водокачки. Климёнок сразу вскочил с кровати. Было от чего: с запада на

город шла колонна танков и машин. Он не поверил своим ушам, спросил наблюдателя, есть ли у этой колонны боевая охрана или разведка. Наблюдатель сказал, что нет, идут сплошной колонной, впереди танки.

По коммутатору Климёнка связали с пехотным НП, откуда тоже доносили, что идут немцы.

Вот и кончилась тишина... Климёнка охватило хорошо знакомое волнение. Он весь напрягся, движения стали экономными и точными, голова работала ясно.

«Мы вас встретим, фрицы... Вы этого не ждете, раз идете без разведки, без авангарда. Вы слишком уверены...»

Позвонил в дивизионы, приказал подготовиться к бою и ждать команды, а сам, взяв бинокль, кинулся к водокачке, чтобы оттуда наблюдать и руководить боем.

Запыхался, пока взобрался по крутой винтовой лестнице на самый верх, где на небольшой площадке под натянутой палаткой — защита от солнца — сидели два бойца возле полевого телефона. Один был светловолосый, в вылинявшей гимнастерке, без пилотки, худощавый и курносый, другой — смуглый до черноты, с туго натянутой кожей на скуластом лице, с узкими темными глазами — узбек или казах. У него в руках был большой артиллерийский бинокль.

— Ну что там? — спросил Климёнок, еще не отдышавшись.

— Страх что делается! — с белозубой во весь рот улыбкой ответил смуглый.— Вся дорога шевелится, как змея. И пыль столбом, точно за караваном верблюдов.

Климёнок вскинул бинокль. Танки, один за другим, покачивая стволами пушек, шли не спеша, оставляя за собой густые хвосты белой пыли, за ними видны были грузовые машины, крытые брезентом. Приглядевшись к первому, головному танку, Климёнок заметил, что люки открыты: водительский и командирский. Из командирского выглядывала голова в танкистском черном шлеме.

«Пора начинать»,— подумал Климёнок и сказал беловолосому телефонисту:

— Ну, брат, звони в третий дивизион.

Через минуту телефонист передал трубку Климёнку.

— Вы готовы? — спросил он, узнав по голосу командира дивизиона.

— Так точно! — был короткий ответ.

— Молодцы! Открывайте огонь! Только чтоб рука не дрожала,— шутливо добавил, стараясь подбодрить артиллеристов.

— Есть! — послышалось в трубке.

Гаубичный дивизион тоже был готов и только ждал команды открыть огонь. Еще один дивизион был в резерве, на прямой наводке.

Передние танки выползали из-за горки на высокое ровное плато, на котором стоял город, только там оно было пониже, чем тут. Как раз на подъеме их встретили первые разрывы снарядов. Еще не было видно результатов, еще колонна шла — по инерции или просто потому, что не ждала огня или не получила соответствующей команды,— еще колонна была целой, ни одной машины не успел накрыть снаряд, а к Климёнку вдруг пришла уверенность, что они сегодня разобьют немцев. Так борец или боксер на ринге по едва уловимым чертам своего противника может порой узнать, чего он стоит и чего можно от него ждать.

Климёнок не отрываясь смотрел в бинокль. В танках закрывались люки, колонна нарушила строй — отдельные машины уходили с дороги в степь, рассыпаясь цепью. И вдруг — прямое попадание в головную машину! Башня с пушкой, как огромный черпак с ручкой, неуклюже крутнулась и, перекошенная набок, беспомощно застыла на месте, а танк, окутанный дымом, слепо ткнулся в один бок, в другой, как бы ощупывая дорогу, и стал, объятый пламенем.

Артиллерийский огонь густел. Снаряды рвались впереди колонны, в самой гуще машин, сзади, в хвосте, высоко поднимая в небо султаны дыма, перемешанного с белой пылью. Казалось, что там, на западе, вырастает черный лес, который охватывает колонну со всех сторон, прижимает ее к земле, не дает ей вырваться на оперативный простор.

Столб дыма и огня вырос перед самым носом еще одного танка, он нырнул в дымную воронку и так и застыл, уткнувшись стволом пушки в землю и беспомощно подняв вверх корму... Другой танк завертелся на гусенице, вторая лентой протянулась сбоку...

От напряжения у Климёнка начали слезиться глаза. Он опустил бинокль и приказал телефонисту звонить в другой дивизион, который стоял на прямой наводке. Расстояние до немецких машин все уменьшалось — несмотря на потери, они упорно шли вперед.

— Еще один горит! — закричал звонко смуглый.— Ах, как хорошо горит!

Внезапно какой-то гул долетел до ушей — будто гул самолета. Действительно, с юга, поблескивая на солнце, летел самолет. По контурам фюзеляжа, по форме крыльев Климёнок сразу определил — не наш.

Самолет сделал круг над городом, лег на крыло над водокачкой и дал длинную очередь из пулемета. Пули, отбивая куски кирпича, звонко врезались в башню.

— Давайте вниз! — закричал Климёнок связистам.

Бойцы мигом проскочили в проем в стене, втащили за собой телефонный аппарат. За ними спустился Климёнок. Самолет еще раза два с ревом прошел над водокачкой, осыпая ее пулями, и исчез.

— А почему он бомбы не сбросил? — спросил чернявый.

— Жалеет на нас бомбы тратить,— ответил белоголовый.— Улетел... Пошли наверх!

5

Через день после удачного боя, когда немцы, оставив в степи добрый десяток танков, повернули назад, Купянск все же пришлось сдать. Кончились боеприпасы, а немцы подтянули артиллерию, усилили артобстрел, несколько раз налетали самолеты, после чего у Климёнка осталось всего семь пушек, погибло много бойцов.

Видя, что им не удержаться, Климёнок приказал, отходя, взорвать мост через реку Оскол. Немцы заняли теперь правый высокий берег и поглядывали на них сверху вниз, как с печи в хате. От злости Климёнок приказал дать последний бой — оставалось много агитснарядов, которые жаль было оставлять. Его семь пушек стреляли беглым огнем несколько минут, до последнего агитснаряда. Что там думали немцы, трудно сказать, но, наверно, читали листовки и удивлялись: чего это большевики агитируют их сдаваться, а сами дают задний ход?

В ответ немцы повели бешеный артобстрел, били термитными снарядами. Капитан Кляйнблат, который неотступно следил за своим тылом, принюхавшись, поднял тревогу: немцы пустили газы!

Климёнок едва успокоил его, однако это обстоятельство сделало свое дело: дождавшись сумерек, они снялись со своих позиций и двинулись в степь.

Теперь над степью царила ночь. Вечерняя духота уступала место раннему холодку, когда медленно остывают травы, земля и воздух, когда капля за каплей на растениях, на камнях незаметно оседает скупая роса. Тогда пропадает дневная истома и так хорошо и сладко спится даже сидя.

Тягачи везут за собой последние уцелевшие пушки. Медленно переваливаясь по неровной дороге, скрипит бричка начальника хозяйственной части капитана Кляйнблата.

Капитан по-прежнему командует тылом, хотя теперь этот «тыл» состоит всего из нескольких машин и брички. Климёнок, как самозваный командир полка, ощущает нехватку помощников — его штаб поредел больше чем наполовину. Больше того, все смотрели на него как на бога, надеялись на его опыт, так как многие командиры, да и бойцы знали, что он год назад отступал от западной границы чуть ли не до самой Москвы, что он, конечно, бывал в сложных переплетах, что он все знает и выведет, избавит их от этой беды. Но сам Климёнок понимал, что эти надежды и чаяния страшно преувеличены, что там было одно, а тут — совсем другое, что в каждой новой ситуации все меняется. И все же он, как мог, старался оправдать доверие своих бойцов и командиров. Снова, как тогда, в сорок первом, вел людей — уже хорошо зная — по вражеским тылам к своим.

... Вечером, в сумерках, группа подошла к небольшой станице в степи. Климёнок выслал разведку. Примерно через час разведчики вернулись с доброй вестью — немцев нет. Теперь смело можно заезжать в станицу, остановиться, отдохнуть, пополнить запас продуктов.

Капитан Кляйнблат поговорил с женщинами, которые встретили их настороженно, но вскоре смягчились. «Родные, неужели это вы?» — и начали нести на ужин бойцам кто галушки, кто белую паляницу, кто сыр или яйца, кто молоко, масло. Словом, бойцы наелись, как

в большой праздник. Командирам даже досталось по чарке самогона из свеклы.

Тускло горела лампа. Они сидели, человек пять командиров, в просторной белой мазанке, перегороженной на две половины. На стол подавала чернявая молодая украинка с улыбкой на полных красных губах, в белой, вышитой крестиком кофточке и в черной гладкой юбке, босая, с загорелыми ногами. Кроме молодицы в хате были еще две, уже в годах, женщины — одна грузная, медлительная, немного похожая на молодую, наверно ее мать, другая — маленькая, сухощавая, с седыми волосами под темным платком, с запавшими выцветшими глазами и беззубым ртом. Детей бегало трое, две девочки и рослый худенький мальчик лет десяти. Мальчик все время приходил из другой половины в эту, будто по делу, спрашивал что-нибудь у матери, с любопытством смотрел на военных и уходил. Казалось, он что-то хотел их спросить, но не осмеливался.

— Ни одного взрослого мужчины в хате,— жаловалась молодая. Она говорила смело, громко, будто уже давно знала этих гостей. — Мой как ушел в тридцать девятом, так и пропал... Был дед старый, его батька,— недавно помер... А Олекса еще ребенок, какой из него работник? Олекса, что тебе тут надо? Иди помоги бабке воды натаскать! Быстро! Надо вот дядям военным постирать белье, они, бедные, обносились, некому за ними приглядеть...

Она перебрала всех своих, рассказала, кто чем болеет, кто что любит, кому сколько лет, по какой линии родня, как она жила до войны со своим Апанасом, как они любили друг друга. Бойцы слушали, посмеивались, вставляли какую-нибудь шутку, ели и хвалили вареники со сметаной, пили взвар из прошлогодних слив, под конец взялись за семечки.

«Не то я в гостях, не то в отпуске или на каких-то маневрах,— думал Климёнок, сплевывая шелуху от семечек и стараясь делать так, как это делал пожилой Полищук и некоторые другие офицеры.— Только будто не на войне. Достаточно очутиться под крестьянской крышей и чтоб запахло кухней, чтоб зазвучали женские и детские голоса — и ты сразу возвращаешься либо в свое детство и юность, либо в свою семью, которая опять неизвестно где... И неизвестно, что думает обо мне...

И этот мальчик, Олекса, Алесь по-нашему, чем-то так похож на Иванку, что просто хочется его погладить, взять на руки...»

Голос хозяйки хаты перебивал его мысли, принуждал слушать, включаться в разговор, не показывать, как ему тоскливо, как болит его душа, как грызут его сомнения. Нет, тут надо показывать всем, что ты вон какой герой, что тебя все немцы боятся...

— ...Немцы спешат установить свои порядки, видно думают здесь век вековать,— на завтра назначили выборы старосты. Есть тут у нас пара дедов, одно название, что мужчины — в шароварах ходят... Так одного, говорят, должны выбрать. Один единоличником жил до самой войны, но этот, говорят, не хочет. А прежний голова колхоза, которого сняли за то, что он не разбирал, где свое, а где колхозное, так тот теперь просто из кожи лезет, чтоб стать старостой и рассчитаться с теми, кто ему не давал наживаться...

Молодуха говорила обо всем так, будто ей самой это безразлично, будто сама она выше этого, а рассказывает по долгу хозяйки, которая чем-то должна занять гостей, чтобы они не скучали, чтобы добрым словом вспоминали ее дом.

Мужчины смотрели на молодицу голодными глазами, каждый, очевидно, думал, что она улыбается ему, что это одному ему подсыпает больше, чем другим, семечек, кажется даже ему подмигнула. Ей было лет тридцать, не больше, женщина в самом соку и, по всему видно, давно тоскует без мужчины... Какое это, однако, было бы счастье проспать ночку на ее горячей руке! Эх ты, доля солдатская горькая!

Молодица тем временем подмела хату, постелила им постели и, пожелав спокойной ночи, вышла в другую половину, забрав с собой их залубеневшие портянки и носовые платки.

Климёнок долго не мог заснуть, все прислушивался к шагам во дворе, шагам в другой половине, к стуку железного корыта, ворочался с боку на бок, думал.

«Вот оставь такую врагу, захватчику... Если бы сегодня тут вместо нас были немецкие офицеры? Посмотрели бы они, что тут какая-то перегородка, что у женщины дети, что... Сколько же несчастных людей! Мужчинам что? У них оружие, в обиду они себя не дадут. А тут —

бабы, дети... И это миллионы, десятки миллионов. Вот что значит оккупация... А немец все прет на восток, где-то уже, может, рвется к Волге, точит зубы на Кавказ, грабит Донбасс... Беларусь, Украина, Прибалтика... Сколько жертв, сколько слез и крови, сколько разоренных гнезд. Страшно подумать, что ждет этих людей...»

Под эти тревожные думы он незаметно заснул.

Июльская ночь коротка: не успел и раз перевернуться на другой бок, как уже надо вставать. Глянул в окно — светает. Оделся, вышел на крыльцо, размялся немного, оглядел двор. Непривычны карликовые деревья в саду — ветки идут от самой земли. С яблони можно достать плоды, даже не вставая на цыпочки. И груши такие, и вишни... Только тополя высокие, как башни, но тени в полдень под таким деревом не найдешь.

Зато земля тут — не то что белорусская. В огороде все так и бушует: вон уже какая капуста, тыквы как поросята, стройные подсолнечники повернули свои желтые прожекторы к солнцу, ждут его восхода.

Следом за Климёнком на крыльцо вышел парторг Полищук, человек лет за сорок, спокойный, уравновешенный, умный, бывший буденовец-кавалерист. В полку он считался комиссаром. Климёнок часто советовался с ним. Иногда и спорили, но его можно было легко убедить, если были к этому веские аргументы. Зато если не было...

Полищук подкрутил русые прокуренные усы, поглядел на небо, потянулся.

— Погода как у нас в Сальских степях,— сказал он и зевнул.— Загорим мы с тобой здорово, командир.

Климёнок посмотрел на его обветренное, даже бронзовое лицо, на суровую складку над переносицей.

— Ничего погода,— подтвердил Климёнок.— Однако не о погоде ты хотел сказать, признайся?

Полищук опустил голову. Его широкий крепкий подбородок с ямочкой посредине коснулся гимнастерки, лицо еще более посуровело.

— Ты отгадал, командир. Я всю ночь думал. Может, нам тут побыть, пока немцы приедут выбирать старосту?

— Хочешь воздействовать на результаты голосования? — усмехнулся Климёнок.

— Хочу... Хочу, чтобы люди думали, что мы тут хозяева, а не немцы...

— Хозяин тот, кто руководит, кто тут живет. Мы, надо признаться, не хозяева, мы гости. Согласен? И потом, еще неизвестно, что будет со станицей, когда мы отсюда уйдем.

— А что с нею будет? Это же не гражданская война... Воюют регулярные войска, что им до гражданских...

— Однако ты рассуждаешь как мальчишка, прости за слово. Регулярные войска!

— Ты трусишь, командир. Боишься не за станицу, а за себя...

Климёнок усмехнулся, но тут же стал серьезным.

— Старый рубака... Знаешь, куда бить... Просто мне неохота с тобой спорить, и потому пусть будет по-твоему: обождем.

Они умылись во дворе и вошли в хату. На столе уже стоял завтрак: кувшин молока, белая паляница, масло на тарелке, свежий творог. Молодица несла на сковородке яичницу, ей помогал химик-лейтенант, которого все называли Начхим, они чему-то весело смеялись, а когда вошли Климёнок и Полищук, замолчали, и Климёнку показалось, что молодуха покраснела. «Неужели они успели поладить? — позавидовал Климёнок.— И правда, что химик, ничего не скажешь». А вслух сказал:

— Доброе утро, хозяйка! Спасибо за ночлег.— И, оглядев стол, добавил: — Если вы нас будете так потчевать, мы тут у вас можем долго засидеться.

— Хоть навсегда,— блеснула белыми ровными зубами молодица.— Прошу за стол, еда остынет.— И, покачивая широкими бедрами, мелькая босыми ногами, снова ушла в другую половину.

За стол первым сел Полищук.

— Скорее, хлопцы, а то неизвестно, когда придется еще отведать таких вкусных вещей.

Едва они уселись, как перед окнами промелькнул человек. Климёнок вскочил из-за стола, за ним остальные. В мазанку вбежал запыхавшийся боец-связной.

— Товарищ подполковник, немцы едут.

— Много?

— Две машины.

Все с шумом одевались, хватали оружие, выходили

из хаты. Хозяйка выглянула из другой половины — огорченная, встревоженная.

Климёнок сказал ей:

— Будем живы — вернемся.— И помахал рукой.

Он решал, что делать: пустить немцев в станицу или встретить на околице? Надо использовать свое огневое преимущество — пушки. А в станице — будет целое побоище.

Скрываясь за зеленью садов, командиры вышли на край станицы, где в огородах стояла замаскированная пушка, нацеленная на дорогу.

— Как подъедут вон к тому столбу,— сказал Климёнок командиру пушки,— открывай огонь.

Две крытые брезентом машины со скошенными радиаторами, по сторонам которых торчали шарики на прутиках, как рога, мчались по пыльной дороге к станице.

Едва первая подъехала к невысокому белому столбу, тишину разорвал оглушительный выстрел. И почти в тот же момент перед самым носом машины выросло темное облако, блеснуло пламя, машина резко вильнула влево, переднее колесо отвалилось — она, как раненый конь, что падает на передние ноги, перекосилась, легла на бок. Из кузова стали вываливаться солдаты. Следующий снаряд взорвался далеко позади цели.

Вторая машина резко затормозила, съехала с дороги и повернула назад.

Климёнок не выдержал, сам стал за панораму, начал ловить машину в крестовине и несколько раз выстрелил, но снаряды так и не попали в грузовик — он скрылся за горкой. Немцы с подбитой машины по одному и небольшими группами скрывались в степи.

6

Где же Дон, тот тихий, синий Дон Иванович? Скоро ли смочат они в студеной его воде свои натруженные ноги, постирают залубеневшие от соленого пота рубахи, напоят заморенных за дорогу коней? Когда это будет, когда? Да еще неизвестно, все ли дойдут, донесут свои головы до тихого Дона... Сколько еще преград на их дороге, сколько западней расставлено! Каждый день их ожидает какая-нибудь преграда. За эти несколько не-

дель, что они идут по степи от Купянска до Дона, уничтожили танк — видимо, был неисправен и отстал от колонны, разбили несколько машин с продуктами, сбили вражеский самолет с генералом — Климёнку достался генеральский портфель с документами, а в кармане и теперь лежат генеральские и офицерские — пилота — погоны.

Вот и сегодня...

К вечеру показалась какая-то станица. Климёнок дал приказ остановиться и выслал разведку. Разведка доложила, что старая бабка из крайней хаты под большим секретом сказала им: в станице немцы. Она точно не знала, сколько их и где, но помог мальчонка, внук бабки. Он знал все: у немцев восемь машин, мотоцикл с коляской, спят в гумне за станицей. Там сейчас сено.

И вот отряд добровольцев, которых возглавил Начхим, забрав последние гранаты, двинулся на задание.

Ждать пришлось долго, многие даже заснули — где кто прилег.

Климёнок напряженно прислушивался. Наконец — началось. Но большой стрельбы не было. Постреляли немного, взорвалось несколько гранат. И снова установилась тишина, и так надолго, что Климёнок не выдержал, послал двух человек в разведку. Наконец все вернулись, привели двух немцев и мотоцикл с коляской, тот самый, очевидно, о котором говорил мальчик.

Климёнок приказал пополнить запасы бензина, а машины привести в негодность.

Пленных немцев допросили. У Климёнка уже был свой переводчик, на дороге к ним пристала учительница, она до войны преподавала в школе немецкий язык.

Пленные были совсем разные люди: один говорил без остановки, другой молчал как стена. Разговорчивый, плотный молодой солдат в кожаной куртке сказал, что родом из Судет, что он не хотел идти воевать, но его взяли принудительно, дома остались жена и двое маленьких детей. Он показал Климёнку фотографии, тыкал пальцем: «жóна», «цурка»... Мол, он шофер, готов делать все, что ему прикажут они, советские... Назвал свою часть, сказал, куда идут...

Щуплый, в очках, с ефрейторскими погонами, не промолвил ни слова, будто был немой или глухой или ничего не понимал. Зверовато косился на своего говорливого товарища и отворачивался от переводчицы, словно боялся, что ее глаза заставят его заговорить.

В ту же ночь они двинулись в дорогу. На рассвете сделали привал: люди перекусили, отдохнули часок — и снова в поход. Колонна вытянулась почти на километр. Климёнок на сером, в яблоках, дончаке ехал то впереди, то позади. Когда солнце поднялось над степью выше, стало душно, люди просто задыхались. Ветра не было, на небе — ни облачка, голова пухла, наполнялась звоном, в висках стучала кровь. Где бы дорваться до тени, до воды, до холодка? Кто отставал совсем, тех подвозили на тягачах, на пушечных лафетах, на Кляйнблатовой бричке. А степь была бесконечна и горяча, спокойна и величава в своей неподвижности, ей не было дела до каких-то там людей, которые шли и ехали неизвестно куда и зачем. Степь жила своей жизнью: пели птицы, трещали цикады, порой из-под ног выскакивал испуганный серый заяц или вылетал перепел, кое-где косым клином пролетали дикие утки — первая примета, что близко вода. Только где?

Под вечер, когда солнце скрывалось в траве и казалось, что вот-вот подожжет разогретый за день сухой, как порох, летучий ковыль на пригорках, Климёнок слез с седла, привязал коня к Кляйнблатовой бричке, а сам взобрался на скрипучее и шаткое сиденье рядом с капитаном. Проехал с полчаса и не заметил, как заснул...

Такой музыки Климёнок, наверно, никогда не слышал. Кто ее мог придумать? Француз или немец? Каньяр-Латур? Кажется, он. Это же его сирена... Нет, это сотни сирен, целый оркестр, который поднял бы даже мертвого... Климёнок раскрывает глаза. Колючий красный свет на миг ослепляет его, он трет ладонью мокрое лицо и видит перед собой огромные ноги в рыжих юфтевых сапогах с короткими, рупором, голенищами. Один, правый сапог медленно отодвигается назад, целится ударить ему, Климёнку, в лицо. Климёнок закрывается руками, но нога в сапоге все еще угрожает, и он пытается встать. Ноги в коленях дрожат: неужели его отливали водой?

Снова красный свет бьет в глаза, и в этом свете он видит огромную фигуру человека, голого до пояса, с могучей волосатой грудью и налитыми силой руками, которые свисают вдоль туловища, как две кувалды... Сейчас они начнут его молотить... Климёнку становится страшно. И страха прибавляет еще дикая музыка сирен, она мешает понять, что и где происходит. Кажется, боксерский ринг, только какой-то странный — трава под ногами, то густая, сочная, то сухая и редкая, как метлица, ковыль... А канаты — не канаты, а перила, как раз такие, как на мосту... Значит, если ты выскочишь за канаты-перила, тебе конец... Почему? Там вода... Вода... Дайте воды, ноет все тело!.. Но воды нет... Он видит только блестящий, мокрый от пота торс своего противника, видит его подтянутый живот, могучую грудь. Климёнок хочет увидеть лицо этого верзилы, хочет заглянуть в его глаза, чтоб знать, с кем он дерется, кто его враг, но голова великана пропадает в каком-то кровавом тумане, который плавает поверх головы Климёнка, и он видит только этот могучий торс, который закрыл ему свет... «Раз, два, три... девять»,— считает чей-то металлически-сухой, скрипучий и чужой голос — будто отсчитывает, сколько минут осталось Климёнку жить... Нет, он будет жить, будет драться с этим великаном! Он напрягается, принимает боевую стойку и бьет в то, что видит перед собой: в волосатую грудь, в сердце. Но его удар до смешного слабый, как у малого дитяти. В растерянности он глядит на свои руки и видит на них нелепые, похожие на боксерские, перчатки, которые только смягчают удар. Он слышит над собой язвительный смех, и тут же ему в грудь бьет тяжелая, как свинцовая, перчатка. Он отлетает к перилам, хватает ртом воздух, отдышавшись, снова кидается на врага. И с ужасом видит: у того вместо боксерских перчаток — двухпудовые гири, как раз такие, что некогда, давно, он поднимал — когда был курсантом. «Где же справедливость?» — кричит в душе Климёнок и бьет противника в сердце, в левый сосок. Удар так же слаб, как и первый. Снова в ответ он слышит издевательский хохот, а могучий удар снова откидывает его к канату. Климёнок бессознательно хватает ртом воздух и слышит бешеный стук своего сердца — тах-тах-тах... Оно работает, оно еще не разлетелось от удара... Он снова бросается на врага... Ближ-

ний бой... Они дубасят друг друга без всяких правил, бьют куда попало и чем попало, обливаются потом и кровью, ругаются, хрипят и яростно кусаются. Климёнок то падает, то встает, принимает на себя железные удары и снова летит на перила, которые каким-то чудом еще держат его, не дают слететь в бездну... Бой тянется бесконечно долго...

Наступает какой-то особенный, почти незаметный момент — и Климёнок чувствует, что противник его ослабел, что кулаки у того стали мягче и не такие тяжелые, как вначале, а у него, Климёнка, руки уже не в мягких надутых пузырях, а тоже, как недавно у противника, стали тяжелыми и твердыми, как кость. И еще удивительная перемена произошла с Климёнком: он не заметил, как стал выше своего противника, и теперь уже тот смотрел на него снизу вверх, а Климёнок, твердо стоя на легких и таких послушных ногах, маневрирует по рингу и раз за разом валит своего противника на земляной, травяной ковер... Вой сирен как-то отдаляется, издалека плывет музыка, похожая на орган — тягучемелодичная, без начала и конца, звуки ее заполняют все его существо, будят в сердце какие-то незнакомые, а вернее, забытые чувства: все то, что вызывает любовь и нежность, что вызывает слезы на глазах, что заставляет с умилением глядеть на детей, любить все живое, радоваться первой зеленой траве, первому клейкому листку и ранней песне жаворонка. И уже поединок, которым был недавно так захвачен Климёнок, утратил для него прежнюю остроту и интерес: его враг никчемный, маленький, с побитым лицом и поломанными ребрами, который все еще кидался на него, Климёнка, уже не сердил, а начинал смешить, и Климёнок бил уже не во всю силу, а лишь чтобы отвязаться от этого приставалы, который все еще на что-то надеется, все силится выиграть бой, хотя все шансы на выигрыш у него уже давно потеряны. Климёнок вытирает ладонями потное лицо и вдруг чувствует, что противник вцепился ему в левое колено. Боль пронзила его тело, охватила злость: он отвел правую ногу и со всего маху ударил того карлика, который вцепился ему зубами в колено. Тот, как бесформенный мешок костей и мяса, мелькнул над барьером и пропал с глаз Климёнка, только откуда-то снизу долетел до его слуха нечеловеческий крик ужаса...

7

Утром разведка донесла, что впереди через пять километров — Дон. Радости не было конца: люди, кажется, готовы были бежать.

И вот наконец батька Дон! Издали вода синяя, как в море, ходят беспокойные волны...

Берег был крутой и высокий, река тут делала поворот, создавая большую излучину. Справа к берегу подступала густая тополиная роща.

Люди забыли об осторожности, от радости бегали по берегу, спускались к воде, некоторые мылись.

В этот момент с другого берега начали стрелять из винтовок, несколько пуль просвистело у Климёнка над головой, но никто не испугался. Наоборот, все были рады, что их заметили на том берегу, стали размахивать руками и кричать, что они свои. Действительно, скоро стрельба затихла.

Не успели командиры что-нибудь придумать, как политрук Хоменко попросил у Климёнка разрешения переплыть на тот берег и договориться со своими.

— А переплывешь? — спросил Климёнок.

Политрук был худощав, но крепко сложенный.

— На Днепре вырос, воды не боюсь. Только разрешите.

— Хорошо. С богом. Там сразу иди к начальству, пусть дают на чем переправляться. Про пушки не забудь сказать.

Политрук сбросил с себя изношенное дотла обмундирование, остался в одних трусах. Темные волосы на голове, загорелые лицо и шея, такие же темные кисти рук — все это казалось приставленным к белому костистому телу, делало человека каким-то ненастоящим.

Политрук помахал всем рукой с берега, повернулся на восток, посмотрел на небо, а потом поднял над головой руки и бросился в реку. Его долго не было видно, наконец темная его голова показалась далеко от берега. Так он и плыл под водой, только порой высовывал голову, чтоб набрать воздуха.

— Здорово плавает хохол,— с завистью сказал стоявший рядом с Климёнком рослый боец, который разувался.— Хоть ноги помою... Я как топор — сразу на дно... О черт! — он все смотрел, как отдалялась и отдалялась

от берега темная точка, то исчезала, то на миг появлялась снова.

Климёнок тем временем приказал выставить охрану по обе стороны берега, пушки также развернуть веером на дорогу и возле каждой оставить по два человека. Рядом нашли овраг, который спускался к Дону,— сейчас он был почти сухим. По нему смельчаки повели коней, чтобы попробовать переплыть на тот берег. Но все кони оказались «сухопутными», боялись глубокой воды и даже пили с осторожностью, стригли ушами и испуганно храпели, в воду не пошли.

Через некоторое время на реке показалась лодка. В ней белел незагорелым своим телом политрук. Он налегал на весла изо всех сил, ловко правил, но сильное течение сбивало лодку, сносило вправо.

Радостное настроение Климёнка упало. Сердце пронзила обида. «Одна лодка... Одна... Как же пушки?..»

Лодка пристала как раз у того оврага, где собирались переправлять коней. Она ткнулась носом в песок, политрук положил весла и крикнул:

— Товарищ подполковник! Там наши! Они нас ждут. Но лодку дали только одну... На семь человек, не больше. Кто первый? Вы?

Климёнок подошел к воде. Толпа красноармейцев моментально выросла напротив лодки, поднялся шум, гомон, суета и толкотня — все хотели быть первыми.

— Товарищи, спокойно! Первым я не поплыву. Я — последним. Вначале — самых слабых. Тебя, политрук, назначаю начальником переправы. Чтоб все люди были целы!

Он отобрал первую шестерку, но с таким расчетом, чтоб хоть два человека из них могли хорошо плавать — на всякий случай. Они поплыли, притихшие, осторожные — как бы не перевернуться.

Время шло, переправа работала. На каждый рейс нужно было полчаса, десять рейсов — пять часов, шестьдесят человек...

Политрук Хоменко работал упорно, он уже сделал больше десяти рейсов, ослаб совсем, пришлось искать замену. Те, которые ждали своей очереди, чуть не ходили на головах, возбуждение не проходило. Пробовали делать поплавки из тростника и переплывать на них.

Теперь тем, кто остался тут, надо было сделать самую

неприятную работу — вывести из строя пушки, тягачи, отпустить на волю коней...

С тяжелым сердцем топили в Дону замки от пушек, портили моторы в тягачах, бросали ненужные теперь седла и уздечки и такой удобный фаэтон начальника тыла капитана Кляйнблата. Он уже на том берегу. Наверно, сидит и плачет от радости, как бобер... Из всего, что они тут бросали, Климёнок больше всего жалел коней. Они, кажется, поняли, что люди бросают их одних, стояли кучкой, не расходились, спокойные и притихшие.

Из всей техники на ту сторону переправили только мотоцикл с коляской.

Когда все было закончено, последняя шестерка направилась к лодке. Климёнок нес в руке толстый генеральский портфель.

Перед тем как сесть в лодку, все разулись. А парторг Полищук снял все обмундирование, остался в одних трусах и сказал, что поплывет «на буксире».

— Комиссар, не дури, давай в лодку! — закричал Климёнок.

Но ничего не помогало. Полищук влез в воду по самую грудь, громко фыркал и хохотал от удовольствия.

— Теплая, как парное молоко... Любота!

Он плюхнулся на живот, левой рукой уцепился за борт лодки, правой загребал воду, помогая политруку, сидевшему на веслах, тот старался грести изо всех сил, так как течение сразу начало их сносить.

Отплыли совсем недалеко, когда с берега, немного левее того места, где они садились, ударило несколько автоматов. Климёнку показалось, что по воде застучал крупный град. Фонтанчики подскакивали возле самой лодки — слева, справа, сзади.

— Ложитесь на дно! — крикнул из воды Полищук.

Все пригнулись, только политрук Хоменко по-прежнему налегал на весла.

И вдруг он закричал:

— Полищук! Полищук!

Климёнок выпрямился, посмотрел за корму и успел только заметить, как Полищук дернулся всем телом и тут же скрылся с глаз. Показалось Климёнку или действительно так было, но вода в том месте, где исчез Полищук, окрасилась в красный цвет.

Это было нелепо, как и все на войне. Человек погиб, когда казалось, что опасность миновала.

Оглушенный, опустошенный огнем боли и обиды, Климёнок не заметил, как они пристали к берегу. Едва он вышел из лодки, его подхватили на руки, пронесли на ровное место, на траву и с криками «ура» стали подбрасывать на руках. Вначале Климёнок сопротивлялся, он не мог веселиться после только что пережитой утраты товарища, но его молодые бойцы, командиры, которые столько времени делили с ним горе и радость, голод и холод, сегодня не хотели ничего признавать: они праздновали свое избавление, радовались, как дети, что вот тут, за Доном, нашли своих, что живы, здоровы — и в этом немалая, если не самая большая, заслуга его, Климёнка.

— Черти! Рассыплются кости! — кричал Климёнок, но его никто не слушал, будто не он был их командиром: все взлетал и взлетал поверх мокрых и сухих уже голых голов, весело смеющихся загорелых лиц, натужно поднятых вверх рук с растопыренными пальцами — под шум, крик, веселое гоготание.

— Братки! Довольно! Пустите... пока жив! — просил Климёнок.

Наконец Климёнка опустили на землю. Он закрыл лицо ладонью. Земля качалась под ногами, как недавно та лодка... Ах, Хоменко! Вот кого надо качать... Вот кого надо.

Пошел по берегу, выбрал затишное место и, обессиленный, упал на траву.

8

Сколько же это времени живет тут Климёнок? Скоро два месяца. Живет... Не воюет, а живет, что и говорить... После похода из-под Харькова теперь ему все кажется легким, как в розовом сне. Что ему теперь? Сидят они за рекой, немцы в этом месте не очень рвутся, наши тоже. Сразу видно, что не главное направление и для одной и для другой стороны. Операции местного значения... Немцы теперь жмут на Сталинград. Они все еще надеются на скорый выигрыш в этой войне.

Всю дорогу из-под Харькова у Климёнка болела душа: он не знал размеров катастрофы, и в голову ему

приходили черные мысли. Теперь подумал, что ошибался: силы у нас есть, и недалек, видно, тот час, когда мы обрушим на врага сокрушительный удар. А пока что дни накладывались один на другой, как два одинаковых круга, и трудно было б их отличить, если бы каждый не имел какой-то своей зарубки, порой более глубокой, другой раз — помельче.

По горло было мороки, пока сформировали артиллерийский полк. Хорошо еще, что все люди, которые с ним перешли за Дон, остались в его полку. Командарм Данилов хотел сначала рассовать всех в разные части. Климёнок с трудом упросил его не делать этого... Потом пошли воинские будни: то разведка, то артналет, то рекогносцировка, то переправа. На другой стороне Дона была станица Распопинская, в ней хозяйничали немцы и румыны. Иногда с ними завязывался через Дон орудийный диалог, который кончался, как правило, безрезультатно. Иногда только на том берегу загоралось какое-нибудь строение, а на этом в степи немецкие снаряды не оставляли и следа. Иной раз наши начинали наводить наплавной мост, чтоб захватить плацдарм, уцепиться за тот берег. Странно, но немцы не трогали переправы, хотя наверно же знали, где ее наводят и для чего. Зато когда наши высаживались на том берегу, немцы сразу наносили удар.

Артиллерийский полк Климёнка в таких операциях участия не принимал, разве только «выстилал дорожку»: обрабатывал тот берег, то место, где высаживались свои, иногда помогал им отбиваться.

И все же на третий раз плацдарм наши взяли. Теперь у Климёнка на том берегу стоял дивизион на прямой наводке, и его мысли часто переносились туда. Еще вчера по телефону Климёнка предупредили, что к нему должен приехать кто-то из бригады, проверять артиллерию на плацдарме. Что ж, пусть проверяют, раз надо. Свежий глаз может увидеть то, чего не увидит он сам. Ему кажется, что все сделано правильно, что на плацдарме артиллерии достаточно, чтоб обороняться, но мало, чтобы наступать. Но если переправить туда больше, кто даст гарантию, что завтра она не будет вся потеряна?

А тут еще пришел танковый полк, надо учить молодых танкистов стрелять с закрытых позиций, в училище

они этого не успели отработать. Климёнок сидел и перебирал в памяти, кого из полка можно послать к танкистам. Людей он уже знал, особенно командиров. Большинство молодых, только из училищ. Бойцы — всех возрастов, от безусых ребят до бородатых мужчин лет под сорок пять... Многие воевали еще в ту войну. Побольше бы таких бородачей, с ними жить можно, а с молодыми, которые еще не нюхали пороха,— беда.

На дворе загудела машина, и по звуку мотора Климёнок сразу определил, что это газик, что, очевидно, кто-то приехал из штаба бригады. Климёнок встал, обтянул гимнастерку, осмотрел комнату.

В дверь постучали, и порог переступил рослый розовощекий полковник Цыбульский. Климёнок его уже несколько раз видел в штабе и даже разговаривал с ним, и сейчас обрадовался, что приехал именно Цыбульский, а не кто-то другой. Они поздоровались — сначала по-военному, а потом дружески — за руку.

Начинался рабочий день. Климёнок еще не завтракал, поэтому сразу и спросил об этом гостя. Тот признался, что тоже еще ничего не ел. Климёнок послал вестового во вторую половину хаты.

Минут через пять из другой двери вышла статная женщина — на первый взгляд лет сорока, а приглядевшись, можно было дать меньше тридцати — что-то такое переменчивое было в выражении ее лица, глаз, губ. Она с достоинством поздоровалась, накрыла стол чистой скатертью, поставила сковороду с яичницей по-казацки, кувшин кислого молока и копченую свинину, нарезанную тонкими ломтиками.

— Ешьте на здоровье,— сказала и чуть заметно, одними глазами, улыбнулась Климёнку.

— А как вас звать, хозяюшка? — спросил у нее полковник Цыбульский.

— Аксинья, товарищ полковник,— и она направилась к двери.— Если что понадобится, я тут...

Полковник проводил ее внимательным взглядом, потом посмотрел на Климёнка. У его глаз собрались лучики морщинок.

— В званиях разбирается. Видимо, хороший ей попался учитель.

Климёнок достал из ящика под кроватью бутылку с подкрашенным напитком, поставил на стол чарки.

— Еще неизвестно, кто кого научит, товарищ полковник... Не забывайте, это же казачка, да еще Аксинья...

Полковник задумался, вздохнул.

— Ну, за хороший день,— сказал он и опрокинул чарку, выпил одним духом, тряхнул головой и стал закусывать.

Как-то сам собой разговор принял иное направление. Заговорили о плацдарме, о новом оружии — огнеметах, которые сюда завезли и вскоре должны опробовать.

Вышли во двор — солнце уже взошло: огромное, красное, как из горна. Был август, листья на тополях снизу начинали желтеть и осыпаться, на яблонях краснели плоды.

По неровной крутой тропке меж огородов спустились к реке. Переходной мостик на плацдарм был стсюда далековато, и они решили поискать где-нибудь лодку. На их счастье, лодка как раз лежала в кустах лозняка, перевернутая вверх просмоленным днищем. Весло, короткое, широкое, с отполированной до блеска ручкой, лежало рядом в кустах.

Вдвоем они едва стащили лодку в воду, Климёнок стал на корме, взялся за весло. Лодка медленно стала отдаляться от берега.

— Эй! — закричал вдруг полковник Цыбульский, сидевший посредине на скамейке.— Это же не лодка, а разбитое корыто.

Климёнок ужаснулся: и правда, вода уже закрыла все дно, упрямо пробивалась из всех щелей, а ноги полковника в блестящих хромовых сапогах были чуть не по щиколотку в воде.

«Так мы не дотянем до берега»,— подумал Климёнок. Он откинул крышку на корме лодки, под сиденьем, и достал погнутую обливную миску.

— Выливайте, товарищ полковник. Для зарядки,— пошутил он, хотя было не до шуток: плечи сразу взмокли, а в коленях появилась дрожь. Боялся не за себя, а за человека из штаба.— Вы плавать умеете? — спросил у полковника Цыбульского, который уже принялся выливать воду.

— Урал переплывал. А что?

— Ничего... Спрашиваю на всякий случай... Не могу себе простить, что доверился этой посудине.

— Ерунда, подполковник. Переплывем.

Климёнок изо всех сил налегал на весло и молил бога, чтоб оно хоть не треснуло. Вот уже и середина реки. Это чувствуется по сильному течению. Река стремится поставить лодку вдоль течения, как ставят стрелку компаса магнитные силовые линии Земли, а Климёнок, работая до седьмого пота, поворачивал ее носом к берегу, и потому лодка шла по косой, расстояние до берега становилось длиннее раза в два. Полковник Цыбульский выплескивал воду изо всех сил, а ее, кажется, не убавлялось, а прибавлялось.

И вдруг знакомые свист и шипение, что сливаются воедино, заставили Климёнка вздрогнуть.

— Ложитесь! — крикнул Цыбульскому, но было уже поздно: раздался оглушительный, как бы усиленный рекою взрыв, и совсем недалеко от лодки поднялся высокий прозрачный фонтан воды, который с шумом и клекотом обрушился вниз, брызги полетели на лодку. Климёнок пригнулся, полковник Цыбульский бросил миску и тоже прижался к борту. Огромная волна качнула лодку, она угрожающе накренилась.

Климёнок едва удержался на ногах, он ждал, что за первым бухнет второй снаряд, что первый взял правее всего на каких-нибудь сто метров, что их сейчас возьмут в «вилку».

Но вокруг снова установилась тишина, только у Климёнка еще звенело в правом ухе и слышен был плеск воды — полковник Цыбульский снова взялся за миску.

— Плывет челн, воды полн,— пропел себе под нос полковник, бросил миску, хлопнул в ладоши: — Стой, рыба плывет прямо на нас!

Климёнок взглянул туда, куда смотрел полковник Цыбульский, и увидел большую рыбину с двумя зеленоватыми плавниками возле хвоста на животе, она плыла, где разорвался снаряд. Климёнок еще сильнее налег на весло.

— Стой, стой, уплывет! Это сазан! Эх, ты! — кричал Цыбульский, забыв про все на свете — сразу видать, что заядлый рыбак.

Климёнок почувствовал, что течение стало немного слабее, не так уже сбивает лодку,— почти полная воды, она шла тяжело, как по песку. «Не дотянем, надо спасаться. До берега не так и далеко».

— Товарищ полковник, будем разуваться или как?

Климёнок все еще не верил, что снаряд был случайным, слепым. В конце концов, это хорошо, если так...

— Жалко сапог,— сказал полковник.— Доплывем и обутыми.

Они прыгнули в воду и поплыли. Через некоторое время Климёнок оглянулся: лодки уже не было видно.

На берегу вылили из сапог воду, разделись, выжали одежду, снова оделись, посмеялись немного над собой и пошли на НП.

9

Неожиданно для себя Климёнок получил повышение: его назначили командующим артиллерией дивизии, добавили еще одну «шпалу» — он стал полковником.

Это было радостное событие. Но радость вскоре померкла, в одном из боев, отбивая атаку немецких танков, погиб подполковник Мешанин, бывший заместитель Климёнка, тот самый, которого он недавно рекомендовал на эту должность. Климёнка это ранило в самое сердце. Он чувствовал себя виноватым в смерти товарища. И эта вина тяжелым камнем лежала у него на сердце, угнетала, не давала свободно дышать...

Как раз в эти дни Климёнок узнал о наступлении. До начала оставалось двое суток.

Уже стемнело, когда Климёнок вернулся с переднего края на свой КП. Адъютант Артюхин дал ему поужинать, по порядку пересказывая все новости: кто звонил, кто приходил, кому надо дать ответ, с кем поговорить. Выходило, что работы — на всю ночь, а он еще собирался сходить в баню, попариться на полке, сменить белье. Перед боем это как закон. Тем более перед наступлением, которого столько ждали.

Адъютант уже имел праздничный вид: свежевыбритое лицо, недавно подстриженные рыжеватые волосы чем-то смазаны до блеска, зачесаны на пробор, белый подворотничок, отглаженная гимнастерка и галифе, начищенные сапоги.

— Где начштаба? — спросил у него Климёнок.

Адъютант остановился возле стола, глядел, как Климёнок ест овсяную кашу.

— Сказал, что пошел в наш полк, к Земницкому. Обещал вернуться через час, а уже три, как его нет...

«Нашим» полком он называл тот, которым до сих пор командовал Климёнок.

Что ж, у каждого сегодня свои заботы. Свои — малые, военные — большие. Но уладить надо и те и другие. Начштаба где-то занят, а может, просто отсыпается. Перед боем это хорошо, намного спокойнее становится человек. Сегодня бойцы по закону лягут раньше, чтоб до пяти утра выспаться как следует. Командирам будет не до сна...

Климёнок кончил пить чай, надел полушубок. Подпоясываться не стал, вынул только из кобуры пистолет и сунул в голенище правого валенка. В кожаный трофейный генеральский портфель с двумя замками положил свежее белье, мыло и мочалку, полотенце.

До бани было около километра, он шел один, дорогу знал хорошо. Над головой нависало темное, низкое небо, начинал сыпаться снег.

Мысли были невеселые. В душе жило неясное предчувствие, что в его судьбе снова начинается какой-то новый этап, что то, чем он жил эти несколько месяцев, незаметно уходит в прошлое.

Вот и тропка... По ней он ходил почти месяц, с того самого времени, как земляки-белорусы из пополнения по его собственному проекту поставили тут баню с парилкой, с полком, только без березового веничка. Баня была особенная, срублена в землянке, командиры из всей дивизии мылись и парились тут каждую неделю. Теперь, наверно, там людно...

Он не ошибся — было тесно, парно, душно. Нет, сегодня баня ему была не по душе. Что-то непривычное скрадывало, мешало насладиться этой обычно приятной процедурой. В предбаннике немного посидел, остыл, вытерся насухо и пошел знакомой тропкой на свою «квартиру».

Только теперь он понял, что главная причина его сегодняшнего плохого настроения — это расставание с Аксиньей.

По тому, насколько он знал свою хозяйку, не думал, что разговор с ней будет очень для него тяжелым. Аксинья была покладистой, рассудительной. Когда Климёнок поселился у нее и они сделали первый шаг к сближению, он прямо сказал ей, что у него есть семья и что никаких обещаний ей, Аксинье, он дать не может. Она

только невесело засмеялась и сказала, что он мог ей этого и не говорить.

Сегодня он идет с ней прощаться... Он не сказал ей ни слова о том, что начинается наступление, что, может, через день, а может, через два его тут не будет... Видно, напрасно он так сделал — может, начнет плакать, а он совершенно не переносил женских слез: они имели над ним большую силу.

С темного неба сыпался, крутясь, как пух, легкий снежок, где-то высоко слышен был гул самолета. Порой над передним краем возникало светлое пятно — это загоралась ракета. Все обычно, все так, как было день, два, десять дней назад. Ничто не предвещало, или, вернее, ничто не выдавало того огромного движения, того заведенного до последнего оборота мощного механизма, каким была готовая к наступлению армия.

Это хорошо. Противник, очевидно, не ждет ничего...

В окнах Аксиньиной хаты нет света, но Климёнок знает, что они завешены изнутри, как того требует военное время. Он постучал в дверь. Через минуту в сенях послышались быстрые шаги. Она... Не спросила даже кто, открыла.

— Ты ждала меня? — он обнял ее за плечи.

— Ты холодный...— Она легко высвободилась из его объятий, заперла дверь. Они прошли в хату, прямо на свет, который бил в открытую настежь дверь. Было тепло, уютно, пахло обжитым домом.

Он окинул глазами хату, где жил несколько месяцев, будто попал сюда впервые. Тонкие выстроганные стены выскоблены, вымыты до желтизны, такой же, как желток, потолок, над столом, застланным белой скатертью, свисает с потолка лампа на проволоке. Возле стола несколько самодельных некрашеных стульев. В углу притулилась старая икона — какой-то неизвестный святой; в застекленных рамках на стене между окон висят фотографии: она — молодая, пышноволосая и пышногрудая, с голыми красивыми руками, с улыбчатыми глазами, с разлетом черных узеньких бровей. Потом она с парнями и девчатами, она с молодым чубатым казаком (говорила Климёнку — утонул в Доне), потом молодые парни в буденовках с шашками; в казацкой, с кокардой и лампасами, еще дореволюционной форме, усатый казак на белом коне; старая женщина с опущенны-

ми вниз глазами, чем-то похожая на Аксинью,— ее мать...

Тут была она, было ее окружение: ее близкие, родные, друзья,— те, среди которых она росла, воспитывалась. И вот теперь она осталась, видно, одна-одинешенька. А он — может, она так считала? — был у нее тем единственным, на кого она надеялась, так как одинокая женщина никогда не теряет надежды на то, что и у нее будет человек, как у всех добрых людей. Не теряет, наверно, до самой своей смерти — и умирает одинокой. Правда, Аксинья еще не в таком возрасте, чтоб не найти себе пары, к тому же она красивая женщина, ничего не скажешь, но война еще впереди и неизвестно, сколько мужчин заберет. Во всяком случае, ее ровесников вернется мало...

Он сбросил с себя полушубок, каракулевую папаху, остался в гимнастерке без пояса, в валенках — ну совсем как дома. Чем-то и вправду напоминало ему все это его квартиру или, вернее, квартиры, в которых ему приходилось жить с семьей за последние годы: уют, удобство, женская заботливая рука видна была тут во всем, на что ни глянешь.

Он утомленно сел на стул возле стола, который затрещал под ним, посмотрел на ее встревоженное лицо. Хотел спросить: ты чего такая? Но она опередила:

— Я думала, что ты больше не придешь...

Она сегодня как-то странно вела себя. Или, наоборот, он, Климёнок, сегодня был другим, совсем иным, таким, что заметил в ней то, чего раньше, даже день назад, не замечал? Сегодня она его будто не видела: ее большие глаза смотрели куда-то в себя, были не те живые, бойкие глаза, какие он привык видеть до сих пор.

— Почему ты так думала? — Он ждал, что она взглянет на него, но она смотрела куда-то мимо, будто рядом с ним сидел или стоял кто-то другой.

— Вы же выступаете...

Его удивило: неужели знает? Откуда?

— Что значит: выступаете? — нарочно спокойно, с улыбкой спросил он.

— Ну, наступаете,— так же спокойно, в тон ему, ответила она, ставя на стол нарезанный тонкими ломтиками хлеб в деревянной плоской хлебнице.

— Так ты все знаешь? — не скрывая удивления, спро-

сил Климёнок и посмотрел на часы: было четверть двенадцатого.

— Одно я знаю, что ты спешишь...

— Что ж, и тут ты не ошиблась... Я зашел попрощаться...— Он сказал это, и ему сразу стало легче: что будет, то будет.

— Ты даже не останешься и переночевать?

— Нет.

Она принесла на стол миску квашеных арбузов, поставила бутылку, стаканы. Одним словом, делала привычную свою работу, делала без тени растерянности или даже печали... А Климёнок боялся, что она расплачется...

Выпили по полстакана крепкой самогонки, не спеша стали закусывать. Соленый арбуз был, кажется, вкуснее, чем всегда.

— Арбуз просто чудесный,— сказал Климёнок.

Аксинья звонко засмеялась, откинув назад черноволосую голову, показывая все свои белые, удивительно ровные зубы. Но смех ее внезапно оборвался, она всхлипнула, крутнула головой, будто отгоняя от себя что-то невидимое. Климёнок насторожился.

— Какие вы, мужчины, каменные...— она вздохнула.

Он сделал вид, что не замечает упрека.

— Чего бы мы стоили — мягкие?

Они снова помолчали. Время шло. Потом снова начинали разговор, но все про мелочи, хотя Климёнок сам чувствовал, что это глупо, что надо сказать что-то важное, что-то такое, что говорится не часто. Неужели ему не хватало смелости?

Вообще он не считал себя трусом, а вот сказать сегодня чистую правду этой женщине не мог. Может, потому, что боялся сказать ее даже самому себе. Нет, он не скажет Аксинье этого, зачем? Пусть она забудет его, как забывала многих до него... Да и поверит ли она, если бы он даже и сказал ей правду? Идет война, гибнут тысячи и тысячи людей, разрушается и без того непрочное человеческое счастье, а он про какую-то там любовь...

— Так что, ты пришел помолчать напоследок? — кажется, в первый раз за этот вечер она взглянула на него в упор, прямо, хотя сидели они друг против друга.

Он хотел засмеяться, ответить какой-нибудь шуткой, но ничего не пришло на язык, а вместо улыбки на губах у него была сухая вымученная гримаса. Он повел жесткой

ладонью по лицу, сгоняя с него выражение неловкости.

— Если б ты знала, как много я тебе хотел сказать...

Она укоризненно покачала головой:

— И все не было времени...

— А теперь — поздно.

— Тогда лучше помолчи...

— Лучше молчать, чем ссориться.

— А мне даже хочется... Потому что только в злости люди режут правду в глаза, не таясь, без оглядки. А шепотом правды не говорят.— Она помолчала, внимательно разглядывая железную, с костяной ручкой вилку, будто стараясь разобрать на ней какой-то узор или надпись.— Я тебе тоже хочу сказать, чтобы ты... товарищ полковник, очень не задирал носа. Можно?

Климёнок кивнул. Вот оно, начинается.

— Правда, ты человек заслуженный, видный мужчина: и ростом тебя бог не обделил, и красотой, и умом. За тобою любая баба пойдет, ты ее только помани пальцем. Вот и я пошла... Но ты не тот, кого я ищу... С тобою нелегко жить, ты сам, может, этого не замечаешь. Баба у тебя за прислугу, как принадлежность, ты ее в душу свою не пускаешь, живешь сам для себя. Тот, кто рядом, тебя не интересует, а если и интересует, то только в такой мере, в какой он тебе нужен: чтобы выполнить твою волю, твою прихоть или желание... Я твоей жене не завидую...

Ее слова, как горячие уголья, падали на его открытое сердце, и он чувствовал их жгучую правду, хотелось выскочить из-за стола или крикнуть: довольно!

Он смотрел ей в лицо, на ее полные губы, с которых срывались такие тяжелые, такие горькие слова, каких ему не говорила даже жена, и, чтобы скрыть свою растерянность, притворно усмехался. Оказывается, эта казачка не такая простая, как казалось ему сначала. Он думал, что он знает ее всю насквозь, а она его не раскусит никогда, что она даже и не подумает этого делать, как не думает человек переворачивать стопудовый камень, встретившийся на пути. Ну что же, начал он себя успокаивать, ей не семнадцать лет. Ничего удивительного тут нет. И это даже хорошо, что он не подошел совсем под ее мерку, иначе она нашла бы какие-то свои средства, использовала бы все свои чары, чтобы приворожить, взять за душу

и не отпустить, оторвать от семьи, от всего, с чем он был связан раньше.

А она между тем говорила:

— Мне нравятся совсем не такие мужчины... Чтобы он был и по виду мужчина, и чтоб у него была сила, чисто мужская сила, которая дает право женщине отдаться его воле, быть как за каменной стеной, верить в него, как в самое себя. Верить не только в силу, но и в его душу, глубокую, чистую, как родник. Чтоб он жил не только собой, своими заботами, а чтобы они были и моими, а мои — его. Чтобы между нами не было этой невидимой перегородки, которая отделяет мое сердце от его сердца, чтобы у каждого из нас билось в груди по два сердца: его и мое, мое и его... Таких мужчин мало... Такого я знала одного. Он вон, на фотографии, со мной... Мы пожили с ним три месяца... И он утонул... Спасал детей... Их спас, а сам погиб... После него все мужчины для меня — ничто... Но я, глупая баба, все не теряю веры, что найду еще себе такого, как мой Андрей, и полюблю его так, как Андрея...

Перед Климёнком сидела совсем не та женщина, которую он знал час назад. Совсем не та!

— Что ж, верить — это жить. Иначе — какой смысл?

— А если эта вера — как гнилая нитка? И все же — до сих пор я верила...

— Верь и дальше... Правда, иногда в жизни есть моменты, когда ничего нельзя изменить или поправить: смерть, рождение, брак, любовная связь, которая дает новую жизнь... И вера тогда уже ни при чем...

— Только смерть нельзя, как ты говоришь, исправить. А все остальное — можно. Но это дается немногим людям... Которые не покоряются судьбе!

— А ты веришь в судьбу?

Она подумала, глянула на потолок, потом кивнула:

— Верю. И даже могу предсказать... иной раз.

— Интересно. Почему же ты мне раньше не сказала?

— Дай руку,— сказала она. Положила его руку вверх ладонью, провела пальцами правой руки по линиям на сгибе ладони.— Одно могу сказать: ты счастливый. Из этого ада выйдешь живым. А вот что потом — не вижу ничего. Туман.

— Говори! — крикнул Климёнок. Эта пустая забава его почему-то взволновала.

Она выпустила его руку, побледнела, ноздри ее тонкого носа дрогнули.

— Ничего не знаю, ничего не знаю,— прошептала она и вдруг упала головой на свои руки, плечи ее задрожали.

— Ты что? Чего ты? — Какая-то непонятная жалость к ней охватила вдруг Климёнка.

Она подняла голову, ладонью вытерла щеки:

— Так... Прости меня, я наговорила всего... Забудь...

Он встал, закурил, походил по хате, успокоился.

Она тоже встала из-за стола — спокойная, тихая, какой была недавно. Подошла к нему — он стоял спиной к теплой печке, положила ему ладони на плечи, заглянула в глаза, спросила:

— Вернешься ко мне? — и смотрела не моргая.

Он бросил под ноги папиросу, обнял ее и прижал к себе.

— Не знаю, дорогая, не знаю... Ничего не могу обещать.

Она просунула свои сильные руки ему за шею, прижалась щекой к его щеке, дышала горячо и взволнованно.

— Я буду ждать... Буду ждать... Останься на ночь...

— Не могу, Аксинья, поверь мне... И так ищут в штабе. Я должен быть на месте. Немедленно,— и поцеловал ее в лоб.

Она вдруг остыла, отпустила его, вышла в спальню. Через минуту вернулась и принесла шинель, остальные его вещи. Видимо, все уже было подготовлено давно.

Он надел папаху, стал одеваться.

Она стояла возле печки, сложив руки под полной грудью, смотрела на него и о чем-то думала. Выглядела совсем спокойной, голова была гордо поднята — человек готов ко всему.

— Ну, прости меня, Аксинья... Спасибо тебе за все. Большое спасибо...

Он обнял ее правой рукой за шею, поцеловал в губы.

Она не тронулась с места, только широко открытыми глазами смотрела на него.

— Прощай! — он уже открыл дверь в сени, но остановился на пороге. Сердце стучало в груди, как тяжелый молот.— Я любил тебя!

Он сказал это в прошлом времени, как бы ставя стену между тем, что было, и тем, что начинается для него за этим порогом.

Она схватила себя руками за горло, будто сдерживая крик отчаяния, откинула голову и сказала тихо, но он хорошо услышал:

— Спасибо и на этом... Спасибо...

Он круто повернулся, хлопнул дверью в сенях. Его окутала тьма заснеженной ночи, и водопадом хлынули новые мысли.

10

— Я — «Тополь», я — «Тополь». Слушаю вас! — говорил откуда-то издалека, с переднего края, майор Широков.— Прием.

— Я — «Клен», я — «Клен»,— кричал в микрофон Климёнок.— Видите ли вы наших парламентеров? Прием.

— Слушайте у аппарата... Наш наблюдатель с НП передает... Слушайте. Два наших офицера с белыми флагами подходят к немецким позициям... Навстречу выходит немецкий офицер. Остановились, о чем-то говорят. Размахивают руками. Немец — больше всех. Вот пошли. Видимо, на их НП. Навстречу выходит группа немцев... Видно, нашим парламентерам хотят завязать глаза. Они протестуют. Стали... Ничего не разобрать, сбились в кучу... Наши... Их бьют эти гады? Наши идут назад. Флаги у них отобрали. Немцы стреляют из автоматов! Наши падают... Их убили? Что же это такое? Вы слышите? Вы слышите?

— Я все слышу... Будем открывать огонь. Подготовьтесь. Всё! — Климёнок положил трубку.

По радио из штаба армии передали приказ: открыть огонь! Немцы не приняли нашего предложения сдаться без боя...

Климёнок передал приказ в полки.

Артиллерийская подготовка началась!

Сначала были слышны отдельные выстрелы, от-

дельные залпы, но тут же все слилось в слошной могучий гул, от которого дрожала земля. Морозный низкий туман скрадывал всю панораму боя, только на расстоянии двух километров было видно, как раз за разом коротко вспыхивают факелы батарей, как из этих батарейных огней слагается и вырастает целая система вспышек — вырисовывается место размещения дивизионов и целых полков. Над передним краем немецкой обороны бушует море огня. Казалось, туда опрокинули целую гору фосфора и он загорелся огнем, но горит неровно: в одном месте — ярким пламенем, в другом стреляет искрами, в третьем только дымит. Клубы дыма, светлого и черного как сажа, постепенно окутали все немецкие позиции, закрыли их сплошной тучей, в которой пропали даже отблески взрывов. Только реактивные снаряды с белыми яркими хвостами, что со зловещим воем пролетали над головой Климёнка, отмечали свой путь до того места, где падали и вспыхивали ярким фейерверком.

Гудела, дрожала земля, будто по ней били тысячи громов и молний.

Нет, не позавидовал сегодня Климёнок фрицам! Сегодня им жарко, как на раскаленной сковороде! Из этого пекла их выйдет немного.

Немцы устроились тут основательно, думали, видно, перезимовать: землянки и блиндажи были устланы и обвешаны коврами, на нарах — полно подушек и казацких бурок, которые служили, наверно, одеялами. Даже там, где в траншеях стояли наблюдатели, помост под ногами был чем-нибудь застлан, чтобы не так застывали ноги. Немцы любили комфорт! Но он им ничуть не помог, они бросили его — те, что остались живыми,— и побежали в голую, необжитую, заснеженную степь, ища спасения.

Через двое суток после начала наступления крупное соединение противника оказалось в кольце. Надо было его ликвидировать.

Было холодное морозное утро. Климёнок уже двое суток не спал и, как только сел в машину и в тепле мотора согрелся, сразу начал дремать. Покалывало что-то в голове, на темени. Может, это еще от той контузии, когда взорвался от прямого попадания склад мин, который сделали саперы рядом с их НП.

Адъютанту тогда досталось здорово, так как он знал про этот склад и ничего не сказал. Сейчас Климёнку стало даже немного жаль его, порой хотелось повернуться к нему — он сидел позади, рядом со связистами,— и сказать: «Прости, старший лейтенант, я погорячился».

Постепенно сон от Климёнка отлетел. Теперь он больше следил за дорогой. Дорога уже давно не спала. Ехали кухни на прицепе у грузовиков, крытые брезентом машины, груженные белыми ящиками «шевроле» и «форды».

Все это, не раз виденное, мало интересовало Климёнка.

Они чуть не стукнулись о передний грузовик. «Виллис» заскрипел тормозами, остановился. Вначале нельзя было понять, что там случилось.

Расторопный шофер Томпчаковский, вглядываясь в лобовое стекло, сказал:

— Идет колонна... Не фрицев ли гонят...

Передние машины сворачивали, свернул и Томпчаковский. Снег тут был неглубокий, примятый, машина поравнялась с головой колонны. Впереди на сером заиндевелом коне ехал бравый офицер в кубанке.

— Остановись,— сказал Климёнок Томпчаковскому.

Машина дернулась и остановилась. Климёнок, а за ним адъютант, шофер и связист вышли к дороге. Такое зрелище им довелось видеть впервые. Окруженная негустым конвоем конных казаков, по дороге шлаколыхалась длинная колонна немцев. Впереди шагали офицеры, стараясь держаться прямо, гордо, но это удавалось не каждому. Таких, что шли по-строевому, были единицы. У большинства офицеров головы были опущены, глаза смотрели в землю, руки глубоко засунуты в карманы или в рукава, спины ссутулены. Только ноги, обутые в бог знает какую обувь, совершенно не приспособленную к холодной зиме, переступали не вяло и равнодушно, как этого можно было ожидать, а быстро, как бы вприпрыжку, будто они шли по тонкому льду. И еще: они будто отмахивались от невидимых мух или оводов: то там, то тут над колонной взлетали вверх руки, голые или в рваных рукавицах или перчатках, хватались то за нос, то за уши, терли побелевшие щеки. Некоторые, пригнувшись, на ходу оттирали ко-

лени и икры — особенно те, что были без шинелей, в одних мундирах или в коротких куртках вовсе не военного кроя, взятых неведомо где и у кого. Но у солдат, как ни странно, при всей пестроте их одежды, особенно головных уборов, надвинутых на уши и на самые глаза, рук, засунутых в рукава шинелей и курток,— у солдат был более бодрый вид, они с любопытством поглядывали на группу советских офицеров и бойцов, и кое-кто даже улыбался. Как видно, они радовались, что война для них кончилась, хоть и пленом, но все ж они остались в живых.

Полковник Климёнок смотрел на пеструю колонну пленных и с болью в сердце вспоминал сорок первый год, дороги Белоруссии, дороги Смоленщины, по которым наших бойцов гнали под конвоем оголтелые немецкие вояки, стрелявшие в тех, кто падал от усталости, от ран и от голода,— их гнали на запад. Он, Климёнок, будто волей судьбы дожил до этих счастливых дней и с мыслью о тех, кто погиб, их глазами смотрит сегодня на поверженных врагов. Настал этот час! Вот они, самоуверенные завоеватели,— идут с опущенными головами под конвоем наших казаков.

— Отвоевались, гады! — сплюнул Томпчаковский и первым пошел к машине.

Колонна кончалась. В хвосте ее плелись самые слабые. Последним, хромая, ковылял высокий худой немец в короткой помятой шинели. Голова его, как платком, была закутана серым байковым одеялом. Немного впереди его, скорчившись, подпрыгивая словно на горячих угольях, семенил невысокий плотный немец в одном мундире, с пилоткой, надвинутой на уши, с руками в карманах широких штанов.

«Получили свое!» — злорадно подумал Климёнок.

Они снова сели в машину и поехали — по той самой дороге, где недавно маршировали пленные. Дорога теперь была утоптана, как ток, черная — снег перемешался с землей. «Так чернеет земля под ногами чужеземцев,— подумал Климёнок.— Чужой сапог оставляет после себя черный след». Взглянул на своих спутников. Они по-разному переживали этот момент. Подвижный и всегда веселый Томпчаковский теперь еще веселее поблескивал глазами на Климёнка; флегматичный адъю-

тант Артюхин стал более задумчивым, а незаметный, тихий старшина-радист, прискакавший к машине на одной ноге, все время покашливал, будто хотел что-то сказать, да не решался.

Низко над дорогой пролетели самолеты со звездами на крыльях. Их провожали с восхищением. Какая-то невидимая сила вливалась в души людей, они становились уверенными, сильными, смелее начинали глядеть на мир и в свое завтра. Главное, они почувствовали: враг не так силен, как считали до сих пор, и мы сами не те, что были полтора года назад: мы — сила.

Своих артиллеристов Климёнок нашел через полчаса после встречи с пленными немцами. Разведка сообщала, что окруженная группировка не собирается сдаваться.

Наши передовые мотострелковые части вчера утром попали под мощный артиллерийский огонь противника и вынуждены были остановиться, занять боевые порядки; вместе с пехотой были и артиллеристы Климёнка. Полки начинали занимать позиции, готовиться к последнему штурму.

Чувствовалось, что противник совсем близко. Кое-где поблизости разрывался вражеский снаряд или мина. А над степью в той стороне стелился низкий, словно туман, дым: немцы грелись в голой степи, жгли костры, собирая для них все, что попадет под руку. О маскировке они уже не думали.

Среди дня морозный туман рассеялся, и в воздухе показались наши штурмовики. Они низко промчались над размещением своих войск, и вскоре над немецкими позициями загремели глухие взрывы. Штурмовики были хорошо видны: они то поднимались, то снова пикировали, стреляя из автоматических пушек.

Климёнок с командиром артиллерийского полка 76-миллиметровых пушек майором Земницким стояли на НП, любуясь, как штурмовики утюжат немецкие позиции.

— Приятно смотреть на такую работу со стороны,— говорил высокий сухой Земницкий.— И совсем другое дело, когда вот такие птицы висят над тобой.

Климёнок, опустив бинокль, кивнул:

— Да, мы натерпелись, пусть испытают это на своей шкуре и фрицы.

Они стояли долго, у Климёнка начинали уже мерзнуть ноги в валенках. Уже хотели пойти в землянку, как вдруг боец-наблюдатель закричал:

— Товарищ майор, немцы! Идут на наши траншеи!

Климёнок и Земницкий остановились, повернувшись в ту сторону, куда показывал. боец. На белом снегу отчетливо виднелась черная волна солдат, которые густо, почти впритык друг к другу, растянувшись на несколько сот метров по фронту, шли на еще не полностью укрепленные позиции нашей пехоты.

— Открывать огонь? — повернулся к Климёнку майор Земницкий.— Что же там пехота? Чего ждут?

— Стой! — Климёнок поднял руку в серой перчатке.— Видишь, белый флаг? Идут сдаваться!

Первым, не отрываясь от густой массы солдат, шел офицер, держа в правой руке небольшое белое полотнище, которое на фоне снега терялось, а на сером, землисто-зеленоватом фоне шинелей сразу оживало, становилось заметным.

— Ну, фрицам припекло! — выкрикнул весело Земницкий.— Пошли принимать капитуляцию! — Он, как мальчишка, схватил Климёнка за руку и потянул по траншее к месту, где были сделаны ступеньки, и Климёнок не сопротивлялся, ничего не говорил, послушно шел за майором. Только подумал, что в штабе не знают, где он,— в случае, если кто позвонит... Но...

По ступенькам они выбрались на бруствер и, скользя валенками по сыпучему морозному снегу, двинулись навстречу немцам.

Климёнок и Земницкий шли рядом, тяжело дышали от быстрой ходьбы. Климёнку стало жарко, и он расстегнул верхние пуговицы гимнастерки. Сейчас он ощущал необыкновенную легкость в теле и пустоту в груди. Это было особое чувство подъема, окрыленности, когда человек готов на все — самое трудное и самое великое.

Немцы шли развернутым строем, густо, в несколько шеренг, сбившись в центре, огибая, охватывая своего командира с флангов подковой, шли будто в психическую атаку.

Трудно было сказать, что они сделают сейчас, через минуту или две. От них, помня о судьбе недавно убитых наших парламентеров, Климёнок был готов ожидать всего. Они с Земницким уже миновали траншею пехотинцев, которые, выставив на брустверы винтовки и автоматы, ждали, что будет дальше.

Немецкий офицер, шедший впереди всех с белым флагом, обернулся назад и что-то крикнул — отрывисто и резко.

«Вот оно, начинается,— кольнуло в сердце Климёнка.— Западня...» Взглянул на Земницкого, точно спрашивая совета, как поступить? Лицо Земницкого стало бледным, глаза узенькими щелочками глядели прямо перед собой, а правая рука отстегивала кобуру пистолета. Этот жест сейчас показался Климёнку смешным. Чудак майор! Тут самое малое батальон, человек пятьсот, а он хочет устрашить их пистолетом! Климёнок, холодея, шел вперед, будь что будет! Их уже теперь нельзя остановить. Они, как камень с горы, должны докатиться до самого низа, и они вдвоем — вовсе не преграда, они только жертвы... Климёнка мучил вопрос, какую команду подал офицер своим солдатам, что он сказал? Как жаль, что он, Климёнок, не взял с собою шофера Томпчаковского, который понимает по-немецки...

И тут... Если бы земля вдруг раскололась, Климёнок не был бы так поражен, как поражен был, увидев, что весь батальон вместе со своим командиром остановился и медленно опустился на колени. Развернутый строй, который казался до сих пор живым, подвижным и страшным, сразу потерял свою силу, застыл на месте, покорно ожидая своей участи.

Климёнок и Земницкий, а за ними еще несколько пехотных офицеров приближались к этой застывшей волне, которая, будто наткнувшись на неприступную скалу, разбилась. Они шли прямо на офицера, капитана или майора, который, держа перед собою белый флаг на шомполе от карабина, сжав тонкие губы, недоверчиво и настороженно снизу вверх смотрел на советских офицеров и терпеливо ждал, пока они подойдут ближе. Затем резко вскинул голову, еще выше поднял правую руку в перчатке с флагом и хрипло, с трудом подбирая русские слова, закричал:

— Господа офицеры!.. Мы... Я и мой батальон хотим

сдаться плен. Я, майор Нагель... не хочу быть причина смерти этих сольдат...

И, опустив подбородок на воротник шинели, умолк.

— Хорошо,— с облегчением сказал Климёнок и уже резко добавил: — Сложите оружие!

Шок, который как бы сковал его на минуту, прошел. Климёнок видел мир в естественных его красках, мог трезво думать и рассуждать.

Майор повернулся к своему батальону и сорванным голосом прокричал команду по-немецки. По застывшему неровному прямоугольнику прошло движение, волна будто вдруг ожила. Но это движение было коротким, снова все замерло. Сотни любопытных глаз — серых, светлых, прищуренных, широко открытых, покорных, открыто враждебных и равнодушных — сверлили их, советских офицеров, и ждали решения своей участи.

— Встать! Кругом! Десять шагов назад — марш! — скомандовал во весь голос Климёнок.

Немец-майор, опершись рукой на снег, медленно встал на ноги, сделал полуоборот к своему батальону и повторил команду по-немецки. Серый прямоугольник зашевелился, снова ожил, козырьки и белые лица на миг замелькали перед глазами Климёнка. Теперь их разделяла узкая полоса земли, на которой лежало немецкое оружие.

Земницкий что-то сказал пехотному капитану, и тот бросился к своим, к траншее.

К ним подошел немец-майор, держа перед собою широкий ремень с кобурой. Климёнок взял трофей.

— Господин полковник! Я прошу... — взволнованно заговорил немецкий офицер.— Я вас прошу... Кальт... Мы можем замерзать... Я вас прошу... — Он не находил нужных слов и начал что-то говорить по-немецки, все время твердя знакомое уже слово «кальт».

Майор был одет тепло, в валенках, а вот солдаты — в легких шинелях и сапогах, в пилотках, надвинутых на глаза, в тонких шапках с длинными козырьками — эти уже успели испытать русский холод.

Климёнок перебил майора:

— Не волнуйтесь... Все будет сделано! Мы вас быстро отправим в тыл. Для вас я вызову машину...

— Данке... Я вместе с сольдатами,— усмехнулся майор одним краем тонких посиневших губ.

В это время наша пехота, хлынувшая из траншей,

стала подбирать немецкое оружие. Обвешанные карабинами и автоматами, бойцы весело и не спеша понесли трофеи в тыл, на ходу оглядываясь, как бы не веря даже, что это оружие им так легко досталось.

Климёнок чувствовал, что на его глазах происходит чудо: счастье боевое начинает служить нам! Так сказал когда-то поэт. Хваленые вояки стали перед нами на колени. Это хороший знак! Сегодня стал батальон, а завтра...

«Мы поставим вас на колени, дайте только время... И это не за горами. Это будет скоро...» — думал Климёнок, идя на НП, чтобы позвонить в штаб дивизии о немецком батальоне.

11

Гром сталинградской победы прокатился по всему миру, дойдя до самых глухих и забытых богом и людьми уголков. Врагов он оглушил и потряс, друзьям вернул силу и веру.

У Климёнка, да и у всех бойцов и командиров, казалось, выросли крылья, многократно прибавилось сил. Он перестал бояться завтрашнего дня, как это было еще недавно, когда каждый день мог принести страдания, неудачи, всякие неожиданности.

Теперь каждый новый день ожидался с надеждой на что-то хорошее, светлое, приятное. Продолжалось наступление: Миллерово, Ворошиловград, Изюм, Павлоград... И гвардейская дивизия стала носить почетное имя Павлоградской.

Они шли на запад — с тяжелыми боями, но неуклонно подвигались вперед.

Климёнок писал письмо жене. Уже три недели, как он молчал. Знал, что жена где-то там не спит ночами, волнуется, что с ним.

...Началось все с наступления под Каменском. После небольшой артподготовки пошла пехота и танки. Пехота едва поспевала за танками, а у самого города танки оставили пехотинцев далеко позади и в город вошли одни. В азарте боя танкисты, немного оглядевшись, ринулись дальше, за город, чтоб добить немцев. Но не проскочили

и двух-трех километров, как их встретили артиллерийским огнем. Много машин было подбито, остальные кинулись прямо на пушки, но и это не помогло. Пришлось отступить. Немцы пошли следом — тоже на танках, на бронетранспортерах — и под вечер Каменск снова вернули назад. Надежда была только на артиллерию. В ту нучь Климёнок не сомкнул глаз. Появлялся в штабе, то на КП, то на НП, который все время приходилось менять, так как линия фронта изгибалась, как змея,— то отдалялась, то придвигалась совсем близко.

Отдельные группы немецких автоматчиков прорывались через линию фронта, и можно было ожидать всяких неожиданностей. Это была воробьиная ночь не для одного Климёнка. Даже его хозяйка, бабка Маланка, в ту ночь не спала. Она так жалела своего квартиранта, так за него дрожала, что стала молиться, чтоб бог сохранил ему жизнь.

Утро застало Климёнка на НП. Немцы, казалось, немного остыли, вернее, почувствовали, что дальше им хода нет, и успокоились. В скором времени командир дивизии генерал Монахов собрал у себя совещание, начальник штаба полковник Симонович сделал подробный разбор операции, поругал танкистов — они фактически сорвали операцию, похвалил пехоту и артиллеристов, которые спасли положение и помогли (надолго ли?) стабилизировать линию фронта. «Теперь наша задача,— говорил начштаба,— собрать все силы в кулак, укрепить оборону, чтобы в случае чего сдержать всякую попытку противника продвинуться вперед, а затем вернуть потерянные выгодные рубежи, и главное — Каменск».

Он поставил ближайшие задачи отдельным полкам, похвалил некоторых командиров, других поругал и дал слово командиру дивизии генералу Монахову.

Насколько начштаба был взвинчен и нервничал во время своего доклада, настолько сам командир был спокоен и даже как бы флегматичен. Правда, он осудил поведение танкистов, хотя они, поплатившись своей жизнью, и заслужили себе право говорить о них только хорошее. «Тем не менее,— говорил генерал,— мы, живые, должны сделать для себя вывод, чтоб не повторять подобных ошибок. К тому же нам никто не простит того, что город, успешно захваченный нами, снова перешел в руки немцев. Это говорит о том, что мы иногда неповорот-

ливы, не можем быстро оценить обстановку и сразу же принять правильное решение, чтобы закрепить успех танкистов, не использовали такой выгодной ситуации.

Один из строевых офицеров заметил, что есть граница человеческих сил.

Генерал стал доказывать ему и всем вместе, что у нас много сил и средств, только мы их еще не научились использовать, брать все, что нам само идет в руки.

Совещание прошло по-деловому и очень быстро, что не всегда удавалось сделать.

Климёнок отправил своего начштаба Ситникова на НП, а сам поехал с подполковником Земницким в его полк, который стоял на самом ответственном участке. Пока они вместе побывали в некоторых дивизионах, батареях, выслушали донесения разведки и наблюдателей, одним словом, выяснили обстановку на месте, было уже время обеда. У Климёнка начала укрепляться мысль, что ситуация не так уж и страшна, что немцы не имеют достаточно сил, чтоб снова перейти в наступление. Приструнив Земницкого на всякий случай, чтоб не проспали, не проморгали, не проворонили, не дай бог,— это же те самые заколдованные места под Харьковом! — Климёнок поехал назад. По дороге хотелось спать, качка в машине убаюкивала, но он старался не сдаваться. «Теперь чтоб пушки стреляли, а приедем — сразу лягу спать. А то, как Симонович, не смогу ноги таскать. Кстати, в этот раз Симонович выглядел хорошо — выбрит, подтянутый, при всех регалиях, но взвинченный очень...»

Вскоре машина встретила группу пленных немцев, человек десять, все как на подбор рослые и сильные. Их гнали наши автоматчики. Климёнок, приказав Томпчаковскому остановиться, спросил у автоматчика с сержантскими лычками на погонах, что за фрицы. «Диверсанты»,— ответил сержант и побежал догонять группу.

Когда въехали в деревню, было уже два часа дня. «Вот сейчас пообедаю и завалюсь спать». К штабу дивизии уже подъехала машина, солдаты в белых халатах снимали огромные термосы и чайники, буханки свежего хлеба, запах которого издалека приятно щекотал ноздри.

Климёнок зашел в свою хату, скинул фуражку, расстегнул и сбросил ремень с тяжелой кобурой, посмотрел в окно, не несут ли ему обед...

Нет, еще не видно...

Прилег на большой сундук, который стоял напротив стола у стены, в углу мазанки. Ноги, согнутые в коленях, свисали почти до земли, было жестко и неудобно, но это только вначале. Через несколько минут сон уже охватил его своими мягкими крыльями. Слышно было, как за перегородкой ходила по хате хозяйка, постукивала посудой, собираясь обедать.

За окном послышался слабый гул, стал нарастать, приближаться. Лежа трудно было понять, с какой стороны идет этот гул, чьи самолеты летят. А в конце концов, пускай летят... Климёнок лишь повернулся, лег на живот, а ноги подошвами упер в стену, чтоб не свисали.

И вдруг сундук под ним, как живой, поехал, сильный раскатистый взрыв встряхнул хату, ударил в окна. За первым громыхнула целая серия взрывов, хата ходила ходуном. Климёнок лежал окаменев, не зная, что делать: вставать, бежать или ждать? И тут снова взрыв — его подкинуло на сундуке, а потом сильно ударило о крышку, стены и потолок затрещали и обрушились на него. Горячая волна захлестнула его, громом ударила в уши, в лицо, забила дыхание. Кажется, он на мгновение потерял сознание, потому что когда пришел в себя, то, повернув голову, чтоб не задохнуться от перетертой в порошок сухой глины, которая еще висела в воздухе, увидел над собой небо сквозь переплетение жердей и досок, что были в потолке и теперь угрожающе свисали вниз, готовые упасть на него острыми расщепленными концами.

Он повернулся, попробовал встать, но ноги были как чужие, не слушались.

И все звуки пропали, кроме одного: назойливо-тонкого звона в ушах. Он чихнул и почувствовал, что из носа пошла кровь, а в голове будто что-то оторвалось, стало легче. Увидел возле себя хозяйку, которая размахивала руками, шевелила губами, видимо говорила что-то, но он ничего не слышал. Через минуту рядом оказался Томпчаковский с санитаром. Климёнка взяли за руки и ноги, хотели куда-то нести, но он вырвался и стал на ноги. Все вокруг вначале закачалось перед ним, на миг потемнело в глазах. Климёнок развел руки, ища опоры, его подхватил Томпчаковский.

Климёнок хотел сказать: «Оставьте меня» — и не смог: язык его не слушался, лишь едва слышное, сиплое хрипение вырывалось из горла. Он увидел, как испугались все,

кто был рядом,— они смотрели на него, как на сумасшедшего или на калеку, и тоже что-то говорили, но он не слышал. Тогда они стали показывать мимикой, жестами. Томпчаковский и санитар вывели его из хаты прямо через пролом в стене, посадили в машину. Ему вытерли лицо, прочистили нос и уши, однако, кроме однообразного звона-шума, он по-прежнему не слышал никаких звуков. Медик-капитан налил в стакан какой-то прозрачной жидкости, показал: пей! Климёнок выпил, ему обожгло горло, он понял, что это спирт, и попросил воды. Его не поняли. Тогда он вынул из нагрудного кармана карандаш, оторвал от какого-то пакета в машине кусок бумаги и написал: «Воды!» Капитан дал ему воды, а потом на той же бумаге написал: «Вас в госпиталь». Климёнок отобрал у него карандаш, решительно запротестовал: «И не подумаю! Я здоров!» Капитан, уже сердито глядя на Климёнка, снова вывел: «Я боюсь за вашу голову!» Климёнок в ответ только махнул рукой.

В госпиталь он не поехал, пролежал в санчасти десять дней.

Все это время он фактически не покидал своего боевого поста. Томпчаковский, который стал связным между командующим и штабом, возил записки от него, Климёнка, в штаб, а оттуда — ему. По телефону он не мог говорить. Слух к нему вернулся примерно через неделю, а потом вернулась и речь.

...Как же все это передать, чтоб жена не заподозрила ничего плохого, чтоб не возникло двойного смысла?

И Климёнок ломал над этим голову.

12

Почему на огонь, на костер можно глядеть часами и это нисколько не утомляет, не кажется однообразным, а, наоборот, приносит облегчение? Слушаешь, как трещат угли, стреляя искрами, смотришь, как ненасытное пламя пожирает, обтачивает дерево, превращая его сначала в яркий, жгучий, как живой, уголь, а потом — в серый безжизненный пепел; как играет красками, переливается, блестит богатейшими оттенками чудо-пламя, посылая ввысь искры, которые, как бы испугавшись высоты, беспорядочно вильнув «хвостами», отчего кажется, что вверх летят золотые нити, пропадают бесследно,— и забываешь,

кто ты, и что ты, и чего тебе тут надо: ты уже в каком-то новом мире, в котором легко и приятно.

Что-то похожее происходит с человеком, который сидит на берегу реки и, как зачарованный, глядит на стремительный бег воды, слушает, как плещутся волны о берега, бурлят водовороты и завихрения, как расходятся круги, когда по воде плеснет хвостом крупная рыбина.

Так можно сидеть часами — тогда ты не подвластен времени, ты не замечаешь, остановилось оно или мчится,— ты далек от всего — и от этого места тоже, ты в мечтах, может, в родном доме, у родителей, или еще школьник или юноша, ты полюбил в первый раз и вот не можешь жить, если долго не видишь ее, если не слышишь ее голоса; где бы ты ни был, о чем бы ни думал — в такие минуты ты перебираешь в памяти самые счастливые, самые лучшие моменты своей жизни. И если бы у тебя вдруг спросили, о чем ты теперь думаешь, ты не смог бы сразу ответить: тебе пришлось бы рассказать про добрую половину своей жизни... Думается тогда легко, как-то без слов, одними образами, как в немом кино, но ты видишь людей и себя, ты понимаешь их с полуслова, как и они тебя, тебе самому не надо давать комментариев ко всем тем картинам и образам, потому что ты хорошо знаешь их смысл...

В такую минуту, думалось иной раз Климёнку, легко умереть — жизнь отлетела бы в одно мгновение, на лице у тебя застыла бы улыбка облегчения, которая приходит после долгого сверхчеловеческого перенапряжения, когда ты шел с тяжелым грузом на плечах, тебя покидали последние силы, а тебе все говорили, нет, еще немного поднеси. И ты, едва сгибая одеревеневшие ноги, шел, боясь, что вот сейчас упадешь, не дойдя всего нескольких шагов,— и тебе не засчитается весь твой маршрут, ты должен будешь повторить его еще раз...

Кажется, совсем недавно вот так Климёнок сидел на берегу речки Самары перед Павлоградом, думал про были и небылицы, залетал далеко и высоко и все же возвращался назад, на ту несчастную землю, за которую воевал, в город, который они потом взяли грудью, и за это их дивизия получила название гвардейской Павлоградской, а на груди справа у них — солдат и офицеров — появились значки, немного похожие на орден Красного Знамени со звонким словом «Гвардия».

Гвардия освобождала Синельниково, штурмовала завод «Запорожсталь», в жестокой битве отвоевала город Запорожье, бывшую столицу казачьего воинства.

Теперь — новая задача...

Теперь перед Климёнком катит свои воды на юг седой батька Днепро. Величественный Днепр, воспетый в песнях и былинах, в сказках и народных преданиях.

У Климёнка к этой реке было особое отношение.

Юношей он работал в Могилеве на прокладке моста через Днепр. Тогда река казалась ему мирной, покорной, хоть и суровой. Совсем другой увидел ее Климёнок в сорок первом возле Соловьевской переправы. Это была пропасть, над которой надо было переползти по соломинке. К счастью, он переполз, хотя кровавый туман того утра будет до самой смерти стоять в его глазах.

А сегодня еще бóльшая забота одолевает Климёнка: надо форсировать Днепр. Надеяться на удачу, на счастье — не приходится, тут надо продумать все: от общих контуров операции до деталей. Легко или сравнительно легко переправить пехоту, а как его артиллерию? Тут лодочек и плотов мало, тут нужен мост, нужна переправочная техника. Вчера ночью они попытались перебросить на остров Хортицу пехотный полк. Но ничего не вышло: немцы не дремали, они встретили лодки таким густым огнем, что сразу пришлось повернуть назад. Хортица — неприступная каменная крепость.

Надо искать другое, более надежное место.

Другое место... Его выбрали к югу от Запорожья, в лесочке с высоким левым и совсем низким правым берегом.

Днепр спокойно катил свои свинцовые воды.

...Климёнок, пройдя берегом несколько километров, выбрал место и присел в тени под серебристым тополем, росшим на самой круче. Он сидел, глядел на воду и думал. Мысли его то летели далеко отсюда, то возвращались назад, на этот берег, он ясно видел в своем представлении, что будет тут через день, через два, три... Тут или где-то в другом месте, где-то близко, будет работать переправа, люди и техника, как живая цепь, перережут широкую ленту реки и вынесут на тот берег ударную группу, чтоб та смогла за короткое время расширить плацдарм, расчистить место для всей дивизии. Климёнок уже видел в своем воображении узкую подвижную ленту наплавного моста,

по которому непрерывным потоком, как по конвейеру, шли на тот берег машины и люди, его артиллерия, «катюши», стальные громадины танков, под которыми дрожит, прогибается и пучится впереди наплавной непрочный мост...

По песку, оставляя чуть заметный след, проползла, изгибаясь всем телом, желто-зеленая ящерица, на минуту остановилась, вглядываясь своими выпуклыми глазами в человека, и не спеша побежала дальше. Климёнок очнулся от задумчивости. Он посмотрел на часы. Уже скоро час, как он отлучился из штаба.

Он нехотя встал и пошел, все еще вглядываясь в правый, занятый врагом берег, желая увидеть там какое-нибудь движение, но там ничего не было ни видно, ни слышно: ни движения, ни звука, ни выстрела. Неужели немцы так самоуверенны, что не выставили даже ни одного наблюдателя, ни одного секрета?

Через час в штабе командарма собралось совещание. Было несколько генералов, старших офицеров, преимущественно штабистов, были офицеры разведки, оперативники, связисты. Начальник штаба армии сделал короткий доклад, объяснил задачу, которая была поставлена армии: форсировать водную преграду — реку Днепр. Зачитал специальный приказ высшего командования: тот, кто первым переправится на правый берег, будет удостоен высшей награды: звания Героя Советского Союза.

Потом командарм выслушал некоторых генералов и офицеров.

Было высказано много предложений, некоторые из них казались дельными. Дошла очередь и до Климёнка. Он рассказал, что недавно прошелся по берегу, сидел и наблюдал в одном месте за той стороной, что у немцев. Удивила тишина, спокойствие на том берегу. Не попытаться ли наладить там переправу?

Под конец совещания командарм сказал, что он хотел бы вместе с командиром дивизии и с ним, командующим артиллерией дивизии, выехать в то место на рекогносцировку.

Вскоре они на двух машинах: на пузатом штабном лимузине и на «виллисе» — выехали в тот лесок, возле которого ходил Климёнок. Машины поставили в зарослях, а сами разбились на две группы, чтоб не так бросаться в глаза.

Обошли весь берег, прикидывая, где бы можно было наладить переправу. Высокий берег придется, очевидно, срезать лопатами или укатать гусеницами тягачей, чтоб можно было подступиться к воде.

Климёнок с тревогой поглядывал на тот берег, ожидая, не завоет ли оттуда мина или не засвищут ли пули, но тишина ни разу не была нарушена, пока они тут ходили. Это укрепляло мысль, что немцы от берега далеко, что переправу можно наводить тут.

И в тот же день дивизия получила приказ на форсирование Днепра.

Завечерело. От реки потянуло сыростью, над водой опустился редкий туман, закрыв весь правый берег. Лучшей маскировки нельзя было и придумать.

И в это время грузовики начали подвозить плоты для переправы пехоты, понтоны для наведения моста.

Началась погрузка на плоты. Многие солдаты, особенно молодое пополнение, боялись воды — некоторые, может, ни разу не купались в реке, особенно люди из Средней Азии или с гор.

В темноте взводы перемешались, командиры не могли найти своих людей, стоял шум и гам. Командиры взводов как сумасшедшие бегали по берегу и искали своих людей. Посмотрев на все это, Климёнок решил, что дальше тянуть нельзя.

— Слушай, Артюхин,— сказал он адъютанту.— Найди Томпчаковского, возьмите нашего связиста Горицкого, а на его месте пусть остается Чеботарев, он справится. Будем помогать переправляться. Живо!

Вскоре он вместе со своими хлопцами, как он их дружески называл, спустились к воде. Не так уж было и важно, чтобы все солдаты из одного взвода попали на один плот — разберутся там, на другом берегу. И последний плот заберет всех отставших, кто отбился от своих. Теперь важно выиграть время — пока все тихо. Надо отправлять тех, кто ждет на плотах, не надо трепать людям нервы, все и так взвинчены: переправа через большую реку — событие в жизни солдата.

Сам Климёнок уже стоял в воде по пояс, покрикивал, подгонял. Люди начинали шевелиться быстрей, они видели, что тут, рядом с ними, высокое начальство — полковник, что он тоже пойдет с ними на тот берег.

— Живей, живей, гвардейцы! Кто первым ступит на

тот берег, получит Героя! Вперед, пока фрицы спят! Смелей, смелей, орлы!

Солдаты шутили и смеялись, слушая его призывы, а он радовался: надо развеять их скованность, нерешительность, показать им, что вода не страшна, что она перенесет их на тот берег живыми и здоровыми.

Он отталкивал плоты от берега, они медленно уплывали в темноту и вскоре совсем пропадали с глаз, будто растворялись в сером тумане.

И все пошло гладко, без задержки — конвейер заработал.

Климёнок сказал радисту Горицкому, который был весь мокрый, чтоб готовил свою рацию: на последнем плоту поплывут и они.

А теперь Климёнок пошел посмотреть, как наводится понтонный мост.

По расчищенной тягачами дорожке машина задом спускалась до самой реки, и понтоны с кузова сдвигались прямо на руки саперов, а те опускали их на воду, чтоб не поднимать шуму. Саперы, стоя по грудь в воде, закрепляли понтоны, отпихивали дальше от берега, присоединяли звено к звену, узкая дорожка в реку все удлинялась и удлинялась.

«Ну, Климёнок, отчаливай, тут справятся и без тебя»,— сказал он себе и пошел к плотам. Радист уже ждал его со своей тяжелой рацией.

— Гляди не замочи батареи! — весело сказал ему Климёнок.— И не вешай носа! Скоро будем там...

Радист только улыбнулся. Он был молчалив. А может, просто потому, что еще молод, стеснителен.

Они взобрались на шаткий, неустойчивый плот, который осел в воду до самого верха. Стало как-то не по себе даже и Климёнку, который повидал и не такое. А что уж говорить про этих молодых безусых парнишек? Сначала все были насторожены, боялись шевельнуться, но понемногу осмелели.

Климёнок вглядывался в темный берег, в полосу тумана, которая расступалась перед ними, вслушивался в звуки ночи, но, кроме плеска воды и скрипа весел, не слышал никаких звуков. На берегу было тихо.

Климёнок дрожал от холода, он был мокрый до пояса, сказывались еще усталость и нервное напряжение. Бодрило, согревало одно — что на том берегу тихо.

Наконец плот черкнул краем по песку, стукнулся о берег и стал.

Все ожили, вскочили на ноги и кинулись на берег. Ах, какой тут был песок, какой пляж!

Пехотинцы сразу двинулись вперед, стали обживать плацдарм.

Климёнок по радио связался со штабом дивизии, доложил, что пехота занимает правый берег, пока что немцев не слышно.

Его поздравили с успехом.

Потом он связался со своим штабом и приказал всем перебираться на этот берег.

Вскоре немцы, стоявшие неподалеку возле деревни, заметили, что у них появился неожиданный сосед. Они выслали роту автоматчиков, но ее разбили, оставшиеся в живых убежали в деревню. Плацдарм постепенно расширялся — где-то до километра вглубь, в два раза шире по фронту.

Под утро начал работать наплавной мост, пошла техника. Теперь Климёнок уже ничего не боялся, хотя знал, что когда рассветет, то тут начнется пекло.

Так оно и было: налетели самолеты, через каждые два-три часа шла в атаку пехота и танки, но плацдарм держался. Наплавной мост перебивали много раз, но его тут же возобновляли. Обстрел и налеты кончились вместе с наступлением темноты. А ночью снова плацдарм наполнялся людьми и техникой, и вся эта сила нацеливалась вдоль берега Днепра, на север, к острову Хортица, где немцы сидели еще крепко и не думали, что им скоро конец. Утром, однако, разведка донесла, что противник, видимо, почуял опасность — начинает удирать с острова-крепости.

Успели уйти немногие. По острову ударила артиллерия и «катюши», уже с запада. Налет был густой, продолжительный, казалось, ничего живого там не осталось.

И все же, к удивлению Климёнка, они взяли в плен до двух полков немцев. Секрет их живучести был в том, что они заранее подготовили оборону, имели бетонированные убежища в земле. Так же, как было на заводе «Запорожсталь». Убежище имело форму сапога с вытянутой ступней и коротким голенищем; во время артналета немцы спускались в бункер, а потом, как только стрельба кончалась, вылезали и занимали места в траншеях.

Когда казалось, что успех полный, что Хортица и плотина уже наши, внезапно прозвучал мощный взрыв: это взлетело в воздух несколько секций плотины Днепрогэса. В прорыв хлынули раскованные воды Днепра. Вскоре вниз по течению начался паводок — река выходила из берегов и заливала низины.

13

Где по дороге, изрезанной глубокими грязными колеями — следами машин, а где напрямик — по степи, по полю, ехали верховые. Два передних были крепкого сложения, с обветренными лицами, в командирской одежде. Крупнолицый, с кустистыми черными бровями выглядел старше своего товарища лет на десять, был крупнее и шире в кости, конь под ним, казалось, прогибается. Другой, помоложе, был не такой грузный, лицо у него скорее худощавое, чем полное, серые глаза смотрят спокойно, движения сильных рук были так же спокойны и уверенны...

Это были генерал Чуйков и полковник Климёнок, а с ними — топографы и адъютанты.

Выехали они с самого утра. Кони притомились, стали спотыкаться, под копытами чавкает грязь, от мокрой шеи Климёнкова вороного идет легкий пар. Генеральский серый дончак со звездой на лбу пританцовывал, косил глазом на вороного и все тянулся ухватить его зубами за шею. Генерал легко трогал левой рукой поводья, и конь, сердито мотнув головой, вырывался вперед. Сразу видно — конь командирский, не привык ходить в паре.

Они пристально вглядывались в даль, покрытую легкой дымкой испарений, кое-где останавливались, смотрели на карту, перекидывались словами.

Позиции тут заняты только вчера, немцы бежали без оглядки под ударами казацких сабель. Еще кое-где видны серо-зеленые шинели убитых. А у Климёнка из головы никак не выходит тот молодой казак, которого час назад они избавили от беды. Переезжая через ручей, который вздулся от дождей и стал чуть ли не речкой, они увидели солдата, лежавшего на земле. Подумали сначала, что убит. Левая рука его была забинтована в локте, а правой совсем не видно: по самое плечо ее засосало в грязь. Климёнок подъехал ближе. Конь за-

храпел, затанцевал на месте. Климёнок нагнулся с седла, потрогал бойца за плечо. Солдат слабо застонал, попробовал встать, но сил у него не было. Тогда Климёнок взял его за ремень и, пришпорив коня, вытащил на сухое место, опустил на землю и соскочил с седла.

Подъехал генерал.

— Живой? Дай ему глотнуть.— Он протянул Климёнку флягу.— Сразу придет в себя.

Солдат глотнул несколько раз и задохнулся, закашлял. Климёнок опустил его на траву, положил на правый бок, смотрел, как возвращается жизнь к этому молодому парню. Губы зашевелились, зачмокали, будто что-то смакуя, раскрылись мутные бесцветные глаза: веки моргнули несколько раз и снова закрылись.

— Кто вы? — спросил солдат.

— Не бойся, свои,— ответил Климёнок.

— Ну, спасиби,— сказал солдат по-украински.— Я думал, что мне концы... Загряз... Ну, спасиби.

Подъехали адъютанты и топографы, с интересом разглядывали молодого, всего в грязи солдата на траве.

К счастью, к броду подъехала воинская повозка с усатым ездовым. Хитрый ездовой хотел обогнуть людей, направил в сторону, но генерал послал к нему своего адъютанта, и тот вскоре подъехал к броду вместе с усатым возницей.

Солдата положили на сухое, с полынью, сено, и повозка двинулась на восток.

— Отвезешь парня в медсанбат,— сказал генерал ездовому.— Да побыстрее!

Ездовой кивнул.

...Солнце на миг пробилось через тучи, ударило им в глаза. Хмурая, набрякшая сыростью степь сразу ожила, стала переливаться красками. Кони как-то вдруг оживились, наперебой рвались вперед.

— А знаешь, полковник, у меня с непривычки все болит,— прервал молчание генерал и правой рукой потер поясницу под тужуркой.— Привыкли мы к технике, что и говорить... А в ту войну конь был что теперь танк... Сколько тебе лет было?

— Всего десять...

— Ну, ребенок... А откуда ты?

— Белорус... Из Кричева, есть такой городок на Могилевщине...— Сердце у него сразу защемило.

— Там не был... А вообще Белоруссию всю объездил — вдоль и поперек. В двадцатом белополяков гнали на Варшаву, потом они нас гнали... Потом тридцать девятый... Эх, было время!

Трудно было понять, жалеет генерал об этом времени или рад, что оно миновало.

— И белорусов немного знаю,— помолчав, продолжал генерал.— Мой начальник и начальник Железной дивизии был белорус, Азин... Боевой командир, умный. Жаль, погиб совсем молодым...

Генерал вздохнул и задумался. Ехали молча. Генерал стал вглядываться в дорогу, приложив ладонь к косматым бровям, прикрывая глаза от солнца.

— Что за трубы торчат из земли? Видишь?

Климёнок увидел, что на дороге что-то чернеет: какие-то не то кружки, не то кругляки, будто недавно стоял лес и его весь спилили под корень — остались короткие темные пеньки толщиной с телеграфный столб.

— Сапоги! Немецкие сапоги! — крикнул Климёнок.

— Сапоги! — как эхо, повторил генерал.— Ей-богу, сапоги.

Он ухватился обеими руками за переднюю луку седла и громко захохотал, откинувшись всем могучим корпусом назад, так что даже закачался серый дончак.

Подъехали ближе. Место и впрямь было такое заболоченное, что выбраться из него можно было, только оставив в грязи сапоги: босую ногу легче вытащить из этой липкой смолы.

Картина с сапогами вернула хорошее настроение. Они стояли и несколько минут глядели на это зрелище. Генерал все жалел, что они не взяли с собой фотографа или кинооператора: такую декорацию нарочно не придумаешь. Сапоги глядели в небо круглыми раструбами, будто лишний раз показывая перед всеми свою глупость. Недаром говорят иной раз про человека, что он глуп, как сапог, да еще с левой ноги. Теперь эти самые сапоги в представлении Климёнка ассоциировались с их хозяевами, которые едва унесли отсюда ноги! А до дому еще вон как далеко! Доберутся ли туда, откуда отправлялись в дальний поход с фанфарами, с громкими речами и с надеждой на быструю победу? Наверно,

немногие. И, наверно, проклянут того, кто послал их в чужие земли за легким счастьем.

— Поехали,— сказал наконец генерал.— Хоть тут земля и хорошая, но фрицы из этих сапог не вырастут...

Они поднялись на пригорок, и глазам их открылось большое поле подсолнечника. Он весь почернел, головки его печально свисали вниз, будто потеряв надежду, что придут люди и соберут урожай.

— Товарищ генерал,— обратился Климёнок к Чуйкову.— Прошу вас не вырываться вперед. Тут линия обороны делает крутой излом, создается колено, и мы можем оказаться на близкой дистанции от противника. Немцы сидят как раз на краю этого возвышения...

Уже ясно была видна линия на поле подсолнечника — там наша траншея. Метров за двести — триста от нее надо ожидать полосу немецкой обороны.

— Послушай, полковник,— стукнул себя по бедру генерал.— А почему нам не использовать это колено в свою пользу?

— Как?

— Очень просто. Подготовиться и ночью ударить во фланг немецкой обороне. Сейчас мы уточним все на месте.

Они въехали в подсолнечник, зашелестели засохшие листья, трещали толстые стебли под копытами коней. Кони, почуяв корм, стали хватать зубами поникшие щетки, не слушались поводьев.

Генерал остановил коня, стал рядом с ним и Климёнок.

— Дай карту,— сказал генерал.

Климёнок только успел расстегнуть планшетку, как свист пуль и гулкая очередь из скорострельного немецкого пулемета заставили вздрогнуть коней и верховых. Пули пролетали, кажется, над самой головой, кругом сыпались листья и белая сердцевина подсолнечника.

— Поворачивай назад! — крикнул генерал.

Пулеметчик бил непрерывно, но пули теперь не ложились так близко.

Вдруг конь под генералом дико гикнул, сел на задние ноги и, как человек, со стоном осел на землю. Генерал едва успел выхватить ногу из стремени.

Климёнок на миг растерялся, осадил своего коня, и тот испуганно затанцевал на месте, кося глазом на се-

рого дончака, что лежал на боку, откинув голову, и загребал передней ногой. Из ноздрей его хлынула кровавая пена.

— На землю, раззява! — крикнул генерал.— А то ссадят.

Как подброшенный криком, Климёнок соскочил с седла, держа коня за повод.

— Ложись! — снова скомандовал генерал и первым упал на землю.

Ломая хрупкие подсолнухи, Климёнок свалился рядом. Где-то совсем близко возились со своими конями и кричали топографы и адъютанты.

Пули по-прежнему свистели над полем, немец не жалел патронов.

Не сговариваясь, они поползли. Руки и колени увязали в мокрой, густой, как тесто, земле, чернозем прилипал к одежде. С непривычки Климёнок сразу устал. Взглянул на генерала. Тот, сдвинув фуражку на затылок, чтоб не мешала смотреть и не падала на землю, полз, как настоящий пластун, только крупные капли пота катились по его лбу, вискам, он тяжело дышал — тоже, видимо, не часто приходилось заниматься таким спортом.

Из-за шелеста и треска подсолнечника, из-за громкого дыхания они не слышали, стреляет ли немец. Ползли долго, упорно, как по лесу, волоча отяжелевшее тело по раскисшей земле, подминая податливые стебли подсолнечника.

Неожиданно Климёнок увидел рядом с собой две нити синего провода.

— Товарищ генерал, провод! — закричал он.

Генерал перестал ползти.

— Что, что?

— Провод нашел! Не иначе, ведет в штаб.

— Если ему с нами по дороге, то пускай идет,— пошутил генерал: к нему, видно, возвращалось равновесие.

Поползли дальше. Позади трещал подсолнечник.

Выбрались на ровное поле, поросшее редкой травой,— наверно, в прошлом году здесь росла пшеница.

Прислушались, полежали немного, отдышались и встали. Тревожно огляделись: теперь они были отделены от противника горкой с подсолнечником, находились в мертвом пространстве, недосягаемом для немецких пуль.

Посмотрев друг на друга — оба были как черти из

болота, в грязной мокрой одежде, с измазанными черноземом лицами, потные,— они вдруг с облегчением расхохотались до слез.

Смех, снимая с них недавнюю напряженность, очищал душу от пережитого страха.

14

Все, кто собрались на берегу Южного Буга — а было тут человек пятьдесят, солдат и офицеров,— затаив дыхание следили за тем, что делает смуглый молодой старшина-артиллерист Вакулич. Он сбросил шинель, остался в одной гимнастерке, хотя с реки тянуло холодным ветром — по воде еще плыли льдины, недавно кончился паводок. Мятая ушанка все время съезжала старшине на глаза, и он ловким быстрым движением сдвигал ее на затылок. Пот выступил у него на смуглом лице, на лбу вздулись вены.

Старшина Вакулич придумал такую штуку, что, если все пойдет хорошо, ему за это мало дать орден...

Сейчас, на глазах у всех, он кончал свое колдовство. Перед ним лежал длинный, точно большая рыбина, темный снаряд от «катюши», из которого старшина уже вывинтил оба взрывателя и доставал из хвостовой части длинные макаронины артиллерийского пороха. Он что-то бормотал про себя, что-то подсчитывал, то доставал еще несколько «макаронин», то клал обратно, думал, потирая лоб грязными пальцами, медлил, но никто его не подгонял, никто не командовал, хотя тут стояло много офицеров, даже его непосредственных начальников.

Наконец он встал с колен, поискал глазами Климёнка и, сделав к нему несколько шагов, стал «смирно».

— Товарищ полковник! Все готово! Разрешите начинать!

— Ну, с богом,— сказал шутливо Климёнок, а сам волновался не меньше старшины.

Старшина потребовал:

— Прошу всех отойти метров на сто... На всякий случай...

Офицеры нехотя, озираясь, отходили в разные стороны, создавая большое кольцо вокруг старшины. А он, как главный в этой ответственной операции, прошел к берегу реки, поглядел на ту сторону, посмотрел на небо, потом

нарвал травы, измельчил ее пальцами и подкинул вверх, следя, куда она полетит и с какой силой. Все это выглядело довольно примитивно, делалось на глаз, но порой такая небольшая смекалка выручала на войне из большой беды, спасала многих людей от неминуемой гибели. Поэтому Климёнок, подумав, разрешил старшине провести свой опыт.

Снаряд лежал так, что «голова» его была поднята над землей, под определенным углом, как на ракетной установке, нацелен на вражеский берег. За «хвост», за стабилизатор, привязан конец толстой проволоки. Другой ее конец прикреплен к глубоко вкопанному в землю столбу. Между тем и другим концом лежал огромный моток, рассчитанный на всю ширину реки.

Старшина достал спички, поджег порох и отступил шагов на десять. Огонь быстро побежал внутрь снаряда, через несколько секунд оттуда со злобным шипением вырвался дым, снаряд окутался им, дернулся на месте, как бы пробуя силы, а потом рванулся вверх, таща за собою проволоку, которая со свистом едва успевала разматываться, делая все бо́льшие круги вокруг мотка. Снаряд, точно схваченный за ногу журавль, нес нить проволоки на тот берег. Вот он ослаб, стал снижаться и наконец нырнул вниз. Проволока перестала разматываться. Значит, всё!

Старшина бегом бросился к не до конца размотавшейся проволоке, потянул за нее — она повисла над рекой и медленно ложилась на воду. Нет, проволока на том берегу держалась крепко,— очевидно, снаряд глубоко зарылся в землю.

И тогда все, кто ждал этой минуты, кинулись к старшине, подхватили на руки и стали подбрасывать, выкрикивая слова одобрения и радости.

Начинало темнеть. Над речкой поднимался реденький туман. Ветер совсем стих, подмораживало, воздух стал холодным и густым, полным запахов сырой земли, прошлогодних нескошенных трав.

Когда совсем стемнело, началась переправа.

Пехота, спустив на воду лодки, пошла первой. Чтобы лодку не сносило быстрым течением и чтоб ее не сбивали льдины, которые белыми пятнами плыли на поверхности реки, люди держались за проволоку, которую перенес на тот берег послушный снаряд «катюши».

Климёнок завидовал пехотинцам, когда доходило дело до переправы. Пехотинец всегда найдет на чем и как переправиться.

Вот сегодня — сел в лодочку, держится за проволоку — и скоро будет на том берегу.

А артиллерист попробуй перетащить все эти машины: орудия, тягачи, тонны снарядов. Тут лодочкой не обойдешься, нужны плоты, понтоны, мост. А только дойдет до этого, как в воздухе повисают «юнкерсы», «мессеры» — висят, пока не раздолбят переправу, если не подойдут наши зенитки или не прилетят на выручку «ЯКи». Но и тогда на этом не кончается: начинает откуда-то издалека бить по переправе дальнобойная артиллерия противника.

С группой офицеров Климёнок направился к тому месту, откуда должны переправляться орудия.

Саперы заканчивают пристань, на воде уже несколько плотов, которые смастерили из деревянных домов, разобранных в Вознесенске: больше тут нигде дерева не найти. Плоты на железных бочках, доставленных отовсюду, где можно их достать.

В темноте ночи, едва различимые, шевелятся, суетятся люди, слышатся крики команды, натужно воет мотор тягача, который подкатил к берегу тяжелую 152-миллиметровую гаубицу. С высокого берега на пристань гаубица дошла сама, ее приходилось только притормаживать, люди едва поспевали за орудием. Оно скатывается на деревянный помост-пристань, слышится треск, короткий вскрик человека, всплеск воды — и там, где только что стояла гаубица, светилась черная дыра. По наклоненным до самой воды бревнам наверх выбралось несколько человек.

Это так всех оглушило, что на миг все замерли. Климёнок первым кинулся к пристани.

— Кто тут старший, ко мне!

К нему подошел офицер, стоявший на краю помоста, доложил:

— Командир саперного батальона капитан Быстров!

Климёнок, задохнувшись от гнева, спросил, показывая рукой на черную дыру в пристани:

— Твоя работа?

— Моя... Наша! — поправился капитан, поднимая голову.— Прикажете меня расстрелять? Пожалуйста. Я сто

раз говорил командиру дивизии, что этот трухлявый помост — переправа на тот свет, а не на тот берег... Но он и слушать не захотел... И вот,— капитан умолк, показал рукой на черный провал у их ног.

Климёнок помолчал. Первое, что просилось на язык,— это самое тяжелое, страшное: «Расстрелять вас мало за такую работу» или «В трибунал тебя, в штрафную роту!» Но это легче было бы сказать, если б он выкручивался, оправдывался. А он, выходит, делал то, что ему приказали, хоть и знал, что делает не так... Но он же об этом не молчал, он «сто раз» говорил командиру дивизии.

— А почему ты мне не сказал? Ты знал, для кого делаешь? Ты знал, сколько тонн весит эта штука?

— Сам я знал, но об этом никто не хотел слышать... Давай делай — хоть роди!

— Это не оправдание!.. Если через час пристань не будет готова, вам не поздоровится.

Вокруг них собралось много солдат. Ждали, наверно, жаркой проборки или чего-нибудь похуже, и теперь некоторые были разочарованы. Послышались ядовитые реплики, издевка.

— Довольно! — крикнул капитан.— Всем за работу.— И повернулся к Климёнку: — Ваш приказ будет выполнен, товарищ генерал! — В голосе его уже не было недавнего надрыва.

Климёнок усмехнулся в темноте: генерал! Не распекал его матом, так заслужил генерала.

Кажется, снова механизм переправы заработал нормально, хотя гаубицу не вернешь назад. Да что гаубица? Пропал человек. Какой-то солдат, живой, здоровый, ухнул в воду и, раздавленный тяжелым металлом, остался лежать под колесами... Еще хорошо, что один... Переправа... Одно слово... Еще хорошо, что не засекли немцы, а так было б... Редко какая переправа обходится без жертв. Будет чудом, если все обойдется одним человеком... Что ж, теперь надо махнуть на тот берег. Только надо позвонить в штаб дивизии, дадут ли до конца ночи обещанные подсобные средства.

Телефонист соединил его с комдивом. Басистый голос генерала Соколова был спокоен. Поговорили мирно, без высоких нот, чего Климёнок не ожидал, особенно после того, как он сказал про гаубицу и про солдата.

Генерал только тяжело вздохнул и спросил, можно ли будет достать из воды пушку, на что Климёнок ответил, что можно, но не сегодня и не завтра, а после всего... Генерал похвалил его намерение перейти на тот берег: бойцы всегда смелее, если знают, что рядом высокое начальство. «Плыви, Глеб Иванович. Как переправишься, свяжись по рации!» — сказал напоследок генерал.

В две лодки село человек десять: начальник разведки, радисты Горицкий и Чеботарев, несколько автоматчиков, офицер связи.

«Надо было найти ту проволоку, по которой передвигались пехотинцы,— подумал Климёнок.— А то, чего доброго, отнесет нас к черту в Черное море или стукнет льдиной в борт — и концы». Но почему-то он отогнал от себя эту мысль. Подумают, что он боится. Переплывет и тут, никуда не денется.

Он вглядывается в размытые темнотой лица людей, сидящих вместе с ним в лодке, как бы желая прочитать их мысли, их настроение. Страшно ли им? Или они спокойны потому, что рядом с ними полковник? Ему тоже спокойнее от их соседства и от их уверенности. Плещет вода под веслами, послышится порой глухой стук дерева о дерево — это сорвалось со своего ритма весло.

Климёнок во все глаза вглядывается в приближающийся берег, вслушивается в ночную темноту, но все будто потонуло в густой темно-серой мути: нигде ни звука, ни огонька, нет даже звезды над головой. Позади, кажется, все стихло, все заснуло или просто притаилось и ждет. Но нет! В этой темени много звуков, только они как бы отгорожены от мира невидимым частоколом, который не дает звуку пробиться через него. Вот они уже на берегу: выходят из лодок, оставляют на сыром песке отпечатки своих ног, а лодки снова тихо отплывают назад. У Климёнка мелькает мысль: а зачем их отправлять? Может, они еще вдруг понадобятся? Да нет, они теперь не будут без работы долго еще... На сердце становится тревожно: что ни говори, а они отрезаны теперь от своих быстрым и широким Южным Бугом. Правда, тут где-то свои, но их надо найти...

Климёнок оставляет радистов на месте, а сам с разведчиками идет по берегу, пристально вглядываясь в темень. Ничего не видно, только мелькает перед глазами, шелестит тростник да чавкает под ногами мокрая земля.

Они идут гуськом, останавливаются, озираются и вслушиваются. Неужели их лодку так отнесло в сторону, что своих поблизости нет и следа?

Что ответит он генералу Соколову, если тот спросит у него, что на том берегу?

Часа через два они нашли свою пехоту, которая тонкой цепью заняла оборону немного дальше от берега, где было посуше и можно выкопать ячейку. И только тогда Климёнок доложил генералу, что на этом берегу полный порядок. Генерал отчитал Климёнка за долгое молчание, а потом сказал, что к ним идет артиллерия: есть плоты, пристань налажена, подвезли еще бревен из Вознесенска, где-то нашли целый немецкий склад.

«Если затемно успеем поставить тут пушки, то никакой дьявол нам не страшен»,— подумал Климёнок.

До рассвета они успели сделать все.

Редкий серый туман еще держался над речкой, а темень медленно таяла, возвращая всему земному прежние ясные и понятные формы.

Утро Климёнок встретил на своем временном КП и НП. Он оглядел в бинокль извилистую черно-серую равнину, которая открывалась глазу, ища каких-нибудь примет движения, жизни. Ему показалось, что из-за горки, в мертвом пространстве, стали выскакивать черные кособокие жуки. Давно он не видел этих жуков-мотоциклов, давно не встречал! Но эти были не совсем такими, к каким привык его глаз: они были гусеничными, не удивительно, что так легко ползли по весенней грязи. Мотоциклов высыпало как саранчи, будто где-то там, за горкой, развязался мешок. А вскоре из-за горки показались головы в касках и стволы винтовок: шли немцы.

Зазвонил телефон, связист вызывал Климёнка к аппарату. Командир дивизиона, глотая слова, доложил, что видит немцев.

— Разве ты их видишь в первый раз? — спросил Климёнок.— Я тоже вижу. Дай им осколочных, майор, пусть знают.

— Слушаюсь,— ответил голос в трубке.

Климёнок смотрел то на часы, то на немцев. Время тянулось медленно. Две минуты, три, пять. Немцев из-за горки выползало все больше и больше. И вдруг туго треснул воздух где-то за спиной, с натужным воем про-

свистели над его головой снаряды, и в ту же минуту среди густого беспорядочного строя немцев выросли огненно-дымные фонтаны. Еще один залп, еще и еще! Такое зрелище удается видеть не часто. Нестройные шеренги немцев редели на глазах, задние мотоциклисты повернули назад, передние по инерции еще катились вперед, но одна за другой машины выбывали из строя. Переднее колесо от мотоцикла, вырванное из резиновой гусеницы, высоко подскочило вверх, а потом, описывая петли, как кара божия, свалилось на головы солдат.

Немцы в панике повернули назад. А огневой вал шел рядом с ними, висел над их головами и сеял смерть, пока последний солдат не скрылся за горкой.

...Тот день был отмечен своеобразным событием. Захватили два немецких грузовика с ракетами. Кто-то по неосторожности или просто для потехи поджег их. Казалось, что раскрылись недра земли и оттуда вырывается наверх неслыханная и невиданная сила. С шипением и треском, с мириадами разноцветных искр рвались и летели вверх и в стороны ракеты. Фейерверк победы продолжался несколько часов. Такого зрелища Климёнок никогда не видел. это был настоящий салют их бескровной победе. Жертва, которую они принесли в начале переправы, была действительно как бы святая.

15

Жаркое лето сорок четвертого года было особенным, оно наполнено было радостью больших побед, радостью освобождения. Наша армия очищала родную землю от чужеземцев, выходила за свои рубежи, неся освобождение народам Центральной Европы.

Полковник Климёнок переживал в это время двойную радость: тут они очищали от врага молдавскую землю, а там, в Белоруссии, наши войска освободили его родные Кричев, Могилев, столицу Белоруссии Минск и идут дальше на запад, гонят противника в его берлогу.

Он получил радостное письмо от жены: Надя писала из Хвалынска, что собирается ехать в Кричев, хотя еще и нет на это разрешения. Климёнок с нетерпением ждал другого письма.

Теперь перед их дивизией стояла задача: смять последний рубеж обороны противника под Кишиневом, оттянуть на себя основные силы с тем, чтоб на главных направлениях — Бендеры и Яссы — ослабить противника и затем окончательно сломить его сопротивление.

Остались считанные минуты до начала артподготовки. На НП, в глубокой, в рост человека, траншее снуют офицеры. На помосте среди цепочки офицеров, что вышли наблюдать за боем, напряженная тишина, ожидание, будто перед открытием парада. Из всех только начштаба Ситников выглядел спокойным и даже веселым.

Климёнок опустил бинокль на грудь и посмотрел на часы. Приближался час «че» — начало артподготовки. Секундная стрелка спешила, как и сам Климёнок, а минутная ползла — медленно, будто проверяла крепость человеческих нервов. Часовая вообще оставалась на месте, будто ей не надо было спешить. И все же время «че» неуклонно приближалось.

«Ну с богом!» — сказал мысленно Климёнок, и как бы в ответ на его разрешение где-то совсем рядом гулко громыхнул залп из нескольких десятков пушек. Через две-три минуты залпы слились в сплошной гул, от которого колотилась и дрожала земля.

Гул все нарастал, в него врезалось натужное завывание реактивных снарядов — «катюш».

Климёнок смотрит в бинокль. Снаряды ложатся густо, на земле, укрытой зеленью, брызжет пламя и вырастают смерчи, кажется, что вот сейчас сыпанет и на тебя град камней и песку, поднятых в небо взрывами. Но эта реальная картина, реальный смысл доходят до Климёнка только на короткий миг, а потом снова все перерастает в какой-то чудовищный, невероятный танец смерти, в котором он чувствует себя если не дирижером, то, во всяком случае, одним из главных руководителей, по команде которого крутятся эти гигантские жернова.

Вдруг грохот почти затих. Сразу мир стал широким и большим, даже каким-то пустым. Исчезло непривычное ощущение нереальности всего земного, будто вдруг развеялся какой-то удивительный мираж или фантастический сон и земля обрела свои прежние краски и очертания.

Только тяжелая артиллерия еще била, но снаряды ее рвались далеко за передним краем противника.

— Пошли! — крикнул кто-то в траншее — потому ли, что был оглушен и думал, что его не услышат, или просто от ребяческого восхищения.

Пехота пошла в атаку. Артиллеристы, сделав свое, ждали нового приказа.

Климёнок, хотя и скатилась гора с плеч, волновался: хорошо ли накрыли немецкие позиции, все ли огневые точки подавлены?

Не выдержал, позвонил в штаб дивизии.

— Все идет хорошо,— весело сказал ему начштаба.— Только не спешите сниматься. Ждите.— И он положил трубку.

Пришлось ждать. Немного остыв, Климёнок подумал, что им просто повезет, если немцы тут сорвутся с места: как-никак противник надеялся, что это будет главным направлением, стянул сюда свежие силы, пожалуй намного больше, чем на других направлениях. Хорошо, если там, где действительно намечено главное направление, тоже пойдет все удачно. Тогда немцы вынуждены будут снимать силы отсюда, с центра. А что, если они не поверят? Чтобы их убедить, потребуется день или два. К тому же, если их тут будут хорошо поджимать, это еще больше собьет их с толку, они так и не смогут понять, где же все-таки главное направление. «Этого от нас и требует высокое командование,— сказал себе Климёнок.— Другое дело, что мы, относительно слабые в сравнении с правым и левым крылом, можем поплатиться. Но это маловероятно».

Наконец пришел приказ сниматься и идти на запад. Сниматься,— значит, противник дает задний ход, смазывает пятки.

Через несколько часов артполки были уже на марше. Длинная, сколько видит глаз, колонна. Песок и пыль, жара. Солдаты почернели от солнца, пыли, от усталости, от порохового дыма. Но настроение у всех боевое, веселое: враг покатился назад!

На том месте, где бушевал артиллерийский вал, трудно проехать, земля вся в ямах и ямках, все перепахано, нигде нет живого места. Дорожники, голые до пояса, блестящие от пота, не жалея сил, ровняют полотно, по которому теперь с трудом может проехать только танк или транспортер. Пыльные песчаные объезды то тут, то там не дают жизни: машину кидает с боку на бок,

песок лезет в уши, в нос, скрипит на зубах. Люди ругаются, чихают и кашляют. Но колонна неудержимо и напористо, как река, пробивается вперед. И странно! За весь день в небе ни одного немецкого самолета! Зато наши, с красными звездами на крыльях, нет-нет да и пролетят низко на запад — то штурмовики, то истребители, то, выше, пикировщики.

Наконец Климёнок получил радиограмму-приказ: остановиться. Это уже было под вечер. Передовые части наткнулись на вторую полосу обороны противника. Тут надо было снова начинать все сначала. Войска в быстром темпе готовили оборону, занимали боевые порядки. Подходили запыленные, укрытые зелеными ветками танки и самоходные пушки. Измученные за день солдаты получили горячую пищу, пополнили боеприпасы.

Утром следующего дня Климёнок уже разглядел в бинокль столицу Молдавии — Кишинев. Город лежал на возвышенности, весь скрывался в зелени садов, парков и деревьев, как в лесу.

На полях поспевал виноград, на высоких холмах паслись стада овец. Все выглядело так мирно, спокойно, красиво, что не верилось в войну.

Но она скоро напомнила о себе. Как только войска двинулись к городу, оттуда ударила немецкая артиллерия. Признаться, Климёнок этого не ожидал. Думалось, что враг уже покинул город.

По радио Климёнка вызвал командир дивизии генерал Соколов.

— Что будем делать, Глеб Иванович? — услышал Климёнок среди шума и треска в эфире знакомый тревожный голос.

— Споем «Катюшу», товарищ генерал,— ответил Климёнок.

— Думаешь, поможет?

— Поможет! Вот увидите.

— Давай! — Генерал отключился, щелкнул аппарат. Радист Горицкий связал Климёнка с дивизионом «катюш» капитана Полякова.

Через несколько минут дивизион обрушил на район станции, откуда били немецкие орудия, серию своих хвостатых снарядов.

Немцы больше не сопротивлялись.

А город вблизи был еще красивее — много зелени,

белые, не очень высокие дома, чистые, несмотря на войну, улицы. Гражданских людей почти не видно. В центре, где горели немецкие склады, кое-где появлялись люди: какой-нибудь старик, в шляпе или в высокой овечьей шапке, в вышитой «душегрейке», нес под мышкой пару банок консервов или эрзац-мыла.

В городе Климёнок не успел задержаться: вместе с общим движением войск и техники спешил на запад.

Оставались позади улицы, дома, кое-где без стекол, мелькали деревья, люди, «виллис» Климёнка выехал на окраину; под колесами мостовая, машину трясет, хочется поскорее выехать на ровное. Дома все уменьшаются, зато больше становится огородов и садов, здания прячутся в зелени — а вот уже и поле.

Колонна вытягивается вдоль дороги. Фактически колонн три: одна идет по полотну дороги, а слева и справа едет и идет пехота, гремят танки, пылят машины, покачивается в седлах кавалерия. Все это течение — будто река в разлив: тут нельзя ни остановиться, ни повернуть назад.

Зато впереди путь открыт. Командирский «виллис», оставляя позади танки, тягачи с пушками, колонны «катюш», запыленную пехоту, делая невероятные зигзаги, вырывается в голову колонны. Тут начинается то место, где несколько часов назад наши самолеты бомбили и обстреливали немецкие части, которые успели вырваться из города. Это было настоящее кладбище — техники и солдат. Перевернутые вверх колесами или просто подбитые грузовики, пузатые «оппели», обгорелые танки, разнесенные вдребезги повозки, убитые кони и люди — в самых невероятных, неестественных позах — лежат на дороге, в канавах, на поле... А этот немец кажется живым, будто застыл в молитве, отбивает поклон: поджатые ноги, руки подложены под голову и прижаты к земле. Возле головы, рядом, пробитая большим осколком каска с загнутыми бортами — кажется, что сталь очень толстая... Пятнистый «фердинанд» еще дымит на обочине: одна гусеница в канаве, другая — на поле. Ствол пушки с толстой булавой надульного тормоза беспомощно опущен, из переднего, водительского люка свесилась почерневшая рука с перстнем на среднем пальце, ногти, кажется, хотят вцепиться в броню, вроде шевелятся... Климёнок вздрагивает, отводит взгляд

от картины разрушения, смотрит перед собой, на небо. И вот, будто на тихом ходу, без мотора, их догоняет маленький «У-2». Он летит сбоку колонны, совсем низко. Климёнок сразу узнает и самолет, и того, кто сидит позади пилота. Это командарм Берзарин. Самолет медленно обгоняет их, генерал энергично машет рукой, показывая на запад. «Понял,— говорит себе Климёнок,— вперед, на запад!»

Вскоре голая возвышенность кончилась, начинался лес — неровный, гористый: горный дубняк или что-то похожее — может, граб, может, бук. Что это за бук, он еще не видел... Климёнок внезапно почувствовал себя как рыба в воде — что значит лес для лесного человека! На душе стало спокойнее, начало клонить в сон. Он, наверно, и подремал несколько минут, очнулся, когда машина стояла.

— Что такое? — спросил у Томпчаковского.

— Да вон, кажется, немцы...

Лейтенант и несколько бойцов из взвода охраны вели к машине четырех немцев. Они были без винтовок, без ремней и даже без пилоток. Остановились шагах в десяти от «виллиса», лейтенант подошел к Климёнку, тихо доложил:

— Товарищ полковник! Власовцы... Сами сдались... Говорят, что впереди тут много немцев.

«Лучше уж встретить немцев, чем бывших своих в чужой форме»,— подумал Климёнок.

— Что с ними делать? — спросил лейтенант.

— Забирайте с собой.

— Слушаюсь,— козырнул лейтенант.

Климёнок закрыл глаза. Власовцы... Как призраки, стали они сегодня на его дороге... Вот люди, которых он не понимал. Теперь они будут оправдываться, найдут множество доказательств, что иначе они не могли попасть к своим, как только надев чужую шкуру...

Климёнок отдал приказ возвращаться назад — может, и правда, что они ехали прямо в лапы немцам.

Машина, сердито заурчав, крутнулась между деревьев, выскочила снова на дорогу, за ней поехали остальные.

Вскоре они оказались на той дороге, по какой шли «катюши», артиллерия, ехали машины. А над тем местом, где они недавно встретили власовцев, уже кружи-

лись наши штурмовики. Движение приостановилось, пока дорога не стала свободной.

Через несколько минут — снова радиограмма: вперед!

Железный клин, который они вбивали в центр немецкой обороны, входил все глубже и глубже, немецкая кишиневская группировка распадалась на несколько частей. Каждую из них домолачивали то самолеты, то «катюши», то танки. Остатки брала в плен пехота. А клещи из Бендер и Ясс все туже сходились за Кишиневом.

16

После обеда стало известно, что офицеров приглашают на праздничный концерт в кишиневском театре.

Климёнку раньше никогда не приходилось быть на таких приемах, и он волновался не меньше, чем перед боем. Достал из чемодана новую парадную форму, которую еще ни разу не надевал, с помощью адъютанта отутюжил кое-как брюки и китель, почистил ботинки.

Когда около шести часов все было готово и он в парадной форме, при всех наградах, стал перед зеркалом, то едва узнал себя: несколько часов назад он выглядел совсем несолидно. Перед ним стоял теперь бравый, еще молодой полковник, худощавый, широкий в кости, с крепкой шеей и круглой, как глобус, головой, с взволнованным лицом и запавшими глазами.

Хотя до театра было и недалеко, поехали на машине. Вся площадь перед зданием театра была запружена — стояли газики, «доджи», «оппели», «виллисы» и всякие другие марки и модели, на которых приехали в город офицеры из частей.

Еще где-то там гремит война и смерть косит не разбирая, а вот люди смыли с себя пороховой дым и сажу, надели праздничную форму — и повеяло от всего чем-то мирным, чем-то таким давно забытым, но до боли дорогим и своим, родным, что замирало сердце. Климёнку почему-то вспомнился Белосток, где им было приказано следить за своей внешностью, ходить в начищенных до блеска сапогах и отглаженном обмундировании и не носить никаких громоздких вещей... Все это было так далеко, казалось, что прошли десятки лет... Как-то непривычно было видеть себя в окружении празднично

одетых гражданских людей, да и правда, какое отношение имел к ним Климёнок? К тому же это были неизвестные ему молдаване, которых он, если бы не война, никогда и не увидел бы и никогда, наверно, не ходил бы по этой южной земле.

С незнакомым волнением и холодком, пробегавшим по спине, переступил Климёнок порог величавого каменного здания, стараясь не зацепиться за что-нибудь, оглядывая заполненное уже людьми фойе, шумливые группки молодежи, солидных мужчин в черных костюмах, красиво одетых женщин, веселых и беззаботных молодых офицеров, которые, наверно, для храбрости выпили по стакану молдавского вина и чувствовали — или делали вид, что чувствуют,— тут себя как дома.

Вскоре Климёнок заметил и своих: высокого, тонкого, немного сутулого начальника штаба дивизии Симоновича, своего начштаба Ситникова и еще нескольких штабных офицеров. Все они были какие-то другие, немного притихшие, торжественные, будто боялись согнать, спугнуть эту пугливую птицу мира, которая ненадолго присела тут под крышей кишиневского театра. По этой степенности, скованности Климёнок понял, что не один он переживает в эту минуту что-то необычное. И как бы в подтверждение его мыслей начштаба Симонович сказал:

— А не кажется ли вам, товарищи офицеры, что война кончилась? Что нам надо сбрасывать погоны?

Одни восприняли его слова с улыбкой, другие были задеты за живое. Климёнку показалось, что начштаба сказал это специально для него, но не обиделся. Что с него взять, с этого штатского Симоновича? На нем китель сидит как на корове седло. Он только и ждет, чтоб сбросить его и начать снова преподавать в институте...

Наконец прозвучал звонок, всех стали приглашать в зал. Первые ряды занимали генералы, армейское, корпусное и дивизионное начальство, руководители правительства республики.

Климёнок сидел в третьем ряду, но зато в самом центре. Перед глазами колыхался огромный плюшевый занавес темно-красного цвета, от которого веяло как бы холодком и каким-то сложным запахом, который всегда ощущаешь в театре, когда подходишь близко к сцене.

За занавесом что-то стукало, иногда слышны были голоса, быстрые шаги.

Занавес заколыхался, раздвинулся и пополз к краям, открывая глазам выстроенный для выступления хор: впереди одетые в национальные костюмы женщины, сзади за ними, на возвышении,— мужчины, преимущественно пожилых лет.

Молодая, чернявая, свежая, как весенний цветок, девушка взволнованным высоким голосом объявила перед микрофоном, что сегодняшний их первый концерт в столице Молдавии посвящен героям-освободителям, генералам, офицерам и солдатам Красной Армии. «Большое вам спасибо от нашего народа!» — эти ее слова потонули в буре аплодисментов.

Сначала хор пропел несколько песен, потом начались танцы.

Давно-давно Климёнок не переживал такого высокого, прекрасного чувства, после которого стало чисто и светло на душе, будто на земле после майской грозы. Эти чарующие мелодии и танцы, хоть и не свои, родные, но, кажется, такие понятные и близкие, сделали великое чудо: очистили, омолодили его душу, вернули чувство красоты.

После концерта генералы и офицеры были приглашены на банкет.

И все же банкет, на котором было сказано много теплых слов им, освободителям, не оставил в душе Климёнка такого следа, как концерт. На банкете пели все вместе «Катюшу», «Огонек», «Землянку», «Эх, дороги...», пели и плакали, обнимались и клялись дойти до Берлина и взять живым Гитлера.

Под конец Климёнок немного захмелел, начал ухаживать за своей соседкой слева, уже немолодой, но красивой молдаванкой из хора, которая смешно говорила по-русски. У нее было два золотых зуба спереди, курносый нос; он хвалил песни, вино, ее тоже и просил погадать. Она игриво, как девушка, смеялась, но под конец, когда все расходились, куда-то исчезла.

Климёнок ехал в штаб на своей машине. Ему казалось, что и машина их выглядела иначе, чем до сих пор, но что в ней изменилось, Климёнок так и не мог бы сказать, у шофера же не хотел спрашивать, чтобы тот не подумал, что его начальник пьян.

На другой день Климёнок долго спал — первый раз за многие месяцы, если не сказать годы. Действительно, чем-то мирным веяло от всего этого сонного покоя, которого никогда не знает армия во время войны. «Что ж, отосплюсь перед дорогой»,— подумал он. Но полежал, а сон больше не приходил, и он встал. Пошел к колодцу умыться, облился холодной водой до пояса, смочил голову. Сразу стало бодро и хорошо. Вспомнил про машину, пошел посмотреть. Ах, черт, вот в чем загвоздка! Сиденье в машине застлано ковром, да, видно, дорогим, розовым, в цветах, тяжелым и ворсистым. «Вот паршивец Томпчаковский! Ну, я тебе покажу!» .

Слегка позавтракав, сел за свой стол, начал перебирать дела штаба, так как знал, что надо будет их передавать. Вначале работа не шла, перед глазами и в голове стояли картины вчерашнего вечера, а потом все вошло в норму. Он не заметил, как пролетело время. И вдруг услышал голос и не поверил ушам.

— Глеб Иванович, неужели это вы?

Климёнок повернул голову, глаза его округлились: перед ним стоял его верный повар, Иван Мельник. После того как Климёнок отпустил его добывать подсолнечное масло, человек пропал чуть ли не на две недели. А Климёнок хорошо помнит, что отпускал его на три дня.

Встал из-за стола, не зная, что делать: радоваться или ругать Ивана за опоздание. Но не успел подумать — Иван, как медведь, обхватил его за плечи и начал целовать. Щеки и борода у него были колючие, небритые, от человека пахло дымом и ветром, как от цыгана. Иван целовал его и плакал от радости. У Климёнка тоже навернулись на глаза слезы, он осторожно отстранил от себя Ивана и оглядел его с ног до головы: действительно, тяжело ему, видать, досталось это путешествие.

— Ну как масло, вкусное?

Оба расхохотались. Только теперь Климёнок заметил, что за спиной Ивана стоит Томпчаковский, верный друг Ивана, хотя по годам Иван был много старше. В последнее время, когда Иван пропал, Томпчаковский был сам не свой: куда девалась его веселость, подвижность, говорливость.

А теперь Томпчаковский весело смеялся вместе с Климёнком и Иваном, хотя еще и не знал, чем все кон-

чится: смех смехом, а Иван столько дней болтался неизвестно где.

Иван начал рассказывать, как он спешил выполнить поручение, а Климёнок и Томпчаковский, слушая, брались за животы от смеха. Иван обладал природным юмором, хоть он сам об этом, видимо, не подозревал, это получалось само собой. О самом страшном и трагическом он говорил так, что все смеялись, хотя это было совсем не смешно, а страшно.

История была длинная. Неудачи пошли с самого начала. Деревня, о которой говорил ему старшина, была совсем в другой стороне, и не три километра, а добрых десять. И жал он масло не сутки, как собирался, а целых три дня, так как старый дед, который имел приспособление для выжимки масла, сбежал из дома к какой-то вдове, а баба искала его по всем ближайшим деревням, пока не нашла... Потом, уже с маслом, Иван попал под подозрение у одного лейтенанта, который принял его за шпиона и отвел в особый отдел, где его продержали несколько дней, пока проверяли всё, и отпустили, но без масла. Тогда Иван вернулся, дошел до самого высокого начальства и все-таки добился, чтоб масло ему вернули. А когда пришел в деревню, где они раньше стояли, никого уже не застал, началось наступление. Пришлось ему расспрашивать, искать их по дорогам до Кишинева, потом за Кишиневом, и вот наконец почти случайно напал на своих: попросил подвезти на «виллисе», а машина ехала как раз из штаба их дивизии.

— Ну как, запомнишь маслице? — спросил со смехом Климёнок.

— На всю жизнь, товарищ полковник,— серьезно ответил Иван.

— Смотри... А теперь скажи, Анатоль, где ты взял тот ковер, что постелил в машине? — спросил Климёнок у шофера.

Тот сник, но через минуту смело глянул в глаза Климёнку.

— Мы вчера там скучали, пока вы были в театре... Ну, наш брат все знает. Один, что генерала возит, говорит: тут недалеко дом, в котором жил гауляйтер или какая-то там холера, а может, просто немецкий генерал... Там кое-что есть. Ну, мы туда... Охраны никакой. Вот и взял...

— Так вот, найди всех, кто был с тобой, соберите все, что взяли, и сдайте начальнику тыла под расписку... И покажешь ему тот дом, в каком вы были. Ты понимаешь, что это уже народное добро? Чтобы сейчас же все было сделано!

— Слушаюсь, товарищ полковник! — вытянулся в струнку Томпчаковский.

Они ушли, оба веселые: легко отделались.

...Сразу после обеда из штаба дивизии позвонил генерал Соколов и приказал Климёнку приехать к нему.

Климёнок прежде всего подумал о машине: вернулся ли шофер, сделал ли все, что приказано. Глянул в окно: машина стояла на месте. Климёнок позвал адъютанта и попросил найти Томпчаковского.

Через несколько минут адъютант вернулся и доложил, что Томпчаковский с Иваном... пьяные лежат под машиной, что он их не добудился.

Этого еще не хватало! Климёнок встал из-за стола, надел китель и вышел во двор. «Я им сейчас покажу! Они у меня будут знать, что значит напиваться!» — ругался про себя Климёнок, идя к машине. Такого еще не случалось никогда ни с шофером, ни тем более с поваром.

На плащ-палатке под машиной, обнявшись, спали сном праведников друзья — Томпчаковский и Мельник. «Очевидно, обмывали радость встречи и перебрали меру». В другое время Климёнок, может, простил бы такое нарушение, но только не сейчас, когда надо быть в штабе. Дружба дружбой, а служба службой: тут никакой скидки и поблажки быть не может.

Климёнок окликнул одного и другого, но они по-прежнему храпели, даже не шевельнулись. Его разобрала злость. Оглянулся вокруг, ища какой-нибудь предмет, но ничего на глаза не попадалось. И тут он увидел полное ведро воды, стоявшее возле машины.

— Ну, я же вам! — Климёнок схватил ведро и плеснул под машину.

Оба вскочили как ужаленные, ошалело озираясь, не понимая, откуда и что взялось.

Климёнок приказал шоферу заводить машину. Томпчаковский неуклюже забрался в кабину. Машина не заводилась, что он ни делал, только чихал мотор.

«И машина пьяная или еще какая напасть?» — поду-

мал Климёнок и сам сел за руль, но и у него мотор не заводился. И тут взгляд его упал на панель с приборами. Стрелка-показатель горючего лежала на нуле.

Климёнок показал шоферу на шкалу:

— Непоеный конь не хочет тянуть... А ну марш за бензином! Чтоб через десять минут все было готово!

Томпчаковский вылез из машины, нетвердыми шагами прошел к багажнику, вытащил пустую канистру, махнул рукой Ивану, и они бегом пустились искать бензин.

С пьяным шофером Климёнок ехал первый раз и ждал, что они вот-вот где-нибудь врежутся в дерево или влетят в канаву, но вскоре убедился, что страх его напрасен. Томпчаковский теперь не мчался как бешеный, тормозил плавно и с места не рвал, как спринтер, на поворотах сбрасывал скорость, был осторожным и спокойным, будто вез молоко. Куда девалась его лихость!

В штаб они успели.

Климёнок ожидал всего, а вот того, о чем узнал, даже не подумал. Их дивизию (и даже армию) переводили в Котовск. Идти надо было своим ходом.

«Ну что ж, пусть будет Котовск,— подумал Климёнок.— Там скажут, куда направляться дальше. По крайней мере, теперь дороги лежат только на запад».

Часть пятая

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

1

Эшелон шел на северо-запад, порой поворачивал на север и затем снова забирал влево. Колеса выстукивали такую знакомую, но уже забытую мелодию...

Пейзаж постепенно менялся — все больше вырастало на горизонте лесов, белые мазанки уступали место деревянным зданиям, даже маленькие, будто карликовые телеграфные столбы по мере движения на север становились выше — будто росли.

Удручало только одно: разбитые, взорванные мосты на дорогах, много пожарищ, развалин, особенно в городах.

Жестокий и кровавый след войны и оккупации виден был во всем.

А что же там, дома? Наверно, не лучше, чем тут, на

этих дорогах. Кованный железом сапог оккупанта прошелся и там...

Реки, мосты, озера, живая зелень болот и лесов. Наверно, здесь полно было партизан... Скоро и Беларусь, его родина... Он написал жене в Кричев, что, может быть, удастся завернуть домой хоть на час, так как их эшелон шел вначале на Киев и была надежда попасть под Ленинград или в Прибалтику. Но с Коростеня повернули на запад, и Климёнок понял, что в Беларусь они уже не попадут.

Последняя их остановка была в Ковеле.

Они выгрузились из эшелонов и разместились в ближайших деревнях.

Можно сказать, отдыхали душой и телом. Фронт стоял на Висле, в Люблине уже работало новое польское народное правительство. Где-то там находился и штаб маршала Жукова, командующего Первым Белорусским фронтом. А они были далеки от всего этого. Было какое-то неясное ожидание, какая-то надежда на что-то сверхъестественное: может, конец войне?

И вдруг — в армии к этому не привыкать — приказ: сниматься, идти своим ходом в Польшу, к городу Бяла-Подляска.

Климёнок приехал на место дислокации раньше квартирьеров, занял себе под штаб хорошую хату в деревне. Хозяин-поляк — человек в годах, высокий, обросший и молчаливый,— немного умел говорить по-русски, а чаще, если надо было, объяснялся с ним Томпчаковский.

Две комнаты, которые занял Климёнок под штаб, были не одинаковы: маленькая — спальня, большая — для штаба. Сами хозяева жили в другой части дома, которая отделялась от них сенями и кухней.

В первый же день хозяин приготовил для «пана пулковника» баню, Климёнок с удовольствием попарился, смыл дорожную грязь и почувствовал себя бодрым и помолодевшим.

И вот уже с неделю прошло, как Климёнок жил в деревне под Бялой-Подляской и все эти дни не имел покоя: что там дома? Снились плохие сны, рукопашные бои, видел заплаканную жену, мелькали лица братьев. Павел, средний, виделся как в тумане, где-то далеко, что-то ему говорил, махал рукой, но слова не долетали. А младшего, Петра, от которого тоже всю войну не имел

вестей, видел во сне ясно: будто они с ним разделены какой-то горой, и Петр хочет перебраться с той стороны на эту, к нему, Климёнку. А перебрался ли он через гору или нет, так и неизвестно: сон — это не кинолента, тут полно всяких неожиданностей и поворотов. Особенно поразило Климёнка то, что Петр был в чужой незнакомой форме, которая ему мешала взобраться на гору: рыцарские доспехи, что ли... И тут стукнуло в голову: Генрих Сенкевич, «Крестоносцы», о которых говорил когда-то на Дону генерал Данилов... «Крестоносцы»... Вот когда в нем отозвалось это... В Польше, на родине Сенкевича. А «Крестоносцев» он так и не прочитал... Стыдно, просто стыдно... Тогда он приказал Томпчаковскому и адъютанту Артюхину раздобыть ему книжку, и через пару дней ему принесли «Крестоносцев» в оригинале и в русском переводе. Читать по-польски было трудно, и он взялся за русский перевод, удивляясь богатой фантазии автора... Теперь Климёнок, когда выпадает свободная минута, читает. Залез в такую историю...

— Вас к телефону,— говорит ему адъютант Артюхин.— Сандомир.

Климёнок не понимает: почему Сандомир? Кому он там нужен? Тут какая-то ошибка... Но идет к телефону, берет трубку. Взволнованно говорит:

— Алло, Климёнок слушает...

И слышит далекий, как бы знакомый голос:

— Глеб, это ты? С тобой говорит Петр Климёнок, твой брат.

У Климёнка пропадает голос, он не может даже сказать «добрый день», но затем с удивлением радостно кричит в трубку:

— Неужели это ты, Петро?

— Я, брат, я... Как ты там?

— Ничего, все хорошо... Как ты меня нашел?

— Нашел! Долго рассказывать... Хочу к тебе приехать...

— Приезжай хоть сейчас!

— Погляжу... Может, сегодня вечером... Хорошо?

Теперь Климёнок все больше и больше улавливал родные нотки в голосе брата, старался представить его в эту минуту где-то там, на конце провода, в том Сандомире. Какой он? Подрос? Возмужал?

— Приезжай. Жду! — повторил Климёнок.

День тянулся долго, казался бесконечным: ему представлялось, что вот-вот он увидит машину, из которой выходит навстречу незнакомый офицер, похожий немного на него самого, а если получше приглядеться, то на их отца: такие же острые цепкие глаза, ровный нос, характерная линия губ с ямочками в уголках рта... Тонкий стан, перетянутый офицерским ремнем, вся грудь в орденах и медалях. Такой ли он в действительности? Или Климёнок только фантазирует? Петр не сказал даже, какое у него звание, какая работа...

Вечерело, а брата все не было. Если бы знал, кажется, по какой дороге будет ехать, вышел бы навстречу... Нет, пусть уж ищет сам: координаты имеет точные.

Поздно вечером, когда утомленный ожиданием Климёнок лег спать, приехал гость.

Климёнок зажег лампу, оделся... Осмотрел брата с головы до ног, довольно усмехнулся. Он почти не ошибся: Петр был как раз таким, как представлялся в воображении старшего брата.

Они обнялись, поцеловались, у обоих на глаза навернулись слезы. Какое счастье — встретить на войне родного человека, о котором ты ничего не знал!

Чем-то давно знакомым, домашним повеяло на Климёнка от брата. И что странно! Вот уже сколько лет они, как цыгане, ездят по свету, останавливаясь на месте не больше чем на три, на пять лет, а теперь, в войну, то и не более чем на месяц, на два, а вот есть что-то такое, что по запаху, по голосу, по малейшим черточкам узнаешь родное. Что-то навсегда остается от дома, от семьи, из которой человек вышел, живет с ним до конца, в каких бы водах его ни купали, все равно никогда не отмоешь.

Они сели за стол — оба в форме, светловолосые, большеглазые, с похожими носами,— чужой человек сразу сказал бы, что это братья.

На стол Климёнок поставил все, что смог раздобыть за день,— была даже икра. Да и Петр приехал не с пустыми руками.

Первую чарку выпили за встречу.

Сразу заговорили про Кричев: об отце, который в войну умер, о матери, сестрах, о среднем брате Павле, который ездил машинистом по линии Витебск — Ленинград, а теперь неизвестно куда пропал: то ли взяли в

армию, то ли погиб под бомбой. Помолчали, повздыхали...

Климёнок стал расспрашивать брата о его собственной жизни. Они не виделись много лет, старший Климёнок оставил брата еще мальчиком, потом видел раза два курсантом Киевского училища связи. И вот перед ним сидит бывалый офицер, худощавый молодой подполковник, который много пережил и многое повидал, в армии с самого начала войны.

Петр рассказывал о себе так, что трудно было уловить связь между отдельными картинами, фрагментами, эпизодами. Отступление... Потом Сталинград... Кавказ... Теперь — Сандомирский плацдарм, армия генерала Колпакчи, он — начальник связи 40-й дивизии. Хорошо знает немецкий язык... Женат. Что еще?

Обо всем он говорил с легкой иронией, порой насмешливо — будто все это делалось легко и просто, будто рассказывал не о себе, а о каком-то чудаке, который блуждал, спотыкался, набивал шишки на лбу, вертелся, как собака, что хочет укусить себя за хвост... Климёнок по ходу его рассказа вспомнил, что и в детстве его брат Петрок был таким же: все посмеивался над собой, все прикидывался дурачком, а серьезные мысли и планы таил про себя...

Потом Климёнок-старший рассказал и о себе, тоже бегло, только серьезно, без шуточек.

Брат, слушая, сказал:

— Материал для романа... Собирай дальше... Только скучный, без любви. Одни мужские морды. Все пахнет кирзой, потом, табаком, водкой — нет ни парфюмерии, ни голубого платья...

Слова брата немного укололи Климёнка, но он не показал своей обиды.

— Было всякое... Но то, что я пережил, пережили тысячи. И тот, кто доживет до конца, расскажет людям...

Петр помолчал. Он пил много, но не пьянел, только все больше углублялся в себя, как бы отгораживался от мира и от того, кто был рядом. Чувствовалось, что у него много за душой, но не каждому он это выложит, даже брату.

Климёнок-старший спросил у брата, далеко ли до конца войны?

Петр, бледный, насупленный, грустно покачал головой:

— Война скоро кончится, но что с того?

— Как что?

— А то, что она примет только другие формы, а покоя людям все равно не будет.

Уже когда они легли спать, Климёнок-старший спросил у Петра про секретное гитлеровское оружие, которым немцы их давно пугают, но которого так и нет.

— Оружие они готовят,— зевая, ответил Петр.— Немцам еще нужен год, два, а то и три, чтоб его освоить и запустить в производство... Но мы с ними разделаемся быстрее...

— Это так... Однако что они там такое мудрят?

— Не знаю, как точно называется — что-то вроде энергии атомного ядра... Она обладает огромной взрывной силой.

— Сильнее динамита?

— В тысячи раз... От взрыва бомбы или снаряда на десятки километров не остается ничего живого. Даже камень рассыплется в порошок.

— Не может быть!.. Откуда же берется такая энергия?

— Я же тебе сказал. Из ядра атома.

— Какой там атом? Маковое зернышко...

— Вот-вот. А энергия необыкновенная. Правда, не во всех ядрах. Только в определенной группе элементов: урана, кобальта, молибдена...

— Так это ж переворот в... жизни, экономике, в политике...

— А ты как думал?

В тишине послышалось, как гость посвистывает носом.

— Ты спишь, Петро? — тихо спросил Климёнок. Ответа не было. «Ну и хорошо,— подумал он,— а то мы заговорились. Мне-то что? А он с дороги, устал, сам вел машину. Смотри ты! Все знает... Связь! Уши и глаза... Не то что я. Мне только скажут, куда стрелять, когда... Однако вырос Петрок, молодчина... Подполковник! Пожалуй, и меня обставит, а всего двадцать шесть лет... Ну что ж, счастливой дороги! Лишь бы жив остался. Впереди вон еще сколько... До Берлина путь далекий, тяжелый. Кто до него из нас дойдет — никто не знает...»

...Утром встали как обычно, пошли к колодцу умываться. Был первый за эту осень заморозок — легкий след

инея лежал на железных крышах, жесткой и упругой была трава под ногами, непривычно шуршали по ней шаги — ши-ши-ши...

Заскрипел ворот, глухо плеснуло внизу ведро о воду, забулькало, утонуло, дернулась цепь, как бы сигналя: вытаскивай! Климёнок стал крутить ворот, цепь, позванивая, натянулась, стала ровными кругами ложиться на ворот. По двору раздавался пронзительный скрип, такой знакомый в каждой деревне.

Петр разделся до пояса, махал руками, разминался. Климёнок любовался сложением брата, хорошей мускулатурой плеч и груди, смуглостью тонкой кожи, под которой переливался, играл каждый мускул.

Климёнок вылил ведро в большое, выдолбленное из толстого кругляка корыто, покрытое на дне зеленым тонким налетом, потом достал еще одно ведро.

— Ты спортом занимаешься? — спросил у брата, который пригоршнями брал воду и обливал грудь и плечи, громко отфыркиваясь.

— С чего ты взял? Не до спорта... Иной раз дорвешься, но это редко. Вот так освежишься такой водичкой, и то удается в год раз... при форсировании...— Он захохотал.— Один раз в машине купался, чуть на дно не угодил... Полей мне на спину из ведра!

Петр низко согнулся, чтобы вода не текла за поясницу, а Климёнок лил ледяную воду на его плечи. Петр даже стонал от наслаждения, поводя лопатками и пританцовывая на месте.

— Что это у тебя под мышкой? — Климёнок заметил слева на ребрах узкий синий шрам.

— Осколком однажды шарахнуло,— беспечно ответил Петр.— Ну, довольно, спасибо. Душ отличный, давно такого не принимал.

Он взял полотенце, начал энергично растираться.

— А ты как, Глеб, ходишь некрещеным?

— Как тебе сказать? Как стукнуло в финскую, то с того времени, считай, и не задевало... Один раз под Смоленском осколок, как иголка, попал под ноготь на большом пальце. Вот и все...

— Что ж, тебе везет.

Климёнок вымыл лицо, провел мокрыми руками по коротким, ежиком, волосам, забрал у брата полотенце и стал вытираться.

... Через час братья расстались.

— До встречи в Берлине,— сказал Климёнок-старший.

Петр усмехнулся и крепко пожал ему руку.

2

«Теперь будешь ездить, как сват на свадьбе, куда надо и куда не надо»,— думал Климёнок, сидя в машине рядом с Томпчаковским, который чинно сидел за рулем в расстегнутом бушлате, пристально следя за дорогой и время от времени покручивая черную блестящую баранку руля.

Дорога была ровная, белая, порой с ухабами, снег перетерт в мелкую пыль, так что приходилось даже буксовать: это не то что зимняя дорога, отшлифованная санями. Снегу навалило много, а он все шел и шел — ровный, тихий, снежинки танцевали, кружились на месте и, только попав в воздушную струю от машины, оживали, метались, обтекая стекло и исчезая где-то по сторонам.

Несколько дней назад Климёнка вызвали в штаб корпуса, где сам комкор вручил ему лист топографической карты с городом Магнушевом в центре. Там, на Висле, как и раньше на Днестре, плацдарм покидала 8-я ударная армия генерала Чуйкова, а 5-я ударная генерала Берзарина занимала ее место. Климёнок должен был подробно нанести на карту всю схему дислокации армии, учитывая и приданные ей силы, так что миссия у него была ответственная, и он боялся, что не справится. Хуже всего, когда ты не знаешь, что тебя ждет, как тебя встретят и вообще нужен ли ты там. Но раз начальство посылает, значит, оно надеется на тебя, и ты в лепешку разбейся, но выполни поручение.

Иначе чего ты будешь стоить?

Климёнок был даже вроде «засекречен»: без погон, в белом, почти до колен, полушубке, в шапке-ушанке, так что нельзя было определить его звание. С ним ехали адъютант Артюхин, сержант-радист и старший лейтенант-топограф.

Дорога шла прямо на запад, к ней кое-где подступали редковатые хвойные леса, уничтоженные за войну, по дороге чернели трубы сожженных хуторов, порой мелькала в отдалении небольшая деревня со шпилем костела, иной раз попадались целые кладбища засыпанной снегом

побитой и сожженной техники — следы не так давно отгремевших тут боев. Что особенно поражало — здесь почти не видно было людей, ехали как по снежной пустыне.

Через два с лишним часа езды Климёнок заметил впереди движущуюся черную точку, которая то проваливалась в низину, то снова показывалась, когда начинался пригорок.

Слегка осоловелый от безлюдной дороги, шофер Томпчаковский оживился. Машина побежала быстрей, черная точка стала расти, приобретать определенную форму: это был танковый тягач — тот же танк, только без башни. Тягач идет быстро, но легкий юркий «виллис» уже пылит снегом возле самых его гусениц.

Томпчаковский испытующе смотрит на Климёнка, ждет приказа. Обогнать тягач нельзя: дорога узкая, съехать в сторону,— значит, засесть в снегу.

— Посигналь,— говорит Климёнок.

Шофер три раза нажимает на клаксон. Три коротких резких гудка бесследно пропадают в шуме и грохоте двух моторов. Томпчаковский дает уже длинные сигналы, не снимая пальца с клаксона,— даже болит в ушах. Но тягач как глухой. Все так же споро сыплется снег с гусениц, холодно поблескивает металл траков, все так же ровно выкидывают сзади две выхлопные трубы клубы черного дыма с искрами,— тягач, как огромный слон, не хочет посмотреть, кто там сзади просит дороги.

Климёнку вначале это показалось забавным. Скучно было в дороге, вот случай для разрядки. Он глянул на шофера. Тот, кажется, уже «завелся» — побелел от злости, не снимал с клаксона пальца и готов был, казалось, пойти на таран, лишь бы это бронированное страшилище услышало их, дало им дорогу.

«А что, может, они и не слышат? Такая броня, да еще шум моторов. Разве выстрелить вверх?» — шевельнулась у Климёнка ленивая мысль.

Но сигнал машины начал действовать на нервы. Климёнок уже злился на шофера, что без конца нажимал на клаксон.

— Хватит дудеть! Обгоняй! — приказал он шоферу.

Обгонять по глубокому снегу было не просто: шофер несколько раз вырывался вперед, а потом застревал. Приходилось браться за лопату. Так они и двигались за тягачом несколько километров, пока не выбрались

на перекресток дорог, в центре которого была довольно просторная круглая площадка и стоял бетонный столб со стрелками-указателями и надписями на польском языке — может, еще довоенный, так как жесть на табличках погнулась, заржавела, была с пробоинами от пуль.

И тут Томпчаковский уже не проморгал.

Вначале Климёнку показалось, что тягач свернет где-нибудь влево или вправо, но оказалось, что дороги их совпадали. Тягач немного повернул вправо, чтоб не сбить столб с табличкой, и снова повернул на запад. А в это время «виллис» миновал столб слева, вильнул вправо и оказался перед самым носом у тягача. Мощная машина взревела во всю силу своих двенадцати цилиндров, тяжело качнулась и осела на гусеницы.

Стукнула толстая дверца переднего люка, показалась голова танкиста в черном рубчатом шлеме. Климёнок открыл дверцу и выскочил из машины. Лицо танкиста показалось ему женским: большие глаза, маленький нос, нежная кожа, слегка подкрашенные губы.

— Что вам надо, начальник? Почему загородили дорогу? — спокойно спросила женщина-водитель.

Климёнка удивило, что в танке женщина, но отступать он не хотел и спросил довольно неприветливо:

— Какой части? Как фамилия?

Вместо ответа женщина исчезла в люке и что-то сказала там, внутри. Послышался смех нескольких мужских голосов. Голова снова показалась из люка, теперь на бледном молодом лице женщины была улыбка.

— Вам показать дорогу?

— Какую дорогу? — разозлился Климёнок.— Я спрашиваю, какой вы части? Как ваша фамилия? Перед вами полковник Климёнок, и я прошу вас отвечать!

Голова метнулась назад, доставая рубцами шлема до пазов люка. Улыбка с лица не исчезала.

— Ах, вот что, полковник... Но зачем так надрывать голос? Я не глухая...

— А мне кажется, вы глухи! Не слышали, как сигналил шофер целых полчаса.

Голова снова нырнула в люк, что-то сказала, снова послышался смех.

Климёнок не заметил, как слева рядом оказался танкист в черном комбинезоне, с большим гаечным ключом

в руке, справа — еще один, высокий и худой. Женщина сказала им:

— Хлопцы, покажите старику дорогу. Он заблудился.

Климёнок, обиженный за «старика», хотел выругаться, но тут почувствовал, что сзади кто-то тянет его за рукав. Он оглянулся и увидел бледное испуганное лицо адъютанта Артюхина, глаза которого будто не говорили, а кричали: «Скорее отсюда, прошу вас. Скорей!» Адъютант почти насильно потянул его к машине.

— Ты что? — закричал Климёнок, чувствуя, что его злость переходит на адъютанта.

— Товарищ полковник! Прошу вас садиться! — молил и приказывал одновременно адъютант Артюхин.

Он так выразительно повел глазами в сторону тягача, что Климёнок подумал: черт с ними! — и сел в машину. Томпчаковский рванул с места, дал полный газ, машина помчалась как на пожар.

Отъехав примерно с версту, адъютант Артюхин наклонился сзади к Климёнку и шепнул ему на ухо:

— Лучше с ними не связываться... Это же танкисты...

Климёнок тяжело вздохнул.

— В другой раз не лезь в мои дела. Обойдусь без тебя...— Подумал и добавил: — А за это спасибо...

Вскоре стычку с танкистами заслонили другие события. Климёнка поглотили новые заботы. Вот он, Мангушевский плацдарм! Миновали мост... Как только он уцелел? А лес какой! Какие сосны! Из таких сложить хату — простоит сто лет и не выветрится запах смолы. Земля вся раскопана, будто изрыта кротами: тут в неглубокой канавке лежит кабель, там песчаный бруствер, чуть присыпанный снегом, а вон желтеет свежая, тянувшаяся зигзагом траншея, за ней встают над землей блиндажи, землянки в четыре-пять накатов, в которых размещались штабы, где спрятано армейское добро: продукты, боеприпасы, разное военное снаряжение, которое, кажется, вообще не имеет определенного назначения, и для чего оно тут — неизвестно. Замаскированные танки, самоходки, окопанная артиллерия, закрытые защитным брезентом дивизионы «катюш»... О боже, сколько тут собралось людей и техники, как все объединить в одно, как организовать тут порядок, чтоб все работало, как один слаженный организм? Со стороны это кажется невозможным. Но это

так: все вместе создает целый живой организм, название которому — армия...

За четыре дня, что тут пробыл Климёнок, пришлось наглядеться всего. Карта, которую дал ему командир корпуса, вся стала испещрена значками, которые может читать только искушенный глаз военного. Противник отдал бы многое за нее... Правда, через неделю или две это все переменится, значки могут переместиться в другое место, поменяются цифры, прежний порядок изменится, но все равно снова тут будет стоять армия — хоть и другая, но тоже ударная...

Под вечер они остановились неподалеку от дороги, на опушке леса. Поужинали в машине, поели холодных консервов с мерзлым хлебом. Адъютант Артюхин разжег огонь под разлапистой елью, собирался в котелке сварить кашу.

Климёнок, утомленный за день, лежал на земле, застланной еловыми ветками, вдыхая всей грудью смолистый запах зеленой хвои.

«Скоро Новый год,— думал Климёнок, опьяневший от этого запаха,— раньше ставили бы елочки... Где-то там моя Надя готовит Лине елочку, такую же маленькую, как дочка. Ведь ей уже скоро пять лет. Как летит время! А оставил ее — ребенку был год, едва умела ходить. Придется ли еще свидеться?»

Его мысли прервал адъютант Артюхин:

— Товарищ полковник, едет высокое начальство, по всему видно. Кавалькада машин... Может, сам Чуйков.

Климёнок повернулся к дороге. Действительно, «виллисы», газики, «доджи» и всякие «оппели» заняли дорогу почти на сотню метров. Колонна остановилась. Из черной блестящей машины, что ехала второй, вышли трое. Первый, солидный, крепкого сложения, в генеральской форме. Но не Чуйков, Климёнок узнал бы того издалека... Хотя и этот казался знакомым... Где он его видел? Этот волевой подбородок с ямочкой, большой прямой нос, характерный волевой рот. Ага! Вспомнил: маршал Жуков!

Климёнок вскочил на ноги, быстрым шагом пошел навстречу. Не доходя метра три, остановился, доложил по всей форме: кто, зачем тут, по чьему приказу.

Лицо маршала было спокойным, ни один мускул не дрогнул на нем. Только когда Климёнок кончил доклады-

вать, маршал сжал губы, волевой подбородок с ямочкой еще больше выпятился вперед.

— Кто перед вами? — спросил маршал.

Климёнок не понял вопрос.

— Простите, не понимаю...

— Я спрашиваю о противнике, полковник,— оборвал его маршал.

Климёнок смотрел на него во все глаза и не знал, что отвечать. Противником он еще не занимался, думал только о том, как разместить дивизии. Может, и правда — это ошибка? Может, с этого надо было начинать?

— Я не успел, товарищ маршал...

— Я вас спрашиваю, кто перед вами? Назовите мне фамилии командиров немецких частей, которые стоят против вас! — Голос его обретал угрожающую силу, а глаза холодели.

Климёнку стало душно.

Это был не просто страх за свою жизнь — Климёнок давно ею не дорожил. Было страшно за себя как командира, полковника, командующего артиллерией дивизии, который вот тут, перед маршалом, стоит как пень, как болван и молчит, не знает того, что должен знать! Что обязан знать! Иначе — какой он командир? Как в шахматной игре — если ты строишь свои планы и не следишь за планами противника, будешь бит! «Провалиться бы сквозь землю... Провалиться... Но чего я молчу? Почему не отвечаю? Я могу сослаться на инструкцию комкора Жеребина».

— Товарищ маршал! Мне поручено провести рекогносцировку. Я тут только... четыре дня... В мои планы не входило...

Маршал, рубанув рукой воздух, как шашкой, перебил Климёнка:

— Полковник, вы обязаны знать своего противника... Иначе вы не командир!

— Я из пятой ударной Берзарина, а не из восьмой Чуйкова,— вставил Климёнок, боясь, что маршал принимает его за «здешнего», с плацдарма.

— Не имеет значения,— круто отрезал маршал.— С таких командиров надо снимать погоны! Иначе они приведут к плохому концу. Противника мы должны знать, как самих себя. Только тогда мы можем рассчитывать на успех. Зарубите себе на носу это, полковник.

Ошеломленный, сбитый с толку Климёнок хотел найти в свое оправдание какой-нибудь веский довод, но в голову ничего не приходило.

Маршал круто повернулся и пошел к машине.

3

Польша не показалась Климёнку краем незнакомым, чужим, непонятным.

Известно, что у каждого человека на земле есть что-то святое, что бережно хранится в его душе. Все дело только в том, что у одного это лежит на поверхности, у другого — глубоко в сердце.

Климёнок хорошо знал, что поляки — народ горячий, темпераментный, нетерпеливый. Многое у поляков Климёнку нравилось, кое-что — нет, но он с уважением относился к их обычаям, традициям. Внимательно приглядывался к простым людям, к их быту, хотел глубже понять всю сложность их души, истерзанной пятью годами оккупации.

События подгоняли Климёнка... Некогда было оглянуться. Дорога через Польшу показалась ему форсированным маршем.

Только на реке Пилице немцы думали удержаться, но напрасно — их смели. Как-то так вышло, что немцы оказались в тылу наших войск. Климёнку приказали повернуть орудия и бить по своим тылам. После короткого артналета немцам ничего не оставалось делать, как сложить оружие.

А потом немцы на их пути нигде долго не задерживались. Пехоте трудней, она встречается с противником лоб в лоб, а артиллеристы — на расстоянии выстрела.

Где-то рядом с дорогой бежит река Варта. Они едут на новом «виллисе». Это уже третий у Климёнка, два «изъездил» вконец еще там, в степях Украины и Молдавии. Томпчаковский покручивает баранку руля, нажимает на акселератор, машина подпрыгивает на выбоинах. Недавно была оттепель, теперь морозец, машина скользит, как неподкованный конь на льду. Но они катят — вперед, вперед! Не отставать от пехоты! Артиллерия должна быть для нее надежным щитом.

Молчание начинает тяготить.

— Что значит «Варта» по-польски? — спрашивает Климёнок у шофера.— Стража?

— Так точно, Глеб Иванович. Эта река всегда была на страже польской западной границы... А может, и не потому так назвали, но мне так кажется. Мы, поляки, даже в гимне ее упоминаем: «Пшэйдзем Вислэн, пшэйдзем Вартэн, бэндзем поляками...» И этот старый гимн остался, и флаг, как вам известно...

— Да, это национальная святыня... Но означает ли это, что и Польша останется... старой? — спросил Климёнок и внимательно посмотрел на Томпчаковского.

Тот не сразу ответил, зорко вглядываясь в неровную черную ленту дороги, по которой, как жуки, ползли, переваливаясь с боку на бок, машины с орудиями и минометами на прицепе.

— Я не стану говорить за всех поляков, скажу за себя,— начал Томпчаковский.— Откровенно говоря, вначале я был за Польшу Пилсудского, Рыдза-Смиглы... Но когда поглядел, подумал, пережил... вижу — нет, дороги назад нет...

«Рассуждаешь, как старик, брат Анатоль, просто не верится, что тебя так перековали. Просто диву даешься»,— думал Климёнок.

А Томпчаковский продолжал:

— Вот взять вас, Глеб Иванович... Полковник, командующий артиллерией дивизии... Большой начальник! А вы равны со всеми: со мной, рядовым шофером, с поваром, с другим, третьим... У вас нет этого гонора, зазнайства, что сидело в наших старых начальниках... Ого, чтоб я до войны возил полковника да он был бы со мной запанибрата! Думаю, если бы вы были царским офицером, тоже все было бы по-другому... А вы в каждом видите человека, своего брата, равного себе... Вы и перед высшим начальством не гнетесь в крюк... Вы прежде всего — человек... А я — ваш подчиненный, но я тоже человек. И вы это помните всегда... Даже в гневе...

— Ну, в гневе порой не все видишь,— усмехнулся Климёнок: в памяти всплыла Молдавия, тот случай, когда он, Климёнок, «остужал» водой «разогретого» Томпчаковского и повара Мельника.

— Вы и в гневе не переходите разумной границы,— сказал шофер.— Вы никогда меня не агитировали за советскую власть, никогда не ругали старую Польшу, хотя и знали, что я поляк, вырос при том режиме... А может, никто так меня не агитировал, никто так не поломал мои старые взгляды, как вы, Глеб Иванович!

— Ну что ты...— Климёнок даже покраснел.— Вот не подумал бы...

— Со стороны казалось, что вам до всего этого нет дела... Оно и так... Почему вы должны меня воспитывать? Этим должен заниматься кто-то другой... А вы все время воспитывали нас, таких, как я, своим поведением. Давали пример человечности, отваги, честности... И только тот, кто не имеет головы на плечах, этого не заметит... Так почему я должен держаться за старое? К черту! Хочу жить по-новому! И за это воюю, если можно так сказать, кручу этот руль...

Справа сбоку показался небольшой лесок — как бы болотце, поросшее невысоким ельником. Из него на дорогу вышли два солдата с катушками телефонного кабеля за плечами, с телефонными аппаратами. Они будто ждали, чтобы их кто-нибудь подвез. Но руки не поднимали, хотя машин шло впереди много. И только когда Климёнков «виллис» подъехал ближе, один из бойцов поднял руку.

— Остановись,— приказал Климёнок шоферу.

Машина, скользя и виляя, свернула на обочину и остановилась.

Увидев высокое начальство, старший по возрасту солдат растерялся, пробормотал: «Простите, мы не знали» — и отступил в сторону, давая дорогу машине и рукой показывая, чтобы они проезжали.

— Что вы хотели? — стараясь говорить мягко, спросил Климёнок у солдата.— Смелей, смелей!

— Да тут,— солдат, обвешанный амуницией связиста и оружием, махнул рукой на лесок.— Мы думали, что в машине есть доктор...

— А зачем он? Кто ранен?

— Да нет... Там лежат немцы... Человек двадцать. Все будто целые, а на самом деле мертвые...

Климёнок вышел из машины.

— Далеко?

— Нет, метров триста отсюда...

Они пошли со связистами: молчаливым парнем крестьянского вида — серые глаза, бесцветные брови, курносый нос, бесформенные губы — и его товарищем лет сорока. Умные спокойные глаза его глядели вдумчиво. В нем было что-то свое — белорусское. Об этом говорило и его произношение: круглое «а», твердые «р» и «ш», и слова он растягивал, будто пел.

— Вы из пополнения? — спросил Климёнок. Ему интересно было поговорить с новым человеком.

— Из пополнения, товарищ полковник,— ответил старший и пошел рядом с ним, немного отставая.— За Вислой нас влили в часть...

— Откуда родом?

— Западник, из-под Клецка. С этим парнем мы из одной деревни,— он кивнул на молодого солдата.

— Детей много дома оставил?

— Да немало... Пятеро... И все как горох, дробненькие,— усмехнулся солдат.

— Ну ничего. Скоро прикончим фрицев, пойдешь к своим детям.

Солдат тяжело вздохнул.

Они входили в лесок.

— А живой немчуры нет?

— Нет, товарищ полковник. Мы снимали связь, прочесали всю эту рощу. Нигде... Только неживые. И совсем целые.

— Как это?

— Ну, никаких следов: ни крови, ни ран. Лежат окостеневшие — и все.

Шаркая сапогами по обледеневшему снегу, они шли по жиденькому ельнику. Запахло свежей хвоей. Мягкие ветки елей гнулись под тяжестью смерзшегося снега. Тяжело махая крыльями, с вершины невысокой елки слетел черный ворон. «Почуял трупный запах,— подумал Климёнок.— А что, если шарахнут из-за кустов? Вот и будет ворону добавка».

— Вот они,— сказал молодой солдат и остановился.

Вначале все сгрудились в одном месте, а потом разошлись в стороны, остановились. Прямо на снегу, под густыми лапами ельника, лежали, сбившись в кучу, серо-зеленые скорченные фигуры.

Заросшие восково-ледяные лица, запавшие темные глазницы, будто глаза уже выдолбил тот ворон, что не-

давно сидел на ели. Вначале казалось, что солдаты спят. Но, приглядевшись, можно было заметить, что они умирали мучительной смертью. Им будто не хватало воздуха, рты их были открыты, а руки — либо возле горла, либо на груди, у сердца. И нигде никаких признаков крови, ранений. Климёнок снял перчатку и дотронулся до руки солдата, лежавшего с краю, уткнувшись лицом в поднятый воротник,— рука была холодная как лед. Взял труп за рукав шинели, приподнял, он был как железный. На отшлифованных до блеска подковках и широких шляпках гвоздей на подошвах сапог были заметны следы свежей ржавчины. Значит, они тут уже несколько суток... Поблизости валялись пустые бутылки от рома и коньяка, кое-где виднелись пачки от сигарет. Судя по одежде, это были солдаты, лишь несколько унтеров и два-три офицера.

Климёнок стоял, сжав зубы. На мрачные мысли наводила эта сцена бессмысленной гибели людей, хотя и вражеского стана. Эта сцена о многом говорила... Какой трагический финал! Это намного хуже, чем оставить сапоги в грязи и драпать босиком... Теперь Климёнок не сомневался, что это массовое самоубийство — они отравились. Может, офицеры запугали их рассказами про «зверства большевиков», или от сознания своей огромной вины перед человечеством и перед своей совестью, а может, фанатизм, утрата иллюзий довели их до отчаяния. Сначала их отравили духовно, а потом физически.

— Двадцать восемь трупов,— прервал молчание молодой солдат.

— Пошли,— сказал Климёнок.

Они пошли к дороге.

— Кто их, по-вашему, товарищ полковник? — спросил у Климёнка старший солдат, шедший рядом.

Климёнок помолчал.

— Можно сказать, сам Гитлер... довел их до этого. Приняли отраву с коньяком — и конец.

— Круто, значит, приперло фрицам...

Они подошли к машине.

— Садитесь, подвезем,— предложил солдатам Климёнок.

— Нет, спасибо,— отказался старший,— наше «хозяйство» уже недалеко. Да и связисты наши тут где-то.

Они попрощались.

До намеченного на карте населенного пункта было близко. Климёнку хотелось скорее вылезти из машины, расправить плечи, вытянуть ноги. Хотелось спать и есть, хотелось еще покоя, чего давно просила душа.

Проехали лощину, поднялись на горку — и увидели небольшое местечко. Среди одинаковых небольших домиков и хат высилась высокая кирпичная труба, а рядом тянулся серый низкий корпус какого-то заводика — маслобойни или винного. Подъехав ближе, увидели большую толпу. Стояли военные машины, было много солдат, в гражданском — женщины да старики. Все держали в руках какие-то узелки, мешочки, спорили, размахивали руками.

Климёнок велел Томпчаковскому остановить машину возле кучки людей, собравшихся у сломанного забора.

— Спроси, что тут происходит.

Томпчаковский выскочил из машины, подошел к людям. Они разговаривали минут пять.

— Тут сахарный завод, товарищ полковник,— сказал шофер, садясь за руль.— Раздают сахар. Делят на души. Некоторые хитрят — берут и на тех, кого нет. Начинаются споры...

— А кто делит?

— Наши...

Климёнок решил «проверить» шофера.

— А я вот думаю: стоит ли раздавать? Все-таки государственная собственность.

Шофер недоверчиво взглянул на своего начальника: серьезно это он или шутит?

— Разрешите с вами не согласиться... Я считаю, что наши делают правильно. Пять лет от людей только и брали — всё, что могли. Все, кто имел в руках оружие... Люди обносились, изголодались. Почему бы и не дать им — хоть раз, благодаря вот такой оказии, чтобы помнили освобождение? Все-таки потом будут вспоминать: и о них думают, и с их потребностями считаются... И теперь вот один перед другим хвалят наше командование за этот сахар...

— Что ж, может, ты прав,— усмехнулся Климёнок.

Томпчаковский крутнул руль, свернул в улочку и остановился.

— Кажется, тут.

Климёнок глянул в боковое запотевшее стекло и увидел на заборе белую дощечку с черной стрелкой и надписью:

ХОЗЯЙСТВО КЛИМЁНКА

— Наше хозяйство, наше,— с затаенной гордостью сказал он и с кряхтеньем вылез из машины.

Оказалось, что их штаб через три хаты отсюда. Климёнок уже не захотел садиться в машину, пошел пешком. «Виллис», скользя, ехал рядом. Вот и еще одна табличка, уже без стрелки, навстречу вышел адъютант Артюхин, доложил, что все готово.

Они подошли к хате, адъютант открыл дверь и пропустил Климёнка вперед. В лицо сразу пахнуло приятным теплом, к которому примешивался аппетитный запах жареного мяса,— очевидно, повар готовил обед.

«Ну, хоть отдохну»,— устало подумал Климёнок.

4

Ландсберг был первый немецкий город на чужой земле, который встретился им по пути на запад. Ожидали увидеть приметную межу, границу, которая делит восточный и западный мир, но ничего этого не было.

Климёнок думал, что испытает чувство радости, вот они ступили на землю врага, вот первый, пусть и не такой большой вражеский город занят, они принесли с собой всю свою ненависть и боль за утраты, за жертвы, принесли меч расплаты за все злодеяния фашизма... Но большой радости не было — может, потому, что одолевала непреодолимая усталость, нечеловеческое нервное и физическое напряжение, которое Климёнок непрерывно испытывал с осени тридцать девятого года... Как это часто бывает, на радость не оставалось сил...

Потом был Кюстрин на Одере, плацдарм.

Жизнь на плацдарме тянулась однообразно. Вначале казалось, что это уже все. Вот выбрались за Одер, теперь — прямая дорога на Берлин. Оказалось, совсем не так.

Климёнок знал из практики: пока плацдарм не укрепится, никаких операций не проводят — рады, что хоть не трогает противник. И теперь они сидели тихо. Под-

крепления еще не было, даже армия еще не переправила на эту сторону все свои силы. Главное сейчас вгрызться в мерзлую землю, окопаться, чтобы в случае, если немцы спохватятся, можно было, хорошо укрепившись, выдержать натиск врага.

Саперы начали наводить мост для тяжелой техники.

Снег сошел за несколько дней, начала прогреваться земля. Над Одером день и ночь висел серый влажный туман, который не давал вражеской авиации видеть все, что тут происходило. Это нравилось саперам, но пехота и артиллерия, расположившиеся возле дамбы, оказались чуть ли не в воде. Со дня на день ждали, что тронется лед на Одере. Уже бежала поверху вода, лед стал синий, как мокрый сахар, отчетливо обозначились длинные трещины, по которым он вскоре взломается. Саперы спешили, так как пока еще лед им помогал: хоть можно не бояться, что плюхнешься в реку с головой.

Каждый день Климёнок пропадал на переднем крае: то ставили пушки на прямую наводку, то готовили запасные позиции и запасной НП, то артразведку. Поздно вечером он возвращался на правый берег, сушил одежду и ложился спать. Иногда это удавалось, но чаще всего — нет. Кто-нибудь да поднимал его по срочному делу, и Климёнок, недовольно ворча, вставал, надевал тяжелую набрякшую шинель, которая еще не успела высохнуть и теперь неприятно пахла распаренной шерстью, обувал такие же тяжелые и холодные сапоги, звал Томпчаковского и снова отправлялся на плацдарм, ругая себя, что не остался там ночевать, что потянуло его сюда, на старую и уже хорошо обжитую квартиру.

Вечером, когда не спалось, читал «Крестоносцев». Сначала герои Сенкевича ему не нравились — были какими-то чужими, непонятными, парящими над землей, очень далекими от всех обычных людей, которых он знал: рыцарство, шляхта. Куда им до простого люда, вернее — простым людям до них! А потом, вчитавшись, привык, даже полюбил их. Понял, что автор делает так нарочно: это его герои, он волен с ними обходиться как хочет. Особенно пришелся по душе Климёнку суровый Юранд из Спыхова. Каждый солдат, который шел сейчас на запад, нес в своем сердце боль и обиду этого человека, каждый понимал его растревоженную душу. Чуть ли не каждый нес в груди не меньшую, чем когда-то Юранд

к крестоносцам, ненависть к фашизму: у каждого кто-нибудь погиб в этой бойне, развязанной ими. И чем туже сжимался сюжетный узел, тем больше нравился ему Сенкевич. Часто встречалось что-то родное, свое: Русь, Литва — Вильно, Сураж, Слуцк. Сразу теплело на душе. «Неукротимая Литва!..» Климёнок знал, что Литва в том понимании — это и есть теперешняя Беларусь.

Но такие вечера случались не часто, а теперь, видимо, все начинало резко меняться, затишье кончалось. Вчера Климёнка вызывали в штаб дивизии, где он узнал важные новости: по словам разведки, немцы подтягивают к плацдарму свежие силы — пехоту, артиллерию, танки. Как только начнется половодье, они, очевидно, попробуют сбросить наш плацдарм в реку. Ожил передний немецкий край. За последние дни в нашей пехоте много потерь: как только поднимешь голову над бруствером, сразу летит снайперская пуля.

У солдат начинали пухнуть ноги, некоторые заболели воспалением легких. И не удивительно: люди лежали на мокрой земле весь день, выкопать ячейку было нельзя: в нее набегала вода. Только ночью солдаты могли встать, походить, размять одеревеневшие суставы, разуться и заменить мокрые портянки сухими. Даже ночью неосторожные курцы не раз были жертвами снайперов — огонек папиросы служил хорошим ориентиром для них.

Противник все время наращивал силы, но наша сторона тоже крепчала прямо на глазах.

Теперь Климёнок был в своем тылу, в штабе, примерно раз в неделю, остальное время проводил на НП или на переднем крае, среди артиллеристов, которые оставались за дамбой.

Ночи обычно проходили тихо, только кое-где вспыхнет ракета, застучит где-то далеко пулемет, рассыпая бисер трассирующих пуль, порой, ни с того ни с сего, блеснет белый разрыв снаряда — и снова спокойно: будто усталый, издерганный человек спит и сквозь сон у него вырывается то вскрик, то сердитый возглас, то он заскрежещет зубами, то застонет или засмеется. Но все это очень далеко от сознания. Завтра он проснется, сбросит дремоту и ничего не вспомнит из того, что мучило его ночью.

Зато днем немцы начинали злобствовать. Будто до этого не знали, что советские войска перешли Одер.

Позднее Климёнок узнал о причине такого поведения противника. Немецкое высшее командование вначале не осмеливалось доложить Гитлеру, что советские войска форсировали Одер,— он втоптал бы в грязь не одного своего генерала. Но скрывать это долго не удалось. Гитлер обо всем узнал, закатил такую истерику, что его генералы не знали, куда деваться, и поклялись сбросить большевиков с плацдарма, чего бы это ни стоило.

Но легче было пообещать, чем сделать.

Плацдарм держался прочно. Уже дней десять действовал мост, по нему каждую ночь шла тяжелая техника. А днем немцы бомбили переправу, пускали даже самолеты-снаряды «ФАУ-2». Авиация била по мосту, а пехота и танки несколько раз в день ходили в атаку на наши позиции. Немцы лезли напролом, не считаясь с потерями.

Полковник Климёнок попросил у командира дивизии поддержки: снаряды его дивизионной артиллерии не всегда пробивали броню немецких танков. Командир дивизии пообещал.

Ждать пришлось недолго.

Однажды утром Климёнку доложили по телефону из штаба дивизии, что его ищет какой-то полковник. «Ищет, так найдет, я на месте»,— ответил Климёнок и спросил, что еще. Больше ничего не было. Он дал отбой. Потом спохватился: а может, это брат? Чудак, даже не спросил фамилии...

Через некоторое время на НП к Климёнку зашел среднего роста полковник с обветренным лицом, в новой, но уже измазанной грязью шинели.

Познакомились. Оказывается, это тот самый полковник, о котором говорили Климёнку из штаба. Полковник Мотин со своим артполком был прислан для подкрепления.

— Воевали? — спросил Климёнок у гостя, который сидел на табурете и нервно барабанил ногтями по блестящему козырьку фуражки.

— Воевал, но недолго... Полк же сформирован недавно, в большинстве из людей еще не обстрелянных. Есть фронтовики из бывших раненых, но таких немного...

Ответ для Климёнка был не очень приятным. Тут нужны люди, которые бы все видели и все умели, могли бы смело глядеть смерти в глаза, а ему прислали новый,

совсем необстрелянный полк. Ничего себе подмога... Но ладно! Вместе, рядом с другими, будут воевать,— утешал себя Климёнок.

— За неделю вы станете бывалым артиллеристом, это я вам обещаю. Давайте прикинем по карте, где вас разместить, а потом пойдем на местность.

— Давайте...

Полковник расстегнул шинель, ближе подвинулся к столу, на котором была разостлана вся испещренная значками топографическая карта. Свежим, свободным от этих значков оставался край слева от Одера, но сам берег реки уже пестрел дужками, полудужками и всякими стрелками.

— Ваш полк я собираюсь поставить на прямую наводку,— как бы между прочим сказал Климёнок.

Он не ожидал, что это так заденет за живое полковника Мотина. Тот даже подскочил на табурете.

— На прямую наводку? — переспросил он, впившись глазами в Климёнка, и его выдубленное ветрами лицо заметно посерело, утратив прежний веселый цвет.

— Что вас так удивило, полковник? Сидите, сидите, чего вы?

Но полковник уже будто ничего больше не слышал.

— Товарищ командующий, в моем полку сотки, это секретное оружие... А вы посылаете меня на прямую наводку...

— Когда же мы его рассекретим, полковник? За Берлином? Тогда будет поздно...

Климёнок говорил спокойно, но чувствовал, что выдержки его надолго не хватит.

— Я к вам пришел не шутки шутить, товарищ командующий,— обиженно сказал полковник Мотин, застегивая пуговицы шинели.

— Я тем более не собираюсь,— сухо отрезал Климёнок.— А потому и ставлю ваш полк на прямую наводку.

— Я не согласен с вашим решением, товарищ командующий...

Климёнок, едва сдерживаясь, сказал довольно спокойно:

— Вот как? Зачем же вы приехали на фронт?

— Воевать, как вам известно...

Климёнок подошел к полковнику вплотную:

— Воевать? А что, если я отправлю вас назад с ва-

шим полком? Как расценят это в резерве Главного Командования? Вы думали об этом или нет?

— Нет...— Кажется, полковник впервые за это время почувствовал неловкость, как человек, у которого вдруг открыли большой изъян, а он все время его старательно скрывал.— Об этом я не подумал...

А Климёнок, найдя слабое место, бил в него дальше:

— Не расценят ли ваш отказ идти на прямую наводку как обычную трусость?

Полковник опустил голову, задумался.

— Разве могут так расценить? — он уже утратил свою самоуверенность, был как объезженный конь.

— Думаю, что могут,— заверил его Климёнок.— Плюс невыполнение приказа командира, которому вы приданы...

Полковник Мотин сдался.

Они вместе пообедали, потом стали распределять полк, придавая дивизионы и батареи той или другой части. А когда стемнело, пошли вместе на рекогносцировку. Климёнок знал тут все, мог ходить с закрытыми глазами. Он водил полковника, показывал ему размещение полков, называл ориентиры, наиболее вероятные направления, откуда немцы могут атаковать. Новый полковник схватывал все на лету, будто по этой земле он уже ходил не раз. Климёнок мысленно похвалил его, но не сказал об этом ни слова. «Рано хвалить. Посмотрим, что будет завтра».

На другой день, едва только взошло солнце, немцы пошли в атаку.

Сначала три вражеских самолета сбросили несколько небольших бомб, постреляли из пулеметов.

Потом пошли танки с пехотой, сразу в нескольких направлениях.

С НП Климёнок и полковник Мотин в бинокли следили за тем, что происходит на переднем крае: там поднимались темные веера взрывов, быстро шли танки, огибая ямы; пехота едва поспевала за ними, бежала трусцой, постреливая из автоматов.

«Сотка все-таки сотка,— думал Климёнок, глядя на мощные смерчи взрывов.— Ее удар не сравнишь с 76-миллиметровкой...» В этот момент снаряд разорвался совсем рядом с вражеским танком, машина содрогнулась и подалась в сторону, а гусеница соскочила с катков и споль-

ла на землю. Танк закрутился на месте и стал боком. Другой снаряд ударил ему в борт. Взрывом машину разорвало, как спичечную коробку.

Но остальные танки шли, несмотря ни на что, как и всегда в таких случаях.

Всех опередил один, видимо командирский, «тигр». Он шел немного наискось, прячась от артиллеристов за домиком, который, как нарисованный, одиноко стоял в поле, даже дороги никакой к нему не было видно.

«Может и прорваться, гад»,— подумал про немца Климёнок.

Домик с высокой черепичной крышей цвета сухого дубового листа был не так и далеко от первой нашей траншеи. Танк в этой «тени» дошел до здания, уже миновал его и угрожающе наводил пушку на цель, как вдруг огненный шар — будто встретились две молнии — полыхнул на самом конце ствола его пушки. Когда дым рассеялся, машина стояла — половину орудийного ствола как ножом срезало.

Первая за этот день атака немцев закончилась неудачей. Они потеряли шесть машин.

5

«Так хорошо пошло,— думал полковник Климёнок, мчась на «виллисе» по разбитой и запруженной брошенной немцами техникой дороге.— Если так и дальше пойдет, то через день-два будем в Берлине... Что больше помогло — трудно сказать. Прожекторы? Авиация? Или артиллерия? А может, пехота и танки? Нет, действия всех вместе, так как по отдельности тут никто ничего не сделал бы. Щит был мощный, что и говорить, но нет таких щитов, которых бы мы не пробивали... Так хорошо пошло! Лишь бы не сглазить, как говорила моя мать...»

Над дорогой неподалеку у самой земли со свистом промчалось звено краснозвездных штурмовиков. «Теперь и небо наше, и земля, и вода,— подумал Климёнок,— немцам уже нигде не спрятаться...»

Ровный ландшафт постепенно сменялся невысокими продолговатыми пригорками, порой они закрывали горизонт, мешая видеть дорогу впереди, а в лощинах еще плавал утренний слабый туман. Так можно попасть прямо к противнику в гости. Машина прошла еще не-

сколько километров, то ныряя в лощину, то поднимаясь на пригорок.

И вот Климёнок, холодея, увидел, что впереди идет бой, что длинная пологая гряда, скрывавшая горизонт впереди, слева и справа, ожила. До слуха долетали гулкие разрывы снарядов, передний склон гряды дымился, как свежее пожарище.

Несколько сот метров ниже, в боевых порядках нашей пехоты и танков, которые шли в атаку, было настоящее пекло: там бушевали смерчи разрывов.

Томпчаковский с тревогой поглядывал на своего начальника, но Климёнок молчал.

Машина спускалась все ниже, в самый ад.

В этот момент командир дивизии по радио приказал Климёнку собрать всю свою артиллерию и ударить по гряде. Артиллерия была еще на марше. Климёнок сказал об этом генералу, но тот не захотел и слушать. Артиллерия нужна теперь, немедленно. Спорить не имело смысла, но сказать о том, что можно сделать реально, Климёнок сказал, и генерал дал некоторое время на подготовку.

Радист Горицкий, который несколько часов назад дал в эфир условный сигнал начала штурма Зееловских высот — «Береза — 333», измученный и похудевший — одни глаза да нос,— тотчас стал вызывать растянутые по дороге полки, а полковник Климёнок ставил им боевую задачу. Самое подвижное звено артиллерии — «катюши», им не надо окапываться, покажи только цель. Через несколько минут расчеты будут готовы, и дивизионы «катюш» пошлют свои хвостатые снаряды на голову противника.

Вся подготовка делалась на глазах у немцев, это намного усложняло задачу: вражеские снаряды раз за разом разрывались в наших боевых порядках, ранили, убивали людей, выводили из строя технику.

Когда все было готово, Климёнок доложил командиру дивизии и получил приказ: сделать артналет на тридцать минут. Полчаса молотили орудия, минометы и «катюши» пологий склон высоты. Вот снова неровной цепью пошла пехота, поползли танки, поднялись наши штурмовики, стали кружить над передним краем немецкой обороны. Было хорошо видно, как от их фюзеляжей отрывались реактивные снаряды, оставляя белый огненный след, как поднимаются на земле клубы черного дыма.

Танки, опережая пехоту, все выше поднимались по склону гряды, казалось, уже никакие преграды их не сдержат. Но вот загорелся один, второй, третий закрутился на месте — полетела гусеница. Пехотинцы тоже стали чаще падать — и не подниматься...

Наконец пехота залегла, а уцелевшие танки дали задний ход.

Снова надо было подтягивать свежие силы.

Вот они, Зееловские высоты... Зеелов...

День кончался. В лощинах снова появлялся реденький туман, а гребень неприступной гряды слегка дымился, как свежая вулканическая лава. Там, за ним, село, красное, точно кровавое солнце, и такие же красные отсветы видны были на негустых перистых облаках, неподвижно стоявших в небе. Высоко над землей пролетел самолет, он тоже блестел в лучах солнца, как золотой.

Ночь никому не принесла облегчения, была полна забот и тревог. Подтягивались свежие силы, занимались боевые порядки. И всюду были танки, танки, самоходки...

Полковник Климёнок всю ночь ездил на «виллисе» от полка к полку, от дивизиона к дивизиону: забот хватало.

Утром, лишь только начало светать, немцы открыли артиллерийский огонь. Но он был слабо подготовлен, большинство снарядов рвалось далеко от наших боевых порядков, не принося вреда.

Климёнку из армии пришел приказ: подавить немецкие огневые точки. И наши пушки заговорили. Потревоженное разрывами утро сразу посветлело. Там, где стояли дивизионы, раз за разом вспыхивали белые сполохи залпов.

Через несколько минут огонь с немецкой стороны стал слабеть, однако они не отказались от своего намерения — контратаковать, пустили пехоту и танки. Неужели немцы собрали так много сил, что пошли на такой риск?

По густоте пехотных цепей, по количеству черных точек танков Климёнок видел, что на них идет огромная сила, которую, однако, надо сокрушить.

В ответственный момент боя вдруг прервалась связь с артполком Котлярова. Климёнок приказал радисту связаться с полком по радио, но тоже ничего не вышло — абонент не отвечал. Радист виновато объяснял, что, оче-

видно, Котляров находится где-то в низине либо за горкой, потому и не может услышать позывных...

Климёнок нервничал: ему будто вдруг завязали глаза или заткнули уши, в то время когда надо как можно лучше видеть и слышать... Ох уж эта связь!

Пока радист кричал в микрофон: «Сосна», «Сосна», отвечайте «Дубу», прием!» — Климёнок нервно поглядывал на фосфорические стрелки циферблата, стоя возле «виллиса» и поставив ногу на толстое, в грязи, колесо. Время тянулось медленно.

Уже совсем рассвело, небо было дымным, в лощине по-прежнему висел туман.

Вспышки разрывов переместились по оси север — юг так, что левый, южный, фланг загибался назад, а правый отдалялся от прежней линии.

Подступала злость на самого себя. Он командир, а что сделал, чтоб выровнять фланги? Он не может приказать полку или дивизиону перенести огонь на противника, который постепенно захватывает инициативу на левом фланге... Он ничего не может сделать! Телефон, радио — не оправдание! У хорошего командира все должно работать хорошо, как часовой механизм.

— Нашлась «Сосна», товарищ полковник! — закричал телефонист.

Климёнок, измученный ожиданием, взял трубку и, услышав голос Котлярова, спросил резко:

— Что такое, почему молчали?

— Внутренний разрыв, только что ликвидировали... Что прикажете?

— Черти! — уже без злости выругался Климёнок.— Там какой-то непорядок в направлении седьмого. Подкинь туда горяченьких, дай заслон, и быстро! Чтоб ни один гад не прорвался! От этого зависит наша честь и... может, наша судьба!

— Вас понял! Все сделаю,— ответил Котляров и положил трубку.

На востоке из-за горбатого пригорка выкатилось огромное красное солнце.

Битва разгоралась: неудержимо шли вперед освещенные солнцем танки, на одном из них в утренних лучах пламенел красный флаг. Далекое, приглушенное расстоянием «ура» докатилось до слуха и трепетным волнением отозвалось в сердце Климёнка.

Он приложил бинокль к глазам, окинул взглядом панораму боя и встрепенулся, будто услышал сигнал для себя.

— Поехали,— кивнул Томпчаковскому и сел на свое место рядом с ним.

Машина рванулась с места, натужно завыл мотор. В другой раз Климёнок сказал бы шоферу «потише», но теперь был рад, что шофер понял его волнение.

Вот если бы так, без передышки, до самого Берлина!

Невольно бросались в глаза следы недавнего боя. На дороге, на обочинах лежали трупы. Воронки от снарядов не раз вырастали перед машиной, и шофер делал бешеные виражи, чтоб не попасть в яму; на поле там и сям виднелись обгоревший или подбитый танк или самоходка, опрокинутая пушка или шестиствольный миномет — «скрипач». Многие деревья вдоль дороги тоже были ранены, на асфальте валялись срубленные осколками ветки, иной раз все дерево лежало поперек дороги, и его надо было объезжать. Путались под колесами телеграфные провода, многие столбы упали на землю.

Миновали несколько кое-как засыпанных траншей, которые перерезали дорогу. На свежем песке видно было всего несколько следов от резиновых шин. Движение на дороге еще не началось. Пока не кончился бой, тылы не трогались с места.

Но вот Томпчаковский стал притормаживать. Впереди на дороге стоял «додж» — покореженный, с отбитым задним колесом. Возле него копошились люди. Климёнок дал знак шоферу остановиться и вышел из машины.

— Что у вас такое? — спросил молодого солдата в ватнике, со следами крови на рукавах и на руках.

— Мина...— отрывисто сказал шофер.— Двоих поранило, сидели сзади...

Климёнок заглянул под дырявый, иссеченный тент. Там женщина-майор перевязывала голову пожилому военному в залитой кровью гимнастерке. Другой солдат, молодой, щуплый, лежал на дне кузова на разостланной фуфайке и громко стонал. У него были забинтованы ноги.

— Вам помочь? — спросил Климёнок у женщины.

— Не надо.— Она повела глазами в его сторону и сказала мягче: — Кончаю...

Через несколько минут она вышла из накренившейся

машины, вытирая руки ватным тампоном. Ремень туго перетягивал гимнастерку на тонкой талии. Климёнок только теперь заметил, что женщина не медик, а юрист второго класса, или как там называется,— он не разбирался в этих званиях.

— Полковник, довезите меня...— и она назвала часть, хорошо знакомую Климёнку — пехотный полк их дивизии.

— Пожалуйста, я как раз еду туда... А как люди?

По лицу женщины пробежала тень озабоченности.

— Я приказала шоферу ждать, пока вызову санитарную машину...

— Могу вызвать по радио машину из санбата,— сказал Климёнок.

— Буду вам очень благодарна.

Климёнок просто позавидовал: крепкие нервы у этой женщины! То, что она сейчас пережила,— взрыв мины, ранение, перевязка — могло свалить и мужчину, а она казалась спокойной, только все время ломала тонкие пальцы.

Вызвали помощь, и Климёнок пригласил женщину-юриста в машину.

«Виллис» осторожно тронулся с места, будто за рулем сидел другой шофер — не Томпчаковский.

Подсознательно Климёнок ждал, что вот-вот под колесами грохнет мина, их подбросит — живых или мертвых... Вспомнилось, как на Украине, под Никополем, заместитель командира их дивизии ехал на воинской повозке и попал на мину. Он подорвался на той самой дороге, по которой до этого Климёнок проехал на «виллисе» туда и обратно. За рулем, как и теперь, сидел Томпчаковский.

Теперь Томпчаковский вел машину спокойнее, чем до сих пор, пристально вглядывался в дорогу, будто стараясь разглядеть то страшное место, которое надо обогнуть.

Прошло некоторое время — и Климёнок успокоился, уже не думал, что их ожидает, занят был обычными будничными заботами.

Сзади о чем-то говорили меж собой женщина-майор и адъютант Артюхин, но за шумом мотора всех слов нельзя было разобрать. Она что-то говорила о своем муже, который недавно погиб, а вот где и как, Климёнок не расслышал.

«Интересно, проскочим или нет?» — снова и снова тревожила мысль — от нее нельзя было полностью отвязаться, она заставляла все время пристально глядеть на дорогу...

Бой, по всем приметам, прошел тут каких-нибудь полчаса назад. Пестрый низкий «фердинанд» на обочине еще дымился, башня его была разбита тяжелым снарядом. Рядом лежал труп танкиста в черном комбинезоне. Справа неровной лентой тянулась траншея. Возле нее к дороге шли несколько человек. Неужели немцы? Климёнок пригляделся: нет, свои и, кажется, ведут немца.

Они как раз вышли на дорогу, когда рядом оказалась машина.

Солдаты замахали руками, Томпчаковский притормозил. Это были связисты, обвешанные катушками кабеля, аппаратами. Немец был офицером — без фуражки, с русыми прямыми волосами, молодой и рослый. Только мундир измазан в земле, галифе на колене порвано, сапоги тоже в грязи. Его вид не соответствовал выражению лица: на нем было холодное презрение ко всему, что происходило вокруг.

Климёнок и женщина-майор вышли из машины. Старший группы, сержант, доложил: поймали немецкого офицера, ничего не хочет говорить, хоть и понимает по-польски. И повернулся к одному из своих солдат:

— Спроси у него, Сидорович, из какой он части, сколько у них на этом направлении танков и артиллерии?

Солдат, которого назвали Сидоровичем, высокий, худощавый, с аппаратом за спиной, показался Климёнку знакомым, но, когда и где его видел, не мог вспомнить.

Солдат перевел слова сержанта по-польски. Немец холодно усмехнулся, оскалив белые зубы:

— Я жолнеж и ниц вам не повем, панове[1].

Лицо его снова стало упрямым, как и до сих пор.

Тогда вперед выступила женщина-майор. Глаза ее загорелись гневом.

— Какой ты жолнеж, если ты эсэсовский офицер! — крикнула она.— Разве вы не видите? — Она показала на петлицы его мундира, на одной из них были два готических «с», а на другой два блестящих кубика.

Офицер скосил глаза вниз, будто до сих пор не видел,

---

[1] Я солдат и ничего вам не скажу, панове *(польск.)*.

что там у него на петлицах мундира, а потом перевел взгляд на женщину и усмехнулся.

А она вдруг выхватила пистолет, левой рукой сделала перезарядку: сухо щелкнула рамка затвора, дослав патрон в ствол пистолета. Прозвучал короткий резкий выстрел.

Немца немного шатнуло, он побледнел — из-под мундира на груди брызнула кровь. Он медленно, как бы недоумевая, нагнул голову, посмотрел на рану, а потом поднял глаза на женщину и оскалил свои белые зубы в улыбке — улыбка эта была дикой, бессмысленной, предсмертной.

И тогда женщина выстрелила еще раз — в переносицу. Немец резко запрокинул голову, гримаса боли стерла с его лица улыбку, и он рухнул навзничь.

Женщина повернулась и, на ходу пряча пистолет, пошла к машине.

6

Сколько видел смертей Климёнок — не перечесть, ко всяким ужасам привык, а вот то, что пришлось ему повидать в концлагере под Берлином, холодило кровь. Людей, доведенных до скотского состояния, людей, которым уже все равно: жить или умереть,— он видел впервые.

Это не были военнопленные, тут, кажется, преобладали немцы, политические или какая другая категория «врагов третьего рейха», женщины и мужчины всех возрастов — от детей до стариков. Теперь они перемешались, а до того, видимо, были разделены колючей проволокой. Люди изможденные, из них высосали до капли все соки жизни, остались кожа да кости, на лице — только носы да большие ямы-глаза... И женщины и мужчины остриженные, только мужчины обросли щетиной — кто рыжей, кто черной, а большинство — седой. Поседели даже молодые, а вообще-то возраст их определить трудно — все тут кажутся старыми, даже подростки, особенно если смотреть на человека сзади: сгорбленные плечи, тонкая, будто готовая переломиться, морщинистая шея, точно пеплом посыпанные волосы, оттопыренные уши... А одежда... Ее фактически нет, все светят худыми костистыми синими телами, на некоторых и лохмотьев почти не осталось.

В бараках стоял смрад, у Климёнка сразу закружилась голова, и его затошнило.

Просто удивляло, как наши солдаты, приехавшие сюда с кухнями, могли выдержать, терпеливо помогать этим людям соблюдать порядок в очереди — жизнь уже пробудилась в этих скелетах, они хотели есть...

«До чего довели людей! — ужасался Климёнок, оглядывая неподвижную и пеструю, ужасную в своем молчании очередь.— Просто не верится, что в них осталось еще что-то человеческое... Хотя... может быть, больше, чем в том эсэсовце, которого недавно задержали на дороге связисты. Вот бы привести его сюда! Ну и что? Он посмеялся бы над ними, сказал бы, что тут низший сорт людей, что так им и надо, что они это заслужили!..»

«Ну, хватит,— сказал себе Климёнок,— и так не забуду до смерти... И каждому, кто пожалеет фашиста, напомню эту картину...»

Он направился к своей машине.

За оградой, пройдя через разломанные ворота, он увидел голую до пояса фигуру человека. По виду трудно было понять, какого пола этот человек. Только широкие, шире, чем у мужчины, кости таза, кое-как прикрытые лохмотьями, говорили, что это женщина. Она испуганно повернула к нему седую стриженую голову, потом протянула сухую руку ладонью вверх, согнулась, умоляюще глядя на Климёнка.

— Брот, брот,— шептала женщина беззубым ртом.

Она совсем не стыдилась, что почти голая, не прикрывала высохшую грудь рукой, как сделала бы это каждая женщина.

Климёнок, как завороженный не сводя с нее глаз, поманил пальцем, показывая, чтоб женщина шла за ним.

Шофер Томпчаковский сидел в машине, положив руки на руль, а голову на руки. Можно было подумать, что он дремлет. Но он тотчас поднял голову и выпрямился, когда Климёнок открыл дверцу.

— Поедем? — спросил он. Лицо его было серым, как у больного.— Простите, мне стало плохо...

— Есть у тебя хлеб?

— Есть...

В другое время он сказал бы Климёнку: «У шофера все должно быть» или что-то похожее, но сегодня он был

не похож на себя. Видимо, увиденное здесь поразило его больше, чем Климёнка.

— Дай мне...

Шофер достал из-под заднего сиденья начатую черствую буханку, завернутую в измятую газету, и протянул Климёнку.

— Не мне... Отнеси вот той женщине,— показал Климёнок на женщину, которая стояла в десяти шагах от них с протянутой рукой.

Томпчаковский нехотя пошел.

— Стой, вернись,— крикнул ему Климёнок.

Тот вернулся, не спрашивая зачем.

— Возьми в багажнике байковое одеяло и дай этой несчастной, пусть прикроет тело.

— А мы сами будем мерзнуть,— буркнул шофер, но полез в багажник и достал одеяло.

— К старости ты станешь совсем скупым,— сказал Климёнок.— Неси, неси... Скажи ей пару слов, объясни, что она уже не узница, а свободный человек... Ты же умеешь по-немецки.

Женщина стояла совсем близко, она, наверно, уловила запах хлеба, сразу ожила, насторожилась.

— Брот! — крикнула она и вырвала у Томпчаковского начатую буханку.— Брот! — и бросилась бежать.

Томпчаковский не знал, что делать: он не успел отдать ей одеяло. Догонять? И крикнул по-немецки:

— Хальт!

Недавно эти слова останавливали тут каждого, кто не хотел умереть. И женщина остановилась, как вкопанная, опустила голову, а хлеб быстро спрятала под лохмотья, которые когда-то были юбкой или штанами.

Томпчаковский развернул одеяло и, как платком, накрыл женщине плечи. Она стояла и не шевелилась, будто не понимая, что происходит. Шофер сказал что-то ей в самое ухо. Она ожила, низко поклонилась Томпчаковскому и, схватив его за руку, стала целовать. Он осторожно отнял свою руку, похлопал ее по плечу, что-то приговаривая, постоял, глядя, как женщина обтягивает одеяло на плечах, гладит его одной рукой, а другой прячет хлеб...

В тот день, где бы Климёнок ни был и что бы ни делал, из головы не выходило виденное. Многое из того, что совсем недавно казалось интересным и важным, сегод-

ня стало мелким, утратило смысл. Климёнок знал: нужно какое-то время, чтоб этот перекос в психике исчез, хотя и не без следа. Где-то там, в извилинах памяти, это останется навсегда, но такой власти над его воображением, как сейчас, уже не будет.

А сегодня не такой уж далекий Берлин казался Климёнку большим концлагерем, где страдают простые люди, ждущие освобождения... Знал, что там огромная, сильная армия гитлеровцев с орудиями и танками, что с ними еще надо бороться, пока они сложат оружие или головы...

Только на час пришлось сегодня Климёнку свернуть с главной дороги, по которой он идет вот уже сколько лет.

... Снова он в своем артиллерийском штабе. Немецкий аккуратный домик. Машины, провода, аппараты. Беготня, топот ног, усталые голоса телефонистов, рев моторов в небе, далекие отзвуки артиллерийской стрельбы.

Начштаба Ситников знакомит Климёнка с последними изменениями в обстановке, показывает, где замечено скопление войск противника, где наша пехота, где артиллерийские позиции, какая задача поставлена дивизии, какая артиллерии...

Климёнок слушает, кивает головой, но схватить все это, представить полную картину никак не может.

— Повтори мне еще раз,— просит он начштаба.— Что-то не доходит...

Начштаба еще раз терпеливо объясняет. Потом, когда все улеглось в усталой голове Климёнка, начштаба подал ему карту. В глазах Климёнка мелькали кварталы города, зеленели парки, синели водоемы — весь Берлин лежал перед ним как на ладони.

— Только что прислали,— объяснил Климёнку начштаба.— Получили все — от взводного до камандующего армией.

— Отлично, молодцы в Генштабе, что прислали нам такой подарок,— сказал Климёнок. Он долго искал глазами, пока нашел центр города: Александерплац, длинная улица Унтер-ден-Линден, черный, с боковыми выступами квадрат рейхстага... Где-то там засели гитлеровские министры и генералы, в агонии, в горячке они еще строят какие-то планы спасения своей коричневой империи... Нет, никакие планы вас уже не спасут, господа!

Никакие! Если уже Зееловские высоты мы взяли, то никакой черт нас теперь не остановит!

Климёнок встал, походил по комнате, остановился возле окна. На большом кусту сирени, которая вот-вот готова была распуститься, прыгали и чирикали воробьи, будто не было никакой войны,— совсем как дома, в Белоруссии... И чем-то таким родным, дорогим повеяло вдруг на него, что он сел на твердый немецкий топчан и закрыл лицо руками. Мысленно перенесся туда, на Сож, в свой Кричев, в родительский дом... Там уже готовят плуги и бороны, копают гряды, вывозят навоз. Старые, малые, женщины да инвалиды... Как все это далеко, как страшно далеко! Война все же откатилась на запад, до́ма, хоть и много руин, земля больше не пахнет порохом. А тут чужая земля прогоркла от порохового дыма...

— Устали мы, брат, очень устали,— сказал Климёнок, откинувшись на спинку стула и положив большие кулаки себе на колени.

В комнату вошел связист, подал почту: газеты, письма. Климёнок пробежал глазами конверты — ему не было... Он вздохнул: надо чаще писать самому... Да все некогда. Только сядешь — что-то оторвет тебя, а потом неделю не можешь взяться... Газеты... «Правда», «Красноармейская звезда», их «дивизионка». Газеты теперь, как одна, призывали: «Добьем врага в его собственном логове!», «Все для фронта, все для победы!» — вторил тыл. «Дивизионка» рассказывала про боевые подвиги солдат и офицеров своей дивизии. Вот экипаж танка, который первым прорвался через Зееловские высоты и уничтожил огнем и гусеницами несколько вражеских объектов. Молодые веселые парни в танкистских рубчатых шлемах с улыбками на лицах смотрели на Климёнка, как бы говоря: «Вот мы какие!» Один с усиками, горбоносый, грузин или еще какой-то кавказец, остальные трое — свои хлопцы, кажется, только что их видел или вместе рос... Еще одна фотография: артиллерийский связист Сидорович... В. Сидорович. Может, Василь, Виктор или Валентин. А может, просто Володя, Владик... Худое продолговатое лицо, усталые глаза, катушка провода через плечо гнет к земле, через другое плечо — автомат. Вот этого и правда где-то видел, и совсем недавно. И фамилию слышал... Где же это, дай бог памяти? А-а-а, вспомнил! Сидорович — так называл сержант того солдата, что говорил

с эсэсовцем по-польски. Значит, это тот самый Сидорович! Что же такое он сделал?.. «В разгар боя перестала работать связь между штабом и артиллерийским подразделением, от действия которого зависел исход важной операции. Два связиста, посланные на ликвидацию порыва, ничего не нашли: линия была цела, а связь не работала. Тогда связист, рядовой В. Сидорович, добровольно попросился на линию. Под непрерывным огнем противника он прошел несколько километров, держа в пальцах нити провода,— и все-таки нашел повреждение! Это был внутренний порыв, который неопытному связисту трудно найти... Связь была восстановлена, боевая операция прошла успешно...»

Не тот ли это случай, когда у него, Климёнка, перестала работать линия с полком Котлярова? Кажется, тот: там тоже был внутренний порыв — это когда разрывается металлический провод, а изоляция остается целой. Попробуй найди тогда разрыв! И вот же человек нашел...

Климёнок позвал начштаба.

— Почитай вот эту заметку. И проверь, тот ли это связист, что дал мне связь с Котляровым. Если тот, составь на него реляцию — медаль «За отвагу». Обязательно!

Начштаба скептически усмехнулся — нечего человеку делать! Но Климёнок смотрел на него серьезно, и начштаба почувствовал, что тут не выкрутишься. Взял газету, пробежал глазами небольшую заметку и, свернув «дивизионку», положил себе в кармашек кителя.

— Сделаю, товарищ полковник,— официально сказал он.— Сделаю, раз ты приказываешь.— Задумался на минуту, подошел к столу, взял какой-то пакет.— Тут к тебе приходили из политотдела. У одного убитого лейтенанта нашли стихи. На белорусском языке... Вот и решили дать тебе как белорусу.— Начштаба подал Климёнку емкий пакет, обернутый черной клеенкой и перетянутый резинкой.

— Давай погляжу, может, земляк.

Начштаба вышел. А Климёнок развернул пакет, стал листать исписанные мелким, неровным, но отчетливым почерком страницы. Он смотрел на даты в конце каждого стиха — совсем свежие, вот этот месяц, апрель. «Письмо к любимой», «Письмо к матери», «Прощание с родными» — заголовки говорили сами за себя. «Надо будет

разобраться, может, тут настоящее сокровище»,— подумал он.

Последним было стихотворение со странным, как показалось Климёнку, названием: «Песня солдата, убитого последней пулей». Он пробежал глазами первый куплет:

Я ведаў — забіваюць на вайне,
Але чаму павінны цэліць у мяне?
Каму што кепскае я за жыцце зрабіў?
Я нават мухі у злосці не забіў.

Климёнка заинтересовало — что-то как будто из того, что когда-то пережил он сам. Вот солдат попадает в бой — и думает, что враг стреляет только в него, хочет его смерти. Страх охватывает его, он готов врасти в землю, лишь бы только остаться жить. Но чудо — он остается живым и здоровым, идет из боя в бой — и ничего, даже никакой царапины. А рядом падают люди. Он снова начинает верить, что на войне убивают, но его не убьют. Так оно и есть:

Надышла нарэшце цішыня.
Адгрымела, адгула вайна.
Я здымаю каску на хаду
Я іду да Шпрэе піць ваду.
Раптам стрэл — і куля мімалёт
Мне прабіла сэрца навылёт.
Ведаў я, што забіваюць на вайне,
Да не верыў, что заб'юць... мяне.

У Климёнка защемило в груди, на глаза навернулись слезы. Он упал головой на стиснутые кулаки. «Будто про меня написано... Будто меня предупреждает... Ах, ты... А я так успокоился, так расслабился...»

7

Над Берлином повис дым. Уже сколько дней люди не видели солнца. Оно скрывалось в тучах. Дым валил клубами день и ночь. По ночам над городом стояло зловещее красное зарево. Картина эта была страшна сама по себе. Горело, шло прахом человеческое жилье, зря уничтожались результаты труда миллионов людей. Климёнок, глядя на все разрушения, болел душой за простых людей, хотя и немцев. Порой пробивалось злорадство: вот вам, попробуйте и вы того самого, что гото-

вили нам! Тот самый «тайфун», который вы направляли на Москву, сегодня пришел к вам, в Берлин. Тот, кто начинал эту бойню, и во сне не видел, что может такое случиться. Вот пусть теперь полюбуется, пусть посмотрит на дело рук своих этот ничтожный человек...

Страшной силы ураган бушевал в немецкой столице, лишая отпетых гитлеровцев воинственности и веры в своего фюрера.

Землю сотрясали взрывы тяжелых бомб, дальнобойных снарядов, которые теперь били по центру. На Силезский вокзал пришла по железной дороге наша артиллерия крупного калибра и теперь день и ночь вела артналеты по центру, по правительственным кварталам.

Шаг за шагом, неумолимо шли наши войска вперед, с каждым днем сужая железное кольцо вокруг немецкой столицы. Пригород Кепеник уже остался позади. Артиллеристы полковника Климёнка ступили в самое пекло: в «высоких» кварталах они ведут уличные бои, идут рядом с пехотой. Артполки разбиты на дивизионы и приданы пехотным батальонам, усилены танками. Теперь они идут вместе, плечом к плечу.

Соответственно и штабы подвигались со своими частями, выбирая уцелевшие дома и устраиваясь получше — чтоб была надежная связь, чтоб и оборона, в случае чего, не подвела, чтоб и видеть можно было, так как надеяться только на слух — слишком мало в таком аду, каким теперь является Берлин.

Климёнка зачем-то вызывают в штаб дивизии: если что важное, комдив Соколов никогда не скажет по телефону, любит испытывать терпение. Хорошо было, когда штабы стояли рядом, а теперь генерал где-то на Силезском вокзале, вон сколько надо идти, о проезде на машине нечего и думать: улицы завалены, отовсюду стреляют, не знаешь, где свои, а где чужие. Этого нет на той карте, что лежит в планшете у Климёнка.

Вместе с Климёнком идет его верный страж — повар Мельник, которого все называют просто Иван. После молдавской эпопеи Иван как-то притих, больше не осмеливается пускаться в авантюры. Действительно, не каждый может сделать правильный вывод из своей неудачи, но что касается Ивана, то он был рассудительным чело-

веком. Теперь он ни на шаг не отстает от своего командира, держит автомат наготове, чтоб в любую минуту отбить нападение.

Улица, по которой они шли, носила следы недавнего боя. Пахло гарью, битым, перетертым в порошок кирпичом. Порой откуда-то тянуло трупным запахом. Улица была засыпана битым стеклом, искрошенным пустотелым кирпичом. Деревья, что росли возле тротуаров, почти все были срублены на обшивку траншей или на перекрытие убежищ, ветви валялись под ногами, раздавленные гусеницами танков, артиллерийских колес и тягачей. Белые пятна пней были мокрыми от сока.

— Ну и пэкло,— говорил время от времени Иван и все оглядывался, чтобы не просмотреть опасности.

Но пекло это, уже несколько остывшее, было ничто в сравнении с тем, в какое они попали через несколько минут ходьбы. Тут еще шел бой. Улица была задымлена, будто сюда, в город, пришел с болота туман.

Едва они повернули за угол, к ним подбежал невысокий усатый сержант в запыленной гимнастерке, сказал хриплым голосом:

— Тут опасно! Сейчас выкурим фрица, а вы постойте в этом подъезде...

— А что там такое? — спросил Климёнок.

— Да две пушки закопаны на тротуаре.

Наши две гаубицы тоже стояли здесь, прижимаясь к стенам домов. Они раз за разом стреляли и после каждого выстрела отъезжали назад метров на пять. Артиллеристы снова ставили их на место, подправляли наводку и снова били. Немецкие пушки отвечали реже. Снаряд со свистом и воем пролетал по улице и врезался где-нибудь в дом слева или справа, поднимая целые клубы дыма и кирпичной пыли, от которой скрипело на зубах и щекотало в носу. Ветра совсем не было, пыль держалась долго. Она закрывала неподвижные, вкопанные в землю немецкие пушки, в то время как наши артиллеристы могли в любое время сменить позицию.

Пока шла эта дуэль, Климёнок в подъезде не терял даром времени: достал из планшета карту, определил свое место на ней, прикинул, сколько еще надо времени, чтобы добраться до Силезского вокзала: если вот так, с остановками, то придется идти часа два. За это время

он, Климёнок, может, там уже и не будет нужен... Но ничего не поделаешь, надо терпеть.

Стрельба между тем затихла, послышались тяжелые шаги по мостовой, снова показался тот самый сержант с усами, сказал, что дорога свободна, они выслали разведку, которая вот-вот вернется.

— Берегитесь, в домах могут еще сидеть снайперы или фаустники.

Возле орудия на тротуаре перевязывали солдата, раненного в голову. Он сидел на станине, лицо его посинело. Свежий белый бинт над правым глазом на лбу все время набухал кровью, и санитарка с сумкой через плечо клала на это место вату и все наматывала бинт.

— Осколком,— пояснил сержант.— Наш лучший наводчик...

Солдаты, хлопотавшие возле гаубицы, были как бы оглушены.

Поблагодарив сержанта, Климёнок с Иваном двинулись дальше.

Улица вывела к реке. Тут дышалось свободней, воздух был чище, бодрил холодок речной утренней свежести. Они подошли к высокому гранитному парапету, постояли немного около воды, любуясь зеркальной гладью реки, которая спокойно текла внизу.

— Ото ж заковалы рэчку в камэнь,— сказал Иван, шмыгнув широким носом.— Як вона, бидна, шчэ живэ?

Они пошли по набережной. Иван всю дорогу что-то бормотал под нос: ему что-то не нравилось, и он ругался, а то хвалил что-то. Над самой водой пролетели два наших штурмовика, оглушая все живое.

— Ось швыдко влуп'ять фрыцам,— бормотал Иван, провожая взглядом самолеты.

Улица становилась шире, длиннее и прямее. Переходя через транспортную магистраль, они увидели танк «Т-34», который проломил помост и повис. Машина провалилась кормой и чудом засела на столбах опор, ствол пушки глядел в самый зенит, будто танк собирался стрелять по самолетам. Экипажа уже не было; очевидно, машина засела тут вчера или сегодня ночью.

— Ну надо ж так, лышэнько мое,— огорчился Иван, глядя на танк.— И вид зэмли видирвався, та й нэба нэ дистав...

Климёнок глянул на часы: было четверть седьмого,

они уже около часа блуждали по этому каменному лабиринту.

— Быстрей, брат Иван, а то мы опоздаем.

И Климёнок ускорил шаг. Иван бежал трусцой, стараясь не отстать. Едва они сошли с перекидного моста и углубились в какую-то новую улицу с неровными, разной величины домами, как из узкого подъезда выскочили два немецких солдата. Они были «налегке», не так, как обычно, обвешаны всяким снаряжением,— у них были только винтовки и на ремнях виднелись патронташи. Климёнок не успел схватиться за пистолет, как Иван полоснул по ним из автомата. Один сразу упал, а другой бросил винтовку, повернулся и исчез в подъезде.

Улица свернула вправо, дома стали выше, некоторые были совсем целыми — не тронутыми ни огнем, ни снарядами. Посреди улицы стоял обгорелый немецкий грузовик. Лобовое стекло все было изрешечено автоматной очередью: виднелись круглые дырочки с лучиками-трещинками во все стороны. Кажется, на сиденье кто-то лежал... Рядом на серой мостовой чернело большое пятно — что-то горело, возможно разлитый бензин или масло...

— От же нагнала його нэчиста сыла,— сказал Иван, и Климёнок догадался, что человек еще не вытравил из души того немца, которого убил недавно, может первого за всю войну, да и тот сам налетел. Но Иван теперь его до самой смерти не забудет...

Еще издали Климёнок заметил на улице силуэт нашего танка. Это был тяжелый «ИС». Он стоял на самом тротуаре, прижавшись к дому, как бы ожидая удобного момента, чтоб броситься в атаку.

«Надо спросить у танкистов, свободна ли дорога до Силезского вокзала,— обрадовался Климёнок.— Тут уже не так далеко, они должны знать...»

Он подошел к танку, все люки в машине были закрыты, и он постучал планшеткой по лобовой водительской крышке люка.

Вдруг что-то просвистело совсем рядом, земля содрогнулась под Климёнком, вздыбилась, ударила его по голове. Краем сознания он понял, что танк взорвался, но по какой причине, не успел додумать. Забытье, казалось, было совсем коротким — он услышал, что его

тормошит Иван, стоя перед ним на коленях. Иван плакал как дитя, без конца повторяя:

— Товарищ полковник... Товарищ полковник... Очнитесь... Очнитесь... Это я, Иван... Очнитесь...

Климёнку было легко и смешно от этого умоляющего голоса, стало возвращаться сознание... Что-то взорвалось, он лежит на тротуаре, гимнастерка у него мокрая... Но не от крови. Кажется, Иван обливал его водой, потому что и лицо тоже мокрое. Черт возьми! Танк цел, дом перед ними, метров за пятьдесят или больше, весь дымится, густая пыль, смешанная с дымом, медленно выползает на улицу.

— Что случилось? — спрашивает наконец Климёнок. Голос у него слабый, хриплый.

— О, слава богу! — закричал Иван радостно.— Я думал — беда. Слава богу! — И вытер рукавом свое лицо.— Та цэ ж хваустник, хай на його лыхо, хай на його...

У Климёнка еще звенело в ушах, в глазах летали черные мухи, мелькали, как комары перед дождем. И тело было чужим, тяжелым.

К ним подошли два танкиста в шлемах, в черных комбинезонах. Один из них присел на корточки перед Климёнком, взял его руку, пощупал пульс.

— Полный порядок, товарищ полковник,— и показал белые зубы.— Нам повезло — и вам, и нам... Фаустник промазал, а мы ему влепили аккурат.— И показал рукой туда, где все еще клубилась красно-бурая пыль.— Мы поехали, товарищ полковник, будьте здоровы. И, приложив смуглую ладонь к шлему, скрылся в люке.

Заработал мотор, машина ожила, и, постукивая гусеницами по твердым плитам тротуара, танк двинулся вперед.

Только теперь Климёнок вспомнил, что не спросил у танкистов о дороге на Силезский вокзал.

Иван между тем нашел фуражку Климёнка, ее взрывом откинуло метров на десять, а планшетка оказалась на балконе второго этажа.

Ах, черт! Только теперь до Климёнка дошло, в какой переплет он попал.

И — главное — как легко отделался! Не только голова, даже фуражка цела.

— Так шо будэмо робыты? — спросил озабоченно Иван, почесывая затылок и сдвигая пропотевшую пи-

лотку на самый лоб.— Мо вы тут одын побудтэ, а я скокну в штаб та возьму машину? Как вы?

Климёнок усмехнулся:

— Спасибо, Иван... Пойдем вместе.

Иван подхватил своего начальника под мышки, помог встать. Ноги у Климёнка еще дрожали, были слабые, но силы понемногу возвращались, перестало водить в стороны, посветлело в глазах. Контузия проходила.

Климёнок с Иваном медленно двинулись в дорогу. Иван слегка поддерживал командира, тот чувствовал себя все лучше и лучше, уже хорошо шагал по тротуару, минуя поваленные деревья, перевернутые машины, трупы солдат. Среди этого разрушения и смерти Климёнок, как никогда ранее, ярко ощутил прелесть, красоту жизни. Нет, что ни говори, а жизнь — чудесная штука, и особенно она дорога тогда, когда ее у тебя отнимают...

Климёнку почему-то вспомнился сон, приснившийся в украинской степи, когда они отступали к Дону. Долго после того сон помнился: когда дохнет в лицо смерть, заглянет в глаза — сразу вспоминал его, а потом понемногу стал забывать. До снов ли, до мелких пророчеств и суеверий, когда тут такие заботы, что нет времени подумать и о чем-нибудь более важном?

— Слушай, Иване, ты веришь в сны?

Иван сбил пилотку на затылок.

— Як вам сказать? Як гарный сон, хороший, та я в нёго верю...

— Ой, и хитрый ты, Иване! А если не очень хороший?

— Тогда выкинтэ його з головы. Просто забудьте... И всэ будэ в норме.— Он часто переходил на родную речь — это Климёнок замечал и раньше: когда они были вдвоем, Иван говорил по-украински, а при чужих людях — официально, по-русски, хотя и тогда окал и вставлял что-нибудь свое.

— А вот, брат, не выходит из головы сон. Давно снился, мы тогда отступали из-под Харькова.

И Климёнок рассказал, пока они шли, этот сон со всеми подробностями: как сначала немец его лупил, а он, Климёнок, уменьшался на глазах, как потом он сам начал дубасить немца, а тот становился все меньше и меньше...

Иван, показалось Климёнку, слушал невнимательно, все время озирался — боялся, видно, попасть снова в

какую-нибудь ловушку. А когда Климёнок закончил, долго сопел носом и подозрительно молчал.

— Так что ты скажешь про этот сон, Иване?

— Шо казаты?.. Я б вам сказав, товарищ полковник, та вы нэ поверитэ...

— Как это не поверю? Поверю!

— Я вам скажу, сон цей дужэ гарный... Дужэ гарный...

И до самого вокзала Иван больше не промолвил ни слова.

Климёнок повеселел, когда увидел, что штаб нашли. Что это штаб — узнали по множеству машин — штабных и тыловых. Это и хорошо и плохо — стоит только заметить немцам такое скопление, как ударят минометы или артиллерия. И все же как хорошо в хаосе чужого разрушенного города найти своих! Теперь ему показалось — а может, так оно и было? — что сегодня, как никогда до сих пор, он был так далеко от своих, так далеко, что мог и совсем не вернуться. Могло случиться: был полковник Климёнок — и нет его... Могло случиться, и еще как! По крайней мере, какая-то отсрочка у него есть, есть надежда, что снова в такое пекло он попадет не скоро... А впрочем, тут не угадаешь...

Он отпустил Ивана на кухню, а сам пошел к генералу. Как и во всяком штабе, здесь была суета, беготня, спешка: одни приходили, другие выходили, шептались, ругались, хоть и не сердито, что-то доказывали один другому, шелестели картами, кричали по телефонам, вызывая «березы», «осины», «розы», «тюльпаны» и всякие другие травы и деревья. Одним словом, было весело. И когда Климёнок попадал в такую атмосферу, он забывал на какое-то время, что он строевик, а не штабист, что его место на передовой, на НП, рядом с солдатами, там, где рвутся снаряды и мины, где каждый день умирают люди...

— Товарищ генерал-лейтенант! — сказал Климёнок.— Очень рад вас видеть!

Генерал протянул ему руку, пригласил сесть. Он был в белой рубашке с закатанными рукавами на мускулистых руках, китель, поблескивая золотой звездой, висел на спинке стула. На столе перед ним стояли разобранные часы старой-старой конструкции, с кукушкой над циферблатом. Как настоящий мастер, генерал с мо-

ноклем в правом глазу и с отверткой в руке разглядывал что-то в механизме часов, на разостланной газете лежало множество всяких зубчатых колесиков и маленьких шурупчиков.

— Не люблю, когда часы стоят,— объяснил генерал свое занятие.— Часы должны отсчитывать время.— Он пригляделся к Климёнку.— Что-то ты, полковник, сегодня плохо выглядишь... Не выспался? Или перепил?

«Рассказал бы я тебе, генерал, как я искал твой штаб, ты ахнул бы. Но не буду». А вслух сказал:

— Перепил, недоспал — всего было. Голова трещит.— Действительно голова болела, и это было неожиданно теперь, когда все уже осталось позади...— Не нашлось бы у вас чего-нибудь... Подлечиться?

Генерал повернулся назад, показал глазами:

— Свежий кофе, погрейся... Трофейный...

Климёнок посмотрел туда, куда показывал генерал. На маленьком трехногом столике стоял расписной черный поднос, а на нем чуть заметно дымились две фарфоровые чашки с темным питьем. Климёнок подошел и взял одну, поднес к носу, понюхал.

— Давно не пил кофе,— признался Климёнок.— Пахнет лучше меда... Это натуральный или эрзац? А то меня один знакомый угостил трофейными сигарами...

— И что ж? — генерал блеснул моноклем.

— Оказалось, это была бумага, пропитанная никотином, ни больше ни меньше...

— Ты сам до этого дошел?

— Нет, я человек доверчивый, вижу — что-то похожее... Ну и курю... А мой начальник штаба взял, понюхал и говорит: тут что-то не то. Бросил на ночь сигару в воду. И тогда сразу стало видно — бумага, самая обыкновенная...

— Вот видишь... Фрицам верить нельзя, они мастера все подделывать, даже историю, даже правду.— Он помолчал, вставил в футляр какое-то кольцо, потом второе, закрепил их винтом и уже другим голосом спросил: — Знаешь, зачем вызывал? Новый приказ пришел. Повернуть в центр, на рейхстаг. Задача очень ответственная... Артиллерию придется тебе собирать в кулак, давать массированный огонь. Как ты на это смотришь?

Климёнок не успел ответить. Где-то совсем близко бабахнул снаряд, а скорее всего — мина. Звякнуло стек-

ло, задрожали стены. Еще взрыв, кажется, ближе... Климёнок встал со стула, генерал бросил монокль, стал надевать китель.

— Что там такое? — крикнул в другую комнату.

— Кажется, немцы,— послышался голос оттуда.

Взрывы гремели один за другим. По стене сыпануло осколками, дзинькнули и посыпались стекла в верхней раме.

— Черт возьми! — выругался генерал.— Немцам известны наши координаты.

— Товарищ генерал, я хотел сразу сказать, как только зашел, что все тылы собраны в одно место, при штабе... Это сразу бросается в глаза...

— Черт возьми! — снова выругался генерал.— Когда мы научимся воевать? Война кончается, а мы все повторяем старые ошибки... Помогай, полковник, перебираться.

И он отдал приказ своим подчиненным отвести тылы, переместить штаб в другое место.

Под непрестанным огнем штаб и тылы меняли места дислокации. У Климёнка из головы не выходила мысль: что-то непонятно, откуда у немца такая сила огня? На крыльце упал и завертелся волчком осколок Климёнок поднял его, но тут же бросил: обожгло пальцы. Достал платок, завернул осколок и положил в карман галифе. «Установим, чей снаряд»,— подумал на ходу.

8

Ночь... Глухая полночь... Утомленный, израненный город заснул тревожным горячечным сном. Но и ночью отблески пожаров не гаснут, кажутся еще более высокими... Американцы на своих «крепостях» привозят немцам каждую ночь тысячи тонн смертоносных гостинцев. Время от времени слышны далекие глухие взрывы — даже ночью не прекращается работа гигантского механизма войны, которая идет к своему неизбежному концу.

Полковник Климёнок не спит. Ночь ему не для отдыха. Ночью надо подвести итог того, что сделано за день. Найти все свои части: полки, раздробленные на дивизионы и батареи, разбросанные по окружности на несколько километров. Некоторые из них совсем близко от его КП, что в подвале пятиэтажного дома. Сюда они

перебрались совсем недавно. Где-то тут Александерплац, отсюда не так далеко и до рейхстага...

Радист Горицкий, неутомимый Климёнков связист, долго блуждает в переполненном эфире, пока не находит нужного абонента.

Открытым текстом говорить запрещено, надо пользоваться шифром, это часто сковывает и нервирует.

Поговорив с командирами полков, дивизионов и даже отдельных батарей, обозначив на своей оперативной карте все изменения, которые произошли за день, полковник Климёнок старается представить себе все это реально, как бы окинуть внутренним взором всю панораму боев дивизии и, сравнивая с тем, что было вчера, сделать прогноз на завтра, а то и на несколько дней вперед. Он начинает замечать, что темп наступления с каждым днем все снижается. В чем дело? Моральный подъем людей, желание разбить врага и закончить войну — огромные, особенно сильно они ощущаются теперь. Но только этого мало.

Чтоб наступать, надо иметь тройное превосходство над противником. Это минимум. Тут, в Берлине, наше превосходство над немцами намного большее. Но если вначале это соотношение почти не нарушалось, то теперь оно стало меняться. И это сразу отразилось на темпе наступления. Каждый день, каждый час гибнут люди. Каждый день Климёнку докладывают, сколько солдат выбыло из строя. И если вначале сообщали, сколько выбыло, то теперь докладывают, сколько осталось. Вот почему снижается темп. Да и люди устали — не только физически, но и морально...

К тому же теперь немцы злые как черти. Когда зверю есть куда бежать, он убегает. Но когда его приперли в угол и ему некуда деваться, он идет напролом, тогда он особенно опасен. Не надо забывать и об этом.

А уличные бои? Тут вся тактика и стратегия становятся порой на голову. Никогда не знаешь, с какой стороны подползет враг, откуда ждать беды: враг всюду.

Климёнок мог бы оставаться в своем штабе, но он не может усидеть, его куда-то тянет.

В защитного цвета комбинезоне без погон, с пистолетом на поясе, с картой в планшете, он выходил наверх, иногда вместе с Томпчаковским или с поваром Иваном, адъютантом Артюхиным. Часто ходил и один.

День назад тут, перед их штабом, нельзя было перейти улицу — так били из окон. Климёнок приказал поставить на прямую наводку пушку, но спустя какое-то время снайпер разбил панораму, ранил наводчика. Тогда по радио вызвали танк. Танкисты приметили, откуда стреляют, и выпустили по дому несколько снарядов. Дом обрушился. Пехотинцы Косулина прочесали развалины. Оказалось, что гнезда были в подвале дома, там размещалась рота или более солдат. Цементированный пол был застлан новым сукном — немцы устроились с комфортом, но не надолго.

То же было и на соседней улице, где дома с одной стороны заняли наши, а с другой — оставались у немцев. Климёнок приказал затащить на четвертый этаж «сорокапятку». И как только артиллеристы замечали огненный всплеск, сразу посылали снаряд. Через сутки дом был полностью очищен от немцев.

А не так давно артиллерийские разведчики сказали Климёнку, что рядом видели бомбоубежище, в котором одни штатские, больше старики и дети. Климёнку давно хотелось вблизи поглядеть на берлинцев, запуганных геббельсовской пропагандой и считавших, что наши будут их расстреливать и вешать всех до одного. Об этом он слышал еще тогда, когда советские войска только вступили на немецкую землю.

Убежище было под сквером, оно могло бы выдержать самую жестокую бомбежку, толстые железобетонные стены не пропускали шума снарядов. Стальные толстые двери закрывались герметично, но теперь они были открыты настежь,— видимо, не работала вентиляция.

Тут царил полумрак — несколько тусклых электрических лампочек едва освещали проход между нарами.

Когда разведчики во главе с Климёнком вошли в душное, затхлое помещение, люди зашевелились, настороженно замерли в ожидании. Только в углу у двери, на горшке, спокойно сидел кудрявый светлоголовый ребенок лет двух, ни на кого не обращая внимания. Трехъярусные нары были заполнены людьми. На советских солдат глядели сотни любопытных глаз — в большинстве со страхом, некоторые — с надеждой, дети смотрели с любопытством.

Худой бледный мальчик лет десяти подошел к Кли-

мёнку, видимо поняв, что это старший, и, протянув грязную худую руку, сказал:

— Их виль брот... Брот...

Климёнок на ходу достал из кармана комбинезона сухарь и положил в протянутую детскую ладонь. Ребенок схватил сухарь и убежал в темный угол...

Климёнок и разведчики прошли до конца узкого прохода между нарами, повернули назад. Солдаты раздавали детям сухари.

У выхода из убежища стоял сгорбленный седой немец в клетчатом старом пальто с накладными карманами. Голова старика на тонкой морщинистой шее заметно дрожала. Выцветшими глазами старик пристально глядел на Климёнка, как бы желая, чтоб его заметили, не обошли. И Климёнок невольно остановился перед стариком.

— Вас волен зи? — спросил он по-немецки.

А немец, как ни странно, заговорил по-русски, хоть и перевирая некоторые слова:

— Господин офицер, я был русский плен, давно, генераль Брусилоф,— он махнул рукой с длинными искривленными пальцами.— Я хотель видеть... знать... что нам делать... Что нам сделать...— он крутил головой, морщился, видимо подыскивая слова, чтобы яснее выразить свою мысль.

— Что будет с вами? — догадался Климёнок.

— Я, я, я,— закивал головой немец.

Только теперь Климёнок заметил, что этот старик является как бы парламентером от тех, что смотрят на них, группу советских солдат, и со страхом ждут решения своей участи.

— Ничего плохого,— ответил Климёнок.— Ничего вам не сделаем... Мы воюем с фашистами, с вооруженными фашистами, а не с мирным населением.— Климёнок повел рукой, показывая на нары.— Вы свободны, делайте что хотите. Вы поняли меня?

Немец слушал, раскрыв беззубый рот.

— Я, я, я,— повторял он, как попугай.— Я все понять... Вы говорите прафда? — он задохнулся воздухом, как человек, который долго пробыл в пустоте.— Вы говорите прафда, господин офицер?

— Правду, правду говорю... Скажите это всем...— он повел рукой вокруг.— Скажите: мы пришли не мстить.

Мы пришли освободить вас от фашизма, от Гитлера и его банды.

Получалось так, будто Климёнок выступает на каком-то митинге, стоит на трибуне. Ему стало немного неловко, но он тут же упрекнул себя: нет, теперь, в этой вот ситуации, он и должен так говорить, он — полковник, представитель армии, которая только что пришла на эту землю и от которой эти люди ждут самого худшего, только не милости и пощады. Поэтому он обвел глазами настороженные, вытянутые в ожидании лица людей, которые уставились на него с нар, и уже говорил всем, будто они понимали по-русски:

— Вас запугали гитлеровские помощники, пропагандисты. Они твердили, что мы, советские солдаты, не будем смотреть, где простые немецкие люди, а где они, фашисты, поработители и палачи. Нет, за свои зверства ответят они сами. Мы найдем их и будем судить судом народа!.. А вас мы не тронем. Наоборот, если наш солдат отберет у вас что-нибудь силой, обидит вас без причины, мы будем его сурово наказывать. Мы, советские солдаты, гуманисты. Запомните это.

Старый немец низко поклонился Климёнку, согнув худую с большими лопатками спину, сказал несколько раз «спасибо».

Климёнок скорее механически, чем сознательно, пожал старику слабую холодную руку и вместе с разведчиками вышел из убежища. Только тут, на вольном воздухе, они по-настоящему могли оценить, какой там смрад, духота. У Климёнка даже голова закружилась.

Странная вещь: когда эти люди были за линией фронта, хоть и недалеко, всего в полукилометре, о них не думалось. А теперь они тут, на освобожденной земле, и Климёнок уже беспокоится: надо что-то делать, как-то помочь этим людям. А что и как — он не знал. Наверно, есть какие-то части в армии, которые займутся судьбой стариков, женщин и детей...

Второй раз разведчики показали Климёнку затопленную фашистами станцию метро. Он стоял на гранитных ступенях вместе с солдатами, все курили и молчали, поглядывая на черную воду, уже совсем спокойную, что была на полметра ниже их ног, воду, в которой плавали человеческие трупы, не понять, женские или мужские, были и трупы детей.

Теснились, как в бреду, мысли, в сознании не укладывалось: ну пусть нацисты ненавидели все другие народы. Здесь же они топили своих, немцев — родителей, родственников, детей! Как они могли дойти до такого падения, такого людоедства, патологической ненависти? Только тот, кто люто ненавидит все живое на земле, погибая сам, жаждет гибели и всем другим...

...Кончался апрель, деревья на улицах и скверах одевались в нежный зеленый убор. В воздухе к запаху пороха, дыма и гари примешивался едва ощутимый аромат молодой листвы. Улицы заметно стали уже — кроны деревьев закрывали простор, скверы и парки казались окутанными светлой зеленой дымкой.

И как все это не вязалось с тем, что вокруг гремело, гудело, дымило пожарами, сыпалось битым кирпичом и стеклом, оседало во рту горькой пылью!

Дикая картина: горит пятиэтажный дом! Из окон валят густые черные клубы дыма, потом начинает вырываться пламя, которому тесно внутри, которое там уже все сожрало, а теперь бросается на подоконники, на переплеты рам, перекидывается из окна в окно, оставляя за собой черные дымные следы, свиваясь в одну огненную гирлянду, которая изгибается и воет, как сказочный дракон. Страшная тяга усиливает горение, и через полчаса от дома остается черный, кирпичный скелет...

А вот и тот самый сквер, по которому сутки назад били артиллеристы Климёнка. Тут стоял дивизион немецких зениток, которые все время стреляли по нашим самолетам... Теперь от них мало что осталось, накрыли их густо. Зенитки, откинув свои длинные стволы, лежали как вывернутые ураганом деревья. Лежали и деревья, срубленные снарядами,— клены, тополя и липы, земля была устлана зелеными ветками, ветер гонял по скверу сбитые взрывами листья. И снова пахло горелым порохом и тротилом, и запах этот Климёнок ощущал всюду, даже в своем штабе, в подвале. Кажется, что и комбинезон его, и гимнастерка уже навсегда пропитались этим запахом.

Извилистая, как река меж пригорков, неровная, иногда просто условная линия фронта медленно подвигалась к центру, к рейхстагу.

Климёнок, вернувшись сегодня с рекогносцировки,

узнал в штабе, что части соседней дивизии завязали бои на подступах к имперской канцелярии, логову самого Гитлера.

9

«Катюши» били прямой наводкой по рейхстагу. Дымные хвосты снарядов, прорезав небо, исчезали на миг у самой цели и там, в глубине зазеленевшего парка, где стояло огромное здание со стеклянным куполом, рвались с оглушительным громом. Казалось, при этом вздрагивали иссеченные осколками колонны Бранденбургских ворот, а вздыбленные кони квадриги на верху арки готовы были сорваться вниз, на землю.

Небо стало низким, затянулось дымом пожаров, день оттого казался пасмурным и серым, было душно и жарко, как в мешке.

Отстрелявшись, «катюши» снимались со своих позиций и шли на зарядку.

Климёнок остался при гаубицах, которые тоже вели огонь по рейхстагу, прикинув, сколько времени затратят «катюши» на зарядку. Если все будет нормально, то не больше чем полчаса. За это время гаубицы выпустят свои последние снаряды. Надо, чтобы огонь не слабел ни на минуту, пусть защитники фюрера знают, что им ничего не остается, как поднять руки! А пока что они об этом, видно, не думают.

Климёнку, оглушенному за несколько часов непрерывной пальбы, хотелось хоть ненадолго уйти из этого пекла, чтоб голова не гудела, как колокол, по которому без конца молотят железными прутьями; чтоб вернулся слух.

Поручив командование боем полковнику Земницкому, Климёнок вышел из зоны огня, кашляя от порохового дыма, который першил в горле и ел глаза.

Неподалеку от Бранденбургских ворот он остановился перед низким длинным зданием со стеклянной крышей. Это здание он видел в последние дни не раз, но не было времени зайти в него. Что здесь, склад или арсенал? Угол здания был разрушен бомбой, и через образовавшуюся щель, стараясь не свалиться в яму, Климёнок проник внутрь. Под ногами трещало битое толстое стекло с крыши. Он сделал несколько шагов и остановился: перед ним лежал немецкий генерал.

Климёнок обвел глазами заставленное каким-то оружием здание со стеллажами у стен, как бы ища какой-нибудь неожиданности: может, тут еще есть и живые немцы, а не только этот мертвый генерал! Но вокруг было тихо, и Климёнок подошел ближе. Немец, лет пятидесяти, грузный, рослый, с большим животом, лежал вверх лицом. Продолговатое, с высоким узким лбом лицо его будто еще больше вытянулось, а хищный худой нос свисал, казалось, до самых плотно стиснутых губ. Одежда на нем была целая, нигде никаких следов насилия. Нагнувшись, Климёнок заметил, однако, лужу крови под головой немца, а рядом валялся небольшой пистолет...

«Вот и пришла расплата,— подумал Климёнок.— Все то страшное, что вы несли нам, обрушилось на вас...» Он вспомнил степь под Харьковом, труп молодого комиссара в траве. Его кровь не пропала даром... Климёнок отвернулся от трупа, огляделся: что-то похожее на музей. На стендах под стеклом лежало разное оружие — и он сразу, не глядя на надписи — на немецком и русском языках,— узнавал его: оружие Красной Армии. Сабли и штыки, наганы и пистолеты, винтовки, карабины, автоматы... Даты — чаще сорок первый, сорок второй годы... Пулемёты — преимущественно «максимы», ручные — «дегтяри», с диском наверху... Длинные противотанковые ружья... Оружие «царицы полей» — пехоты.

А вот и пушки, стоят на полу, как новые, будто только что из арсенала... Сначала «сорокапятки», противотанковые, «Прощай, Родина», как их окрестили в армии... Да, многие простились с жизнью из тех, что сидели за непрочным щитом этих пушечек. Однако они многое сделали...

Наконец нашел свою, родную — 76-миллиметровую пушку. Глянул на нее — сразу всплыли воспоминания. Сколько же лет, как он стал к лафету такой вот пушки? Ни много ни мало — пятнадцать! Тогда был двадцатилетним зеленым парнишкой, сегодня — изнуренный походами, бывалый, хоть еще и не старый полковник... Ах, как давно это было, когда он первый раз стал за панораму, делал довороты, определял расстояние, дергал за шнур...

Надпись на бирке, прикрепленной к щиту, говорила, что пушка взята как трофей в битве за Смоленск в июле 1941 года... Смоленск... Значит, тут, в сердце Бер-

лина, он встретил свою пушку, взятую врагами под Смоленском... Снова нахлынули на него воспоминания, целые картины стали проплывать перед глазами... Разрушенный до основания Смоленск, клубы дыма висят над домами... Древняя массивная стена с башнями, стальная лента Днепра... Трамвай, что со всего разгона попадает в воронку от только что сброшенной бомбы, страшный крик людей... Все это было, всего этого не вытравишь из памяти... «Вот почему мы сегодня в Берлине! Чтоб никогда, никогда больше вы не были в Смоленске, не топтали земли родной Белоруссии...»

И ему вдруг приходит в голову: эта пушка должна отомстить за себя, она будет стрелять по рейхстагу! Это просто чудесно, что он ее нашел, это просто символично, что она снова заговорит тут, в Берлине!

Климёнок выбежал из здания и, огибая обгорелые транспортеры, опрокинутые машины, подбитые пушки, спотыкаясь на гильзах от снарядов, поспешил на площадь, к своим.

Стоило только Климёнку сказать, зачем нужны люди, как тут же их набралось чуть ли не целый взвод.

Они легко выкатили пушку из здания на улицу. Тут было намного трудней, на каждом шагу встречались преграды. Да и приходилось остерегаться какой-нибудь гранаты, брошенной из окна с пятого или третьего этажа. Но прокопченные пороховым дымом, в пропотевших грязных гимнастерках солдаты на это не обращали внимания: они видели всё и ко всему были приучены. Охваченные азартом боя, они ничего не боялись. Климёнок помогал им. Он задыхался, как и солдаты, но чувствовал себя помолодевшим — в нем сразу пробудился старый воякаартиллерист.

Как только пушку выкатили на удобную позицию, Климёнок приказал принести снаряды.

С каким-то непонятным возбуждением, будто не своими руками, Климёнок стал крутить маховички горизонтальной и вертикальной наводки. Ствол ходил нормально: вверх-вниз, влево-вправо. Открыл замок, заглянул в ствол, увидел кружок серого неба, нарезка блестела, канал ствола был чистый, ровной спиралью вился в нем нарез.

Закрыв замок, потянул за шнур. Звук удара бойка был сильный, звонкий, пушка жила! Вот только как у нее откатно-накатная система? Может, вылили глицерин?

Солдаты принесли целый ящик снарядов.

— Кто поможет? — крикнул Климёнок.— Нужны замковый, правильный, подносчик. За наводчика — я.

Расчет набрался полный, если было бы надо — нашлось бы десять наводчиков.

— Заряжай! — скомандовал Климёнок.

В блестящую пасть казенника плавно лег снаряд, замковый энергично закрыл замок.

К Климёнку подошел лейтенант, весь в орденах и медалях, командир одного из артиллерийских взводов.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник,— козырнул он Климёнку.— Разрешите мне самому проверить пушку... Могут быть всякие неожиданности... Пушка музейная, давно не стреляла...

Климёнок на миг задумался.

— Ничего, лейтенант, все будет хорошо. Только отведи солдат, они тут не нужны.

— Товарищ полковник... — упрямо повторил лейтенант.

— Делай то, что тебе сказали, лейтенант.

Климёнок припал к панораме, легко покручивая маховичок вертикальной наводки. Отсюда был виден только правый угол рейхстага, все здание закрывал соседний квартал домов.

Наконец Климёнок поймал в крестовине прицела окно рейхстага.

— За Смоленск, по рейхстагу! Огонь! — крикнул он и нажал на спуск.

Пушка гахнула, выкинув клуб дыма и пламени, рванулась всем корпусом назад, сошники со скрежетом заскользили по мостовой, высекая искры и поднимая пыль. Климёнок, оглушенный, упершись лбом в щит, сидел на месте наводчика, наблюдая, как ствол резко отошел назад и плавно стал на свое место.

— Ура! — закричали артиллеристы и кинулись к пушке. Они тут же поставили ее — вместе с «наводчиком» Климёнком — на свое прежнее место, ожидая дальнейшей команды.

— Ну, лейтенант, если хочешь, садись на мое место. С меня хватит.— Климёнок вытер рукавом комбинезона вспотевший лоб.

Лейтенант подтянулся, оживился.

— Подготовиться к бою! — скомандовал он звонким мальчишеским голосом.— Заряжай!

Он приник к панораме, отыскивая цель.

Минут пять они били по рейхстагу, пока ящик снарядов не опустел.

Пока Климёнок возился с пушкой, снова приехали «катюши», стали занимать позиции и готовиться к стрельбе. Рельсы поставили круто, как круты были крыши немецких домов. Вот солдаты покинули площадку с «катюшами», при машинах остались одни командиры.

— По рейхстагу! Огонь! — кричит в трубку телефона приземистый чернявый капитан, командир дивизиона.

Ж-ж-ж-ши! Ж-ж-ж-ши! Ж-ж-ж-ши! — жихают-шипят в ответ боевые машины, окутанные дымом, и посылают на рейхстаг свои хвостатые гостинцы.

Вскоре оттуда долетает мощный протяжный гул, будто там обвалилась каменная гора.

Только успели «катюши» отстреляться, как командир дивизиона позвал Климёнка — его искали по радио из штаба. Вызывал начштаба Ситников. «Ждем тебя дома,— сказал он.— Готов вкусный обед».

«Опять что-то новое,— подумал он.— И так до конца дней своих». Экипаж «катюши» подвез его до самого штаба.

Едва только Климёнок вошел в штаб-подвал, как начштаба Ситников доложил: дивизию выводят в резерв, их место займет 416-я дивизия генерала Сызранова. Им же приказано вернуться на прежнее место дислокации — пригород Берлина Кепеник.

«Что ж, надо радоваться,— подумал Климёнок.— Нас осталось немного». Спросил у начштаба:

— Когда приказано выходить из боя?

— Сегодня ночью...

— А успеем за ночь все сделать?

— Приказали успеть.

— А где генерал Соколов?

— Уехал в штаб армии. Я слышал, что он не хочет соглашаться... Близок конец, а нас выводят...— Начштаба что-то отметил на карте красным карандашом.

— Так что, все остается как было?

— Не думаю... Он сам отдал приказ... Вот почитай.

И положил перед Климёнком лист бумаги. «Солдаты!

Вы с честью выполнили свою задачу. Родина никогда не забудет ваших подвигов и ваших жертв...»

— Хорошо,— сказал Климёнок,— я буду радировать в полки.

Он пошел в аппаратную. Радист связывал его с каждым полком.

Было такое ощущение, что их дивизия отступает, что у них не хватило силы дойти до финиша. Их снимают с дистанции, отводят в тыл. Что ж, это эстафета. Из рук мертвых ее берут живые, из рук слабых — сильные.

10

Уже давно Климёнок заметил, что самый обычный звук, слабый или сильный, окрашивает мир в свою звуковую краску: густую или чуть заметную, приятную или резкую для слуха. Пропадает звук или возникает — сразу мир окрашивается в какой-то новый цвет. За окном свищет или воет ветер — ты и мир ощущаешь по-новому, абсолютная тишина тоже имеет свою гамму; рвутся снаряды, идет артподготовка, когда господствует только один «белый шум», из которого зарождаются все остальные звуки, как из белого цвета состоят все остальные цвета,— и мир выглядит уже совсем иначе, чем выглядел до сих пор.

И сегодня Климёнок проснулся утром от непривычного, полузабытого монотонного жужжания — на окне бился небольшой серый шмель... И мир сразу стал приветливее, стал каким-то домашним, и показалось ему, Климёнку, что он где-то в Кричеве, у своего отца, приехал в гости, или под Полоцком, может даже на полигоне, войны нет и в помине, стоит весна, распускаются первые цветы, деревья надевают золотисто-бирюзовый наряд. Как хорошо, как спокойно на сердце, кажется, ты самый счастливый человек во всем мире и всем так же радостно и весело, как тебе...

Но такое ощущение жило в душе Климёнка недолго... Он сразу вспомнил, где он... Это немецкий дом на окраине Берлина, где он спит на трофейных перинах. Тут его штаб. Этот дом под штаб он занял всего день назад, когда их дивизию вывели в резерв, снова в пригород Кепеник, который они с боем брали несколько недель назад.

Худшего наказания, чем сидеть тут, в Кепенике, когда твои товарищи воюют, умирают, добывают победу, нельзя и придумать. От скуки, оттого, что ничем не заняты, пили немецкий шнапс, но от этого веселее не становилось. Наоборот, ярче всплывало в памяти все пережитое, трудные, длинные, извилистые дороги, которыми они шли в немецкую столицу, вспоминались боевые друзья, те, что не дошли сюда и сложили свои головы за тысячу и больше километров отсюда, и те, что сложили свои головы уже тут, в Берлине, и гибнут до сих пор...

Много мыслей теснилось в голове: то горьких, невеселых, от которых хотелось плакать, то радостных, бодрых, полных надежд на завтрашний день. Вот-вот, не сегодня, так завтра, последние недобитые гитлеровские солдаты поднимут руки и кончится эта долгая, четырехлетняя изнурительная война. Может, те, что сегодня живы, останутся жить, вернутся на свою родину, к своим близким и родным... И все же до этого, казалось, еще далеко! Даже не верилось, что этот, такой желанный, час наступит.

Сидеть на одном месте было тягостно, хотелось что-то делать. А совсем недавно казалось, что сил совсем нет,— тянуло отдохнуть.

Он подошел к большому зеркалу на стене, вгляделся в свое лицо — наверно, месяц или больше себя не видел, не было времени. Теперь как будто праздник — делай что хочешь... «Постарел, брат,— сказал сам себе Климёнок.— Лысеть начинаешь. И многовато морщин для тридцати пяти лет... Да что поделаешь? Жизнь колготная, неспокойная. Война...»

Но мускулатура рук и груди была прежняя, живот подтянут, как у гончей, шея сильная, «моряцкая» — голова сидела крепко.

Взяв полотенце, Климёнок вышел на крыльцо своего коттеджа. Небо на востоке было чистое, весеннее. Яблони вот-вот готовы были распуститься, уже показались белорозовые лепестки бутонов, начинала зеленеть трава.

Под яблоней у дома стояла бочка с водой. Тут, голый до пояса, мылся Томпчаковский. Худощавый, но стройный, хорошо сложенный, он вытянулся перед Климёнком:

— Доброе утро, товарищ полковник!

— Доброе утро... Кончай мыться, Анатоль, поедем...

Шофер стал вытираться, а его место возле бочки

занял Климёнок. Холодная вода сразу освежила тело, вернула бодрость.

Он оставил за себя в штабе Ситникова, а сам поехал в центр.

Улицы по-прежнему были завалены разбитыми деревьями, засыпаны кирпичом, перегорожены разрушенными зданиями, разбитой техникой, но проехать все же можно, по крайней мере в один конец. Машина все время кружит, объезжая преграды, но ясно видна дорога, которой ездили и ездят уже несколько дней: трасса к центру уже проложена, она даже отмечена на Климёнковой карте Берлина. Иногда встречаются на пути воинские машины, груженные чем-то тяжелым, видимо боеприпасами, так как бои в центре еще идут, снаряды, мины, гранаты и патроны нужны каждую минуту. Теперь, может впервые за всю войну, наши солдаты не жалеют ни патронов, ни снарядов — скоро войне конец! А как до сих пор берегли каждый патрон, каждый снаряд! Боец скорее выкинет из своего вещмешка сухари, а положит патронов, хоть они в пять раз тяжелее...

Иной раз на улицу покажет нос какая-нибудь фрау в черном, глянет испуганно через очки — и назад в подъезд, в свою квартиру-крепость.

По мере того как они все ближе подъезжали к Вильгельмштрассе, все сильней и сильней доносился гул боя: уже отчетливо слышны были отдельные взрывы, трескотня автоматов и пулеметов. Над всеми домами низко висела густая туча дыма, казалось, что они едут под какой-то искусственной крышей, до которой нельзя достать, хотя она висит прямо над головой. Если остановиться и вытянуть руку, то на ладонь посыплются черные снежинки сажи.

Машину несколько раз подкинуло на ухабах — как раз на том месте, где по улице проходила траншея, в которой день или два назад сидели защитники имперской канцелярии. Траншея теперь наполовину засыпана, обвалились ее прямые стенки, повсюду видны следы от взрывов бомб и снарядов, развороченные мешки с песком.

Подъехали к мрачному приземистому, с толстыми стенами зданию имперской канцелярии. Тут еще более, чем где-либо, видны следы недавней битвы: глубокие воронки от бомб, разбитый броневик во дворе канцелярии, какие-то легковые машины, обгорелые и простре-

ленные пулями и осколками, выбитые стекла в здании, поклеванные снарядами и пулями стены.

Климёнок вышел из машины, огляделся. Увидел, как в правый подъезд входят и выходят оттуда наши солдаты, офицеры: видимо, тут уже хозяйничала похоронная команда, трофейная, комендантский взвод. Через минуту увидел офицеров из полка Павлова. Поздоровались, закурили, сразу же начался разговор. Все со дня на день ждали конца войны. Говорили, будто Гитлер удрал из Берлина со своей Евой, с которой в своем бункере обвенчался вчера или позавчера. Пошутили насчет их медового месяца: приятное путешествие ждало «молодых», ничего не скажешь...

Докурив папиросы, пошли в здание.

— Отметимся в книге посетителей,— сказал один из офицеров.— Или, может, фюрер не рассчитывал, что у него будут такие гости, как мы?

— Да, наверно, и во сне не снилось...

Вошли в широкий темный коридор, света не было, он проникал только сквозь узкие окна. Двери в комнаты распахнуты настежь, некоторые выломаны — видимо, приходилось выбивать силой. Тут несколько дней шли бои, они еще не кончились — в левом крыле и сейчас слышны редкие глухие выстрелы.

Вот оно, осиное гнездо! Отсюда трупный яд фашизма растекался по всем возможным каналам, отравлял, убивал, калечил человеческие души, парализовал ум и волю, превращал людей в бездушные автоматы, в тупых убийц.

Климёнок с любопытством разглядывал богатую раскиданную обстановку имперской канцелярии. Мир вещей здесь был нормальный, культурный, интеллигентный, а дела, идеи тех, что сидели тут, были такими зловеще-черными, такими чудовищно дикими, несовместимыми с разумом, со здравым рассудком! То, что тут происходило, могли придумать только маньяки, дегенераты... Но как случилось, что почти вся нация пошла за ними? «Странно, но факт,— подумал Климёнок,— что при определенных условиях люди начинают смотреть на мир глазами одного человека — того, кто стоит у государственного руля...»

Откуда-то появился старый седой немец в светлом, поношенном, в пятнах, костюме, согласился быть их

гидом: он говорил немного по-русски и знал тут всё, очевидно был в прислуге, а может, и каким-нибудь мелким чиновником. Он имел вид простого рабочего человека.

— Где Гитлер? — спросили у него сразу несколько голосов.— Куда он девался?

Губы у старого немца собрались в трубочку, будто собирался свистнуть от удивления.

— Господа офицеры, Гитлер покончил с собой. Застрелился... как и его жена Ева Браун. Они за день до этого поженились...

— А где их... трупы? — спросил чернявый капитан.— Мы хотели бы поглядеть на них.

— Это невозможно,— развел руками старик.— Их сожгли... Так приказал Гитлер в своем завещании.

— Где сожгли?

— Возле имперской канцелярии. В саду...

У старика в руке была какая-то палочка-указка, которой он вертел в воздухе.

— А теперь, господа офицеры, я покажу вам кабинет Гитлера.— В голосе старика не было ни страха, ни сожаления к тому, о ком он, возможно, два-три дня назад говорил с трепетом. Теперь это был просто гид.— Кабинет, как видите, просторный, и вид тогда имел лучший... Вот его рабочий стол. Тут стоял столик для телефонов. Теперь его нет... Гитлер приходил на работу ровно в девять, никогда не опаздывал и требовал дисциплины от других... — Он внимательно глянул на «господ офицеров» — не перехвалил ли фюрера? Но офицеры были веселы, смотрели на все скептически, слушали снисходительно: говори, говори!

Можно было легко сбить гида, спросив: а откуда ты все это знаешь, сам видел? Но Климёнок не хотел его трогать: пусть человек потешится в новой роли, может, он век прожил и никто никогда его не слушал, а тут эти доверчивые советские офицеры...

— Вот этот глобус Гитлер любил подолгу разглядывать, крутил его в разные стороны... Может, он воображал тогда, что земля крутится в ту сторону, в какую он захочет? Однако она крутится по-прежнему так, как угодно силам небесным.

Ого, гид позволяет себе даже иронизировать. Кто он такой? Какой-нибудь самоучка-философ?..

Глобус был огромный, на массивной коричневой под-

ставке, голубовато-коричневая поверхность его блестела, как лысина великана.

— Прошу извинить, что помешаю вам,— послышался голос, к ним подошел молодой майор с фотоаппаратом на шее и «блицем» в левой руке.— Товарищ полковник, разрешите вас сфотографировать возле этого глобуса! Станьте сюда. Вот так... Вы, капитан, и вы, старший лейтенант, станьте тут. Одну минуту! Это же для истории, товарищи! Откуда вы пришли в Берлин, товарищ полковник? Покажите на глобусе, покажите... Вот так. Внимание!

Сверкнула вспышка магния, все невольно моргнули от яркого света, фотоаппарат щелкнул.

— Еще раз! Прошу внимания!

Снова сверкнула вспышка магния.

— Всё... Благодарю вас. Фотографии — завтра на этом месте в... в двенадцать часов по московскому времени.

Он козырнул и кинулся выбирать себе новые объекты.

Климёнок не понял, серьезно это было сказано или в шутку. Да ему, в конце концов, это все равно; подумаешь, его сфотографировали! Мало ли за войну его фотографировали? Один раз даже приходил на позиции какой-то художник, хотел написать его портрет. Климёнок позировал ему минут десять, а потом его куда-то вызвали, и художник ушел ни с чем... И этот фотограф тоже напрасно извел пленку.

Между тем гид закончил рассказ о том немногом, что привлекло внимание офицеров в кабинете Гитлера, и сказал: рядом, в одной из комнат, лежат дети Геббельса, их отравила сама мать.

Все пошли за ним. Гид открыл дверь в соседнюю комнату и вошел первым.

Те, кто зашли за ним в комнату — а их набралось человек десять,— застыли на месте с вытянутыми лицами. В нос ударило чем-то резким, острым, как в аптеке или клинической лаборатории.

Гид принял весь эффект, вызванный зрелищем, на свой счет, самодовольно погладил ладонью по небритому худому лицу, хмыкнул и начал снова:

— Вот эта девочка, что лежит вторая с краю...

Климёнок поднял руку:

— Помолчите...

Немец удивленно глянул на Климёнка, прикусил верхнюю губу и недовольно замолчал, наверно удивляясь в душе, какие это нелюбопытные люди — советские офицеры. Не хотят услышать о такой сенсации!

Вот они, арийцы! — думал Климёнок. Зачем было убивать этих невинных шестерых детей? Только потому, что родители испугались расплаты за свои черные поступки? Эти маньяки не пожалели даже родных детей... Так могли ли они жалеть чужих — польских, белорусских, русских? Умели ли они вообще жалеть? Такие же мысли возникали и тогда, когда Климёнок стоял на лестнице затопленного берлинского метро. Слепая, тупая ненависть и злоба руководила этими маньяками. Если бы им дали бомбу, которая могла взорвать весь мир, они не задумываясь сделали бы это...

Дети лежали на застланном полу, в один ряд, накрытые легкими одеялами. На их лицах застыла боль, страдание, ужас смерти. У маленького мальчика, самого крайнего, пальцы правой руки были засунуты в рот, будто он хотел вытащить оттуда то, что засело в горле и душило его.

Климёнок повернулся и тихо вышел. Больше он тут не мог оставаться. Видеть смерть детей, даже детей твоего врага, невыносимо.

Пройдя по длинному мрачному коридору, Климёнок вышел из имперской канцелярии. Не надо было ему смотреть на этих детей. Будут стоять теперь перед глазами...

Он зашагал к машине. Томпчаковского на месте не застал. Что ж, и ему тоже хочется посмотреть на логово Гитлера. Климёнок стал прохаживаться возле «виллиса» и почти наступил на взрыватель от гранаты-лимонки. Поднял его и огляделся: куда бросить? Рядом была глубокая, совсем свежая воронка — взрывом оголило и порвало какие-то трубы, провода. Внизу, в самом центре конуса, из грязной воды торчали немецкие военные сапоги с гвоздями на подошвах, а труп солдата скрывался под водой.

Климёнок бросил запал в воронку, вода булькнула, разошлись круги.

В это время к машине подбежал Томпчаковский.

— Простите, Глеб Иванович... Я там... лазил в бункер Гитлера... Все залито водой. Видите?

Его сапоги были мокрыми до самого верха.

Климёнок молча сел в машину.

Прежде чем завести мотор, Томпчаковский полез в карман штанов, позвякал там чем-то и молча показал Климёнку целую горсть блестящих маленьких значков.

— Что это?

— Значки... Гитлеровской партии. Их выдавали не всем, а только самым преданным нацистам.

— Тем, кто больше убьет людей, ясно... Выбрось эту дрянь.

— Товарищ полковник, они из чистого золота.

— Правда? Тогда сдашь под расписку в санчасть. Пусть там вставляют людям зубы.

— Товарищ полковник! Я взял только на сувениры! — Томпчаковский не знал, что делать, и, помедлив, высыпал значки в карман.

— Поехали... И без всяких выкрутасов! Можешь оставить себе один сувенир... Ну, еще один, своей будущей жене...

Томпчаковский усмехнулся и включил мотор.

Они поехали. Сначала по прямой как стрела улице, но забитой, заваленной кирпичами, с разрушенными и сожженными, задымленными домами по обе стороны, готовыми каждую минуту обвалиться и похоронить под собой неосторожного,— по Вильгельмштрассе, потом повернули на Унтер-ден-Линден, к Бранденбургским воротам. Город кипел, как разворошенный муравейник. Всюду были видны наши машины, орудия; пехотинцы и кавалеристы строем и просто группами гнали от центра пленных немецких солдат, последних защитников третьего рейха...

Рейхстаг за эти дни мало изменился, только почернел от порохового дыма. Над стеклянным куполом уже пламенел красный флаг. Вверху, над фронтоном, возле фигуры человека на коне, тоже развевался наш флаг. Флаги, только поменьше, штурмовые, торчали чуть ли не из каждого окна, заложенного кирпичом: осталась только амбразура. Парадный вход тоже был замурован, но теперь в нем сделали несколько проломов, через которые входили внутрь.

Все, кто пришел сюда в первый раз, ставили на стенах, на колоннах свои подписи, иногда писали целые фразы: «Смерть Гитлеру мы принесли с Урала!» — и под-

писи. «Мы из Белоруссии!» — и подписи. «Я отомстил за разрушенный Сталинград!», «Москва стоит, Берлин — пал!»

Писали черным по белому и белым по черному, каждый старался расписаться выше, чем другие, да ниже уже и не было свободного места, потому становились друг другу на плечи.

Климёнок, глядя на это, улыбался, а потом и сам не удержался: начал оглядываться, чтоб найти мел или уголь.

К Климёнку подошел Томпчаковский, подал кусок обугленной ветки. «Конец войне и фашизму!» — написал Климёнок и поставил свою подпись. Глаза его застилали слезы. Как это легко и просто написать: конец войне и фашизму!.. И как было долго, мучительно и трудно сделать!..

Климёнок отдал кому-то ветку, постоял немного, пока улеглось волнение, и с Томпчаковским направился к пролому парадного входа в рейхстаг.

Внутри было темно. Но, несмотря на это, движение не прекращалось: туда-сюда сновали наши солдаты и офицеры, что-то носили, кого-то звали, и гулкое эхо голосов и шагов катилось по большим захламленным коридорам и переходам. Под ногами валялись папки с орлами, бумаги, книжки и гроссбухи, стреляные гильзы от винтовок и автоматов, пахло жженым порохом и тротилом, горелой бумагой и деревом. Только недавно тут отгремел бой.

— Хоть бы поставили регулировщика,— пожаловался Томпчаковский.

Они шли по гулкому коридору, смотрели по сторонам, заглядывая в раскрытые двери огромных комнат, зашли в какой-то зал, весь черный, выжженный внутри,— там сразу можно было угореть.

В одном из переходов два солдата что-то раздавали всем, кто проходил мимо.

— Товарищ полковник! Возьмите памятку,— сказал усатый солдат и протянул Климёнку ручные часы с ремешком.

— Кто же это так мудро распорядился?

— Комендант.— И, видя, что его не понимают, объяснил: — Эти часы гитлеровцы намеревались раздавать своим солдатам в Москве в сорок первом. Как сувени-

ры... Теперь мы раздаем их в Берлине. Все вышло наоборот...

Климёнок взял часы. «Вот это сувенир. Тут что-то даже символическое».

11

Капитуляция! Это слово теперь тут, в Берлине, у всех на устах. Раньше его мало кто слышал. А теперь его произносят чаще, чем «хлеб» или «махорка». Капитуляция — это значит конец войне! Гитлеру капут уже давно, но его свора все еще не хотела сдаваться. Она надеялась на какое-то чудо. Но чудес не бывает. И им пришлось капитулировать, это значит склонить голову, признать себя побежденными.

Берлин весь в белом: зацвели сады, зацвели все окна уцелевших домов белыми флагами. Это значит — капитуляция!

Другое слово, которое теперь не сходит с уст солдат и офицеров,— фамилия маршала Жукова: «Жуков сказал», «Жуков сделал», «Жуков не согласился», «Жуков этого не допустит»... Одним словом — Жуков. Капитуляция — и Жуков. Особенно популярен Жуков у солдат. За ним они готовы в огонь и воду, как и до сих пор.

Капитуляция... Полковнику Климёнку тоже велели собираться на эту церемонию. Несколько дней назад его повысили, назначили командиром артиллерийской бригады. Может, это и послужило причиной, что приглашают и его. Форма — парадная. Даже не забыли напомнить про носовые платки... Сборы были долгие — все отвыкли, а может, лучше сказать — не привыкли к таким церемониям. А церемония ведь будет происходить на глазах у всей Европы. Надо показать себя!

Климёнок сходил в баню, подстригся, а утром в парикмахерской побрился с массажем, надел отглаженную форму при всех орденах и медалях. Теперь едва узнаёт себя в зеркале. Солидный, хоть и моложавый. Хоть сегодня надевай генеральские погоны... Но ничего, хорошо и так. И хорошо, что его пригласили. Это событие историческое, о нем будут писать книги, показывать в кино. Интересно глянуть на этих спесивых прежде, а теперь побитых вояк. Вспомнился Сенкевич: «Странный народ эти крестоносцы. Когда крестоносцу приходится

круто, он жалостливый, как францисканец, безобидный, как ягненок, и сладкий, как мед,— лучше его в мире не найдешь...» Кто там будет от них, от немцев? Интересно посмотреть на своих знакомых командиров — Чуйкова, который уже генерал-полковник, маршала Жукова... Наверно, они не узнают его, Климёнка. Им будет не до него...

В назначенное время — примерно в середине дня — он приехал к командиру дивизии генерал-лейтенанту Соколову. Тот уже был в парадной форме, праздничный — блестели погоны, сверкали ордена и медали на широкой груди, слева поблескивала Звезда Героя. Но лицо генерала было напряженным.

Они сели в машину, поехали.

...Карлсхорст, окраина Берлина. Тут совсем недавно их дивизия вела бои, очищала этот квартал. Теперь тут немного расчищена дорога, как видно — по случаю такого события. По сторонам улицы стоит почетный караул — выстроились наши пехотинцы с карабинами, подтянутые, в начищенных сапогах, в касках, с шинельными скатками.

— Орлы! — сказал генерал, кивая головой на солдат.— Вот кто выиграл войну, а не мы, генералы.

Дорога его немного расшевелила, он повеселел, лицо стало спокойным.

Улица со шпалерами солдат привела их к невысокому двухэтажному зданию, которое стояло во дворе какого-то учебного корпуса, как потом выяснилось, военно-инженерного училища.

Машина остановилась, генерал Соколов и Климёнок подошли к группе офицеров и генералов, которые толпились перед входом в здание. Было тут и несколько штатских — видимо, журналисты и фотокорреспонденты. Среди гостей Климёнок заметил знакомых: командира корпуса Жеребина, члена Военного совета Бокова и еще нескольких человек. Большинство же из этих людей он видел впервые.

Говорили мало, курили, с нетерпением поглядывали на часы, следили за улицей, откуда должны были показаться высокие гости.

Долго гадали, кто приедет от союзников, и были разочарованы, когда вместо известных уже всем Эйзенхауэра, де Голля, Монтгомери приехали генералы, фамилий

которых Климёнок ни разу и не слышал — и не сразу запомнил. Засела в голове только фамилия француза: Делатр де Тасиньи.

Гостей привели наши генералы: заместитель Жукова генерал армии Соколовский, высокий, спокойный, с приветливой улыбкой, и первый комендант Берлина генерал-полковник Берзарин. Теперь между ними шел шумный веселый разговор на разных языках, переводчики только вертели головами, на лету ловя слова своих хозяев. Длинные фразы они переводили двумя-тремя словами, на большее у них не хватало времени.

Фотографы и кинорепортеры встретили генералов и их свиту нацеленными объективами своих «кодаков», «леек» и всяких иных систем, как встречает противника дивизион пушек на прямой наводке.

Гости поздоровались с присутствующими — одни холодно, важно, официально, другие искренне, с открытой душой, как родные с родными, третьи так, как того требует вежливость.

С гостями приехало несколько машин журналистов и фотокорреспондентов союзников, которые вели себя свободно и шумно. Климёнку еще не приходилось видеть этих людей, он привык к своим спокойным и даже застенчивым газетчикам, которые никогда назойливо не лезли в глаза, а тем более в душу, а терпеливо ждали твоего слова. «Подальше от этих коршунов»,— подумал Климёнок, стараясь найти место потише.

Все разделились на группы и группки, одни весело и шумно, другие спокойно и деловито спорили, высказывали прогнозы на то, кто приедет из Москвы, кто будет от немецкого командования. Одни говорили, что приедет сам Сталин, другие — что Ворошилов, третьи — что Молотов. О немцах тоже гадали, может, Дениц, может, Йодль, может, Кребс или Вейдлинг...

Между тем генералы союзных стран где-то незаметно скрылись в здании, остались только журналисты, фотокоры, офицеры из свиты союзников да несколько наших, преимущественно военных. Генерал Соколов тоже куда-то ушел. Берзарин, как комендант города, был занят больше всех. Он появлялся на минуту то там, то тут, подзывал одного офицера, другого, давал какие-то поручения и исчезал сам или вместе с тем, кого вызывал.

Чтобы не попасть ему на глаза, а скорее потому, что ожидание утомляло, Климёнок пошел к стоянке машин, нашел генеральский «виллис». Шофер спокойно спал, лежа на двух сиденьях.

— Что? Куда ехать? — подхватился он.

Это был совсем молодой еще парень, большеглазый, с тонкими, правильными чертами лица. Пилотка у него сидела на правом ухе, из-под нее курчавились русые волосы.

— Прости, что разбудил,— сказал Климёнок.— Там очень шумно... Поесть захотелось. Может, у тебя есть что перекусить? — Ему было немного неловко говорить об этом чужому шоферу, но что сделаешь? Он позавтракал на скорую руку, спешил, а когда отъезжал, обедать было еще рановато.

— Это можно,— деловито сказал шофер. Из-под заднего сиденья достал сверток, в котором была душистая колбаса, кусок копченого сала и полбуханки хлеба. Все это он разложил на светлой клеенке, дал Климёнку складной нож.

— А чего-нибудь такого...— Климёнок выразительно щелкнул пальцами.

Шофер многозначительно улыбнулся:

— Вы только прикажите, товарищ полковник.— И достал из какого-то потайного места бутылку.— Это вино... Вот кружка.

Пока Климёнок подкреплялся, шофер говорил о новостях, которые обычно шоферы знают лучше всех корреспондентов. От него Климёнок узнал, что из Москвы приехал Вышинский — вчера или сегодня утром, что он тут, у Жукова, с самого утра, а от немцев будет генерал-фельдмаршал Кейтель и еще какие-то менее известные фигуры.

Шофер стоял возле машины, поставив ногу на подножку. Хромовый сапог его блестел как зеркало.

— Кажется, еще кто-то важный приехал,— сказал Климёнок.

Во двор въезжали черные лимузины.

Из машины вышли военные, по всему видно — англичане. Они и привезли немецких генералов для подписания капитуляции. Высокий, солидный, с маршальским жезлом в руке и был, очевидно, Кейтель. С ним приехало еще двое.

Из дома вышли несколько наших офицеров и генералов, поговорили с гостями и повели их в здание, в другой подъезд.

Утоленный голод и приезд немцев вернули Климёнку хорошее настроение. Он еще поговорил с шофером о том о сем — откуда родом, кто у него дома, что думает делать после войны. Постепенно темнело, дом засветился огнями. К подъезду все время подкатывали машины, из них выходили генералы, их приветливо встречал кто-нибудь и провожал в здание.

«Пойду и я,— подумал Климёнок,— нечего скромничать!»

— Ваш пропуск,— вежливо остановил его высокий стройный майор в фуражке и с красной повязкой на рукаве.

Климёнок показал приглашение и с группой офицеров прошел в здание, поднялся на второй этаж. Зал был большой, весь уставленный застланными зеленым сукном столами, сдвинутыми в несколько рядов, залитый светом люстр. Большая половина мест была уже занята, на многих, еще свободных, лежали приглашения с фамилиями, и Климёнок сел в десятом ряду, с краю, рядом с лысым генерал-майором. Впереди стояли столы для президиума, за ними еще никого не было. На стене висели флаги стран-союзниц: наш красный, звездно-полосатый американский, с крестом английский и трехцветный французский. Справа спереди были отведены столы для прессы, радио и фотокорреспондентов.

Зал гудел от приглушенных голосов, все поглядывали на боковую дверь, откуда должны были выйти руководители союзных армий.

Климёнка тронул за рукав сосед справа, спросил шепотом:

— Не знаешь, кто приехал из Москвы? Сталин или кто?

— Мне сказали — Вышинский.

— Не может быть,— не поверил генерал-майор, разочарованно посмотрев на Климёнка, а потом, видимо, о том же спросил у соседа слева.

Тот только пожал плечами, отчего золотые генеральские погоны стали торчком.

Минуты тянулись медленно. Сосед справа не мог уже спокойно сидеть, все время вертелся, вставал.

— А кто тебе сказал? — снова обратился он к Климёнку.

— Да один... сведущий человек,— серьезно ответил Климёнок.

— Из штаба?

— Из штаба... Все знает...

— Жаль... Я думал — увижу Сталина... Ты его видел?

— Видел... Но давно...

— А я — ни разу... Жаль, жаль...

И тут зал затих, а потом загудел, зашумел, все встали, без какой-либо команды.

Первым вошел и направился к столу маршал Жуков. Его представительная атлетическая фигура с большой светлой головой, с волевым подбородком, с характерной линией губ и большим лбом приковала к себе внимание всего зала. За Жуковым шли союзники: высокий, приветливый англичанин, староватый, с усиками американец и сухощавый, подтянутый француз Делатр де Тасиньи.

Пока рассаживались за столом, Климёнок разглядывал генералов. Вышинского он узнал, не раз видел на фотографиях — еще до войны. Кто еще знакомый? Соколовский, Берзарин, Чуйков... Чуйков полысел, раздался в плечах, только брови такие же густые и черные, как были.

Фотографы и кинорепортеры сделали первые кадры. Как молнии, сверкали вспышки магния, и сидевшие за столом нетерпеливо морщились под обстрелом кинокамер.

Первые, всегда трудные, напряженные минуты, которые отнимают у человека массу нервной энергии — на ожидание, на страх, как бы не сказать случайно не то слово, сделать не тот жест, не споткнуться на ровном месте,— кажется, счастливо миновали. Успокоился зал, уселся, занял свои места президиум. Маршал Жуков о чем-то тихо поговорил с соседом справа — высоким англичанином — и встал. Установилась напряженная тишина, в которой слышались только щелчки камер фотоаппаратов да потрескивание перезарядки. В объективе был Жуков, прославленный советский маршал. Он и в самом деле очень удачно воплощал лучшие черты Красной Армии — ее силу, ум, решительность, стойкость. Однако сегодня можно было заметить, что маршал волнуется: губы его были сжаты, лицо напряжено.

— Мы, представители Верховного Главного Командования Советских Вооруженных Сил и Верховного Командования союзных войск, уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования... Пригласите в зал представителей немецкого главного командования,— приказал маршал дежурному офицеру. Его лицо стало напряженным и строгим.

В зал вошли три немецких генерала, те самые, которых Климёнок видел час назад. Первым шел высокий Кейтель с фельдмаршальским жезлом в руке, в белых перчатках. За ним шагали еще два генерала, несколько ниже Кейтеля ростом, оба в годах и солидные. Им показали места за столиком, стоявшим немного в стороне, недалеко от входа.

Кейтель церемонно склонил голову, положил на стол свой жезл и сел. Он хотел показать, что и в эту тяжелую минуту капитуляции он полон оптимизма и веры в счастливую звезду. Но это ему не удавалось. Крах, разгром, позорный финиш — вот что читалось теперь на его аристократическом лице. Климёнок, глядя на него, снова вспомнил слова Сенкевича про крестоносцев... Два других генерала, казалось, равнодушно выполняли свою нелегкую миссию, с застывшими лицами ждали, что им скажут.

«Вот, господа генералы и фельдмаршалы! Ваша песенка спета!» — кажется, так и крикнул бы через весь зал Климёнок этим побитым генералам.

Маршал Жуков между тем спросил у немецкой делегации, имеют ли они на руках акт о безоговорочной капитуляции, изучили ли его и имеют ли полномочия его подписать.

То же самое повторил по-английски главный маршал авиации Теддер, английский представитель, тот, что сидел рядом с Жуковым.

Кейтель ответил положительно и передал документ, подписанный гросс-адмиралом Деницем, в котором значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт о безоговорочной капитуляции.

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу, и здесь подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Переводчик перевел его слова на немецкий.

Немцы подошли к столу. Первым сел подписывать Кейтель. Он несколько раз вставлял в глаз монокль, но тот все время выпадал: у фельдмаршала сдавали нервы.

Процедура подписания тянулась долго. Кейтель подписал пять экземпляров, за ним подписали двое остальных — от авиации и флота: фон Фридебург и Штумпф, наконец Климёнок запомнил их трудные фамилии.

Кейтель за столом старался держаться самоуверенно. Но когда он поднимал глаза на зал, самоуверенность его тут же пропадала.

После немцев акт подписали маршал Жуков, за ним английский представитель, затем американский и французский.

Немцы, опустив головы, вышли из зала.

Маршал, стоя, холодным взглядом проводил немецких представителей.

— Дорогие друзья! — сказал маршал торжественно.— От имени Верховного Главного Командования поздравляю вас всех с долгожданной Победой!

Трудно передать, что творилось в зале после этих его слов.

Тишина раскололась с треском, с гулом, с радостными криками и возгласами. Бывалые солдаты, которые не раз глядели смерти в глаза, плакали от радости, обнимали друг друга, не стыдились своих слез.

В президиуме тоже обнимались, поздравляли друг друга, горячо пожимали руки.

Климёнок смотрел на все это широко раскрытыми глазами. Он всегда умел сдерживать свои чувства, но сегодня было что-то такое, что захватывало его: не было сил сдерживать радость, заполнившую всю его душу.

Климёнка кто-то слегка толкнул в бок. Он оглянулся и увидел возбужденное лицо соседа — генерала. Они обняли друг друга за плечи, поцеловались.

Но генерал-майор как-то вдруг обвял, прижался лысой головой к его щеке. По лицу старого воина текли слезы.

— Поздравляю, полковник! Мы победили... Честь нам и слава! — И полез в карман за носовым платком.

У Климёнка на глазах тоже стояли слезы.

12

Вот и кончилась война. Для многих она закончилась еще в сорок первом. Потом каждый час, каждый день погибали тысячи, миллионы... Для них, живых, война закончилась только сегодня.

У Климёнка еще не прошло возбуждение от этого вечера, от исторического по своей важности момента — подписания капитуляции Германии. Он все же не укрылся от зоркого глаза коменданта Берзарина. Дежурный майор подошел к Климёнку и тихо сказал, что его вызывают в кабинет направо. В кабинете ему передали слова коменданта: он просит — не приказывает, а просит — отвезти на аэродром Темпельгоф американских военных журналистов.

И вот они едут по ночному Берлину. В первой машине — солдаты из комендантского взвода, в другой — военные журналисты — американцы, в третьей — Климёнок и полковник из штаба армии.

Фары вырывают из темноты то разбитый дом, то сожженный танк, то опрокинутую пушку или машину, то взорванные мосты... Городу, кажется, не будет конца...

Полковник из штаба армии начинает ворчать. Прием, можно сказать, был в самом разгаре, и тут на́ тебе, эти американские журналисты. Им не терпится передать материалы в газеты, заработать доллары! Как будто нельзя передать их на два часа позже.

Он еще долго жаловался, мол, не везет ему всю жизнь: кажется, все идет хорошо, гладко, вот-вот достигнет желаемого, и вдруг кто-то более ловкий станет на его дороге, помешает, и снова потом жди, когда тебе выпадет удача... Сегодня как раз он сидел рядом с человеком, от которого зависит его судьба: человек этот обещал дать генеральские погоны, все его друзья, с которыми он, полковник, кончал академию Генштаба, давно уже стали генералами, а он вот уже который год ходит в полковниках... «Железный полковник» — жена засмеет...

— По-моему,— примирительно сказал Климёнок, хотя его уже начинал раздражать этот штабист,— вам нечего обижаться на судьбу...

— В каком смысле? — настороженно спросил полковник.

— Во всех смыслах,— спокойно ответил Климёнок.— Когда вы начали войну?

— Разве это имеет значение?

— Имеет... Я, например, начал в сорок первом. Даже раньше — в сороковом... Даже еще раньше — в тридцать девятом.

— Ого! — искренне удивился полковник.— Ты счастливчик!

Это «ты» резануло Климёнку слух, но он пропустил его мимо ушей.

— Именно. Счастливчик... Я не жалуюсь на судьбу... Но я тоже только полковник.

— А сколько тебе лет?

— Тридцать пять.

— Ага! Тридцать пять! И ты уже полковник. А мне сорок три... Знаешь, что за восемь лет можно сделать?

— За восемь лет? Можно разыграть две войны. Но почему вам так хочется стать генералом?

— Ха! Первый раз вижу такого чудака, прости за откровенность. Солдат и тот мечтает стать генералом. Иначе он плохой солдат... Солдат! А я — полковник, черт возьми. Один шаг — и всё... Генерал — это фигура... Помнишь Наполеона? Был капитаном и за одну Тулонскую операцию получил генерал-майора! А мы что — не заслужили? Мы взяли не Тулон, а Берлин!.. Чудак! Первый раз такого вижу... И то в темноте.

Полковник захохотал — видимо, довольный собственной остротой.

— А я первый раз вижу такого сверхнаполеона, простите за откровенность... Кто заслужил, тот получит свое... Родина не забудет подвигов тех, кто их совершил...

— Ха-ха! Святая простота! Родина-то не забудет, а вот какой-нибудь старшина или полковник может забыть — нарочно или не нарочно. И Родина не поправит, говорю тебе честно... Ты думаешь, Родина знает, что вот мы с тобою трясемся тут по разбитому Берлину в то время, когда другие там подымают тосты? О святая простота! Удивительно, как ты вообще дослужился до полковника с такими... взглядами...

Климёнок почувствовал, как кровь прилила к голове.

— Я не думал о чинах и званиях. Я воевал! Вот почему я дослужился до полковника... Не понимаю только, как дослужились вы...

Оба замолчали, отвернувшись каждый к своему окну. Со стороны, может, все это выглядело и смешно: может, шофер, крутя баранку, смеялся над ними, полковниками, как над неразумными детьми? Что ж, пускай смеется, раз они этого заслужили... Ну и полковник! И свело же их сегодня...

Но постепенно стал успокаиваться, глядя в окно.

Фары выхватывали из темноты деревья справа, дома слева. Стволы деревьев, залитые ярким светом, казались совсем белыми, а кроны выглядели фантастически густыми, золотистыми, как вырезанные из латуни. Машину плавно покачивало на выбоинах, дорога становилась ровнее и лучше. Несколько раз Климёнок заметил военные посты, но эскорт ни разу не задержали — может, потому, что на радиаторах их машин трепетали флажки стран-союзников.

Мысленно снова возвращался к спору. Становилось даже смешно. Нашли из-за чего ссориться! Вместо того чтоб радоваться, что все кончилось так хорошо! Хорошо... А человеку хочется еще лучше. Этот, что сидит рядом, жаждет стать генералом, генералу снятся маршальские звезды... И так без конца... А может, если бы человек был доволен тем, что имеет, остановилось бы развитие, прогресс? Может, здоровая конкуренция, зависть — нужные вещи? Хотя — до каких пор они здоровые? И откуда, с какого места начинают гнить, распадаться, мешать человеку? Тут трудно установить границу...

— Простите, полковник,— услышал Климёнок примирительный голос соседа.— Кажется, я наговорил лишнего.

— Пожалуйста,— буркнул Климёнок. Он не хотел показывать, что злость его прошла.— Будьте себе на здоровье генералом.

Полковник сдержанно захохотал:

— Вы разрешаете? Спасибо, спасибо... Думаю, что вы и сами не откажетесь от генеральских погон...

На этом они как будто помирились и до конца дороги уже разговаривали спокойно, но о том, что не затрагивало личной их чести.

Наконец показался и аэродром — светило несколько прожекторов. Кажется, тут было больше разбитых самолетов, чем целых. Здание аэровокзала было все разру-

шено. В свете фар виднелась группа военных, возле них и остановились машины.

Тут уже не было никакой церемонии, американцы — их было три человека — что-то много говорили им, провожатым, раскланивались, сильно жали руки и пошли к группе людей, ожидавших их за барьером,— очевидно, пилотам. Уже оттуда помахали им руками, посылая воздушные поцелуи.

— И из-за этого надо было нас гонять сюда... Как мальчишек,— опять недовольно заворчал полковник из штаба.

Климёнок его не поддержал: он был рад, что они доставили американцев, что все закончилось хорошо и теперь можно вздохнуть свободно.

— Дождемся рассвета или поедем? — спросил он у полковника из штаба, будто не услышав его жалобы.

— Что? Подождем? Какого дьявола! Я еще хочу попасть на прием. Такой случай бывает один раз в жизни. И грех его не использовать... Мы выполнили приказ коменданта. Что еще от нас надо?.. Заводи, старшина, свою таратайку,— приказал он шоферу.

Но тут к ним подошел лейтенант из комендантского взвода и сказал, что ему лично приказано остаться и ждать гостя, который прилетит через несколько часов.

— А мы едем,— сказал полковник из штаба.— Ты не заблудишься, старшина? — спросил он у шофера.

— Не бойтесь, товарищ полковник, дорогу я знаю.

Климёнок подошел с другой стороны машины и открыл дверцу.

Внезапно какой-то далекий гул долетел до них — будто где-то загремели сильные раскаты грома.

И тут же, через несколько секунд, послышались отдельные взрывы — стреляли орудия.

Над городом — на десятки километров — выросли прозрачные сполохи.

— Что это? — растерянно спросил полковник из штаба.— Какая-нибудь провокация?

На Климёнка как бы дохнуло ледяным холодом. Как страшный, чудовищный сон, отдался в его сознании гул канонады. Какая может быть провокация? Неужели капитуляция была просто фикцией, неужели немцы еще способны что-то сделать? Не может этого быть!.. И тут Климёнка осенила ясная, очень реальная мысль: это же

салют в честь Победы! В частях узнали о капитуляции, о конце войны!

— Успокойтесь, полковник, это салют!

Полковник недоверчиво поворачивал голову, смотрел то на Климёнка, то на вспышки разрывов над Берлином.

— Вы так считаете?

Город, казалось, попал под ураганный огонь артиллерии: стоял такой гул, будто завели мотор гигантской машины. Ночное небо сразу посветлело, каждый разрыв снаряда в воздухе был виден как на картине, клубы дыма от взрывов постепенно ширились, редели, растворялись, создавая вверху темную шапку. В небо летели даже хвостатые реактивные снаряды. Ракеты, трассирующие пули тоже оставляли в небе свой след, дорисовывая пейзаж и как бы ставя на нем последние мазки. Фейерверк действительно выглядел величественно.

— Что же мы стоим? Поехали! — закричал наконец полковник из штаба и кинулся в машину. Климёнок сел рядом с ним. Последним закрыл за собой дверцу старшина-шофер.

Машина из Темпельгофа снова мчалась назад, в Карлсхорст. Обратный путь лежал через весь Берлин. Отблески взрывов и ракет, как молнии, раз за разом освещали все вокруг, и в машине становилось совсем светло: Климёнок отчетливо видел плечи и затылок шофера, белый воротничок под гимнастеркой, уверенные движения лопаток на широкой спине, а справа от себя — самоуверенный профиль полковника из штаба.

И как-то незаметно: то ли от разрывов и от ракет — небо постепенно начало светлеть. А может, просто начинался день? Первый мирный день над Берлином. И, как ни странно, он начинался канонадой — как и первый день войны. Только теперь орудия, пулеметы и автоматы стреляли не в людей, а в небо.

«Вот и кончилась война,— снова подумал про себя Климёнок.— Все, кто сегодня остался жив, останутся живыми и завтра, и послезавтра, и всегда. Люди будут умирать только по законам природы». Мир! Какое радостное, светлое слово! Мир! Может, только теперь, под грохот и яркие отблески салюта, Климёнок по-настоящему поверил, что война действительно кончилась, что мир будет царить вечно! Вечно... Нет, это не то слово, так как вечного ничего нет, хотя и говорят: вечная ручка, вечная

любовь, вечная память... А может, имеется в виду человеческий век? Хватит того, что настал мир! И завтра, нет, сегодня он напишет домой жене письмо, чтоб готовилась переезжать к нему: довольно мучиться в разлуке!

Впереди показался грузовик: квадратный радиатор «студебеккера», две яркие зарешеченные фары по бокам, как два ярких глаза. И странно — свет фар блуждал вдоль улицы, вырывая то разбитые скелеты домов, то деревья — слева направо, справа налево... Шофер грузовика либо заснул за рулем, что маловероятно, либо совсем пьян. Но Климёнок был спокоен: он поверил в свою счастливую судьбу!

Старшина-шофер делает резкий поворот — берет вправо, но рядом деревья, они не дают проехать. Он пытается проскочить в узком просвете между двумя деревьями, вырваться на тротуар, который довольно широк, там можно проехать легковой машине, но успевает вывести из-под удара только переднюю часть машины...

В последние секунды Климёнок почувствовал, как у него холодеет внутри, а волосы на голове встают дыбом. Он еще услышал треск и звон разбитого стекла, чей-то дикий крик — а потом огромная черная волна внезапно надвинулась на него и поглотила. Он задохнулся в ее толще, сделал судорожное движение руками и ногами, как в воде, чтобы всплыть, но вода вязкая и густая, как мазут, и он едва-едва пробивается на поверхность, а воздуха уже совсем нет, он задыхается, из глаз сыплются огненные искры.

И вдруг — когда уже казалось, что конец,— его голова как бы поднимается над поверхностью густой массы, в которой он очутился, он хватает ртом воздух и оживает: становится легко и светло, он, как воздушный шар, начинает медленно подниматься вверх, а вокруг него как бы плывет музыка — какая-то необыкновенная, непривычная, неземная, к которой он не привык,— музыка органа. Могучие ее трубные звуки, как волны, вздымают его все выше и выше, все быстрей и быстрей... И он снова чувствует, что ему не хватает воздуха, будто горло его сдавили, не дают вздохнуть. И хуже всего, что он не ощущает своего тела, не может сопротивляться — его будто совсем нет, есть только одно сознание — и его уносит в безграничный простор.

«Папа! — слышит он очень знакомый детский голос.— Папа, подожди!»

Душа его леденеет: это голос его сына, Иванки, который умер пять... пятьдесят, а может, сто лет назад! Умер... А может, и не умер...

«Где ты, сынок?» — хочет крикнуть отец и не может. Но сын понимает его желание, он уже тут, где-то рядом, дотрагивается до него чем-то целебным, приятным, и сразу становится легко дышать.

«Я тут, папа! Я тебя искал... Все годы...»

«Ах, сынок...» — отец еще что-то хочет сказать и не может.

«Теперь мы вместе, папа... Вот твой орден. Помнишь, я просил его у тебя... тогда... Ты мне отдал.... Помнишь?»

Климёнок не помнил, когда это было... Когда же это было? После Москвы? Сталинграда? Берлина?

«Носи его, сынок. Ты заслужил... Ты мой наилучший начштаба... Мы вместе били немцев!»

«Белофиннов, папа...»

«И белофиннов тоже... Бело... Бело... Правда, там было все бело... И холодно...»

«А где мама? Почему ты ее бросил, папа?» — снова слышится голос сына.

Этот голос обжигает его, Климёнка, будто горячим термитом падает на его душу, прожигает насквозь.

«Я не бросил, сынок»,— стонет отец.

«Бросил!»

«Нет! Нет! Нет!» — как заклинание, твердит он.

Музыка органа снова врывается в его сознание, затопляет все, дурманит мысли, гремит канонадой. Хочется заткнуть уши, спрятаться, убежать от этого страшного водопада, «белого шума», но он во власти каких-то иных сил, которые делают с ним что хотят, несут его куда-то в пустоту... Орган — райская музыка — слышится ему... Если бы мог, Климёнок расхохотался бы! Рая никогда не хотел, о нем никогда не думал. Об аде тоже. Жил на земле, делал все земное... Старался жить честно... Порой не мог... Силы земные были сильнее его воли. Но... Это было не часто... Если откровенно, он не самый великий грешник на земле, не надо ему ни рая, ни ада... На земле можно найти все. Стоит только захотеть... Постараться...

Он почувствовал, что достиг самой высокой точки

параболы, на миг как бы застыл на месте, а потом медленно начал падать вниз. Не видел, что там, внизу, но знал, что его ждет своя, родная земля.

В ушах стоит свист и звон, невероятная сила тянет его вниз. Кровь отливает от головы.

«Закрыть глаза... Тогда не заметишь, как поцелует тебя земля. Закрыть глаза — и вечный сон... Самая большая награда...»

Земля уже видна — огромный лист топографической карты разостлан внизу, как гигантский ковер.

Что-то как бы знакомое: извилистая лента реки, маленькие домики, сбившиеся в кучку на берегу и редкие вдали, дымят высокие трубы завода, реку пересекает ровная лента железной дороги, которая разрезает городок. Неужто это Сож, его родной Кричев?

Свист и звон в ушах. Музыка органа нарастает, налетает на него шквалом. Низкие басистые ноты выводят что-то траурное, они будто всхлипывают, вздыхают и плачут...

«Земля, родная мать, прими меня,— шепчет он одними губами или кричит — не понять.— Я твой сын! Сын!»

Он чувствует, как глубоко врезается в землю, пронизывает ее чуть ли не насквозь, считает мысленно: раз, два, три — и ждет взрыва, но все тихо.

«Не взорвался»,— шепчут его побелевшие губы.

Так он и умер, не приходя в себя.

Так закончилась для него война.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ПРОЩАЙ, ОТЦОВСКИЙ ПОРОГ! 7
Часть вторая. НАЧАЛО ОДИССЕИ . . 53
Часть третья. НА ВОСХОД СОЛНЦА . . 113
Часть четвертая. СТЕПИ, СТЕПИ... 194
Часть пятая. ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ . . . 285

Владимир Максимович Домашевич

ПОРОХОМ ПАХЛА ЗЕМЛЯ

М., «Советский писатель», 1979. 368 стр.
План выпуска 1979 г. № 227

Редактор А. И. Чеснокова
Худож. редактор В. В. Медведев
Техн. редактор Ф. Г. Шапиро
Корректоры Т. В. Малышева и А. В. Полякова

ИБ № 1738
Сдано в набор 29.01.79. Подписано к печати 15.10.79. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Фотонабор, офсетная печать. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,93. Тираж 30 000 экз. Заказ 112. Цена 1 р. 30 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.